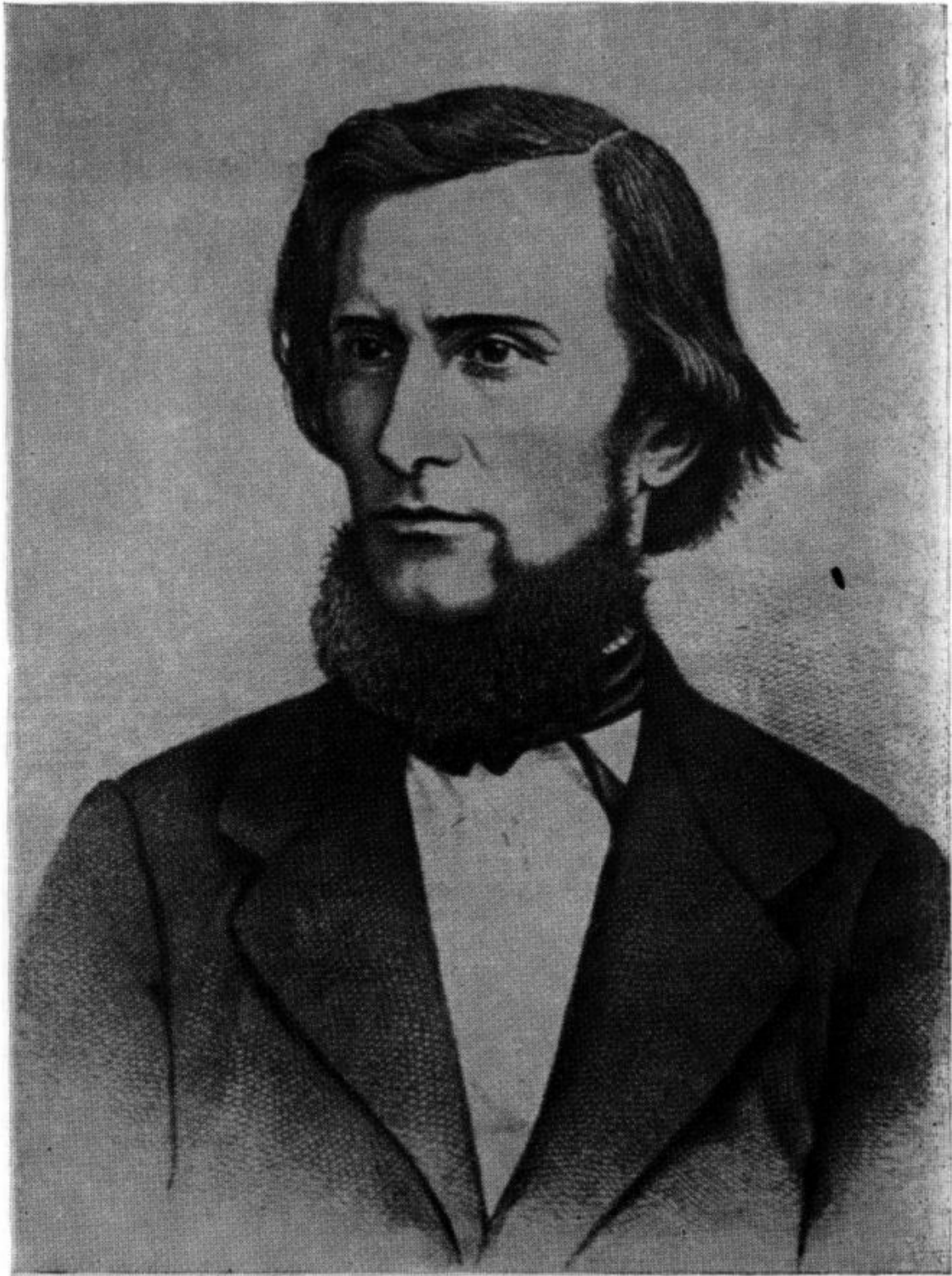

В. Я. Струминский

**ОЧЕРКИ ЖИЗНИ
И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К. Д.
УШИНСКОГО**

УЧПЕДГИЗ
1960

К. Д. Ушинский

В.Я. Струминский

**ОЧЕРКИ ЖИЗНИ
И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К.Д.
УШИНСКОГО**

(БИОГРАФИЯ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва * 1960

Василий Яковлевич Струминский
ОЧЕРКИ ЖИЗНИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К. Д. УШИНСКОГО

Редактор *Д. Ф. Тарасов* Художник *И. Д. Кричевский*
Художественный редактор *Б. М. Кисин* Технический редактор *И. Г. Крейс*
Корректор *Р. Б. Берман*

* * *

Сдано в набор 1/VII 1959 г. Подписано к печати 20/IV 1960 г. 60×92¹/₁₆.
Печ. л. 21,75 + 0,13 вкл. Уч.-изд. л. 23,31 + 0,04 вкл. Тираж 5000 экз.
А 03455

* * *

Москва. Учпедгиз, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.
Смоленск, типография имени Смирнова, дом 2.
Заказ 5665.

Цена без переплета 6 р. 35 к. Переплет 1 р. 50 к.

ОТ АВТОРА

Предлагаемые очерки посвящены жизни и педагогической деятельности великого русского педагога К. Д. Ушинского. Педагогическое наследство К. Д. Ушинского, несмотря на его широкое распространение и большую популярность в нашей стране, еще слишком мало подвергалось настоящему исследовательскому анализу и изучению, между тем как его значение в истории русской педагогики и русской школы не только до-революционной, но и советской исключительно велико.

Называя отдельные части своего исследования «очерками», автор хотел подчеркнуть, что это только предварительные изыскания по отдельным проблемам жизни и деятельности К. Д. Ушинского, а не совершенно законченное, синтетическое исследование. Трудность синтетически законченной работы об Ушинском в настоящее время заключается в том, что, несмотря на протекшие почти 90 лет со дня его смерти, в педагогической литературе еще слишком мало собрано материалов о его жизни и деятельности и материалы эти еще недостаточно критически осмыслены и комментированы. В целом же в истории педагогики не сложилось еще твердой и обоснованной традиции изучения педагогического наследства К. Д. Ушинского, которая уже сложилась в отношении к классическим произведениям в других отраслях наук. До настоящего времени ни исчерпывающе установленного перечня работ Ушинского, ни систематизированного научно-критического их изучения, ни надлежаще разработанных к ним комментариев мы не имеем. Это заставляет думать, что постановка научной работы в данной области не поднялась еще до надлежащего уровня и во многих случаях необходимы еще подготовительные работы.

В то же время нельзя отрицать, что при отсутствии прочных научных традиций в трактовке педагогического наследства К. Д. Ушинского есть давно уже сложившиеся, хотя и не ставшие общепризнанными, направления, которые при всей иногда категоричности их утверждений лишены однако той научной прочности и непререкаемости, которые свойственны подлинно научным положениям. Так, к сожалению, встречается харак-

теристика Ушинского как «беспринципного эклектика», получившая свое начало одновременно — как вследствие отсутствия серьезного анализа его сочинений, так нередко и вследствие грубого их извращения. Сознательно или безотчетно брошенное по адресу Ушинского обвинение это вошло в обиход без проверки и стало отправным пунктом для дальнейших «изысканий». Их анализ не входит в задачу настоящего предисловия, которое имеет целью только ввести читателя в задачи работы в целом.

Предпринимая настоящие очерки, посвященные жизни и педагогической деятельности Ушинского с целью найти прочные опоры для фактически обоснованной научно-исследовательской работы над его педагогическим наследством, автор в первую очередь останавливается на изучении его биографии как той фактической основы, на которой строилась вся последующая, более или менее сложная деятельность Ушинского — научная, социально-политическая, педагогическая. Только опираясь на проверенную фактическую биографию Ушинского, возможно восстановить генезис подлинного его мировоззрения и сделать другие опыты предварительных исследований по ряду наиболее спорных вопросов, возникающих вокруг имени и системы великого русского педагога.

Пользуясь своим правом первого слова, автор хотел бы сказать, что в меру возможности он стремился опираться прежде всего на фактические данные, основанные на изучении и анализе научного, публицистического и педагогического наследства К. Д. Ушинского; автором привлечены затем никем ранее не использованные документальные материалы биографического характера и восстановлены идеологические, доселе не принимавшиеся во внимание (не обязательно личные) связи Ушинского с прогрессивными деятелями и мыслителями его времени, начиная с университетского периода его жизни. Круг фактических сведений об Ушинском, а вместе с тем и идеологический образ его предстают в новом освещении по сравнению с традиционно закрепленными стандартными приемами их изображения. Автор не склонен преувеличивать результаты своей работы, но он считает, что они должны в какой-то мере войти в общепедагогический обиход для того, чтобы личность Ушинского могла в дальнейшем получить освещение, отвечающее его месту в истории русской педагогики, доселе еще не изученному надлежащим образом.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

1. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Документальная биография изучаемого деятеля — это исходный момент, опорный пункт для дальнейших, более сложных исследований. В узком биографическом исследовании закладываются основы для постановки ряда вопросов, требующих более углубленного, специального исследования о мировоззрении, о конкретной деятельности и исторической роли данной личности. В узкобиографическом очерке жизни и деятельности К. Д. Ушинского не может быть дано исчерпывающего разъяснения сложных (философских, социально-политических, психологических, педагогических) вопросов, решению которых была посвящена эта деятельность. Но это не значит, что биографические очерки могут быть совершенно от них изолированы. Исследуя внешнюю, хронологическую канву деятельности великого педагога и соприкасаясь с разными вопросами содержания этой деятельности, очерки эти должны готовить читателя к более глубокой их постановке.

Ни в широком, ни в узком смысле слова биография К. Д. Ушинского еще не была разработана, несмотря на более или менее настойчивые попытки в этом направлении, преследовавшие задачу широкого распространения сведений о великом русском педагоге. Уже непосредственно после смерти Ушинского, в посвященном ему некрологе* В. Я. Стоюнин, ставший впоследствии известным русским педагогом, писал: «Полная биография нашего лучшего педагога была бы не только любопытна, но и поучительна. Может быть, со временем, собрав достаточно материалов, мы и займемся этим трудом». Стоюнину не удалось осуществить свое намерение, да едва ли это возможно было в его время. Спустя 10 лет, в 1881 г., появился первый опыт биографии Ушинского, принадлежавший

---

* «С.-Петербургские ведомости», 1871 г., № 79.

бывшему секретарю Ушинского А. Ф. Фролкову. Вызвавший самым фактом своего появления общие одобрения, опыт Фролкова одновременно встречен был рядом сомнений с точки зрения самой возможности такой биографии при отсутствии точных и проверенных данных. «Нет сомнения,— писал Л. Н. Модзалевский,— что для полной биографии Ушинского, деятельность которого всегда отличалась глубиной убеждения и особенной страстностью, еще не настало время; многие из его противников, которым теперь пришлось бы краснеть за свои поступки против этого преобразователя русского воспитания, еще живы, а потому и спокойное отношение, и беспристрастная оценка педагогической деятельности покойного как литературной, так и практически-педагогической, пока еще совершенно невозможны. Для полной биографии его недостаточно собрано даже точных фактов и внешних данных из его многосторонней жизни, полной превратностей, увлечений и самых горьких разочарований, рано подкосивших жизнь этого замечательного деятеля... На всех знавших покойного лежит священная обязанность сообщить о К. Д. Ушинском все, что они знают и что только возможно теперь же сказать о нем, будь то за или против него; будущий биограф сумеет воспользоваться всем этим материалом,— и замечательная личность этого честного борца за русскую школу восстанет перед потомством во всей своей жизненной правде, а может быть — и во всем своем величии» *. Положение, описанное Л. Н. Модзалевским, продолжалось в течение всей второй половины XIX и начала XX вв.

Крайне скудные, неопределенные и противоречивые данные о великом русском педагоге, К. Д. Ушинском, не будучи своевременно собраны и критически исследованы, породили в связи с преследованиями, которым он подвергался со стороны правительства и духовенства, а также со стороны второстепенных представителей печати, целый ряд предвзятых и тенденциозных точек зрения.

Ввиду изложенного понятно, что обзор основных биографических данных об Ушинском должен быть построен на предварительном критическом учете немногих сохранившихся к нашему времени источников и материалов, являющихся основой для любых высказываний по вопросам его жизни и деятельности.

2. КРАТКИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ БИОГРАФИИ

К. Д. УШИНСКОГО

Источники, которые есть возможность в настоящее время привлечь к изучению биографии К. Д. Ушинского, могут быть сгруппированы в следующие 4 разряда: 1) официальные данные

---

* Л. Н. Модзалевский, К биографии К. Д. Ушинского. По поводу его биографического очерка (газета «Кавказ», 1881 г., № 274, 281).

в виде разного рода документов, в которых учитывались различные моменты из жизни Ушинского учреждениями, в которых он работал; 2) автобиографические материалы, оставленные самим Ушинским; 3) сообщения биографического характера, оставленные разными лицами, писавшими об Ушинском (мемуарная литература); 4) опыты законченных биографий, неоднократно предпринимавшиеся как с научными целями, так и в значительном количестве случаев с целями пропаганды и распространения идей К. Д. Ушинского. Официальные (1), автобиографические (2) и мемуарные (3) материалы (последние далеко не в полной степени) собраны автором настоящей работы в 11-м томе изданного Академией педагогических наук «Собрания сочинений» К. Д. Ушинского (1952), где дана их краткая первичная характеристика. Поэтому в настоящем очерке целесообразно привести с небольшими пояснениями только перечень этих материалов для того, чтобы можно было в кратком обзоре представить себе объем и содержание тех данных, которыми может располагать в настоящее время изучающий биографию Ушинского. Обращение ко всем этим материалам, по мере надобности, будет производиться и в дальнейшем, но, разумеется, с критической точки зрения. Общий характер этого критического отношения к источникам будет кратко освещен в предлагаемом перечне, более частным образом он будет раскрываться в процессе изложения самой биографии.

1) **Официальные данные.** а) Свидетельство о рождении К. Д. Ушинского, выданное отцу его из Тульской духовной консистории в 1833 г. (т. XI, стр. 238).

б) Документы об окончании Ушинским Новгород-Северской гимназии и Московского университета (т. XI, стр. 245—254).

в) Документ о присвоении отцу Ушинского и его законнорожденным детям звания потомственного дворянства в 1838 г. (т. XI, стр. 241).

г) Формулярные списки о службе, составленные в разных учреждениях (т. XI, стр. 358—370).

2) **Автобиографические материалы.** д) Воспоминания об обучении в Новгород-Северской гимназии (т. XI, стр. 45—58).

е) Дневник Ушинского, относящийся к университетским годам 1844—1845 гг. (т. XI, стр. 11—41).

ж) Отрывок из дневника 1849 г. (т. XI, стр. 42—44).

з) Педагогические заметки о Швейцарии (дневник 1862 г.) (т. XI, стр. 59—136).

и) Переписка Ушинского с разными лицами — Черкасским, Старчевским, Семевским, Модзалевским, Скребицким, Корфом, Пугачевским (т. II, стр. 137—237). Переписка Ушинского представляет весьма ценный автобиографический источник. К сожалению, ответные письма сохранились только от

Н. А. Корфа. В 1957 г. сотрудниками Калининского областного архива обнаружена доселе неизвестная переписка К. Д. Ушинского с В. С. Беллюстиным, активнейшим сотрудником «Журнала МНПр», в период редактирования этого журнала Ушинским. Переписка открывает очень интересную сторону работы Ушинского в «Журнале МНПр», о которой до сих пор можно было только догадываться. Означенная переписка в количестве 12 писем Ушинского опубликована в первом томе изданного АПН «Архива К. Д. Ушинского».

к) Эпизодические высказывания и заметки автобиографического характера, встречающиеся в статьях и других произведениях самого Ушинского, даже в его «Педагогической антропологии», пока еще специально не исследованы и не использованы в литературе об Ушинском. Автор по мере надобности будет ссылаться на эти высказывания Ушинского в различных местах своих очерков.

3) **Мемуарные материалы.** Биографические данные этого рода представлены в целом ряде воспоминаний и заметок лиц, непосредственно знавших Ушинского, так или иначе встречавшихся с ним, и по тому или другому поводу эпизодически публиковавших свои наблюдения или оставивших их в рукописном виде. В числе этого рода материалов должны быть отмечены следующие:

л) И. В. Павлов. Переписка с А. И. Малышевым (т. XI, стр. 274—278).

м) Н. С. Ушинская. Переписка с Я. П. Пугачевским в первые годы после смерти Ушинского (т. XI, стр. 228—237).

н) Ю. С. Рехневский. К. Д. Ушинский. Некролог («Вестник Европы», 1871 г., № 2, перепеч. в т. XI, стр. 402—429). Рехневский — университетский товарищ Ушинского, часто встречавшийся с ним за время его работы в журналах «Современник» и «Библиотека для чтения», ставший затем товарищем редактора «Журнала МНПр», во время редактирования этого журнала Ушинским, а после его ухода — и. о. редактора и затем редактором, причем эту должность он нес, в известной степени продолжая педагогическую линию Ушинского, вплоть до прихода в министерство Д. А. Толстого с его новым курсом в педагогике. Как университетский товарищ и ближайший сотрудник Ушинского Рехневский несомненно ближе и больше, чем кто-либо другой, знал обстоятельства жизни Ушинского. В смысле всесторонности освещения его жизни, начиная с университетских лет, по обстоятельности непосредственного знания этой жизни некролог Ю. С. Рехневского является лучшим из очерков, когда-либо посвященных Ушинскому. По существу дела его некролог может быть рассматриваем как первый компетентный очерк биографии Ушинского, составленный лицом, близко знавшим его. Несомненно однако же, что некоторые, нужные ему для некролога сведения и материалы

Рехневский получал в семье Ушинского и с ними согласовал свое изложение как с недопускающим сомнений источником. Как и другим ранним биографам, ему нехватало обстоятельных и точных сведений фактического порядка, которые могли быть собраны только позднее: этих сведений, к сожалению, не хватало и членам семьи К. Д. Ушинского, далеко не всегда входившим в круг его дел и занятий. Понятно, что и в очерке Рехневского проскальзывают сообщения, не отвечающие действительности и в свою очередь из этого очерка переходят в последующие сообщения. Ниже поправки к данным некролога Рехневского будут в соответствующих местах отмечены.

о) В. Стоюнин. К. Д. Ушинский («Спб. вед.», 1871 г., № 49). Некролог В. Я. Стоюнина, хотя и не может сравниться с обстоятельными сведениями, данными в статье Рехневского, несомненно принадлежит лицу, непосредственно знавшему Ушинского и располагавшему сведениями о его жизни и деятельности, которые были в ходу в то время. Сведения эти далеко не во всем правильны. Так, например, неверны сведения о причинах столкновения Ушинского с начальством в Ярославском лицее, об имении Ушинского в Киевской губ. (вместо Черниговской) и т. п. Но В. Я. Стоюнин был проникнут глубоким уважением к педагогу, так много сделавшему для своих современников и для последующей русской педагогики. Именно поэтому он считал, что биография Ушинского будет поучительной для русских учителей. К сожалению, сам он не смог заняться составлением более подробной и обстоятельной биографии Ушинского.

п) М. Чалый. Материалы для биографии К. Д. Ушинского («Нар. школа», 1874 г., № 4); Воспоминания («Киевская старина», 1889 г., № 3—8). М. К. Чалый учился вместе с Ушинским в Новгород-Северской гимназии и был одним из наиболее близких его товарищей, о котором у него остались самые теплые воспоминания. Некоторое время М. Чалый был директором Киевской гимназии, а затем назначен был директором Лицея кн. Безбородки в Нежине и, вероятно, около этого времени решил возобновить свое знакомство с гимназическим товарищем, получившим к тому времени всероссийскую известность. К сожалению, он прибыл в хутор Богданку, когда Ушинский, возвратившись после лечения в Крыму, застал дома свежую, всего только накануне зарытую могилу его старшего сына, нечаянно покончившего с собою во время охоты. Чалый узнал о несчастье своего бывшего товарища от других и, только издали увидев его убитую горем фигуру, не решился его беспокоить в такую тяжелую минуту. Воспоминания М. Чалого дают яркое и живое представление о раннем школьном периоде жизни Ушинского. Его статья в «Начальной школе» всецело посвящена Ушинскому; статья в «Киевской старине» представляет широкую картину культурно-бы-

товой жизни на Украине 30-х годов XIX в. и выходит далеко за пределы личной биографии Ушинского. Следует учесть однако же, что в той части воспоминаний, которая касается Ушинского, Чалый, возможно, согласовал свой рассказ с теми данными, какие он получил в семье Ушинского, причем не лишено вероятия, что ему были показаны и те воспоминания об обучении в Новгород-Северской гимназии, которые были начаты Ушинским и хранились в его архиве. Ряд бытовых подробностей в воспоминаниях Ушинского и Чалого излагается почти одними и теми же словами. Это может значить не только то, что Чалый нашел воспоминания Ушинского отвечающими действительности, но также и то, что его собственные воспоминания находились в известной зависимости от того, что писал Ушинский.

р) Л. Н. Модзалевский. К. Д. Ушинский. К биографии (газета «Кавказ», 1881 г., № 259, 274, 281). Подзаголовок статьи Модзалевского показывает, что его замечания связаны с появившимся в 1881 г. первым опытом биографии К. Д. Ушинского, написанной А. Ф. Фролковым, бывшим учителем детей Ушинского и его личным секретарем и переписчиком его работ. Л. Н. Модзалевский был за последнее десятилетие жизни К. Д. Ушинского одним из наиболее близких к нему его друзей. С ним Ушинский почти во все время своего вынужденного пребывания за границей, т. е. с 1862 по 1868 г., вел непрерывную переписку. Многие подробности жизни и деятельности Ушинского Модзалевскому были в гораздо большей степени ясны, чем А. Ф. Фролкову. Совершенно естественно, что он имел возможность внести целый ряд поправок и уточнений в скупое биографическое повествование А. Фролкова. Не следует однако же упускать из виду, что хотя принято считать, что Модзалевский был учеником и единомышленником Ушинского, он обладал ярко выраженной индивидуальностью и был по сравнению с Ушинским человеком уже другой эпохи. Их взгляды далеко не совпадали по существу. Ряд событий в жизни Ушинского он оценивал по-своему и это своеобразное понимание отразилось на его поправках и дополнениях к Фролкову. В разных местах настоящих очерков это будет отмечаемо по мере надобности.

с) А. В. Старчевский. Мои воспоминания о К. Д. Ушинском («Народная школа», 1885 г., № 1). Старчевский — бывший редактор журнала «Библиотека для чтения», в котором в первой половине 50-х годов сотрудничал Ушинский. Воспоминания его вызваны к жизни появлением в печати первой биографии Ушинского, написанной А. Фролковым. Старчевский, естественно, должен был обратить внимание на то, что у Фролкова обойден совершенным молчанием тот период жизни Ушинского, когда он был сотрудником «Библиотеки для чтения» и помещал в ней большое количество статей. Старчевский по-

ставил себе задачей на основании сохранившейся у него переписки с Ушинским восстановить документально работу Ушинского в «Библиотеке для чтения». С этой стороны воспоминания Старчевского имеют неоспоримую ценность. Однако же пользование мемуарным материалом Старчевского должно быть критическим. Статья его писана в преклонном возрасте, когда память уже во многом изменяла автору. Там, где он дает документальный материал, его сообщения ценны. Равным образом ценна его общая характеристика Ушинского, как человека большой культуры. Но там, где он дает фактические сообщения по памяти, многое у него оказывается перепутанным. Так, перепутаны даты заграничной поездки Ушинского, спутаны его сообщения о тетрадях по «Педагогической антропологии» и их провале в редакции «Сына отечества» и т. п. Кроме того, значительно расширив рамки своей статьи и поставив себе задачу дать воспоминания не только о работе Ушинского в «Библиотеке для чтения», но и о других периодах его жизни, Старчевский довольно часто без критики заимствует неверные и ошибочные данные у того же Фролкова, а возможно, что заимствует их из сообщений, слышанных в семье Ушинского, с ведома и, может быть, даже по просьбе которой он писал свои воспоминания и которой подарил письма Ушинского к нему. Следует в особенности учесть то обстоятельство, что в воспоминаниях Старчевского есть эпизод, без критики вошедший с его слов во все последующие жизнеописания Ушинского и создавший совершенно ложное представление о мотивах, по которым Ушинский оставил работу в «Современнике», чтобы в 1854 г. перейти в «Библиотеку для чтения». В редакции этого эпизода явно сквозит определенная тенденциозная цель А. В. Старчевского. Недаром напечатанный текст его статьи расходится с черновиком, оставшимся в архиве семьи Ушинского.

В напечатанном тексте проводится совершенно определенная мысль об идейно-теоретическом расхождении Ушинского с редакцией журнала «Современник», между тем как в черновике проводится мысль о расхождении Ушинского с кружком сотрудников «Современника» начала 50-х годов по мотивам этического порядка. Возможно, что печатная редакция названного эпизода подсказана Старчевскому семьей Ушинского в интересах реабилитации последнего перед реакционными кругами, не мирившимися с учебными книгами Ушинского и как раз в начале 80-х годов подготовлявшими изъятие их из школы, для чего была организована специальная комиссия при учебном комитете Министерства народного просвещения, в течение 15 лет пересматривавшая и переоценивавшая «Родное слово» Ушинского, доходами с которого жила его семья. Вошедшая в биографию Ушинского печатная редакция эпизода с его уходом из «Современника» при всей его наружной правдопо-

добности вносит фальшивую ноту в его жизнеописание, неправильно окрашивающую всю его деятельность, о чем подробнее будет сказано ниже.

г) Д. Д. Семенов. Из пережитого: мое знакомство с К. Д. Ушинским («Русская школа», 1895 г., № 1—2).

Его же. Деятельность К. Д. Ушинского в Смольном институте по личным воспоминаниям (Сб. «Памяти К. Д. Ушинского по случаю 25-летия со дня его кончины» Спб., 1896). Д. Д. Семенов — один из активнейших сотрудников К. Д. Ушинского в Смольном институте, выдающийся педагог-методист, специалист по вопросам методики географии и русского языка, автор учебных пособий, подготовлявший методические разработки уроков по «Детскому миру» Ушинского с целью составления совместно с автором методического пособия к употреблению этой книги в школе. В его воспоминаниях об Ушинском преобладает большей частью конкретный материал, не лишенный интереса, но иногда приобретающий анекдотический характер.

у) И. П. Деркачев. К. Д. Ушинский в Симферополе в 1870 г. («Русская школа», 1897 г., № 5—6).

ф) А. А. Чумиков. Из записок («Русский архив», 1902 г., № 10); «Мои цензурные мытарства» («Русская старина», 1899 г., № 9, 12). Чумиков А. с 1857 г. издавал «Журнал для воспитания», в котором вместе с К. Д. Ушинским и П. Г. Редкиным сотрудничал и Н. А. Добролюбов. В своих записках А. А. Чумиков сообщает отрывочные сведения и о сотрудниках своего журнала, в том числе и об Ушинском.

х) Е. Н. Водовозова. На заре жизни, Спб., 1911; изд. 2, Academia, 1934. Елизавета Николаевна Водовозова (Цявловская), известная писательница-педагог (1844—1923 г.), училась в Смольном институте в те годы, когда туда был приглашен на должность инспектора классов Ушинский. Она была свидетельницей того обновления учебной жизни института, какое началось при Ушинском; она была свидетельницей той борьбы, какую подняли против Ушинского реакционные элементы института с целью выжить его из своей среды. Ее воспоминания еще носят на себе следы того наивного «обожания», с каким институтки старого времени относились к своим учителям; но, будучи написаны автором уже в преклонном возрасте, они не потеряли характера непосредственных и живых впечатлений, ценных своей правдивостью. Можно сказать, что чисто детские впечатления автором значительно отсеяны и в его рассказе остался образ Ушинского, борца за новую педагогику, реформатора Смольного института. В форме художественного автобиографического повествования автор отразил жизнь Ушинского не только в Смольном, но и в течение некоторого времени после его ухода из Смольного. Кроме того, автору принадлежат несколько чисто бытовых очерков с воспоминаниями об Ушинском за разные годы.

ц) С. А. Маркова. Дневники и письма (Сборник разнообразного содержания в Гос. публ. библиотеке им. Салтыкова-Щедрина № 921/29). Автор дневников и писем — бывшая воспитанница Смольного института, окончившая институт в 1860 г. В своих дневниках и письмах она рассказывает о тех впечатлениях, которые выносила, присутствуя на разъяснениях Ушинским вопросов литературы, а также на его лекциях по педагогике для воспитанниц старших классов института. Немногочисленные замечания С. А. Марковой имеют такую же, если не большую ценность непосредственности, как и воспоминания Водовозовой, с тем только различием, что последние обработаны литературно уже в зрелом возрасте*.

4) **Биографические очерки.** Если некрологи Рехневского и Стоюнина представляли собой первые наброски биографии Ушинского, то по мере того как материалы о жизни и деятельности великого русского педагога накапливались и приводились в систему, являлась возможность законченного изложения его биографии на основе синтеза собранных материалов. Этой возможностью пытался воспользоваться почти каждый, кто писал что-либо об Ушинском: своему материалу он стремился предпослать хотя бы краткий очерк его биографии. Таких кратких очерков можно насчитать более двух десятков. В настоящем обзоре следует провести разграничение между биографическими очерками в собственном смысле, основанными на самостоятельных поисках материалов, обогащавшими педагогическую литературу новыми данными, новой обработкой старых, и компилятивными опытами, только засорявшими эту литературу всякими субъективными вымыслами, быстро превращавшимися в трафаретные суждения об Ушинском, не основанные на самостоятельной разработке авторами соответствующих материалов. Поэтому в настоящем очерке целесообразно выделить три биографических очерка об Ушинском, явившиеся, несмотря на присущие каждому из них недостатки, известными этапами в разработке биографии Ушинского в дореволюционное время.

ш) А. Фролков. К. Д. Ушинский. Спб., 1881 (изд. 2, Владикавказ, 1896). Автор — личный секретарь Ушинского в заграничный период его жизни, писавший под его диктовку последние его труды — второй том «Педагогической антропологии» и переписывавший третью часть «Родного слова». Более чем кто-либо другой он мог быть в курсе личных дел и трудов Ушинского. После смерти Ушинского Н. С. Ушинская именно Фролкову доверила приведение в порядок библиотеки и рукописей Ушинского, а также группировку собранных для третьего тома «Антропологии» выписок. Биография Ушинского вышла в 1881 г., к 10-летию со дня смерти Ушинского. Автор восполь-

* О содержании дневников и писем С. А. Марковой подробно рассказал проф. М. А. Яковлев в статье «Из педагогической деятельности К. Д. Ушинского в Смольном институте» («Советская педагогика», 1954 г., № 3).

зовался как своими воспоминаниями, так и указаниями и материалами семьи Ушинского, а также и уже напечатанными работами — некрологами Рехневского и Стоюнина, воспоминаниями Чалого, книгами Лядова и Семенова о Смольном монастыре. Выход в свет биографии Ушинского, первой законченной и литературно обработанной биографии, конечно имел большое значение и был встречен сочувственно и с одобрением. Он оживлял в памяти педагогов образ К. Д. Ушинского и несомненно преследовал задачу несколько реабилитировать великого педагога в правительственных кругах, поскольку над литературно-педагогическим наследством Ушинского уже сгущались тучи и готовилось запрещение его «Родного слова» для употребления в начальных школах. Эту побочную цель следует иметь в виду, так как ею объясняются некоторые особенности биографического повествования Фролкова, например, выпячивание религиозности Ушинского, замалчивание некоторых острых моментов его жизни и т. п. Современниками отмечались серьезные недостатки в биографии, изданной Фролковым, как, например, неумение дать объективную оценку исторической роли Ушинского. Анонимный рецензент в журнале «Вестник Европы» (1881 г., № IX) отмечал, что у Фролкова осталась невыясненной историческая роль Ушинского, его принадлежность многими сторонами своей личности к людям 40-х годов; кроме того, у автора биографии не доставало исторического понимания, чтобы оценить различие эпох, налагаемое временем и новыми условиями. Замечание, что Ушинский вышел из 40-х годов, — очень верное. Автор названной рецензии отмечает также, что, называя Ушинского «отцом разумной русской школы, воспитателем русских педагогов, другом русской женщины, учителем русского дитяти», Фролков игнорирует современность и годы, предшествовавшие Ушинскому: «Мы не против этих выражений, когда в краткой биографии нужно несколькими словами выразить основной смысл и заслугу деятельности человека. Но строго исторический взгляд должен был бы видоизменить эти выражения и включить в историческую заслугу и многие другие имена. Новейшая педагогика имела предшественников... Влияние Пирогова было огромно. Сотрудники Ушинского в Смольном были образованы не им, а целым направлением времени, которое проникнуто было духом освобождения и гуманизма и которое сделало возможным самую деятельность Ушинского» (стр. 440). Замечание в известной степени также правильное. Ушинский не появился внезапно, он вырос на определенной исторической почве, но при всей его верности эпохе и зависимости от нее все же был явлением особенным как в отношении к своим предшественникам, хотя имел учителей — и близких, и далеких, так и в отношении к своим последователям, из которых нередко хотят сделать его школу. Ни сам Ушинский не был чьим-то учеником, ни школы своих последователей, которые

бы дальше развивали его идеи, он не имел и нередко жаловался в этом смысле на свое одиночество, на отсутствие понимания даже у близких к нему лиц. Совершенно естественно, что у автора, впервые поставившего перед собой задачу разработки биографии Ушинского, не только не могло быть исторически верного понимания фактов, у него часто не хватало достоверных фактов. На стр. 20 он писал: «если не ошибаемся, Ушинский принимал участие в переводе с английского языка вместе с другими «Политической экономии» Милля», — сообщение, питавшееся только слухами, хотя и правдоподобными; на стр. 28 он сообщает, что Ушинский был приглашен министром Головинным редактировать «Журнал МНПр», что также неверно, так как означенное приглашение Ушинский получил еще в 1859 г. от министра Е. Ковалевского, Головин же вторично приглашал Ушинского взять на себя редакцию журнала после того, как он вынужден был уйти оттуда; на стр. 38 автор пишет, что императрица Мария Александровна при свидании с Ушинским в Италии в 1866 г. поручила будто бы ему высказать свои взгляды о воспитании наследника Николая Александровича, что также неверно, так как в 1865 г., этот наследник уже скончался, а письма о воспитании наследника Ушинский писал еще в 1849 г. Эти и другие неверные данные, переходя в другие работы, давали основание для новых соображений, столь же маловероятных, как и их первооснова. Тем не менее за А. Фролковым остается та заслуга, что он первый дал законченную и более или менее литературно обработанную биографию Ушинского, положив, таким образом, основание последующим опытам.

ш) М. Песковский. К. Д. Ушинский, его жизнь и педагогическая деятельность. Спб., 1892. Новый биографический очерк об Ушинском явился в результате совершенно естественного желания дать популярно-педагогически разработанную биографию взамен несколько примитивно и аляповато составленного очерка Фролкова. Изданный в числе других биографий в широко известной «библиотеке Ф. Павленкова» очерк Песковского получил значительную известность и в определенной степени достиг своей цели — распространения в массах первоначальных сведений о жизни и деятельности Ушинского. Как своего рода синтез накопившихся материалов о жизни и педагогической деятельности великого русского педагога очерк Песковского достигал своей цели. Но это был очерк, рассчитанный на широкую популяризацию сведений об Ушинском, а не исследовательская работа, проверявшая и углублявшая эти сведения. В научно-педагогической среде очерк Песковского не был поэтому встречен вполне сочувственно. В журнале «Русская школа» (1893 г., № 11) И. Г а р с к и й (Л. Н. Модзалевский) в своей рецензии отмечал, что, несмотря на внешнюю законченность очерка, у нас до настоящего времени остается еще много не-

уясненных вопросов: неизвестен состав всего написанного Ушинским, нет оценки и изучения его работы в Ярославском лицее, в Смольном институте, недостаточно показана борьба Ушинского с немецким влиянием в русской педагогике, не разъяснена сущность предъявленного ему обвинения в Ярославском лицее. Очевидно, биография Песковского игнорировала эти вопросы и их освещение. «Будет время,— писал рецензент,— когда мы будем иметь, кроме надгробного памятника Ушинскому, еще и общественный, который поставит общество своему первому педагогу-реформатору и когда составится тот музей Ушинскому, устройство которого так горячо предлагает почтенный биограф». С точки зрения научных требований к биографии перечисленные выше критические замечания И. Гарского совершенно законны. Одновременно с Гарским проф. Н. Ф. Сумцов (в «Сборнике Харьковского историко-филологического общества», т. V, 1893, вып. 1. Труды педагогического отдела) дал еще более отрицательный отзыв об очерке Песковского как научной работе. «В ней много публицистического пустословия. Восхваливает автор Ушинского на все лады, но все это фразы и нет в книжке того, в чем собственно и выражается уважение к деятелю — изучения его сочинений и отчетливого представления его миросозерцания» (стр. 102—103). В особую вину рецензент ставит несколько преувеличенные суждения автора об Ушинском как единственном представителе научной педагогики в России, до и после которого не было высказано ни одной светлой мысли. Дело представляется автором биографии так, как если бы до Ушинского педагогика в России не была ведома, не ощущался никакой интерес к учебно-воспитательному делу, не знали, чему и как нужно учить подрастающие поколения. Такое освещение хода всего педагогического дела в России рецензент справедливо назвал фальшивым, публицистически извращающим историческую перспективу: уже в статьях Новикова в конце XVIII в. были, по его замечанию, развиты замечательно светлые педагогические мысли, так же как у Карамзина, Прокоповича-Антонского, Одоевского и др. Замечание, бесспорно, правильное, говорящее о необходимости дальнейшей углубленной разработки научно-педагогической биографии Ушинского, но вместе с тем не отменяющее исторического значения очерка Песковского.

Охарактеризованные два очерка биографии Ушинского не были единственными, но уже на них ощутительно сказались и недостаток материалов о жизни и деятельности Ушинского, и слабая в научном отношении их разработка. Отсюда, естественно, вытекала необходимость поставить задачу более основательной и глубокой разработки биографии Ушинского, основанной на специальном подборе материалов о его жизни и деятельности. К началу XX в., в связи с общим повышением интереса к педагогическим проблемам вообще и к К. Д. Ушин-

скому в частности, потребность в тщательном собирании и углубленном изучении его педагогического наследства резко поднялась. В 1908 г. почти одновременно были изданы два сборника с публикацией новых материалов об Ушинском. Один принадлежал А. Н. Острогорскому, другой В. И. Чернышеву. Первый опубликовал ряд рукописей, в том числе автобиографических, предоставленных в его распоряжение семьей Ушинского, под заглавием: «Собрание неизданных сочинений К. Д. Ушинского (Материалы для педагогической антропологии, т. III и материалы для биографии)», Спб., 1908. В второй издал том забытых статей К. Д. Ушинского «Собрание педагогических сочинений», т. II (дополнительный), Спб., 1908. В. И. Чернышев наметил себе большой план работы. Предполагая написать биографию Ушинского, он решил для этой цели предварительно установить материалы его педагогического наследства и собрать данные о его жизни и деятельности. Он был первым собирателем забытых трудов К. Д. Ушинского. Он опубликовал следующие результаты своих изысканий: «Забытые труды К. Д. Ушинского» («Изв. по нар., обр.», 1906 г., № 12); «К литературно-педагогической деятельности К. Д. Ушинского» («Русская школа», 1910 г., № 2); «Разыскания об Ушинском» («Русская школа», 1912 г., № 2). Этими своими исследованиями он положил начало собственно научным поискам в области изучения биографии и педагогического наследства Ушинского. И когда в советское время поднялся интерес к наследству великого русского педагога, труды В. И. Чернышева оставались от дореволюционного времени единственными научными работами, дававшими первоначальную ориентировку в вопросах изучения педагогического наследства и биографии Ушинского.

Многолетние труды, предпринятые В. И. Чернышевым с целью разыскания материалов о жизни и педагогической деятельности К. Д. Ушинского, видимо, утомили и разочаровали его. Поэтому, издавая упомянутый выше второй (дополнительный) том педагогических сочинений Ушинского, он в своем предисловии достаточно пессимистически расценивал результаты своих поисков. «Не решаемся сказать,— писал он,— что мы нашли все, что напечатано нашим педагогом. Вследствие значительного срока, протекшего со дня кончины К. Д. Ушинского, собрание биографических материалов, являющихся основой подобных изданий, представляло для нас значительные трудности. Друзья и близкие Константина Дмитриевича почти все скончались; писем его сохранилось немного; печатные сведения о нем и его трудах, появлявшиеся в течение полустолетия, слишком разбросаны и малодоступны. Даже неизвестно, где находится и сохранилась ли большая и ценная библиотека покойного, пожертвованная вдовой Педагогическому обществу, закрытому в 1879 г. Конечно, мы не могли отдать значительного времени изучению журналистики

с начала 50-х до конца 60-х годов ради определения того, что сделано в ней Ушинским. Такие труды требуют многих лет и многих сил. Литература предмета совсем не разработана; указателей мало; статьи тех отделов, в которых участвовал покойный, обыкновенно не подписаны; живые свидетели сошли со сцены. Мемуары той эпохи тоже дают мало сведений для изучения Ушинского» (стр. 3—4). В другой своей работе по тому же поводу автор совсем пессимистически писал: «Еще несколько лет и многое, что теперь может разъясниться подробно и точно, сделается предметом гипотез и догадок». Возможно, что пессимистические настроения В. И. Чернышева были временными и случайными, и с течением времени он нашел бы возможность как-либо оформить работу, для которой уже собраны им были значительные материалы. Однако же первая мировая война и следовавшие за ней революции, а также специальные задания, полученные им по словесному отделению Академии наук, оборвали непрерывную работу над биографией Ушинского, и материалы, им накопленные, были сданы во избежание порчи и в целях сохранения в Государственный литературный архив. Но в период подготовки к 75-летней годовщине смерти Ушинского Президиум АПН обратился к В. И. Чернышеву с просьбой написать работу об Ушинском. Пересмотрев свои материалы, он решил в рамку краткой биографии Ушинского вложить накопившиеся у него и ранее им не опубликованные данные о педагогической реформе Ушинским Смольного института. Таким образом, получился еще один биографический, документально обоснованный очерк об Ушинском, опубликованный уже в советское время, но хронологически относящийся к дореволюционному времени.

э) В. И. Чернышев. К. Д. Ушинский и реформа Смольного и Александровского институтов («Изв. АПН РСФСР», 1951, вып. 33). Неоспоримое достоинство работы автора в том, что в основной своей части она полностью выполнена на основании материалов, которые с огромными усилиями добыты и изучены автором самостоятельно еще в дореволюционное время. Именно поэтому автору удалось избежать многих ошибочных утверждений его предшественников. Правда, по недостатку материалов и по другим причинам автор в свою очередь допустил ряд ошибочных утверждений, оговоренных в редакционных примечаниях к изданной им биографии. Очерк В. И. Чернышева в целом дает правдивый рассказ о жизни Ушинского, проникнутый глубоким сочувствием и уважением к его личности. «Его биография,— пишет автор,— представляет настоящее «житие, повествующее о страданиях и подвигах» за просвещение родной страны. Человек в высокой степени честный, прямой и правдивый, совершенно неспособный на сделки с своей гражданской совестью, презирующий угодливость властям, реформатор по натуре и убеж-

дениям, К. Д. Ушинский нигде не мог работать не только до конца, но даже более или менее длительно» (стр. 140).

Таковы были первые литературные опыты оформления научной биографии К. Д. Ушинского, появившиеся еще в до-советское время. Опыты эти, хотя и одобрительно встречались в педагогической литературе, нередко вызывали возражения, говорившие о неудовлетворенности то неполнотой фактических данных, то недостаточным их освещением. Несомненно, что на первых порах авторы еще в очень незначительной степени располагали материалом, тот же небольшой материал, которым они располагали, нуждался еще в целом ряде комментариев. Только В. И. Чернышеву, спустя 3½ десятка лет после смерти Ушинского, впервые удалось дать более или менее удовлетворительную библиографию работ Ушинского и о нем.

Охарактеризованными попытками дать научно-литературную разработку биографии Ушинского не исчерпывались опыты изложения его биографии. В любой работе, посвященной Ушинскому, сообщались то более, то менее подробные биографические сведения о нем. Это были, так сказать, обиходные сведения о великом русском педагоге, более или менее широко распространенные и тесно связанные с широкой известностью учебников Ушинского, с популярностью его дидактических идей. Количество таких кратких сообщений о жизни и деятельности Ушинского от нескольких строк до десятка и более страниц исчисляется десятками. Из нескольких десятков таких опытов беглого изложения биографии Ушинского можно назвать целый ряд работ, которые в свое время способствовали распространению, популяризации идей Ушинского. Таковы статьи и брошюры и даже книги В. Люстрицкого (1882), В. Острогорского (1891), А. Италинского (1896), К. Ельницкого (1903), Н. Грунского (1906), Ермилова (1910), В. Волкович (1913) и др. Авторы работ по истории русской педагогики в главы об Ушинском обязательно вставляли биографические о нем сведения (П. Ф. Каптерев, М. И. Демков).

В советское время были опубликованы специальные биографические очерки, посвященные ранним годам жизни К. Д. Ушинского: проф. М. Полосина «Ушинский, его детство, отрочество и юность» («Ученые записки МГПИ имени Ленина», т. XXXIII), Н. В. Зикеева «Детство и годы учения К. Д. Ушинского» («Ученые записки МОПИ», т. XXV, 1953). Опытов исследования жизни и педагогической деятельности Ушинского в целом в советское время не появлялось, если не считать двух работ, преследовавших цели популяризации деятельности и работ Ушинского. Это работы: В. Я. Струминского «К. Д. Ушинский» (М., 1943) и А. Г. Иванова «К. Д. Ушинский» (Ярославль, 1949). Зато во всех почти курсах по истории педагогики, в больших работах, посвященных Ушинскому, — В. Я. Струминского «Педагогическая система К. Д. Ушинского» (вводная

статья к первому тому «Избр. соч. Ушинского», 1939), Д. О. Лордкипанидзе «Педагогическое учение Ушинского» (1948), Т. Тажибаева «Психология и педагогическая психология К. Д. Ушинского» (Алма-Ата, 1948), в большом количестве брошюр, статей, посвященных изложению о его жизни и деятельности, биографические о нем сведения, как правило, давались в виде предисловия или введения ко всей работе. Следует отметить, что об Ушинском написано свыше двух десятков диссертаций, в том числе только работа Н. В. Зикеева посвящена биографии великого педагога.

* *
*

Таким образом, на скудость педагогических работ, посвященных биографии К. Д. Ушинского, пожаловаться нельзя. Однако же эти работы с самого начала стали принимать стандартные формы, аналогичные формам старинных житий. В них фигурировали не столько проверенные и установленные факты из жизни Ушинского, сколько определенные стандартные шаблоны, в которые по мысли авторов должна была вылиться эта жизнь. Такой была судьба биографических очерков не об одном только Ушинском. Целый ряд причин обусловил собой такое явление в разработке его биографии.

а) В первую очередь необходимо указать на то обстоятельство, что биографические данные о жизни Ушинского начали собираться поздно: первая библиография сочинений Ушинского была впервые собрана и опубликована В. И. Чернышевым спустя почти 40 лет после смерти Ушинского.

Основная канва жизни Ушинского оставалась точно не установленной: год рождения, происхождение, школа, служба в разных учреждениях — все это излагалось по шаблону, но без твердых данных. Указывалось четыре даты года рождения Ушинского; спорили о том, какой марки дворянство отца Ушинского, — был ли он крупный дворянин, или средний, или просто мелкий, а в биографии Фролкова утверждалось даже, что он вел свое происхождение от старинной дворянской фамилии. Путались сведения об имени отца Ушинского: одни полагали, что оно находилось на окраине Новгород-Северска и представляло собой барский дом с большим садом и службами; другие полагали, что это хутор Богданка, находившийся в 4 или 15 верстах от Новгород-Северска. Приступавший к биографическому очерку автор мог выбирать любой вариант из этих разноречивых сведений или создавать свой. Такова первая причина неудовлетворительности биографических очерков о жизни и деятельности Ушинского, составлявших во второй половине XIX и первой половине XX в.

б) Другая причина заключалась в том, что творчеством авторов даже при наличии точных фактов — часто управляли

предвзятые идеи, при помощи которых исследование самых точных и неоспоримых фактов может быть направлено в любую сторону. Хорошо известно, что одни из биографов имели тенденцию «улучшить» Ушинского, тогда как другие намеревались его «ухудшить» даже при наличии фактов, говоривших обратное этим намерениям. Так, чтобы «улучшить» Ушинского в глазах советских педагогов, один из его биографов, вопреки фактам и заявлениям самого Ушинского, писал, что «в своих более поздних работах Ушинский признается, что «неразгадываемые вопросы бога (его) больше не занимают», а также, что «наука не имеет права смотреть на человека как на существо двух миров, не начиная с верований». Отсюда он сделал вывод, что Ушинский эволюционировал от религии к атеизму. Первая фраза взята из юношеского дневника Ушинского, а вторая из первой его научной работы, опубликованной в 1848 г. Ясно, что ни при каком усилии воображения обе эти фразы не могут быть отнесены к более поздним работам Ушинского. Автор научной работы или не знал о времени цитируемых работ, или сознательно искажал их. Это не единственный пример извращения фактов биографии Ушинского. Но перечислять их здесь нет возможности: в дальнейшем о них, по мере надобности, будет сказано.

в) Нельзя не остановиться еще на одной, третьей причине неудовлетворительности биографий Ушинского. Эту третью причину можно охарактеризовать как низкий методический уровень техники научной работы, при котором автор понимает свою работу не как научное исследование фактов, а как бессельное их комбинирование, лишенное даже вышеуказанных тенденций к «ухудшению» или к «улучшению» субъекта биографии, лишь бы выполняемая работа с внешней стороны получила подобие научной комбинации. Так, изучая биографию Ушинского, один из авторов ознакомился с его перепиской с разными лицами. Факт биографически бесспорно важный и его следует, как и все другие факты, научно исследовать, вникнуть в мотивы каждой отдельной переписки и уже в соответствии с этим освещать факты этой переписки. В памяти автора остались три цитаты из переписки Ушинского с педагогом Н. А. Корфом. Эти три цитаты автор и приводит в разных местах своей работы, но пока он их переписывал, он забыл имя адресата и каждый раз утверждал, что цитаты взяты им из переписки Ушинского с М. И. Семевским, между тем как последний никакого отношения к этой переписке не имел. Работа была переиздана трижды и во всех изданиях мистификация оставалась неисправленной. Факт беспрецедентный в истории науки. Если ботаник, пишущий научную работу по своей специальности, смешал бы дуб с березой, ему предложили бы, прежде чем приниматься за научную работу, ознакомиться с курсом средней школы. В работах по биографии Ушин-

ского аналогичные факты, к сожалению, не всегда находят правильную оценку.

Приведенные примеры не единичны,— это типичные явления, которые говорят о том, что в разработке биографии Ушинского имеются крупные недочеты, заключающиеся: а) в крайней скудости материалов, на основе которых должна быть построена биография, б) в обилии всякого рода ложных тенденций, сводящихся к заранее поставленным задачам «улучшения» или «ухудшения» Ушинского как педагогического деятеля, в) в низком уровне выполнения научных работ. Из наличия этих типичных явлений, возникших в результате навыков, воспитанных в нескольких поколениях историков педагогики, и вытекала необходимость настоящего труда, в котором автор поставил себе задачу дать в первую очередь документальную биографию Ушинского, основанную на возможно более широком подборе проверенных фактов его жизни. Но это не значит, что предлагаемая работа будет представлять собой только перечень фактов и документов. Устанавливаемые документами факты являются только элементами большого целого, посвященного научной педагогике. Этим целым является вся жизнь Ушинского, к которой должны подвести читателя доступные в данный момент документы. Поэтому в предлагаемой работе будут иметь место не только разрозненные факты, но и заключения, выводы, предположения, гипотезы, раз только логика фактов ведет к выходу за пределы непосредственно данного материала. Вместе с тем автор вовсе не предполагает, что его опытом работа изучения биографии Ушинского будет исчерпана. Ему хотелось бы только привлечь возможно больше фактического материала, до сих пор не включавшегося в биографию Ушинского, и выключить из стандартно написанных биографических очерков извращенные, фальсифицированные данные, тенденциозно освещенные действительные факты, лишенные всякого основания выдумки, которыми пестрят до сих пор как биографические очерки, так и работы, посвященные мировоззрению и педагогическим идеям Ушинского. Но биография не самоцель. Это только основа для дальнейшего, углубленного изучения того содержания, которым была заполнена жизнь великого русского педагога.

3. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЖИЗНИ К. Д. УШИНСКОГО

Биография как исторический рассказ предполагает определенную периодизацию. Последняя, естественно, может определяться годами жизни данного лица. Но биография — не летописное повествование, осуществляющееся в порядке следования от одного года к другому. Это известная группировка фактов жизни, определяемая, с одной стороны, течением психологической жизни данного лица, с другой стороны, его уча-

ствием в социальной жизни своей страны. Таким образом намечаются определенные хронологические рамки, в которые укладывается жизненный путь субъекта биографии и которые дают возможность представить всю его жизнь в ее единстве и в разнообразии ее частей одновременно. Жизнь К. Д. Ушинского в целом, обнимающая время с 1824 по 1870 г., естественно, распадается на три больших этапа, каждый из которых представляет известного рода законченность и определенность.

Первый этап (1824—1844), начинаясь с рождения, продолжается до начала зрелости, охватывая собой возрасты детства, отрочества и юности. Период этот заканчивается выходом из университета и вступлением в самостоятельную жизнь.

Второй этап (1844—1862) может быть охарактеризован как опыт служебной деятельности Ушинского в разных учреждениях царской России середины XIX в. Опыт этот после двух лет, проведенных при университете в ожидании назначения, начался вступлением Ушинского в должность и. о. профессора камеральных наук в Ярославском лицее и заканчивается его удалением из Смольного института и отъездом в заграничную командировку.

Третий этап (1862—1870) характеризуется отъездом Ушинского в заграничную командировку с целью в самостоятельной работе в области научной педагогики выполнить созревшие у него творческие задачи, невыполнимые в России в условиях наступившей реакции.

Каждый из перечисленных этапов складывается из ряда отдельных моментов, требующих специального изучения. При отсутствии посвященных биографии Ушинского научных в собственном смысле этого слова работ, многие из этих моментов не всегда представляются достаточно ясно и трактуются совершенно произвольно. Совершенно целесообразна поэтому задача проследить за тем, что же мы знаем более или менее достоверно о жизни Ушинского по каждому из указанных этапов.

Предупреждая последующее детальное изложение, необходимо сказать, что уже означенные три этапа выражают определенную внутреннюю закономерность, которая в самых общих чертах может быть раскрыта здесь так:

На первом, самом продолжительном и ответственном этапе его жизни Ушинский не только получил общее образование в объеме, необходимом и возможном для людей того времени, не только специальное образование юриста, необходимое для отправления соответствующих практических функций в государственном аппарате, но также, что особенно важно, уловил те жизненные, прогрессивные тенденции своего времени, которыми определялось направление его работы на любом жизненном пути в защиту нового и в борьбе со старым,

отживающим. С первых дней своей самостоятельной работы, вернее с момента окончания университета, Ушинский уже чувствовал себя вооруженным для той борьбы за ростки новой жизни, которую ему придется вести. Можно сказать, что первый этап жизни Ушинского и начало второго, т. е. примерно до 25 лет, был самым счастливым и вдохновляющим периодом его жизни.

Второй этап в целом представляет собой ряд тяжелых опытов осуществления теоретически осознанных Ушинским задач на разных поприщах его служебной деятельности: а) по прямой своей специальности (юридической) в Ярославском лицее и затем в области журнальной работы (с 1846 по 1854 г.); б) по второй (педагогической) специальности в Гатчинском и в Смольном институтах, а также в журнальной педагогической литературе. Это были опыты радикальной борьбы за новое, за новые учреждения, новую систему юридического образования, новую систему народного образования, отвечающую формирующемуся капиталистическому производству. Практическая и теоретическая работа Ушинского в этом направлении вызывала или снятие его с работы или энергичные нападки против него в печати, говорившие о том, что с его работой не мирятся не только реакционные классы (духовенство, правительство), но также и значительная часть прогрессивной интеллигенции.

Ряд неудач на разных поприщах работы привел Ушинского — к третьему этапу его жизни: в связи с ослаблением своего здоровья он нашел целесообразным воспользоваться предложенной ему заграничной командировкой для беспрепятственного выполнения тех педагогических и специально-научных задач, которые он считал уже созревшими для выполнения. Командировка в связи с болезнью, требовавшей непрерывного лечения, длилась до конца жизни Ушинского, т. е. в течение 9 лет. За эти годы он выполнил основную часть своей научной работы в области педагогики, стяжавшую ему имя великого русского педагога и сделавшую его имя дорогим для советских учителей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО И ЮНОСТЬ К. Д. УШИНСКОГО

О детских и юношеских годах К. Д. Ушинского много интересных бытовых подробностей сохранилось преимущественно в автобиографических воспоминаниях самого Ушинского и в мемуарных записях его современников. Но основные биографические подробности, требующие точной документальной фиксации, начиная с года рождения, социального положения родителей Ушинского и т. п., оставались неясными, благодаря чему повисали в воздухе многочисленные данные ранних лет его жизни. Вот почему биографическое повествование о раннем периоде жизни Ушинского приходится начинать и довольно часто прерывать постановкой ряда нерешенных, пока условно решаемых вопросов. Такими нерешенными еще вопросами в значительной степени богаты и последующие этапы жизни К. Д. Ушинского. Только в попытках их постановки и решения могут быть ближе уяснены основные контуры жизни великого русского педагога.

1. ДЕТСКИЕ ГОДЫ К. Д. УШИНСКОГО В СЕМЬЕ

Год рождения К. Д. Ушинского. Эта, казалось бы, столь бесспорная биографическая дата в жизни Ушинского оказывается до настоящего времени спорной. В разных случаях в качестве такой даты называются 1823, 1824, 1825 и даже 1826 г. Читатель оставляется в неведении относительно того, что это за таинственные данные, которые позволяют решать так различно вопрос. Что касается множественности дат, то она объясняется тем, что в середине 60-х годов, когда Ушинскому понадобились документы для определения его сына в военную гимназию, обнаружилось, что дела департамента иностранных исповеданий МВД, в котором эти документы хранились по месту первоначальной службы Ушинского в Петербурге, сгорели во время пожаров начала 60-х го-

дов. Ушинскому пришлось вести переписку с целым рядом учреждений, чтобы получить соответствующие справки. В распоряжении же исследователей, принимавшихся за составление биографических сведений, оставались по вопросу о годе рождения Ушинского или сведения, получавшиеся ими непосредственно в семье Ушинского, или так называемые формулярные списки о службе, в которых обычно указывался не год рождения, а возраст в момент составления списка. Понятно, что возраст в зависимости от времени составления списка мог указываться на год больше или меньше.

Совершенно естественно, что возник вопрос о метрическом свидетельстве Ушинского, которое одно могло дать совершенно точное и не вызывающее споров разрешение вопроса о годе его рождения. Впервые заинтересовавшийся этим вопросом В. И. Чернышев долго и безуспешно разыскивал это метрическое свидетельство по разным городам, где служил отец Ушинского. После долгих поисков Чернышев обратился в Московский университет, где ему выдали в копии свидетельство об окончании Ушинским Новгород-Северской гимназии. Годом рождения Ушинского в этом свидетельстве назван 1823-й. На этой дате и остановился В. И. Чернышев. Однако канцелярия университета не показала Чернышеву другого важного документа, хранившегося в деле К. Д. Ушинского, под названием: «Свидетельство надворного советника Димитрия Григорьевича Ушинского сыну Константину». Документ, не показанный Чернышеву, был выдан отцу Ушинского из Тульской духовной консистории и в нем сообщалось, что метрического свидетельства о рождении Константина Ушинского своевременно не было составлено, так как крестивший его кладбищенский священник г. Тулы по неимению бланков ведомостей о крещении своевременно не оформил дела с записью, потом постепенно забыл о нем, а затем неожиданно скончался. Отец же Ушинского, перешедший на службу в другой город, также забыл об этом и вспомнил только тогда, когда наступила пора отдавать сына в гимназию. В 1833 г. он совершил поездку в Тулу, разыскал там восприемников, свидетелей крещения Ушинского, и по взаимному соглашению было установлено, что годом рождения и крещения сына Константина был 1823 г., что консисторией и было удостоверено. Формально здесь все правильно и можно было бы на этом остановиться, если бы не двойственность в показаниях самого Ушинского о годе его рождения.

Что касается самого Ушинского, то, конечно, он не мог не знать о документе, который официальной датой его рождения считает 1823 г. С другой стороны, он прекрасно знал и другую, неофициальную дату своего рождения, как знали ее родители, его близкие друзья и члены его семьи. В своих воспоминаниях о Новгород-Северской гимназии Ушинский

писал: «Мать моя умерла, когда мне не было еще 12 лет» (т. XI, стр. 54). Это ценное показание, подтверждаемое товарищем Ушинского по гимназии М. К. Чалым. В год смерти матери Ушинский поступил в III класс гимназии. Это был 1835 год. В августе—сентябре этого года Ушинскому, по его собственным словам, не было еще 12 лет, т. е. было 11 1/2 лет, так как он родился 18 февраля. Возвращаясь с 1835 г. на одиннадцать лет назад, получаем 1824 год — совершенно точную и определенную неофициальную дату рождения Ушинского. Вслед за Ушинским эту же дату называют Рехневский, университетский товарищ и друг Ушинского, автор первого обстоятельного некролога о нем; Фролков, автор первой биографии Ушинского, написанной по данным, полученным в семье Ушинского; Старчевский, автор воспоминаний об Ушинском; Песковский, автор биографии Ушинского, и др.

Напрашивается предположение о том, что отец Ушинского, имея в виду быстро развивающиеся способности своего сына, решил определить его в гимназию, не дожидаясь, пока ему исполнится 10 лет, а для этого нужно было в свидетельстве от консистории показать, что он родился не в 1824, а в 1823 г. С таким свидетельством К. Д. Ушинский уже в 1833 г., будучи девятилетним мальчиком, мог быть зачислен в I класс гимназии^{1*}. С этим предположением совершенно согласуются воспоминания товарищей Ушинского (Чалого по гимназии и Рехневского по университету), которые одинаково показывают, что Ушинский везде и особенно в гимназии выглядел значительно моложе своего официального возраста. Есть, таким образом, достаточное основание считать годом рождения Ушинского не — 1824 г., а 1823 г.

Родители
К. Д. Ушинского. К. Д. Ушинский был сыном Димитрия Григорьевича Ушинского и Любови Степановны Ушинской. Социальное положение родителей Ушинского обычно рисовалось в стилизованных стандартных формах скромного феодально-помещичьего быта начала XIX в. Так, первый биограф Ушинского, А. Ф. Фролков, личный секретарь Ушинского и домашний учитель его детей, писал, что отец Ушинского, получив воспитание в Московском университетском благородном пансионе, принадлежал к одной из старинных малороссийских дворянских фамилий. Сначала был на военной службе, а после Отечественной войны 1812 года получил отставку и поселился в Новгород-Северске, на окраине которого имел дом с обширным двором, службами и прекрасным фруктовым садом^{**}. Был женат на дочери местного капиталиста и владел сотней де-

* Примечания даны в конце книги.

** В своих воспоминаниях К. Д. Ушинский пишет гораздо скромнее, называя этот «устроенный на барскую ногу» дом проще — «домик моего отца», «хуторок, куда никто не заглядывал». (Соч., т. XI, стр. 54.)

сятин земли и тридцатью крепостными, которых рано отпустил на волю. Состояние в целом не было блестящим (стр. 3—4). В этой характеристике семьи, в которой родился Ушинский, далеко не все ясно и нет ни одной ссылки на какой-либо документ. Понятно однако же, что Фролков следовал стандартной легенде, сложившейся в семье Ушинского в середине XIX в. и рисовавшей идеализированный образ быта его родителей. Традиция эта удержалась однако же и у советских историков. Интересно задуманный и с известным лирическим подъемом выполненный биографический очерк проф. И. И. Полосина «К. Д. Ушинский, — его детство, отрочество и юность» («Ученые записки» Моск. гос. пед. института имени В. И. Ленина, т. XXXIII, М., 1946) продолжает ту же некритическую идеализацию, не оправдываемую ничем, кроме фантастической игры воображения.

Эта ставшая привычной многим бытовая картина жизни родителей К. Д. Ушинского, нарисованная двумя биографиями и в разных вариациях повторявшаяся другими, на самом деле неверна и не отвечает исторической действительности. Что касается хутора Богданки, принадлежавшего будто бы отцу Ушинского, то на самом деле он никогда ему не принадлежал и составлял собственность будущей жены К. Д. Ушинского — Надежды Семеновны Дорошенко.

Отцу Ушинского принадлежал не хутор, а дом с садом на окраине Новгород-Северска и особого наименования не имел. Возможно, что автор был введен в заблуждение одной иллюстрацией, в книге В. Волкович «Ушинский — русский национальный воспитатель». Иллюстрация была снабжена надписью «Хутор Богданка, в котором провел детство и родился Ушинский». Эта надпись была заведомо неверной, так как родился Ушинский не в Богданке, а в г. Туле.

Весьма существенным является вопрос о сословной принадлежности родителей Ушинского. Что родителей Ушинского называли дворянами, прибавляя иногда, что они происходили из старинного, малороссийского дворянского рода, это понятно в середине и второй половине XIX в., когда принадлежность к дворянству определяла удельный вес личности. В семье Ушинского, естественно, давали понять, что они происходят из дворян, что могло поднять престиж фамилии. Естественно, что и сам Ушинский в послужных списках скромно писал о своем происхождении: «из дворян»; ведь, ему приходилось служить в дворянских учебных заведениях. Но еще вопрос, можно ли сказать, что происхождение отца Ушинского, да и сына его Константина, было дворянское. Твердо установленным нужно считать то, что отец Ушинского действительно получил дворянское звание, но только уже по истечении примерно 50 лет его жизни после длительной сначала военной, а потом гражданской службы. Это значит, что до этого времени отец Ушинского по своему рождению к дворянскому сословию не принадле-

лежал. Только в 1838 г. 20 октября Черниговское дворянское собрание, установив на основании послужного списка Д. Г. Ушинского, что он «приобрел в действительной воинской и гражданской службе воинские штаб-офицерские чины, приносящие потомственное дворянство», постановило: «сопричислить Д. Г. Ушинского вместе с детьми его в число дворян Черниговской губ.» (т. XI, стр. 241—244).

До сопричисления к дворянскому сословию Д. Г. Ушинский был, очевидно, простым военным, а потом гражданским чиновником. Долголетняя служба на обоих поприщах и образование давали ему законное право на причисление к дворянскому сословию, но происхождение Д. Г. Ушинского, конечно, не было дворянским. Из послужного списка, данные которого включены в документ о сопричислении Ушинского к дворянскому званию, видно, что он в должности прапорщика в 1807 г. обучал дворян военной службе и за скорое доведение их к познанию порядка воинской службы произведен поручиком. В 1808 г. за скорое формирование из рекрутов батальона произведен штабс-капитаном. В 1812—1814 гг. за скорое формирование в гвардию 3 тысяч и в гренадеры 5 тысяч солдат награжден в 1815 г. майором. В продолжение военной службы был в походах, участвовал в сражениях. В 1817 г. за болезнь вовсе уволен от военной службы с награждением чином подполковника и мундиром (Собр. соч. Ушинского, т. XI, стр. 242).

Сообщение А. Ф. Фролова, что по выходе в отставку Д. Г. Ушинский поселяется в Новгород-Северске, где приобретает дом, неверно, так как уже с 1820 г. Ушинский начинает гражданскую службу в разных городах. Только после смерти жены, как говорится об этом в его послужном списке, Д. Г. Ушинский унаследовал в собственность принадлежавшие его жене дом на окраине Новгород-Северска и хутора (Солоный и Павловский) с тридцатью душами крестьян. Когда именно женился Д. Г. Ушинский, в промежутке ли между отставкой 1817 г. и поступлением на гражданскую службу в 1820 г., или после поступления, неизвестно, но вероятнее первое. В 1820 г. 3 апреля он получает назначение в Тульскую казенную палату по хозяйственной экспедиции советником*; далее следовал перевод в Полтавскую казенную палату; в 1826 г. Ушинский определен в канцелярию министра финансов; в 1833 г. получает новое назначение в Олонецкую казенную палату по хозяйственному отделению советником, а в 1836 г. сверх должности советника утвержден в звании члена Вологодского тюремного комитета исправлять должность тамошнего вице-губернатора, затем из должности советника перемещен на должность губернского казначея и 23 февраля 1838 г. от должности казначея уволен (Соч. К. Д. Ушинского, т. XI,

* Здесь, в г. Туле, в 1924 г. родился его сын Константин.

Отец К. Д. Ушинского

стр. 242—243). Только после этого отец Ушинского возвращается на постоянное жительство в Новгород-Северск, подает заявление о включении его в дворянскую родословную книгу Черниговской губернии и в 1840 г. избирается дворянами на ответственную должность уездного судьи. М. Чалый, товарищ по гимназии, утверждает, что мать К. Д. Ушинского — Любовь Степановна — происходила из семьи местного капиталиста, по фамилии Гусак, почему и мать Ушинского в бытовом, обиходном разговоре называли Гусаковной (М. Чалый, Материалы для биографии Ушинского. «Нар. шк.», 1874 г., № 4, стр. 45). Ю. С. Рехневский сообщает в некрологе об Ушинском: «Мать его была урожденная Гусак» (Соч. Ушинского, т. XI, стр. 404). Другие авторы вносят сюда уточнения, говоря, что Д. Г. Ушинский вступил в брак с дочерью местного капиталиста, урожденной Капнист (М. Песковский, К. Д. Ушинский, стр. 9, то же в воспоминаниях А. Старчевского). В документе о сопричислении Д. Г. Ушинского с законными его детьми к дворянскому сословию отмечено, что после смерти жены его (т. е. в 1835 г.) ему достались крестьяне в хуторах Солоном и Павловском с жилым домом в Новгород-Северске. Таким образом, землю с крестьянами в означенных двух хуторах и дом на окраине Новгород-Север-

Мать К. Д. Ушинского

ска Д. Г. Ушинский получил в наследство от первой своей жены. Трудно сказать, как отец и мать Ушинского вели хозяйство на имевшихся у них хуторах и в доме, но никак нельзя согласиться с идиллической картиной, нарисованной проф. Полосиным, что «12 крестьянских дворов хорошо кормили, обували, одевали Ушинских». Если так, непонятно, зачем Д. Г. Ушинский с 1820 г. вновь начинает службу, уже гражданскую, и переселяется из города в город — из Тулы в Полтаву, из Полтавы в распоряжение министра финансов, потом в Олонец, Вологду, и так в течение почти 20 лет. При этом дети рождаются у него не в Новгород-Северске, а в местах службы: в Туле (Константин в 1824 г.), в Вологде (Сергей в 1829, Екатерина в 1831 г.). Очевидно, и жена вместе с детьми должна была как-то странствовать с мужем и детство Ушинского в 20-х годах, вопреки Полосину, вовсе не было безоблачным, золотым, как не была безоблачной и жизнь семьи Ушинских.

Нужно думать, что с 1833 г., когда сын Д. Г. Ушинского Константин был записан в Новгород-Северскую гимназию, его мать вынуждена была окончательно поселиться с тремя детьми в своем доме на окраине Новгород-Северска. В 1835 г. она скончалась, отец продолжал служить на далеком севере, в Вологодской губернии, и только в 1838 г. окончательно поселил-

ся в Новгород-Северске, причем вторично женился на сестре ген. Гербея в Шостенском пороховом заводе. От этого брака родилась дочь Ольга. О времени смерти отца Ушинского, как и о времени его рождения, известий нет.

Таким образом, социальное положение родителей К. Д. Ушинского может быть только весьма условно охарактеризовано традиционными выражениями о принадлежности их к «старинному дворянскому малороссийскому роду». Только мать Ушинского, возможно, происходила из дворянской фамилии Капнистов. Отец же только после прохождения целого ряда военных и гражданских должностей, не ранее как по истечении 50 лет его жизни был причислен к дворянскому званию².

Правильнее всего поэтому следовало бы охарактеризовать его как военного и гражданского чиновника, разночинца первой половины XIX в.

Состав и быт семьи Ушинских.

В семье Д. Г. Ушинского, кроме Константина, родившегося в 1824 г., было еще двое детей — Сергей (1829) и Екатерина (1831). Кроме того, был в семье и еще один сын, Александр, который собственно и являлся старшим сыном этой семьи. В свидетельстве о крещении Константина записано, что восприемником его при крещении был старший брат Александр (т. XI, стр. 240). В документе же о присвоении дворянского звания отцу Ушинского сказано, что оно присваивается его законным детям — Константину, Сергею и Екатерине (т. XI, стр. 244). Это дает право заключить, что Александр, старший брат Константина, был внебрачным сыном Д. Г. Ушинского. Обстоятельства, при которых появился у него этот сын, неясны, но он фигурирует во всей последующей истории семьи Ушинского³. Видимо, он получил высшее образование и проявил себя на литературном и журнальном поприще рядом статей и книг, которые подписывались его фамилией, А. Ушинский.

Судя по тому, что дети Ушинского рождались в Туле, Вологде, нужно думать, что мать их жила вместе с отцом и вместе с детьми переносила тягость его страннической жизни, прихотливо перебрасывавшей его в различные города России. Дом с садом на окраине Новгород-Северска являлся, вероятно, только временным приютом для семьи в целом. Но по мере роста семьи тяжесть страннической жизни все увеличивалась; кроме того, выяснилась необходимость постоянного места жительства для обучения подраставшего старшего сына. Нужно думать, что именно во второй половине 1833 г., когда оформлялось свидетельство о рождении Константина, жена Д. Г. Ушинского окончательно водворилась в своем доме с большим садом, имея на руках троих малолетних детей, и здесь начала вести систематическую подготовку будущего великого педагога к поступлению в гимназию, проходя с ним последовательно программу первых двух классов. Вероятно,

мать Ушинского обладала большим природным педагогическим талантом и, возможно, от нее воспринял Ушинский свои лучшие педагогические приемы, в частности, приемы работы с детьми дошкольного и младшего школьного возраста. Недаром Ушинский повторял, что лучшее средство подготовки учителей — это соприкосновение их в раннем детстве с выдающимися педагогами: «Мы большей частью учим так, как нас учили в детстве», — говорил он.

Годы жизни в семье и влияние матери сказались на всей последующей жизни Ушинского, который высоко оценивал роль матери и семейного воспитания вообще. К темам о семейном и материнском воспитании Ушинский возвращался неоднократно и лирический характер отступлений на эти темы не оставляет сомнений в их автобиографическом значении. «Трудно выразить в словах, более доступных для выражения грусти или злости, чем ютрадного чувства, то особенное светлое нечто, что рождается в душе нашей, когда мы вспоминаем теплоту родимого семейного гнезда, — писал Ушинский в 1860 г. — До глубокой старости остаются в нас какие-то задушевные связи с той семьей, из которой мы вышли. Нам как-то трудно представить себе, что эти связи уже разорваны навсегда, и это глубокое семейное чувство пробуждается в нас по временам, несмотря на толпу воспоминаний, проникнутых горечью и желчью» (Соч. Ушинского, т. II, стр. 471). Это несомненно автобиографический материал, в котором подчеркнуты и задушевные связи с семьей, и воспоминания, проникнутые горечью и желчью. И того и другого в жизни Ушинского было достаточно. Ни с психологической, ни с педагогической точки зрения Ушинский не мог понять и тем более оправдать того явления, когда матери, имея малейшую возможность самостоятельно вести воспитание своих детей, спешат отдать их в чужие руки. Путешествуя по Германии, он удивлялся тому, что матери, имеющие полную возможность вести занятия с детьми дома, спешат отдавать их в школы для малолетних. А между тем, пишет он, «все великие педагоги, начиная с Песталоцци, видят в учении детей матерью идеал первоначального учения; даже школы подделываются, но, конечно, плохо, под это идеальное материнское учение».

Воспитательное влияние матери дополнялось влиянием богатой и роскошной природы, окружавшей Ушинского в его домашнем быту. В незаконченных воспоминаниях о своей школьной жизни Ушинский в поэтически красивой форме описывает то неотразимое стихийное влияние, какое еще в детстве производила на него окружавшая природа. «Прекрасное местоположение, богатое самыми живыми и разнообразными ландшафтами, огромный старый сад, изрытый переполненными зеленью оврагами, рано могли развить во мне любовь к природе. Из хутора я ежедневно должен был ходить в гим-

назию и еще до города пройти версты две по живописному берегу Десны. Боже мой, сколько перемечталось на этом прекрасном берегу, на этих «кручах», нависших над рекой... А как оживлялась и наполнялась впечатлениями жизнь моя, когда приближалась весна: я следил за каждым ее шагом, за каждой малейшей переменной в борьбе зимы и лета. Тающий снег, чернеющий лед реки, расширяющиеся полыньи у берега, проталины в саду, земля, проглядывавшая там и сям из-под снега, прилет птиц, оживающий лес, шумно бегущие с гор ручьи — все было предметом моего страстного недремлющего внимания и «впечатления бытия» до того переполняли мою душу, что я ходил как полупьяный. Но вот и снегу нет более, и неприятная нагота деревьев в саду заменилась со всех сторон манящими таинственными зелеными глубинами, вот и вишни брызнули молоком цветов, зарозовели яблони, каштан поднял и распустил свои красивые султаны и я бежал каждый раз из гимназии домой, как будто меня ждало там и нивесть какое сокровище. И в самом деле, разве я не был страшным богачом, миллионером в сравнении с детьми, запертыми в душных стенах столичного пансиона? Какие впечатления могут дать им взамен этих живых, сильных, воспитывающих душу впечатлений природы? После уже будет поздно пользоваться ими, когда сердце утратит свою детскую мягкость, а рассудок станет между человеком и природой. Странно, что воспитательное влияние природы, которое каждый более или менее испытал на себе, которое с такой живостью выражается почти в каждой вымышленной и истинной биографии, так мало оценено в педагогике» (т. XI, стр. 54—56)⁴.

Когда умерла в 1835 г. мать Ушинского, его брату Сергею было 7 лет, Екатерине — 4 года. Отец должен был возвратиться к месту службы в Вологде. Константин начал регулярно ходить в III класс гимназии и, вероятно, находился на попечении кого-либо из крепостной прислуги, вместе с своим братом Сергеем и сестрой Екатериной. О старшем брате Александре Ушинский ничего не сообщает в своих воспоминаниях. Возможно, что в это время он или кончал где-нибудь высшую школу, или уже самостоятельно работал. Таким образом, Ушинский за эти годы — 1835, 1836 и 1837, когда отец дослуживал на севере России свою гражданскую службу, считал себя ответственным лицом, на котором должны лежать и заботы о младшем брате. «Отец после смерти матери почти не жил дома, вспоминает Ушинский, — так что жил я один с меньшим братом моим в том хуторке, куда никто не заглядывал» (т. XI, стр. 54). Сохранившаяся переписка и другие материалы говорят о том, что Ушинский в университете и по его окончании постоянно беспокоился о судьбе своего, очевидно, младшего брата, а сестрам своим оказывал денежную помощь до последних дней своей жизни.

С 1838 г., когда отец Ушинского женился второй раз, хуторок оживляется и делается шумным и суетливым. В дом к отцу Ушинского наезжают, по воспоминаниям Чалого, гости, устраиваются пирушки, вечера, гремит музыка. Уединение, в котором невольно пребывал Константин Ушинский в течение нескольких лет и которое, по его словам, сказывалось на нем отрицательно, развив в нем крайнюю мечтательность, прекращается. Теперь нередко случается, что ему не удается приготовить дома уроки, и он утром бежит к товарищу, наскоро выслушивает с его слов уроки и оба затем направляются в школу. Зато мачеха Ушинского, немка по национальности, начала вести с ним занятия по немецкому языку. Возможно, что именно она приучила Ушинского к чтению без словаря, которое так рекомендовал впоследствии Ушинский. Усвоив секрет этого чтения, Ушинский щеголял на переменах перед товарищами чтением Шиллера по подлинному тексту.

В 1840 г. Ушинский кончает обучение в Новгород-Северской гимназии и поступает в Московский университет. Вместе с этим порываются те связи, которые соединяли его с отцом. Студенческая жизнь Ушинского является началом его самостоятельной жизни в материальном отношении. От отца он уже не получал достаточного пособия и содержал себя уроками, а вскоре принял на себя и заботы о своем младшем брате. Об отце своем Ушинский ни разу не вспоминает, хотя бы косвенно, так, как вспоминает о матери. Видимо, воспитательная деятельность отца, если только она была и выражалась в чем-нибудь, не оставила в нем положительных воспоминаний. Характеризуя различные типы родителей, Ушинский в одном месте пишет: «Вот папаша, обладающий грубейшими манерами полкового писаря, заботится об аристократичности в манерах своих детей и колотит своего сынишку за то, что он поиграл с сыном дворника» (Соч. К. Д. Ушинского, т. II, стр. 465). Где-то, очевидно, наблюдал, а может быть и лично пережил это когда-нибудь Ушинский. Известно, что демократические склонности были сильно развиты у него с ранних лет, у отца же его несомненно были налицо стремления подняться к верхам общественной лестницы. Возможно, что в приведенной цитате Ушинский вспомнил какой-либо случай из своей собственной жизни, когда отец выражал в резкой форме порицание его стремлению поиграть с товарищем, сыном прислуги.

2. ОБУЧЕНИЕ В НОВГОРОД-СЕВЕРСКОЙ ГИМНАЗИИ (1835—1840)

В год смерти матери, в 1835 г., Ушинский, прошедший первые два класса домашнего обучения под руководством матери, поступил в III класс Новгород-Северской гимназии, которая явилась следующей после семьи школой Ушинского.

Новгород-Северская гимназия была преобразована из основанного еще в 1789 г. главного народного училища. Когда в начале XIX в. система народного образования в России переделывалась наново, генеральный визитатор Харьковского учебного округа И. Ф. Тимковский, осматривавший это училище, высказался за его сохранение и преобразование в четырехклассную гимназию. Впоследствии, согласно Уставу 1828 г., уездное (поветовое) училище и четырехклассная гимназия должны были быть преобразованы в семиклассную гимназию. Преобразование это подготовлялось постепенно и началось только в 1832 г. За 40 с лишком лет здание, в котором должна была разместиться новая гимназия, значительно обветшало. В своих воспоминаниях Ушинский оставил такое описание школьного здания, в котором он учился: «Длинное, низенькое, ветхое, почерневшее здание со своей скверной, украшенной флюгером, будочкой наверху, в которой качался неугомонный колокольчик, походило, по мнению окрестных помещиков, более на паровую винокурню, чем на храм науки: окна в старых рамах дрожали, подгнившие полы, залитые чернилами и стоптанные гвоздями каблуков, скрипели и прыгали; расколовшиеся двери притворялись плохо, длинные старые скамьи, совершенно утратившие свою первоначальную краску, были изрезаны и исписаны многими поколениями гимназистов. Чего-чего только не было на этих скамьях! И ящички самой замысловатой работы, и прехитрые многосложные каналы для спуска чернил, и угловатые человеческие фигурки, солдатики, генералы на лошадях, портреты учителей, бесчисленные изречения, бесчисленные обрывки уроков, записанных учеником, не понадеявшимся на свою память, клеточки для игры в кубики, состоявшей в том, что гимназист, успевший поставить три креста сряду, драл немилосердно своего партнера за чуб. Старые почерневшие портреты героев екатерининского времени в старых, источенных червями рамах качались на стенах, украшенных обрывками обоев. Плохо было это здание, но мне жаль его, как жаль первых и живых снов своей детской жизни» (т. XI, стр. 48).

Директор
гимназии
И. Ф. Тимковский.

К моменту преобразования Новгород-Северской гимназии в семиклассную на место скончавшегося первого ее директора, Халанского, был назначен его родственник, вышеупомянутый И. Ф. Тимковский, проживавший в отставке в 40 верстах от Новгород-Северска, в своем имении Турановке. Доктор прав и философии, член великобританского и геттингенского ученых обществ, Тимковский пользовался славой весьма ученого человека. Несомненно, что он обладал большим педагогическим опытом, приобретенным им по должности визитатора Харьковского учебного округа, и был передовым педа-

гогом, отстаивавшим уже в то время необходимость грамоты для крестьянства, борющимся с механическими методами преподавания, требовавшим от учителя разумного и обстоятельного, основанного на твердом знании объяснения урока по содержанию и составившим несколько учебников для школы.

В качестве директора гимназии он занял в последней несколько своеобразное положение. Мысля себя высшим руководителем и наблюдателем за жизнью гимназии в целом, он возложил повседневную будничную работу по гимназии на своего помощника и заместителя, на котором лежала забота о поведении учащихся и об организации их учебной жизни, как и наблюдение за ходом преподавания, сам же почти безвыездно проживал в своем имении, наслаждаясь природой и перечитывая классиков. В гимназии он появлялся всего несколько раз в году, чтобы прочесть ученикам какую-либо речь или в конце года провести экзамены. Несмотря на такие, исключительно льготные условия, созданные им для своей работы, И. Ф. Тимковский оказывал огромное нравственное влияние на гимназию в целом, т. е. на учеников и учителей своей личностью.

М. К. Чалый, товарищ Ушинского по гимназии, оставил очень интересные воспоминания об этом директоре. «Илья Федорович, уезжая в свое имение Турановку в 40 верстах от города на каникулярное время, оставался там до конца октября, наслаждаясь по примеру Горация Флакка, своего любимца, прелестями сельской природы. С конца октября до конца декабря директор жил в своем городском доме, но гимназии не посещал. Приезжая во время отпуска 20 декабря, собирал всю гимназию в залу, говорил *viva voce** речь и надобно знать, что эти речи-импровизации были лучшими его произведениями: он говорил увлекательно, убедительно и просто. Темами для своих речей И. Ф. обыкновенно избирал какой-нибудь афоризм или изречение знаменитого мужа вроде, например, следующего: «Император Тит, недовольный проведенным днем, говорил своим друзьям: *Amíci! Hodíe díem perdídi***». Затем следовало развитие главной мысли применительно к жизни ученика. По окончании речи он давал воспитанникам трех высших классов несколько тем на праздники и уезжал в свою Турановку до поста. В продолжение великого поста директор приезжал в гимназию только раз, на Андреево стояние***, а потом уезжал из города встречать в деревне весну и возвращался в конце мая, перед самыми экзаменами, на которых он

---

* Устно, экспромтом.

** Друзья! Сегодня я потерял день!

*** Чтение в середине великого поста покаянного канона Андрея Критского.

просиживал ежедневно по десяти часов... На экзамен директор привозил целую гору классиков и заставлял нас всегда переводить места незнакомые, продерживая ученика возле стола больше часу. Всегда ровный, спокойный, директор сохранял олимпийскую невозмутимость, когда все вокруг волновалось... Экзамены производились при самой торжественной обстановке: посреди зала ставился длинный, покрытый красным сукном стол и какое-то необыкновенное кресло для директора, напоминавшее трон великих князей московских; на столе лежала целая куча книг в красивых заграничных переплетах и редкие издания римских классиков, из которых мы должны были переводить *à livre ouvert**, начиная с V класса. Любимыми предметами Ильи Федоровича были латынь и русская словесность. Экзамены по этим предметам тянулись иногда с утра и до полуночи. Ученики переводили выбранные им самим отрывки из прозаиков и поэтов. Уже между учениками V класса были такие бойкие латинисты, которые довольно свободно переводили «Георгики» Вергилия, «Элегии» Овидия и даже некоторые из речей Цицерона. Напавши на такого доку, директор оживлялся и долго не отпускал его от стола, наслаждаясь красотами выражений и успехами испытуемого. Но не на одних отличных оставлял свое внимание наш директор. И посредственные ученики от него не скоро отделялись. С необыкновенным терпением он выслушивал не вполне удовлетворительный ответ и весьма искусными приемами старался навести его на дорогу, помогая делать анализ и конструкции слов и заставляя усиленно работать мозгами, и только тогда оставлял его в покое, когда убеждался в его неспособности» (М. К. Чалый. Воспоминания. «Киевская старина», 1889 г. № 4, стр. 87—88; № 5—6, стр. 326—328).

Учебно-воспитательная работа в гимназии.

Преобразованная в семиклассную гимназию только с 1832 г., Новгород-Северская гимназия представляла собой учебное заведение переходного типа и во многом еще напоминала старую бурсу. Ушинский в своих воспоминаниях пишет, что «в гимназии до прихода учителей, как и в киевской бурсе, описанной Гоголем, устраивались различные воинственные игры, оканчивавшиеся иногда порядочным побоищем... Под боком был высокий тенистый монастырский сад, где между двумя рядами могил росли старые ветвистые яблони и груши... Иногда устраивались преинтересные флотилии на соседней промадной луже, причем бывало не без купанья; ученики же постарше бегали иногда и в слободку, расположенную за монастырем и славившуюся веселостью своих обитателей и еще более обитательниц. Весной отправлялись в огромные,

* На любой странице открытой книги, без подготовки.

извилистые рвы, изрывшие меловые окрестности Новгород-Северска; там росла чудная земляника, там же я и сотни подобных мне брали первые уроки в курении табаку из очеретового чубука и глиняной или медовой самодельной трубочки; эти первые уроки оканчивались весьма неприятным опьянением и даже рвотой; иногда давались и гораздо более губительные приятельские уроки и устраивались довольно грязные оргии». (т. XI, стр. 50—51). Наблюдение за повседневным ходом жизни гимназии поручалось инспектору, выносившему на себе всю тяжесть этого нелегкого дела. Однако же директор Тимковский не одобрял телесных наказаний, бывших во всеобщем употреблении в школах, и рекомендовал ограничиваться только более мягкими мерами, которые не могут оказать дурного влияния на характер. Ушинский упоминает о палях (удар линейкой по ладони), стоянии на коленях, ночевке в сторожке и т. п. Увольнения допускались только в исключительных случаях. Однажды, выбившись из сил от нескончаемой возни с нарушителями дисциплины, инспектор представил к увольнению ученика Трипольского. По этому случаю «директор приехал в гимназию и тотчас велел собрать в залу все классы, сказал трогательную речь об испорченности молодого поколения, привел цитаты из Саллюстия и Тацита; наконец, вызвал на середину Трипольского и голосом, полным негодования, сопровождая слова выразительными жестами, сказал: «иди от нас! не оскверняй своим дыханием святилища науки и доброй нравственности». У порога стоял сторож Парамон с грязной метлой, которой и выметал за гимназические ворота негодный сор» (М. Чалый. Воспоминания. «Киевская старина», 1889 г., № 5—6, стр. 305).

Учебная жизнь гимназии шла обычным для этого рода учебных заведений ходом. Были учителя весьма хорошие, но были и посредственные. Учащиеся с обычной проницательностью весьма быстро улавливали все особенности своих учителей и приспособлялись к ним. М. Чалый вспоминает, как в связи с пересмотром преподавательского состава у них в одно время «не стало почтенного педагога Игнатьева с его любезной «арифметичкой», представлявшей нам не иначе, как в образе синей тетрадки, в которой нам досконально были известны все задачи со всеми их нехитрыми решениями. Мы отлично понимали, как «в один высокоторжественный день выстрелено было из пушек 101 раз и сколько пороху на эти выстрелы было потрачено», «как катилось колесо и сколько раз оборотилось оно в минуту». Задачи эти много лет повторялись слово в слово, так что не знать их решения мог только самый несообразительный человек» (М. Чалый. Воспоминания. «Киевская старина», 1889 г. № 4, стр. 81). Зато новый преподаватель удивил всех, потребовав от учеников не только решения задач, но еще и рассуждения при этом. Тот же автор вспоминает другого преподавателя — латиниста, который, желая привлечь внимание учащихся

к изложению жизнеописания Датама по Корнелию Непоту неизменно употреблял один и тот же прием, говоря: «вообразите, господа, как этот воинственный муж скачет на коне» и учащиеся, заранее подготовленные к этой фразе, сейчас же начинали допрашивать его: «А какой масти была лошадь у Датама? А как ехал Датам — рысью или галопом? Чем кормил Датам своего коня — овсом или сеном» и т. д., пока преподаватель не замечал, что над ним смеются (там же, стр. 85). Эти единичные примеры не говорят еще о гимназии в целом. Они показывают только, что в таких случаях учителя находили себе отрицательную оценку. Наряду с ними были и положительные типы учителей. Ушинский, кроме Тимковского, вспоминает «любимого учителя истории» — Михаила Ерофеева.

Воспитание
и обучение
К. Д. Ушинского
в гимназии,
его итоги.

Регулярно посещать гимназию Ушинский начал с III класса. До этого времени, проходя программу I и II классов под руководством матери, он, можно думать, являлся в гимназию в указанные администрацией сроки для проверки пройденного дома материала. На этом основании в увольнительном свидетельстве, выданном Ушинскому по окончании гимназии, педантично отмечено, что он «поступил в гимназию 1833 г. октября 10 дня в I класс и был в оном год» и т. д. М. Чалый пишет: «в III классе обратил на себя внимание всего класса как привлекательной наружностью, так и своим почти детским возрастом милостивый мальчик лет 12 — Костя Ушинский. Ему не было полных 12 лет» (Киевская старина, 1889 г., № VIII, стр. 303, 436). Между тем в III классе были старожилы, которым кончался уже второй десяток лет. Пребывание с ними в одном классе грозило новичку неприятностями. «На новичка Костю, мальчика женственного, деликатного сложения, всегда чистенько одетого, наши 18—20-летние молодцы с первого же дня поступления в их общество посмотрели косо и стали чинить ему разные гадости» (там же, стр. 437). Посещение гимназии было сопряжено для Ушинского с длинным путешествием через весь город.

«Новгород-Северская гимназия, — писал он, — стояла за городом; а домик моего отца находился на другой стороне города — верстах в четырех от гимназии, тоже за городом, и в местности гористой и очень живописной». Таким образом, приходилось совершать ежедневное путешествие около 8 верст. На половине пути к гимназии находился дом Чалого, к которому Ушинский изредка заходил отдохнуть и с которым всегда возвращался из гимназии. Чалый отмечает, что у Ушинского не проявлялось признаков какой-либо гордости своим происхождением и он просто и откровенно беседовал с его родными, иногда завтракал у них, если ему случалось уходить из дому без чаю. Очень скоро Чалый посвятил своего товарища во все таинства охоты с ружьем и уженья. Катанье на лодке Ушинский любил

сразу и охотно принимал участие вместе с учениками гимназии в сооружении из досок монастырского забора всякого рода флотилий на соседней громадной луже. Что касается охоты с ружьем, Ушинский не влюбил ее с самого начала из сострадания к убиваемым животным.

Что дала Ушинскому гимназия? Об этом лучше всего мог сказать он сам. Набрасывая воспоминания о своем обучении в школе уже в зрелые годы, после того как ему пришлось ознакомиться с целым рядом учебных заведений, Ушинский оценивал работу своей гимназии, несмотря на очевидные недочеты ее работы, положительно. «Воспитание, которое мы получили в 30-х годах в бедной уездной гимназии маленького городка Малороссии, Новгород-Северска, было в учебном отношении не только не ниже, но даже выше того, которое в то время получалось во многих других гимназиях. Этому много способствовала страстная любовь к науке и несколько даже педантическое уважение к ней в покойном директоре Новгород-Северской гимназии, старике-профессоре, имя которого известно и ученой литературе, И. Ф. Тимковском... Искренние ученые стремления и глубокие религиозные убеждения, соединявшиеся в незабвенном Илье Федоровиче, имели сильное влияние на гимназию... Между нами жило, мы и сами не знали почему, какое-то благоговейное уважение к науке и к тем немногим учителям и даже товарищам, которые ею ревностно занимались. Умение переводить трудные места Горация или Тацита было патентом на всеобщее уважение. Такого ученика VII класса знали даже довольно оборванные мальчуганы первойшего (т. е. приготовительного) класса, смотрели на него с уважением и произносили его имя, как имя Гумбольдта. Другие предметы были слабее, а новые языки, по неимению ни хороших преподавателей, ни хороших руководств, шли очень плохо... Если теперь припомнить, — резюмировал свои выводы Ушинский, — все, что могла дать гимназия прилежнейшим из своих учеников, то нельзя не сознаться, что все это было весьма не обширно. Хорошо уже и то, что у большей части учеников были любимые предметы; но вообще учение далеко не достигало той полноты подготовительных сведений, которых можно и должно требовать от гимназий. Мы узнавали только кое-что то из той, то из другой науки; но любили и уважали то, что узнавали, и это уже было много. Плохие, тощие учебники и отсутствие всяких педагогических сведений в преподавателях всего более были причиной такой неполноты сведений, потому что при хорошем учебнике и благоразумном методе и посредственный преподаватель может быть хорошим». Зато, когда впоследствии Ушинский присмотрелся к внутренней жизни столичных школ, когда «узнал, что в иных огромных детских казармах, где все так вылакировано, вычищено, все блестит и сверкает, все хвастливо кидается в глаза своей обдуман-

ностью и порядком, где дети находятся ежеминутно под бдительным надзором неусыпных начальников, украшенных за свою бдительность всеми возможными отличиями,— заводятся между детьми те же пороки, которые водились и между нами в бедных лачугах Новгород-Северска. Только эти пороки принимают здесь еще более характер повалых болезней, тщательно скрывааемых, но не искореняемых начальством»,— тогда положительные качества его гимназии встали перед ним во весь рост: «О! тогда я оценил по достоинству и постовые молитвы покойного Ильи Федоровича и наше уважение к одам Горация, и нашу любовь к учителю истории, и нашу гордость своими маленькими сведениями, и почтительный страх, который овладевал нами при слове: университет!» (т. XI, стр. 46—48, 51—52).

* *
* .

Лишившись с 12 лет матери, а следовательно, и разумного постоянного присмотра, предоставленный большею частью самому себе, Ушинский развивался за время гимназического курса с некоторыми болезненными отклонениями в сторону. Он сам отмечает некоторые из таких отклонений. «Слишком большое уединение, в котором я проводил большую часть своего времени дома, длинные, более чем полуторачасовые прогулки в гимназию и назад по пустынным кручам Десны в соединении с несколькими десятками путешествий и романов, которые я прочел в библиотеке отца, оставленной на наш произвол, слишком рано и сильно развили во мне мечтательность» (т. XI, стр. 57). Это не могло не отразиться и на учебной работе Ушинского. Обладая блестящими способностями и превосходя своих товарищей по развитию, самостоятельно при помощи мачехи изучив немецкий язык и научившись без словаря читать немецких авторов, Ушинский в последних классах гимназии относился к учебной работе без надлежащего рвения, обнаруживая, согласно определению совета гимназии, прилежание посредственное. Возможно, что здесь сказались домашние обстоятельства, связанные с вторым браком отца, и наступившей в доме шумной жизнью; возможно, что в связи с возрастом Ушинского в нем возникал ряд психо-физических изменений, нарушавших спокойное течение его жизни. По воспоминаниям Чалого, «по временам на него нападала хандра: он становился то задумчивым, то раздражительным; в спорах не терпел ни малейшего противоречия. Заложив руки в карманы, ходил по классу, бросая по временам насмешливо-презрительные взгляды по адресу суетившихся за уроками товарищей. Эта эксцентричность была предметом острот товарищей: его звали «ученейшим» и «философом» («Киевская старина», 1889 г., № VIII, стр. 442).

Выпускной экзамен, произведенный в июне 1840 г., обнаружил, что у Ушинского имеются знания по всеобщей и русской истории — отличные, в русской словесности — отличные и хорошие, в географии и статистике — хорошие (а также в законе божием), в латинском языке, физике, в рисовании и чистописании — достаточные, в математике — слабые и посредственные. В увольнительном свидетельстве, кроме успехов, отмечены особо поведение и прилежание. О поведении Ушинского сказано: «**Первое:** в отношении к соучащимся вел себя прилично, не обнаружив никаких склонностей, достойных осуждения; **второе:** в отношении к начальству оказывал должное уважение и приветливость и вообще был поведения хорошего». В отношении прилежания отмечено, что «при превосходных дарованиях старание к приобретению знаний употреблял **посредственное**». Увольнительное свидетельство выдано Ушинскому «по его прошению для дальнейшего образования в императорском Московском университете». Под свидетельством имеются подписи: директора Андрея Боторовского, инспектора Герасима Ивановского, законоучителя Василия Лачевского и учителей — математики Иосифа Бонче-Осмоловского, латинского языка Карла Микульского, русской словесности Федора Киреева, физики Матвея Домидовского, истории Михаила Ерофеева, немецкого языка Эдуарда Штранге и французского языка Ромуальда Саковича.

3. ГОДЫ ОБУЧЕНИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1840—1844)

Несмотря на то что количество и качество знаний, усвоенных Ушинским в гимназии, было сравнительно невелико, он вынес из нее любовь и уважение к науке, и почтительный страх овладевал им и его товарищами при слове «университет». Ушинскому было 16½ лет, когда он был зачислен на юридический факультет Московского университета. Начиналась самая трудная и самая ответственная пора его духовного развития, пора формирования мировоззрения, созревания его научных взглядов и всестороннего развития его личности. 16-летний возраст в представлении Ушинского на всю жизнь связался с мыслью о начинающемся расцвете духовной жизни. Именно в это время под оживляющим впечатлением университетской атмосферы Ушинский до осознанности ясно испытал, как начинает формироваться его духовная жизнь, как вступает в силу его разум, просыпаются его творческие силы. «16-летний возраст, писал он, это именно то время, когда начинает формироваться в человеке убеждение... Только теперь настает пора воспитания идеи, мысли, таинственная формация взглядов на жизнь и убеждений, — именно та пора, когда наука начинает действовать на душу человека... В эти первые годы юности именно и начинается об-

разование человека наукой... Юность любит свои рождающимися силами и не любит ходить на помочах. Здесь уже возможны только свободные убеждения, овладевающие мыслью, пленяющие воображение и потом уже проникающие в сердце и характер. В 16-летнем возрасте начинается формирование в человеке убеждений под влиянием тех явлений, которые его окружают и тех мыслей, которые в нем пробуждаются этими явлениями»*.

В старейшем университете России Ушинский сразу почувствовал себя в атмосфере, насыщенной десятилетиями умственной жизни, пропитанной традициями 80-летней научной работы и опытом социально-политических исканий. Понятно, что если в доуниверситетский период Ушинский получал только элементы знаний и только зачатки социально-политических настроений; если вместе с своими товарищами он узнавал «только кое-что то из той, то из другой науки» и не достигал «той полноты подготовительных сведений, которой можно и должно требовать от гимназии» (т. XI, стр. 17), то именно здесь, в университете, эти элементы и задатки раннего периода жизни Ушинского в связи с вступлением его в ответственный возраст юности должны были оформиться и приобрести более или менее определенную социально-политическую окраску и научно-философское выражение. Здесь, в университете, Ушинский получил то направление, с которым вышел в жизнь и которое составило основу его дальнейшего развития.

**Поездка
в Москву
и поступление
в университет.**

Эмоциональная приподнятость Ушинского в перспективе поступления в старейший русский университет, естественно, должна была превратить поездку в Москву в событие огромного значения в его личной жизни. Эту поездку Ушинский попытался однажды сделать предметом автобиографического рассказа. Рассказ этот не получил окончательной отделки и не вошел в книгу («Детский мир»), для которой был предназначен. Но все же в нем хорошо сказано о том настроении, с которым Ушинский с товарищами подъезжал к Москве. Вот небольшой отрывок из этого рассказа:

«Выпускной гимназический экзамен окончен; аттестат на руках: пора собираться в университет. Трое из нас выбрали отдаленный университет — Московский. Почему? — трудно решить. Какое-то неизъяснимое очарование скрывалось для нас в слове «Москва». Нанят троечный извозчик, — мы были не довольно богаты, чтобы ехать на почтовых, — отслужен напутственный молебен. Я плакал горько, прощаясь в первый раз с родным гнездом; но в этих слезах было и какое-то отрадное

* А. Н. Острогорский, Собрание неизданных сочинений К. Д. Ушинского (материалы для «Педагогической антропологии» т. III и материалы для биографии), Спб., 1908, стр. 129—131.

чувство: широкий мир, о котором мы только мечтали, наконец, открывался перед нами! Но вот и красивые горы, с которых съезжал когда-то удалой князь Игорь, отправляясь на половцев, и главы Спасовского монастыря, в котором скрывался когда-то беглый инок, задумавший сделаться царем на Москве, — скрылись вдали...

Мы ехали дней 12. Мценск показался для нас хорошим городом, Орел и Калуга громадными, красивыми городами для нас, не видевших до того времени ничего лучше Новгород-Северска. Но что же должны были мы почувствовать, когда наш ямщик, выезжавший обыкновенно до света, когда мы еще крепко спали в кибитке, разбудил нас, говоря: «Не хотите ли, господа, взглянуть на Москву!» Сон слетел с нас в одну минуту и мы, стоя на передке, смотрели во все глаза, смотрели и не понимали: неужели это один город обхватил полгоризонта? Москва еще была верстах в 30 от нас, едва виднелась в светлом утреннем воздухе; а верхушки церквей и колоколен ярко блестели своими золотыми главами, видны были — и впереди, и направо, и налево, составляя громадный полукруг... Мы остановились где-то неподалеку от Сухаревой башни...» (Соч., т. XI, стр. 247—249). Путешественникам предстояло в первую очередь выполнить неизбежные формальности, которым подвергались все поступавшие в университет, — подвергнуться испытаниям. В справке об окончании Московского университета, выданной К. Д. Ушинскому, сказано, что он «поступил в Московский университет на юридический факультет в августе 1840 г. по свидетельству Новгород-Северской гимназии и удостоен звания студента Московского университета по надлежащем испытании, каковому подвергались, все поступающие в университет». «Уже во время приемных экзаменов и первых лекций в университете мы все, вспоминает Ю. Рехневский, обратили внимание на Ушинского, тогда весьма молодого человека, почти мальчика, с черными выразительными глазами, с умным и грустным симпатичным лицом, которого живая и бойкая речь с чуть заметным малороссийским акцентом, оригинальные и резкие суждения по поводу университетских лиц, тогдашних театральных и литературных явлений и всего того, что интересовало наш университетский мир, невольно возбуждали общее сочувствие, какое возбуждает всякий, выходящий из ряда обыкновенных молодой человек» (т. XI, стр. 405).

Так Ушинский с товарищами вошел в тот таинственный мир, о котором он до сих пор мог только издали мечтать, мир науки, на который еще в гимназии он приучился смотреть с благоговением и надеждой. Что в действительности дал этот мир Ушинскому и как он использовал полученное, — ответ на этот вопрос может быть более или менее полно развернут только в дальнейшем, в связи с анализом социально-политических, философских и педагогических идей Ушинского, раз-

вивавшихся им на базе, полученной в университетском образовании. В настоящем обозрении по необходимости придется ограничиться в первую очередь скудными рамками внешних биографических данных.

**Московский
университет
после реформы
1835 г.**

Можно считать общепринятой и неоспоримой развитую еще А. И. Герценом точку зрения, что Московский университет со дня своего основания, несмотря на полицейскую опеку, которой он подвергался со стороны царского правительства, стал центром умственной жизни России. И чем туже стягивались тиски абсолютизма над русской жизнью, тем сильнее она создавала в Московском университете свой умственный центр. С Московским университетом связали свои имена лучшие деятели русской науки и литературы, начиная с Ломоносова и Новикова в XVIII в. «Я так многим обязан университету,— писал об университете своего времени Герцен,— и так долго после курса жил его жизнью, с ним, что не могу вспоминать о нем без любви и уважения. В неблагодарности он меня не обвинит; по крайней мере, в отношении к университету легка благодарность, она не раздельна с любовью, с светлым воспоминанием молодого развития». Но лучшей эпохой в жизни Московского университета были несомненно 40-е годы, наступлению которых предшествовало реакционное изменение университетского устава в 1835 г., отменившее автономию университетов и отдававшее их под ближайший надзор попечителей округов. Реакционный смысл изменения университетского устава заключался в том, чтобы сжать самостоятельность научных сил университета, подчинив их надзору попечителей. Однако, вопреки откровенно реакционному смыслу реформы университетского устава, реализация этой реформы совпала с давно уже подготовлявшимся обновлением научных сил университета путем подготовки профессоров для различных университетских кафедр за границей. В силу этого, с конца 30-х годов в Московском университете появилась целая фаланга новых и молодых профессоров, только что возвратившихся из-за границы, где они обучались каждый по своей специальности. Новый попечитель Московского округа, граф С. Г. Строганов сочувствовал этому мероприятию и поддерживал его. О гр. Строганове этого периода с уважением отзывался Герцен, неоднократно имевший с ним беседы по принципиальным вопросам. «В графе Строганове, писал Герцен после одной из таких бесед, бездна рыцарски благородного. Длинный замечательный разговор» (Дневник, 26. XI 1843 г.). После второго посещения Герцен записал в своем дневнике: «Я долго был у него; расстались, кажется, довольные друг другом; странный он человек, но я уважаю многое из его качеств и, без сомнения, он очень важен для Московского университета и для просвещения всей России» (17. XII 1844 г.).

К началу 40-х годов Московский университет благодаря стечению отмеченных обстоятельств, оказался внешне и внутренне обновленным и идейно вооруженным для той большой идеологической работы, которая, естественно, концентрировалась в нем как центре умственной жизни России в тот тяжелый период, когда над ней царил со всей силой гнет николаевского режима. «Московский университет гремел тогда по всей России, — писал К. И. Бестужев-Рюмин о 40-х годах. — Он поднялся на такую высоту, что давал тон всей умственной жизни русского общества: во всех концах России были его ученики, разносившие далеко о нем славу. В эти годы Московский университет был общим чаянием почти всего, что было мыслящего в России, верховным ареопагом в деле науки; он блистал плеядой талантов в разных родах и разных направлениях: Соловьев и Шевырев, Катков и Редкин, Грановский и Крылов, Кавелин и Морошкин, Кудрявцев и Чивилев, — что может быть противоположнее по таланту и направлению, по складу ума и характера? Над всем этим разнообразием умов, характеров и даже направлений подымалось одно общее свойство — дух высокой нравственности»*.

Только что цитированный автор прав в том отношении, что обновленный новыми научными силами Московский университет стал еще концентрированнее отражать в своей идеологической работе то, что происходило в экономической и политической жизни России в целом и что отражение это не было однородным, так как неоднородными были и университетские научные силы. В их среде были представители различных общественных течений, как консервативных, так и прогрессивных. Между ними естественно устанавливались антагонистические отношения, находившие себе выражение в содержании и методах работы отдельных дисциплин. Но это была не только внутриуниверситетская борьба, это было идеологическое отражение той практической и идейной борьбы, которая захватывала собой всю русскую жизнь. Московский университет был действительно идейным центром этой борьбы — борьбы дворянской феодальной идеологии, с одной стороны, и новой, различно-демократической, с другой стороны, борьбы старой схоластической науки с новой, опытно-исследовательской. И тот, кто входил в университет в качестве ли студента, или преподавателя, охватывался этой внутренне противоречивой и напряженной боевой атмосферой. В этой атмосфере оказался К. Д. Ушинский вплоть до окончания университета в 1844 г.

Чтобы констатировать, что и как впитывал Ушинский в университетской среде, нужно более или менее отчетливо знать, чем дышал он в этой атмосфере. К сожалению, атмос-

---

* Е. Шмурло, Очерк жизни и научной деятельности К. И. Бестужева-Рюмина. Юрьев, 1899, стр. 30—32.

фера эта не нашла еще надлежащего отражения ни в истории университета, ни в истории общеидеологического развития России первой половины XIX в. Давно сложившаяся либеральная традиция выдвинула на первый план расхождения, разделявшие идеологов дворянства — славянофилов и западников и притом в узких пределах юридического факультета, как если бы этим факультетом исчерпывались идеологические движения в стенах Московского университета. Но, не говоря уже о том, что Грановским и Шевыревым не исчерпывались даже расхождения внутри юридического факультета, помимо юридического факультета в университете функционировали еще и другие факультеты — историко-филологический, физико-математический, медицинский. Один медицинский факультет насчитывал в своих пределах свыше 500 студентов, причем численное соотношение студентов всех факультетов можно схематически представить в таких цифровых данных: одну единицу в общем числе студентов составлял историко-филологический факультет (45 студентов), две единицы — физико-математический факультет (82 студента), четыре — юридический (164 студента) и двенадцать — медицинский (500 студентов), общее же число всех студентов университета в начале 40-х годов составляло примерно около 850 человек в году. И если на юридическом и историко-филологическом факультетах преобладающее место принадлежало более или менее знаменитым профессорам филологии, философии, истории, юридических наук, то и на других факультетах были свои знаменитости, которые не проходили незамеченными в общестуденческой массе, — геологи, географы, зоологи, физиологи, антропологи и т. п., количество же студентов этих факультетов втрое превышало число студентов, изучавших идеологические дисциплины. Можно сказать, что интересы $\frac{3}{4}$ всего числа студентов клонились к изучению реальных вещей, идеологическими же вопросами была занята только $\frac{1}{4}$. Само по себе это еще ничего не говорит: реальные предметы можно изучать идеалистически, и обратно, идеологические предметы можно трактовать материалистически. Но уже эта направленность масс университетской молодежи в область медицинских и физико-математических дисциплин и, с другой стороны, значительное количество студентов юридического факультета, стремившихся к изучению правовых отношений прошлого и настоящего, говорит о наличии объективных условий, которые создавали эту потребность в изучении природы и общественных отношений. Как конкретно велось это изучение и как конкретно оно отражалось на формировании мировоззрения К. Д. Ушинского, — это возможно установить только при ближайшем анализе имеющихся данных.

Совершенно понятно, что основным идеологическим воздействием университета на студентов являлись официальные

курсы каждого факультета. Естественно поэтому спросить прежде всего, какие курсы и каких профессоров прослушал Ушинский. Почти одновременно с ним обучался на юридическом факультете известный впоследствии собиратель произведений русской устной словесности А. Н. Афанасьев. Он был на два года моложе Ушинского и когда последний кончал четвертый курс, он переходил на третий. Фактически они слушали почти одни и те же курсы, читавшиеся по одному и тому же учебному плану. После Афанасьева остались подробные воспоминания о его обучении на юридическом факультете* и в первую очередь о том плане, по которому велось обучение на юридическом факультете в начале и середине 40-х годов XIX в. Все предметы учебного плана делились на две группы — предметы факультетские (или основные), составлявшие самую суть юридического специального образования, и предметы побочные к специальному курсу, но имевшие общеобразовательное значение, завершавшие общее образование гимназического курса и в то же время облегчавшие усвоение специально юридических дисциплин. Самые общие факультетские предметы изучались уже на первом и втором курсах, причем все остальное время этих курсов заполнялось прохождением побочных предметов. На третьем и четвертом курсах читались исключительно факультетские предметы. Баллы по факультетским предметам принимались во внимание при определении степени для оканчивающих курс, а именно — требовалось иметь не менее 4½ баллов в общем выводе для получения степени кандидата и 3½ для получения степени действительного студента. Баллы, полученные на экзаменах по побочным предметам, принимались во внимание только при переходе с одного курса на другой, для чего достаточно было иметь в среднем отметку 3½. В окончательном выводе эти отметки не принимались во внимание.

По курсам предметы юридического факультета распределялись так:

1-й курс: основные предметы — Государственное право (Редкин); История русского законовещения (Морошкин); побочные предметы — Теория словесности (Шевырев); Богословие (Терновский); Латинский язык (Фабрициус); Немецкий язык (Геринг); Древняя всеобщая история (Крюков).

2-й курс: основные предметы — Государственное право (Редкин); История римского права (Крылов); побочные предметы — Статистика и политическая экономия (Чивилев); Русская история (Погодин, Соловьев); Всеобщая история средних веков (Грановский); Логика (—).

---

* А. Н. Афанасьев, Московский университет 1843—1849 гг. («Русская старина». 1886 г., № 7).

3-й курс: основные предметы — Гражданское право (Морошкин); Уголовное право (Баршев); Полицейское право (Лешков).

4-й курс: основные предметы — Гражданское судопроизводство (Морошкин); Уголовное судопроизводство (Баршев); Международное право (Лешков).

Каких-либо конкретных выводов из этого схематического плана, конечно, делать нельзя, но план этот все же представляет собой определенный исторический документ, и некоторые общие соображения, вытекающие из наблюдения этого плана, все же являются законными. Прежде всего нужно признать весьма значимым то обстоятельство, что специальные факультетские курсы дополнялись побочными общеобразовательными предметами, восполнявшими недостатки и неполноту гимназического курса и расширявшими понимание специальных курсов. Характерно, что главное место среди этих побочных предметов занимают предметы историко-филологического факультета — древняя, средневековая и русская история, два языка и теория словесности, логика. Понятно, что это далеко не все предметы общего образования, знание которых являлось необходимым для образованного человека середины XIX в. Поэтому, если некоторые из студентов юридического факультета уже по выходе из университета обнаруживали серьезную осведомленность в вопросах естествознания, психологии, антропологии, то источник этой осведомленности законно искать за пределами факультетских и даже университетских курсов.

Таков первый вывод, напрашивающийся при рассмотрении плана, по которому учился А. Н. Афанасьев. По совершенно сходному плану, за небольшими исключениями, которые будут отмечены в дальнейшем, учился и К. Д. Ушинский, шедший впереди Афанасьева на 2—3 года. В плане Афанасьева точно отмечены профессора, читавшие соответствующие курсы: несомненно те же профессора читали курсы и при Ушинском. Если попытаться дать самую общую политическую характеристику этим профессорам, то их легко распределить на две группы: в первую, реакционную, следует отнести — С. П. Шевырева, М. П. Погодина, Н. И. Крылова и, возможно, С. И. Баршева; в группу прогрессивных профессоров следует отнести — Т. Н. Грановского, Д. Л. Крюкова, А. И. Чивилева, П. Г. Редкина, Ф. Л. Морошкина. Эта группа численно превосходила первую, но в первой был Н. И. Крылов, крепостник и монархист, в то же время состоявший деканом юридического факультета и откровенно преследовавший прогрессивных профессоров и в первую очередь П. Г. Редкина. Именно по его доносу Редкин вместе с некоторыми другими профессорами вынужден был подать заявление о «добровольном» оставлении работы профессора в Московском университете. Уже из этой предварительной характеристики состава преподавателей юридического факуль-

тета легко сделать вывод, что внутренние отношения этого коллектива не могли не быть сложными и напряженными, получая выражение во враждебных идейных столкновениях, говоривших о классовой противоположности их интересов.

Обращает на себя внимание и специально факультетская часть учебного плана. При первой же попытке его обозрения бросается в глаза то, что он был построен в строгом согласии с реакционными установками правительства Николая I, направленными на подавление демократических движений, развивавшихся в стране с начала XIX в. Согласно этим директивам, на юридическом факультете должны преподаваться не отвлеченные теории с их опасными для монархии уклонами, а совершенно конкретные государственные законы — уголовные, гражданские, полицейские, международные, и самые лекции должны сводиться к изложению или даже текстуальному чтению этих законов. Что касается теоретического обоснования этих законов, то оно должно выразиться в чтении курса государственного права, который должен дать общее обоснование монархического строя, а также исторических курсов русского законовещения и римского права. Установившаяся с конца XVIII в. традиция преподавания теоретических основ права в виде курсов энциклопедии законовещения, естественного (или что то же — народного) права — эта традиция, со времени предпринятой в начале 20-х годов XIX в. мракобесами Магницким и Руничем чистки профессоров Казанского и Петербургского университетов, рассматривалась как революционное посягательство на самодержавную монархическую власть, якобы получающую свои права от бога. Профессора, имевшие хотя бы намеки на какое-либо положительное отношение к этим курсам, изгонялись без права дальнейшего преподавания. Ультраправая позиция Магницкого в конечном итоге влекла за собой закрытие университетов и ликвидацию высшего образования.

Правительство Николая I стремилось придать университетскому преподаванию откровенно реакционное направление, преследующее цель защиты монархии. Упрощенный план преподавания юридических дисциплин в высших учебных заведениях, продиктованный монархом, осуществить было нелегко: ему стихийно противостояла традиция теоретического обоснования законов, а не простого их изложения, традиция построения теории права, тяготевшая к либеральным тенденциям, так называемого, естественного права, резко выраженным в начале XIX в. Эта тенденция находила себе выражение в том, что старая терминология дисциплин юридического факультета далеко не сразу устранилась из учебных планов и частично продолжала еще употребляться. Если сравнить учебный план, переданный Афанасьевым и относящийся к середине 40-х годов, с аттестатом Ушинского, относящимся к первой половине этого десяти-

летия, то нельзя не заметить, что в более позднем, по происхождению, учебном плане все унифицировано и сведено к понятию государственного права и его разновидностей (уголовное, гражданское, полицейское, международное право). В аттестате Ушинского, который, возможно, был отпечатан значительно раньше 40-х годов, звучат наименования учебных дисциплин, значительно более облагороженные: вместо всепоглощающего государственного права мы имеем здесь энциклопедию законоведения — курс весьма широкий и разносторонний; вместо полицейского права курс благоустройства и благочиния; вместо уголовного и гражданского прав — соответствующие законы; и, что особенно характерно, вместо международного права — общенародное правоведение, что звучит почти как естественное и народное право начала XIX в. Но как бы ни звучали наименования курсов, само собой понятно, что каждый профессор вносил в читаемый им курс свое понимание предмета, детально проследить за которым чрезвычайно трудно. Во всяком случае уже попытка самой общей ориентировки в учебном плане юридического факультета, действовавшего в 40-х годах, дает нам ту руководящую идею, что основные представители этого факультета — его декан, Н. И. Крылов, и профессор основной дисциплины факультета — государственного права, П. Г. Редкин, были по существу идейными врагами, представителями различных, исключаящих друг друга идеологий, с разных сторон подходивших к осуществлению учебных и воспитательных задач факультета. Между представленными ими противоположными направлениями как-то разделялись остальные преподавательские силы, работавшие одни — в прогрессивном, другие — в реакционном направлении.

Рассматривая узкофакультетские условия жизни Ушинского в университете, нельзя упускать из виду тех общеуниверситетских, а также внеуниверситетских влияний, которые не могли не затронуть и студентов юридического факультета. На других факультетах университета имели место такие же группировки прогрессивных и реакционных сил, возникали аналогичные противоречия и столкновения, создавались своеобразные ситуации. На каждом факультете имелись свои выдающиеся научные силы в областях математики, физиологии, медицины, антропологии и др., продвигавшие науки вперед; их достижения не оставались тайной для студентов других факультетов. На годовых университетских собраниях всегда выступали профессора разных факультетов с научными докладами по очередным вопросам своей специальности; и эти выступления общеуниверситетского характера не могли оставаться вне поля зрения студентов всех факультетов. В середине 40-х и в начале 50-х годов университет устраивал открытые лекции для широкой публики. На этих лекциях выступали с своими лекциями Грановский, Соловьев, Шевырев: это были

лекции преимущественно историко-филологического факультета; наряду с историками и филологами выступал и естествоиспытатель, биолог-эволюционист К. Ф. Рулье. Эти выступления, где отдельные ученые демонстрировали для широкой публики свои достижения в области своей специальности, были в своем роде общеуниверситетскими научными торжествами, которые также не могли проходить бесследно для студенческих масс. Они приобщали их к участию в движении общеуниверситетской и общерусской научной мысли в различных областях.

Приобщение к научной жизни факультетов и всего университета в целом не исключало непосредственного общения студентов с проявлениями этой жизни вне университета — в литературе и науке. Как например такого проникновения внеуниверситетских влияний в среду студентов можно указать на широкое распространение в студенческой среде передовых демократических идей таких писателей 40-х годов, как Герцен и Белинский. Окончив в свое время Московский университет, А. И. Герцен и после выхода продолжал тяготеть к университету, имел знакомства с студентами и профессорами университета, а в 1845 г. он, как вольнослушатель, вместе с студентами посещал курс лекций сравнительной анатомии. В начале 40-х годов печатались его замечательные статьи «О дилетантизме в науке» и «Письма об изучении природы». Работы эти с увлечением читались не только в университете, но и в других учебных заведениях, и митрополит Филарет, обеспокоенный тем, что произведения эти читаются даже в духовно-учебных заведениях, вместе с Строгановым тревожно обсуждал вопрос о мерах, которые можно было бы предпринять против влияния Искандера на молодежь. Одновременно с Герценом широкое влияние на всю мыслящую и особенно учащуюся молодежь оказывал своими статьями некогда изгнанный из Московского университета В. Г. Белинский. 40-е годы были периодом, когда его литературная деятельность достигла своего зенита, когда его влияние на молодежь могло соперничать с организованным влиянием целых учебных заведений. Каждая новая книжка «Отечественных записок», где помещались статьи Белинского без подписи, с нетерпением ожидалась студентами университета и с жаром поглощалась и обсуждалась ими. Ушинский уже в течение 40-х годов находился под несомненным влиянием Белинского, и это влияние, отразившееся бесспорным образом на его педагогических идеях, к сожалению, осталось до сих пор мало изученным⁵. Социально-политические и философские идеи Белинского, не говоря уже о его педагогических идеях, должны быть также учтены, как фактор, действовавший на Ушинского еще в период его университетской жизни. Герцен и Белинский являлись выразителями новой различинно-демокра-

тической идеологии, которая официально не могла найти себе приюта в стенах университета, но которая неудержимо вривалась в его стены извне и неофициально находила себе подчас восторженный прием.

Таковы были общерусские условия воспитания и развития на юридическом факультете Московского университета в начале 40-х годов.

**Студенческая
среда,
оказавшая
Ушинского.**

Переходим к рассмотрению процесса развития Ушинского в университетские годы, в частности, к рассмотрению той студенческой среды, которая составляла какую-то часть общего фона, с большей или меньшей активностью участвовавшую в переработке и освоении воспитательных влияний, сосредоточенных в учреждениях университета.

Согласно эпизодическим сообщениям ряда лиц, более или менее близко общавшихся со студенческой средой Московского университета начала 40-х годов XIX в., среда эта, что естественно, не была однородной и отличалась значительной пестротой. На эту пестроту как в интеллектуальном, так и в социальном отношении неоднократно обращал внимание в своей переписке Т. Н. Грановский. 19 июля 1840 г. он писал: «за студентов наших поручиться нельзя; между ними есть отличные люди в полном смысле слова, и — величайшие негодяи. Иначе и не может быть при пестром образовании наших студентов». В другой раз он пояснял: «студенты занимаются хорошо, пока не кончили курса; по выходе из университета лучшие из них, те, которые подавали наиболее надежд, пошлют и теряют участие к науке и ко всему, что выходит из круга так называемых положительных интересов»*. По своей классовой принадлежности студенты времени Ушинского разделялись на различные группы. Здесь были и представители аристократии, и представители среднего дворянства, и разночинцы. Отношение разных групп студенчества к учебной работе в университете и к идеологическим основам его работы было, конечно, неодинаковым, хотя точного соответствия между классовой принадлежностью и отношением к учебным занятиям, конечно, установить нельзя. По воспоминаниям Афанасьева, «студенты делились на кружки, которые условливались их общественным положением: кружок аристократов по фамилиям и отчасти по состоянию (здесь преобладал французский язык, разговоры о балах, белые перчатки и треугольные шляпы), кружок семинаристов, кружок поляков и кружок (самый обширный), состоявший из всех остальных студентов, где по преимуществу коренилась любовь к русской науке и русской народности. Большею частью студенты жили по квар-

---

* А. Станкевич, Т. Н. Грановский и его переписка, М., 1897, стр. 402, 405.

тирам, занимая небольшую комнату со столом и прислугой, иногда и чаем; некоторые жили весьма бедно; стипендии и уроки были единственным средством их жизни»*.

Ушинский вращался в демократическом кружке и, по отзывам товарищей, занимал выдающееся положение, будучи наиболее отзывчивым на все, происходившее в жизни университета. С большим пренебрежением и сарказмом относился он к первой группе — аристократической. Его симпатии были подлинно демократические. А. Ф. Фролков пишет в своей биографии: «Будучи совершенным демократом по средствам и по взглядам, Ушинский жил душа в душу с такими же бедняками, как сам. Не любил он товарищей богачей и аристократов, в особенности тех, в которых проявлялась наглость, заискивание, низкопоклонство. Он беспощадно казнил тех из них, которые перед экзаменами ездили к профессорам с визитами и поздравлениями и старались обратить на себя внимание прилежным записыванием лекций у таких профессоров, которые читали по печатным книгам». Ю. Рехневский, однокурсник и друг Ушинского, также подчеркивает, что несмотря на стесненное материальное положение, Ушинский делился с товарищами последним рублем и последней трубкой табака. При этом «он вовсе не чуждался театров и известных трактиров Печкина и «Великобритания», которые заменяли для нас клубы и читальни, так как в них имелись всегда в нескольких экземплярах не только лучшие тогдашние журналы, но и вновь выходявшие, наиболее читаемые тогда книги. Уже тогда Ушинский отличался некоторыми качествами, которые впоследствии наделали ему много врагов и принесли немало огорчений,—именно полнейшей независимостью характера и привычкой высказывать каждому откровенно свои убеждения. Студенты-аристократы, любившие пускать пыль в глаза французскими фразами, рысаками, франтовскими мундирами и всякими модными затеями, страшно боялись Ушинского, которого острооты попадали очень метко» (т. XI, стр. 409). Как и другие студенты, Ушинский нанимал квартиру, причем имел в своем распоряжении человека для услуг (Ивана), предоставленного в его распоряжение отцом. Но средства к существованию были ничтожны, и он давал частные уроки. Как и другие товарищи, возвращаясь с каникул, Ушинский привозил с собой известные запасы продуктов, которые служили ему и его товарищам подспорьем в питании.

Центральное место в жизни студента занимали, конечно, лекции профессоров. Профессора 40-х годов выступали на кафедре большей частью как уже совершенно сложившиеся ученые с собственными курсами и не читали их по тетрадкам, как это имело еще место в первой четверти XIX в., но излага-

---

* А. Н. Афанасьев, Цит. выше статья, стр. 393.

ли свой предмет устно. Очень часто кроме лекций других пособий к экзаменам не было. Отсюда вытекала необходимость записи лекций со слов профессора. Для этого необходимо было своевременно попасть в аудиторию. На первом курсе лекции популярных профессоров слушало более 200 человек. Чтобы занять место в аудитории, наиболее удобное для слушания и записывания лекций, студенты толпой ожидали по утрам, когда откроется дверь аудитории, и затем стремительно занимали намеченные места, положив на парту тетрадь или фуражку. Не успевшие занять место на передних партах, усаживались на ступеньках профессорской кафедры с тетрадками и чернильницами. Таким образом, профессор часто оказывался окруженным на своей кафедре группой студентов. Именно такую картину лекций довольно часто рисует в своей переписке Т. Н. Грановский.

Как можно судить по привычкам Ушинского, сложившимся еще в период его гимназической жизни, он лекций не записывал, но воспринимал и усваивал их непосредственно в процессе слушания, быстро и сильно реагируя на основное содержание, идею лекции. Содержание лекции часто делалось предметом оживленного обсуждения непосредственно после ее окончания. Иногда зачинщиком такого обсуждения являлся сам Ушинский. Как видно из дневника, который вел Ушинский в первый год по окончании университета, готовясь к экзамену на магистра, возражения лектору он иногда заносил в свой дневник. В процессе слушания лекций складывалось отношение студентов к профессорам, и Ушинский оказывал большое влияние на своих товарищей суждениями о достоинствах и недостатках профессорских чтений. Ю. С. Рехневский сообщает, что Ушинский недолюбливал некоторых профессоров; особенно часто страдал от его острых слов один профессор русской словесности, человек весьма ученый и оказавший большие услуги науке, но читавший лекции с невыносимой аффектацией. Ненавистен был ему еще один профессор, которого теория уголовного права не отличалась гуманностью взглядов (Соч. Ушинского, т. XI, стр. 409)*. Если в первом случае Рехневский имеет в виду проф. Шевырева, то возможно, что не одна аффектация его произношения была причиной резких выпадов Ушинского, а и реакционность взглядов этого профессора, выступавшего постоянным антагонистом кумиру московского студенчества, проф. Грановскому. Лекции профессоров подвергались со стороны Ушинского не только критике, но и своеобразному комментированию. «Ушинский уже в то время поражал всех нас,— пишет Рехневский,— своими необыкновенными способностями... Он с необыкновенной лег-

---

* В первом случае, вероятно, имелся в виду проф. литературы С. П. Шевырев, во втором — проф. уголовного права С. И. Баршев.

костью и быстротой усваивал себе самые трудные философские и юридические теории, относясь к ним всегда критически. Нередко случалось, что после выслушания лекции, в которой нам преподавалась какая-либо слишком мудреная теория (например, теория владения по римскому праву и по разъяснению немецких юристов) слушатели, плохо поняв суть дела, обращались к Ушинскому с просьбой изложить им всю эту мудрость по-своему, и он всегда успевал растолковать им сущность лекции совершенно верно и удобопонятно. Память у него была до такой степени объемиста, что он даже вполне знал ту часть статистики, в которой проф. Чивилев знакомил нас с профилями Центральной Европы при помощи исчисления всех горных вершин и проходов с показанием вышины их над уровнем моря. До такого совершенства никто из нас, товарищей Ушинского, никогда не доходил. Благодаря этой памяти он почти вовсе не готовился к университетским экзаменам и ему достаточно было в течение года прослушать любой университетский курс, чтобы в мае месяце сдать переходный экзамен» (т. XI, стр. 407—408).

Помимо университета, где слушались лекции и велись различные теоретические и практические занятия, студенты чаще всего собирались в находившемся против университета трактире, прозванном «Великобритания». Трактир этот, расположенный напротив экзерциргауза (в недавнее время — «манеж»), так и назывался студенческим. Здесь студенты закусывали, обедали, играли на биллиарде, пили, кутили, обменивались новостями, знакомились с текущей журнальной и научной литературой. В дневнике Ушинского, писанном на другой год после окончания университета, имеется запись, в какие часы его можно видеть в библиотеке и в «Великобритании»: очевидно, он придерживался порядка, установившегося еще в период студенческой жизни. Трактир был чем-то вроде студенческого клуба. Прислуга трактира знала университетские обычаи, в трактире висело расписание лекций и в определенные часы, согласно расписанию, студентам давали знать о начале лекций того или другого из профессоров. Когда в «Великобритании» не оказывалось никого из студентов, это было знаком того, что идут лекции кого-либо из наиболее популярных профессоров — Грановского, Редкина, Рулье и т. п.⁶.

Идейно-философские направления в Московском университете начала 40-х годов.

Отвечая на вопрос, как шло философское и социально-политическое развитие Ушинского за время его обучения в университете, необходимо принять во внимание не только общий уклад университетской жизни определенный его уставом, учебными планами и т. п., но в первую очередь содержание курсов, прослушанных и проработанных Ушинским, определявшееся прежде всего идейным направлением преподавания. Как легко усмотреть из приведенного вы-

ше перечня предметов преподавания, в составе профессоров юридического факультета были, с одной стороны, широко известные, передовые ученые, входившие в западную (согласно принятой в середине XIX в. классификации) группировку научных сил, как-то — Грановский, Редкин, Крюков, Чивилев, Крылов; с другой стороны, ряд профессоров, входивших в славянофильскую крайне правую, реакционную группировку, как-то Шевырев, Погодин; и наконец, группа профессоров, не выделявшихся резко в ту или другую сторону, но добросовестно и спокойно работавших над своим предметом (Лешков, Морошкин, Баршев). В совместной преподавательской работе этих ученых получало направление идейно-философское развитие К. Д. Ушинского. Яркую и выразительную характеристику преподавания на юридическом факультете дал Ю. Рехневский. Как характеристика, данная университетским товарищем Ушинского, она, естественно, вызвала наибольшее доверие и надолго утвердилась в сознании тех, кто знакомился с жизнью и деятельностью Ушинского. «Мы, юристы,—писал Рехневский,—слушали всеобщую историю у Крюкова и Грановского, римское право у Крылова, политическую экономию и статистику у Чивилева. Преподавание их стояло на уровне европейской науки и побуждало слушателей к самостоятельному труду. Особенным сочувствием студентов пользовались два первых из названных профессоров, которых чтения при всей основательности и глубине содержания отличались еще необыкновенной художественностью формы. Но никто из тогдашних преподавателей не производил на нас такого глубокого впечатления, как профессор энциклопедии законоведения и государственного права П. Г. Редкин. В его чтениях было именно то, что могло увлечь молодых людей, был юношеский жар и глубокое убеждение. Он умел возбудить в своих учениках любовь к науке, потому что сам искренно, страстно любил науку, хотя эта любовь вовсе не была у него любовью науки для науки; это собственно была любовь для человечества, ибо П. Г. Редкин искренно верил и заставил нас верить, что наука и цивилизация могут и должны побороть всякое зло на земле, что они водворят свободу и мир и осчастливят людей! В сороковых годах такие идеалистические взгляды были еще возможны. Чтения П. Г. Редкина, всегда увлекательные, переходили иногда в восторженные импровизации, которые производили на слушателей потрясающее действие. Эти лекции привлекали множество слушателей не только юристов всех курсов, но даже медиков и математиков, и часто случалось, что студенты других факультетов, прослушав одну лекцию П. Г., переходили в юридический факультет единственно затем, чтобы иметь возможность слушать его лекции... Лекции П. Г. имели решительное влияние на умственное развитие Ушинского и на дальнейшее направление его

занятий; они впервые ознакомили его с философскими науками и возбудили к ним любовь, и если впоследствии Ушинский всякому занимавшему его явлению старался отыскать философское основание и во всех своих трудах строго следовал философским началам, то этим он преимущественно обязан П. Г. Редкину» (т. XI, стр. 405—407). Фактическая сторона этой характеристики университетских занятий Ушинского не может быть оспариваема. Огромное влияние Редкина-преподавателя — факт. Факт, что Редкин был научным руководителем Ушинского. Неоспоримо, что знакомство с философией и любовь к ней Ушинский получил через Редкина. Но философия философии — рознь. Чему и как в области философии научился Ушинский, что он воспринял в процессе своего общения с научным руководителем? Редкин, как известно, считал себя, да и другие считали его представителем ортодоксального гегельянства. Но гегельянство как философия не оставалось неизменным и уже при жизни своего основателя раскололось на две фракции — правую, реакционную и левую, прогрессивную, требовавшую пересмотра всей системы. Спрашивается, был ли сам Редкин в такой степени ортодоксом-гегельянцем, каким он стремился казаться или как это казалось другим? Редкин, как известно, болезненно переживал режим николаевского царствования, тяготевший над университетской профессурой, и во вторую половину XIX в. публично перед студентами Петербургского университета отказался от гегелевской системы, признав свое прежнее преклонение перед ней ошибкой своей преподавательской деятельности в Москве. В откровенной беседе с своим близким знакомым Редкин говорил о николаевском режиме: «Это были тяжкие годы унижения науки и жизни» (М. В. Шимановский, П. Г. Редкин. Одесса, 1891, стр. 23). Он давал понять, что его гегельянство было подневольной и не совсем искренней данью времени*. Однако же прогрессивную сторону пропаганды гегелевского учения в среде московского студенчества следует видеть в том, что в этом учении заключалось зерно, которое при всех условиях оказывало положительное влияние на философское развитие студентов.

За всем тем лекциями Редкина не исчерпывалось идейное влияние Московского университета на студентов. Относясь с полным доверием к приведенному выше свидетельству университетского товарища Ушинского, Ю. С. Рехневского, об огромном влиянии лекций проф. Редкина на умственное развитие К. Д. Ушинского, нельзя не признать в то же время, что конкретная действительность была много сложнее этого общего утверждения об огромном значении руководящего

---

* Подробнее о Редкине см. во вступительной статье к «Избранным педагогическим сочинениям П. Г. Редкина», Учпедгиз, 1958.

влияния Редкина. В действительности студенты Московского университета жили не только под впечатлением ортодоксальной системы Гегеля, излагаемой в лекциях проф. Редкина: они имели возможность видеть и ее отрицательные стороны. Целый ряд талантливых профессоров Московского университета уже на юридическом факультете давали в своих лекциях критику философской системы Гегеля. Если даже считать, что П. Г. Редкин был убежденным и талантливым пропагандистом и комментатором гегелевской системы для своих слушателей, то не является секретом, что целый ряд талантливых профессоров Московского университета на том же юридическом факультете давали в своих лекциях содержательную критику философской системы Гегеля. Редкин-гегельянец имел и своих принципиальных противников в стенах университета. В числе таких противников необходимо прежде всего упомянуть проф. Д. Л. Крюкова, читавшего древнюю всеобщую историю как побочный общеобразовательный предмет на том же первом курсе, на котором читал энциклопедию законоведения проф. П. Г. Редкин. Крюков разоблачал перед студентами искусственность гегелевских построений, подчиняющих мертвым схемам все явления природы и жизни. Он рассказывал о том, как сам он, будучи студентом, увлекался лекциями Гегеля, в которых было что-то обаятельное для юношей, так как в свете гегелевских построений всякое жизненное явление как-то легко раскрывалось в процессе его внутреннего развития. Крюков рассказывал студентам, как под впечатлением гегелевской философии он и многие из его товарищей, «лежа на диване и бросив все положительные и практические занятия, стали мечтать о судьбах мира и строить все события и будущее государство по троичной системе. Выйти из этой пустоты помогли мне,— рассказывал Крюков,— только превосходные и в высшей степени проникнутые практическим смыслом лекции Савиньи». — В особенности сильным противником абстрактных построений в гегелевском стиле был проф. Н. И. Крылов, читавший историю римского права студентам второго курса одновременно с лекциями проф. Редкина по государственному праву. К. И. Бестужев-Рюмин в своих цитированных выше воспоминаниях рассказывает как «здравая немецко-философская речь гегельянца» (очевидно, Редкина) сменилась в лице Н. И. Крылова «живым, образным преподаванием знаменитого романиста, первую же свою лекцию посвятившего насмешкам над троичностью Гегеля с явными намеками на Редкина». Враг всякого рода абстрактных построений, Крылов требовал в любой области конкретного изучения фактов. «Каждое отдельное явление,— вспоминал Бестужев-Рюмин,— представлялось ему в сложной совокупности отношений, близких и отдаленных, смутным отголоском чего-то более отдаленного и крупного. Он сближал предметы на вид

совершенно неоднородные и в области наиболее сухой и частной находил источник для мыслей с общим значением». Много внимания уделял Крылов психологической характеристике явлений права.

Таким образом, если даже представлять себе П. Г. Редкина таким завзятым гегельянцем, каким его иногда изображают, то все же студенты, как бы ни увлекались они его лекциями, находили им противовес в других лекциях юридического факультета. Известный собиратель русских сказок, А. Н. Афанасьев, окончивший юридический факультет Московского университета года на два позже Ушинского, в цитированных уже воспоминаниях об университете и в частности, о лекциях Редкина, в несколько иронической форме рассказывает, что свои лекции Редкин строил по гегелевской системе и во всяком явлении усматривал три момента развития: момент абсолютного (момент всеобщности), момент конкретного (обособления) и момент единства того и другого. «От этой тройственности он не отступал ни на шаг,— пишет Афанасьев.— Все лекции его делились на три части, из которых каждая опять на три и т. д. В энциклопедии законоведения он объяснял нам развитие по трем его моментам: право обычное, законодательство и право юристов. Право обычное, темно, бессознательно истекающее из массы народа,— это первый момент; второй будет законодательство, где право высказывается уже с сознательной целью, исходит из лица и уславливается его произволом; наконец, в третьем моменте, в котором два первые являются в единстве, право вступает в высшую ступень; здесь оно бывает уже трудом образованных юристов, вышедших из народа и ведающих его нужды и потребности»*. Как бы ни казалось кому-либо такое построение искусственным, на самом деле оно представляет, в отличие от других построений в гегелевском духе, очень серьезное обобщение в области юридических дисциплин. И сам Афанасьев, представив в несколько иронически преувеличенном изображении структуру редкинских лекций, замечает: «Лекции Редкина заставили нас видеть в явлениях сего мира внутреннее развитие и в этом развитии признавать постепенность; показали нам, что ничто не возникает вдруг и что есть законы, которых никак нельзя обойти. Мы были в восторге от его лекций, а на 4 курсе мы уже несколько не восторгались его гегелевскими замашками и смотрели на них с благоразумной трезвостью». Это значит, что к концу курса устанавливалось трезвое отношение к его идеалистическим тенденциям, если таковые были, но оставалось ценное зерно, которое в гегелевской философии несомненно было.

---

* А. Н. Афанасьев, Цит. соч. («Русская старина», 1886 г., № 7).

Из изложенного ясно, что тенденция представить Ушинского верным учеником Редкина и Грановского является односторонней. Сфера влияний, испытанных Ушинским в университете, была значительно шире. Здесь Ушинский имел возможность знакомиться с разными подходами к той философии, которая являлась исходным пунктом в выработке мировоззрения народов Европы первой половины XIX в. Он ознакомился с ортодоксальным изложением этой философии у Редкина, одновременно у Крюкова и Крылова он учился критическому отношению к абстрактным гегелевским схемам и предпочтению конкретного изучения действительности, а Грановский был для него образцом и примером искренности и смелости в убеждениях и самостоятельности научного творчества. Этим сочетанием различных влияний обеспечено было то, что Ушинский уже с университетской скамьи начал самостоятельно относиться к гегелевской системе, не будучи рабом тех отвлеченных категорий, в которые одето было здоровое зерно этой системы. Уже на университетской скамье Ушинский внимательно штудировал основные произведения Гегеля: «Философскую энциклопедию», «Философию права», «Философию истории», возможно, «Феноменологию духа» и др. Это значит, что, пользуясь комментариями Редкина, он внимательно исследует самую сущность философии Гегеля. В одной из своих статей 1866 г. Ушинский вспоминал об этом раннем увлечении философскими построениями Гегеля: «Теперь как-то странно перечитывать все эти диалектические фразы, а между тем лет 20 тому назад (т. е. в середине 40-х годов) это было вовсе не странно и человечество еще недавно искренно любовалось обширной, необыкновенно стройно развитой системой, проходящей по бесчисленным категориям, не затрудняющейся никаким вопросом, не останавливающейся ни перед каким сомнением... Гегелевская философия имела какое-то о туманивающее свойство, так что человек, втянувшийся в нее, переставал понимать возможность мыслить другим образом: он не мог вырваться из этих диалектических форм, растяжимых до бесконечности и всегда готовых к его услугам, к чему бы он ни обратился, и не мог взглянуть на них со стороны простым, здоровым взглядом» (Соч., т. III, стр. 344, 346). Эти строки, без сомнения, имеют автобиографический интерес: Ушинский характеризует эпоху 40-х годов по собственным воспоминаниям и впечатлениям. Действительно, в университетские годы и непосредственно по выходе из университета Ушинский живет еще яркими впечатлениями от философии Гегеля и находится под властью его философских категорий. Из университета Ушинский вышел с значительной долей вынесенных им из изучения гегелевской философской системы положений и несомненно, что с некоторыми из них он не расстался до конца жизни. В известных встречах Ушинского с студентом медицинского факультета Павловым, которого увлек-

ла яркая личность Ушинского (встречи относятся к 1847—1851 гг.), последний развивает идею о том, что все в жизни развивается путем противоречий и их примирения, что радость немислима без страдания. Павлов приходит к выводу, что Ушинский путает живой верден с мертвым зейном (Соч. Ушинского, т. XI, стр. 274—278). Сущность спора, переданного в письме Павлова, не вполне ясна, но совершенно ясно, что Ушинский живет категориями гегелевской философии, пытаюсь проверить их на реальном, жизненном материале. Как будет показано ниже, уже к моменту окончания университета Ушинский жил напряженной внутренней жизнью, критически относился к авторитетам и стремился к самостоятельности. Этим объясняется, что тот фундамент гегелевской философии, который был заложен в нем в университетские годы, в эти же годы начал подвергаться значительной перестройке.

Неизбежность перестройки идеалистического наследства гегелевской философии уже на университетской скамье делается тем более ясной, если принять во внимание, что Ушинский, как и ряд других студентов, едва ли мог ограничиться тем, что он слышал в своей аудитории в смысле оспаривания идеалистических построений. Ограничение идейных влияний на Ушинского именами Грановского и Редкина, естественно, объясняется стремлением ослабить впечатление политической и философской левизны Ушинского в связи с теми преследованиями, которым подвергался как сам Ушинский, так и его сочинения, которые официально не допускались для распространения в школе и среди учителей. Несомненно, имело большое значение уже то, что в пределах юридической аудитории раздавалась резкая критика гегельянства. Однако же студенты юридического факультета жили не только жизнью своей аудитории, но приобщались и к тому, что происходило за ее пределами, на других факультетах. Либеральная легенда, выразившаяся первоначально в некрологе Рехневского, а затем поддержанная иконописным образом Ушинского в биографическом очерке А. Ф. Фролова и, конечно, дружно поддержанная показаниями всех, заинтересованных в реабилитации Ушинского в реакционных кругах,— об этих других влияниях не говорит ничего. Между тем они были, и о них впервые глухо упомянул Л. Н. Модзалевский, сказав со слов Ушинского, что он в юности разделял взгляды левогегельянского направления в философии, которое несомненно означало радикальный поворот в идеалистическом мировоззрении, но, конечно, не могло оформиться только под влиянием таких профессоров, как Грановский и Редкин, которых начал критиковать Ушинский уже на студенческой скамье (о чем будет сказано ниже), хотя и относился к ним с неизменным уважением, как к своим профессорам и руководителям.

Но если внутри юридического факультета, где официально царил ортодоксальное гегельянство, назревал кризис этой

доктрины, то прямого выхода из этого кризиса приходилось искать не столько внутри факультета, сколько за его пределами, где поиски ответов на волнующие вопросы были менее стеснены рамками доктринальной философии. Последующая деятельность Ушинского показывает, что выход из тесных рамок гегельянской философии им был найден и он постепенно овладевал и новыми приемами мышления, и новыми научными данными, черпая их, очевидно, уже за пределами официальных факультетских программ и курсов. Об этих новых наслоениях в сознании Ушинского, которые вели за собой радикальную переработку ортодоксального гегельянства, приходится судить на основании материалов уже не юношеского периода, а последующего зрелого возраста, которые показывают, что непосредственно по выходе из университета Ушинский владел и новыми, более совершенными методами научной работы, и новыми данными, с которыми не знакомила его официальная программа факультета, на котором он учился. И именно это обстоятельство заставляет апеллировать к каким-то документально не зафиксированным влияниям, которые воздействовали на его сознание независимо от юридического факультета, а возможно даже и независимо от университета в целом.

Чтобы пояснить сказанное, необходимо припомнить, что общее образование Ушинского, полученное им в гимназии и на первых курсах университета, сводилось преимущественно к филологическим и словесным дисциплинам, которые далеко не предполагали возможности образования у него систематических знаний энциклопедического характера — географических, геологических, этнографических, психологических, физиологических, антропологических и т. п. Между тем уже с первых лет своей самостоятельной работы Ушинский выступил с работами энциклопедического характера, предполагавшими широкий круг познаний в различных областях не только общественных, но и естественных наук. Здесь достаточно только указать на три большие работы Ушинского — его речь «О камеральном образовании», книгу «Детский мир» и «Опыт педагогической антропологии», — работы, представляющие собой определенные вехи научно-литературной работы Ушинского в России, приуроченные к 1848, 1861 и 1868 гг. Все эти работы носят определенно энциклопедический характер. Это — работы огромной творческой силы, из которых каждая делает в своей области радикальное продвижение вперед на основании переработки огромного материала, с которым Ушинский не имел еще дела, когда учился на факультете. К сожалению, ни одна из этих работ не была предметом научно-исторического анализа, в процессе которого выяснен бы был ее исторический генезис. Но достаточно было советскому ученому, проф. Б. Е. Райкову, изучающему историю развития эволюционного учения в России, обратить в связи с этим внимание на несколько глав во втором томе «Опыта

педагогической антропологии», в которых Ушинский подверг анализу работу Ч. Дарвина «О происхождении видов», недавно перед этим вышедшую, чтобы изумиться самой возможности такого явления. В 1948 г. проф. Райков опубликовал статью — «Ушинский о Дарвине и дарвинизме»*, в которой отметил «глубокие и вдумчивые и во многих отношениях чрезвычайно интересные суждения Ушинского, имеющие несомненное значение для развития дарвинизма в России» (стр. 95) и в конце делает заключение, что «ясность и глубина мышления нашего педагога достойны удивления» (стр. 104), «сила критического анализа Ушинского несомненна» (стр. 102). Замечательно то, что автор статьи, глубокий знаток естествознания и его истории в России, выражает такую высокую оценку идей Ушинского в области естествознания. Но остается все же неясным вопрос, который, естественно, должен поставить всякий читающий статью, — когда же этот педагог, который, как выражается проф. Райков, «не был естественником по своему образованию, окончил юридический факультет и преподавал законоведение» (стр. 95), — когда этот педагог успел войти в область естествознания настолько, чтобы высказывать глубокие и ясные по своей зрелости, достойные удивления оценки гениального труда Дарвина, явившегося итогом исследовательской работы целой жизни? Проф. Райков не ставит этого вопроса и не решает его. Но ответ может быть дан только в том смысле, что с естествознанием и идеями эволюции Ушинский должен был ознакомиться значительно раньше, а не в период написания своего «Опыта педагогической антропологии». Он должен был уже значительно раньше как-то сродниться с идеями эволюции вообще. Действительно, Ушинский был близок к ним и даже сделал опыт проведения этих идей в своей более ранней работе, к которой он готовился несколько лет и которая вышла в 1861 г. Это была вышеназванная работа «Детский мир». К сожалению, и эта работа не была предметом научного анализа и самая идея ее оказалась исторически затушеванной в связи с многочисленными редакционными искажениями. Между тем именно в этой книге Ушинский сделал замечательную в педагогической литературе попытку подвести детей 10—12-летнего возраста путем организации соответствующих, отвечающих детскому возрасту наблюдений к выводу об эволюционном развитии животного мира, начиная с простейших живых существ. Чтобы предпринять такую попытку и осуществить ее педагогически, необходимо было значительно раньше ознакомиться и с естествознанием и с идеями эволюции. Но когда и где это могло произойти, где впервые эти идеи могли зародиться в сознании Ушинского? Уже простая постановка этого совершенно закон-

* «Ученые записки» Ленинградского гос. пед. института имени А. Н. Герцена, т. 71, 1948, стр. 95—107; Ср: Е го же, К. Д. Ушинский и естествознание («Естествознание в школе», 1947 г., № 1, стр. 44—51).

ного вопроса заставляет обратиться к научной работе Московского университета, где именно с начала 40-х годов получила начало своего развития идея эволюции животного мира в блестящих работах профессора зоологии К. Ф. Рулье. Мы не имеем ни одного документа, который бы подтвердил хотя бы отдаленно наличие каких-либо фактических отношений студента Ушинского к К. Ф. Рулье. И тем не менее есть возможность установить столько всевозможных (гносеологических, естественноисторических, методических) связей идей Ушинского с идеями К. Ф. Рулье, что нельзя отказаться от мысли, что где-то и, нужно думать, еще в университете, Ушинский как-то, слушая или читая, оказался в сфере влияний Рулье, иначе нельзя объяснить ту струю реалистической, естественно-научной мысли, которая пронизывает собой все существо последующей научной и педагогической деятельности Ушинского и которая затопила собой почти все, что еще оставалось в Ушинском от идеалистических влияний официальной университетской педагогики.

Продолжительная деятельность Рулье в Московском университете (с 1840 по 1858 г.) была временем замечательной творческой работы по развитию зоологической науки в России, причем Рулье «впервые сформулировал ряд материалистических положений как относительно взаимоотношений животного со средой, в которых главная и решающая роль принадлежит среде» (В. С. Петров, К. Ф. Рулье, М., 1949, стр. 39), так; в частности, и относительно развития животного мира в целом: «Рулье был наиболее крупным эволюционистом додарвиновского периода в России, убежденным сторонником эволюционной идеи. Ученики Рулье — Н. А. Северцев, С. А. Усов, Я. А. Борзенков, А. П. Богданов — восторженно встретили учение Дарвина» (там же, стр. 42). Рулье не мог оставаться в университете незаметным. Он, помимо выдающихся творческих дарований, обладал замечательным лекторским талантом. Его называли в московских кругах «московским Цицероном». Этот лекторский талант прежде всего заставлял устремляться в его аудиторию толпы слушателей. Когда Рулье безвременно скончался, один из студентов университета говорил над его могилой следующее: «Имя его произносилось с тем же уважением, как и имена Грановского и Кудрявцева, и найдется ли во всем университете хоть один студент, которому бы не было известно это дорогое имя? Слушатели его дорожили каждой лекцией, потому что каждая его лекция — художественное создание как по внешней отделке, так и по мысли. Вот почему никто из нас не пропускал ни одной из его лекций. Вот отчего аудитория, когда читал покойный профессор, наполнялась студентами всех факультетов, так что часто недоставало места» (В. С. Петров, Цит. соч., стр. 54). Рулье не мог оставаться неизвестным в среде других профессоров университета

и потому, что он принимал широкое участие в организации публичных лекций, устраивавшихся Московским университетом дважды — в 1845/46 г. зимой и в 1851 г. и получавших широкий резонанс не только в пределах Москвы. Начав свою исследовательскую работу в области зоологии с изучения истории первозданных животных в пределах Московской губернии, для чего ему необходимо было организовать полевые геологические экскурсии в окрестностях Москвы, Рулье искал сотрудников не только среди студентов, но и вообще среди молодых людей. Он писал о том, что «под сенью Московского университета собирается большое число молодых любознательных людей. Многие из них, изучая геологию и палеозоологию в академическом преподавании, желают ознакомиться с материалами науки на самом деле, желают научиться собирать их сами для нее. Преподаватель должен дорожить таким благородным чувством и стараться направить его». Автор, извлекая приведенную цитату из неопубликованного труда Рулье, одновременно с этим писал о Рулье: «Во всех его полевых изысканиях его всегда сопровождали студенты и просто молодые люди, интересовавшиеся наукой. Здесь же, на месте, он не только прививал им навыки, необходимые полевому исследователю, но учил понимать открытое, находить ему место в науке, делать выводы и строить широкие обобщения, раскрывающие пути дальнейших изысканий» (С. Р. Микulinский, К. Ф. Рулье и его учение о развитии органического мира. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 105—106). Ушинский не превратился в специалиста-зоолога, тем более в палеозоолога, но если он хоть несколько раз был на полевых изысканиях Рулье, то нужно думать, что именно здесь он познакомился с геологией не только в академическом ее изложении, а на практике, и знакомство это обнаружил уже в своем рассказе «Поездка за Волхов», художественно отразившем содержание действительной поездки, совершенной Ушинским до 1852 г., когда был напечатан его рассказ. Здесь же приобрел он навык к такого рода изысканиям, которые впоследствии заинтересовали его в других областях — специально географической, социально-экономической, школьной. Так, известно, что в год окончания университета (1844) летом Ушинский совершил шестинедельное путешествие по Украине с неизвестной целью; в 1846—1847 гг. он предпринимал путешествия по Ярославской губернии с целью наблюдения торгово-ярмарочных пунктов; с той же целью он в 1861 г. совершил путешествие по Владимирской губернии.

Ученики Рулье, дружно работавшие со второй половины XIX в. над восстановлением памяти о нем в истории русской науки, согласно свидетельствуют, что в своих лекциях, в полевых изысканиях, в статьях К. Ф. Рулье неизменно учил своих учеников методу научной работы теоретически и практически. Но эти методы удивительно напоминают как приемы работы

Ушинского над своими учебниками, так и его прямые наставления. Уже в известной своей статье, опубликованной в «Отечественных записках» (т. XIX, 1841, стр. 13) под заглавием «Сомнения в зоологии как науке», К. Ф. Рулье выдвинул методологическое требование к науке о сочетании в ней опытного (эмпирического) и теоретического (рационального) моментов в познании природы: «Наблюдения и опыты немы,—писал он,—их должно объяснить, им должно дать значение, без того они будут лежать без пользы в науке... Зоология и вся естественная история по преимуществу опытная уже потому, что она исследует тела, и вместе с тем умозрительная потому, что должна представлять собой форму науки, а не безотчетный, беспорядочный набор необъясненных фактов, схваченных наудачу или на случай». Возможно, что именно эта статья, в которой так много отрывочно высказанных афористических указаний, была первой статьей, прочитанной Ушинским на втором году его обучения в университете и обратившей его внимание на методологические вопросы построения науки вообще и зоологии в частности. Это были вопросы, остро поставленные как передовыми преподавателями естественных наук в университете (напр. проф. А. М. Филомафитским), так и передовыми мыслителями (напр., А. И. Герценом).

В своих лекциях К. Ф. Рулье, по отзывам его учеников (Н. А. Северцева, С. А. Усова), демонстрировал особенности своего научного метода исследования: сначала он давал своим слушателям массу биологических фактов, затем начинал обобщать эти факты и в конце лекции делал общие выводы. В этих беседах всегда поражало необыкновенное мастерство сводить частности в одно общее, сила синтеза. На одной из лекций он говорил: «Частности вы забудете, может быть, но план науки, организация ее частей останутся у вас навсегда» (В. С. Петров, Цит. соч., стр. 54—55). Эту методику хорошо знал Ушинский и в своих работах, особенно в учебниках, проводил ее с большим совершенством. Высказываясь, в частности, о разработке научной зоологии, К. Ф. Рулье с особенной настойчивостью подчеркивал необходимость научно правильной классификации животного мира, исходя из более существенных и более постоянных признаков и игнорируя менее существенные и второстепенные. «Я хочу классифицировать животное как нечто целое, полное животное, а не часть его... Мы хотим классифицировать целых животных, а классифицируем их зубы, клюв, перья, ноги и пр. Мы смеемся над человеком, подбирающим в своей библиотеке книги по цвету бумаги, чернил, обреза, переплету и пр., а между тем не то же ли самое мы делаем с животными?» (В. С. Петров, Цит. соч., стр. 13). Рулье интересовался образом жизни животного, его взаимоотношениями со средой и другими организмами, влиянием внешних условий на строение и поведение животных. Отсюда он, естественно,

приходил к выводам, имевшим одновременно большое теоретическое значение. Когда Ушинский поставил перед собой задачу ввести учащихся в книге «Детский мир» в научное понимание окружающей их природы и жизни и, в частности, дать им элементарные знания о животном мире, то в целях правильной классификации животного мира он остановился прежде всего на строении животного как признаке, определяющем его место в зоологической лестнице. Он избрал в качестве классификационного признака не частные и случайные качества животного, а черты, вытекавшие из его эволюционного развития и определявшие собой все его частные черты. Накопление данных в этом направлении, естественно, должно было вести учащихся к итогам большого мировоззренческого значения, поднимавшим естествознание на ступень основной общеобразовательной дисциплины в школе. В самом деле, «Детский мир», по замыслу автора, представлял не просто сборник статей, но тщательно обдуманый опыт изложения для детей 10—11 лет системы животного, растительного и минерального царств с таким расчетом, чтобы у детей сложилась систематическая картина расположения животных видов по степени сложности их анатомо-физиологического строения так, чтобы из этой картины вытекала необходимость признать эволюционное развитие животных, начиная от простейших форм и кончая человеком. С этой целью в основу изучения животного мира детьми Ушинский положил анализ строения скелетной системы животных, причем по мере накопления материала и его классификации дети под руководством преподавателя получали систематическое расположение видов животного царства, начиная от простейших форм и кончая более сложными, причем последним звеном в этой лестнице оказывался человек. При такой разработке естествознание получало огромный теоретический смысл и достигало той степени, на которой оно могло уже преподаваться как теоретическая наука, а не как голый перечень различных пород животных. И если в одной из своих работ К. Ф. Рулье высказал пожелание, вернее — надежду, что со временем правительство введет курс естествознания в гимназиях, то Ушинский своим «Детским миром» осуществил это пожелание, назначив свою книгу для чтения для первых классов среднеучебных заведений. Нет надобности упоминать здесь о целом ряде выступлений Ушинского в защиту естествознания как науки и учебного предмета в школе. Совершенно понятно, что главу своего «Опыта педагогической антропологии», посвященную Дарвину, Ушинский закончил выражением уверенности, что его «великая мысль, бывшая результатом и превосходным завершением множества предшествующих попыток, одна только придает смысл и жизнь той части естественных наук, которая известна под именем описательной ботаники и описательной зоологии. Одна только эта мысль способна

извлечь эти бесчисленные и плохо связанные факты из того мертвенного состояния, в котором они до сих пор находятся и в котором они мало приносили пользы делу воспитания, несмотря на верное, повсюду проникшее желание внести их в эту область жизни... Учение Дарвина придает живой смысл всему естествознанию и может сделать его самым могучим образовательным предметом для детства и юности, но и заключает в себе глубокий нравственный смысл» (Соч. Ушинского, т. IX, стр. 378).

Наблюдение идейного сходства в области научных построений между Ушинским и Рулье можно продвинуть и дальше — от естественнонаучного изучения животных к изучению человека. Ушинский, как известно, закончил свою научную работу опытом построения научного учения о человеке (антропологии) и применением этого учения к воспитанию. К. Ф. Рулье, занимаясь изучением зоологии и эволюцией животного мира, естественно подходил к человеку, который завершает собой лестницу животного мира, и так или иначе должен был уяснить отношения зоологии к антропологии. Хорошо известна давнишняя традиция естествознания изучать человека в антропологии как биологическую особь, как только существо, занимающее определенное место в ряду животных организмов. Как антрополог Рулье выдвигал требование подходить к изучению человека не только как к биологической особи, равноценной остальным животным организмам, хотя и возвышающейся над ними, но и как к существу качественно отличному от животного мира и обладающему каким-то новым качеством, отличающим его от других животных. Это качественное отличие выражено на старом психологическом языке, придающем ему видимость идеалистической формулировки, но значимость его от этого не уничтожается. Отмечая общее у человека и животных в психическом отношении, утверждая, что у животных нельзя отрицать рассудка, что очень важно, Рулье в то же время признает, что рассудок животных существенно отличается от рассудка человека, почему зоология должна быть отделена от антропологии как науки о человеке. Человек составляет особое царство в ряду органических существ. «Мы отдаем человеку, — писал Рулье, — высшую сферу рассудка — разум, как исключительную его принадлежность. Он предмет особенной, самой обширной из наук — Антропологии, которая рассматривает человека или со стороны общественной, или со стороны духовной и к которой вся медицина, и история, и философия и т. д. относятся, как части к целому. Между ними и зоологией только одно общее — путь исследования опытно-индуктивный, следящий за постепенным органическим развитием целого, метод естественный, который из естественных наук перешел ныне и в науки антропологические» (Анат. Богданов, К. Ф. Рулье. Биографический очерк,

М., 1885, «Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. X, III, вып. 2, стр. 1179). Сходство с концепцией Ушинского, положенной им в основу «Педагогической антропологии», о чем речь будет в дальнейшем,— определенное⁷.

Выше уже отмечено, что у нас нет документальных данных, свидетельствующих о том, что Ушинский испытал на себе еще в университетский период своей жизни влияние К. Ф. Рулье, которое помогло ему в области естествознания значительно полнее отрешиться от гегелевского идеализма. Но целый ряд данных о постановке Ушинским в ряде своих работ вопросов гносеологии, естествознания, антропологии, методики преподавания заставляет думать о возможности такого влияния именно со стороны Рулье. Следует только упомянуть, что наряду с этими качественными сходствами имеется ряд текстуальных совпадений, свидетельствующих о том, что Ушинский в свое время мог читать известные работы Рулье или слышать его лекции и что-то воспринять из них. Приведем только два примера:

Известно, что в своей речи на торжественном собрании Московского университета 16 июня 1845 г. («О животных Московской губ. или о главных переменах в животных первозданных», М., 1845), которая не могла остаться неизвестной Ушинскому, К. Ф. Рулье высказал предположение в объяснение появления валунов в пределах Московской губ., что они перенесены сюда на льдинах, отрывавшихся у северных норвежских скал и затем по мере таяния льдин опускавшихся на дно моря, покрывавшего в далеком прошлом середину великорусской равнины: «Московские первозданные породы оторваны от скал Северной Европы, места первобытного их образования, и занесены в нашу котловину, может быть, движением вод, на льдинах». Это уже устаревшее к нашему времени объяснение появления гранитных валунов на Русской равнине Ушинский использовал в своей увлекательно написанной для детей статье «Гранитный валун» («Детский мир». Собр. соч., т. IV, стр. 350 и сл.). Дав описание обыкновенного гранитного булыжника и анализ его состава, Ушинский далее объясняет историю его появления в России. «Родина его не здесь, а далеко на севере, в Финляндии, или, может быть, даже в Швеции. Там есть целые гранитные горы основания которых, вероятно, идут глубоко в земле и там, действительно, подземный огонь мог выдвинуть наружу гранитные горы и скалы... От этих-то скал оторваны и те куски гранита, которые валяются по нашим полям и которыми мы мостим наши улицы. Стоит только взглянуть на состав этого булыжника, чтобы узнать, что он был когда-то частью скалы, стоящей теперь где-нибудь в Скандинавии или Финляндии. Но как же он попал сюда, за тысячу верст?.. Спросим у геолога,

и геолог расскажет нам историю происхождения нашего камня, расскажет нам и о его путешествии» и т. д. 16 июня 1845 г. Ушинский еще мог присутствовать на торжественном собрании Московского университета и слышать выступление Рулье, но мог затем читать его речь в отдельном издании и впоследствии воспользоваться изложенным там объяснением. Но понятно также, что это совпадение могло быть и чисто случайным, внешним.

Но вот другой пример. В своей статье «Сомнения в зоологии, как науке» (Отеч. зап., 1841, т. XIX, стр. 2) Рулье писал: «Часто учащийся знает название бразильского и новоголландского животного и останавливается в недоумении перед улиткой, рыбой и дичью своей местности: таких зоологов могут экзаменовать и пристыжать любой продавец съестных припасов и каждый поваренок, не имеющие ни малейшего притязания на образованность и науку». Отмечая в другом месте то же незнание собственной местности и собственной страны, Рулье говорил: «Тут забыты и народная гордость, и просвещенное рвение познать свое отечество, и золотое правило идти от известного к неизвестному» («О животных Моск. губ.», стр. 90—92). Характерно, что именно это наблюдение относительно плохого знания своей родины неоднократно повторял в аналогичной форме и Ушинский в своих педагогических замечаниях по вопросу о преподавании географии. Вот одно из них: «Самая главная черта, отличающая русского образованного человека от иностранца, это та, что русский весьма плохо знает свое отечество, сравнительно даже с малообразованным швейцарцем, французом, немцем, англичанином. Француз перенесет вам Москву на берег Балтийского моря, но свою родину, ее историю, ее великих писателей он непременно знает; русский опишет вам в подробности Лондон, Париж и даже Калькутту и призадумается, если спросите у него, какие города стоят на Оке» (Соч., т. III, стр. 529). Мотивируя такого рода высказывания, Ушинский, подобно Рулье, приводил аргументы одновременно и педагогические, и патристические, — сходство, которое опять-таки заставляет задуматься над его происхождением.

Не приводя других данных и сопоставлений, нужно признать, что в то время как либеральная легенда изображала Ушинского-студента преклоняющимся перед авторитетом своих учителей-идеалистов, умильно читающим в свободные часы произведения Гофмана, Жан-Поль Рихтера и других немецких романтиков, факты показывают, что кругозор Ушинского-студента был много шире, что уже на юридическом факультете он имел возможность не однажды слышать дельную критику гегелевской философии, а у профессоров других факультетов знакомиться с опытно-индуктивным методом исследования, противопоставленным умозрительному, метафизиче-

скому методу идеалистической философии, и усваивать новейшие данные естествознания. Только этим ранним развитием Ушинского-студента можно объяснить тот расцвет его философских и научных способностей, который так ярко проявился с первых же лет его самостоятельной работы.

* *
*

Изложенное показывает, что философское и научное развитие К. Д. Ушинского в университете представляло собой процесс значительно более сложный, чем это представлено было в первых биографических очерках, исчерпывавших свои задачи общим указанием на неотразимое и определяющее влияние официального руководителя молодого Ушинского. Гегелевская система не была только личным убеждением Редкина, который мог распоряжаться ею по своему усмотрению. Это была общеевропейская интеллектуальная собственность начала XIX в. Как последнее достижение германской философии она являлась в России исходным пунктом, с которого начиналось построение миросозерцания поколением 40-х годов. В этом отношении русская передовая интеллигенция не только не уступала западноевропейской, но в известной степени и превосходила ее и в другой социально-исторической обстановке тоже вела напряженную работу по переосмыслению оставленного Гегелем философского наследства в применении к конкретным социально-историческим особенностям русской жизни. К. Д. Ушинский, как можно судить уже на основании изложенного, вышел из университета не только с критическим отношением к ортодоксальной гегелевской философии, но и с известными, навеянными левогегельянской школой, идеями о преодолении отсталых сторон этой философии и приспособления ее прогрессивного содержания к удовлетворению назревших потребностей русской жизни. Разработка этих взглядов в Ярославском лицее была поставлена Ушинскому в вину и послужила причиной снятия его с работы и запрещения дальнейшего ее продолжения, где бы то ни было.

Теоретическое освоение Ушинским данных науки и философии, которым он был занят на протяжении университетского курса, нельзя мыслить как самодовлеющий процесс. Этот процесс шел параллельно с социально-политическим самоопределением молодого Ушинского, частью обусловленный им, частью в свою очередь обуславливающий его. Возможно, что элементы социально-политического самоопределения в известной степени были накоплены даже раньше, чем началось их теоретическое обоснование. Во всяком случае оба процесса должны были слиться с течением времени в целостном мировоззрении. В ранние юношеские годы возможно наблюдать

только отдельные проявления этих сторон формирующегося мировоззрения Ушинского на основании тех немногих документальных материалов, которые сохранились к нашему времени.

Формирование социально-политических идей Ушинского в университете. В университет Ушинский вошел с ясно определенными социально-политическими устремлениями, вынесенными из доуниверситетской жизни. Эти черты определенно характеризуются биографами Ушинского как тенденции демократические, резко противопоставленные аристократическим элементам, ярко выделявшимся в университетском студенчестве того времени (см. выше стр. 54—55). В Ушинском-студенте не было ни малейших признаков того происхождения «из знатной дворянской фамилии», о чем в противоречие себе говорили те же биографы. Демократические тенденции и привычки Ушинского были хорошо отмечены в противовес либеральной легенде товарищами Ушинского как по Новгород-Северской гимназии (Чалый), так и по университету (Рехневский). Иронически-презрительное отношение к аристократам-товарищам и дружба с товарищами-средняками характерны для Ушинского-студента.

Характеризуя занятия Ушинского в университете, Рехневский сообщает, что Ушинский изучал историю французской революции и ее героев, причем у него сложилось определенное, на всю жизнь оставшееся отрицательное отношение к Наполеону и к Вольтеру. Первого он ненавидел как врага гражданской свободы, второго как врага свободы религиозной. Эти сложившиеся симпатии и антипатии остались у него на всю жизнь. Сообщение Рехневского очень характерно как показатель ранних народно-демократических стремлений Ушинского. Вражда к Наполеону и Вольтеру не была однако же враждой к тем, кто колебал престолы и алтари, а к тем, кто порабощал народы, лишая их свободы гражданской, политической и свободы самоопределения духовного, свободы совести. Проф. М. В. Нечкина, говоря о борьбе против Наполеона в начале XIX в., пишет, что его свержение было одновременно и целью европейских правительств и целью европейских народов. «Однако ближайшая общая цель не означала единства целей конечных: удар правительствами и удар народами наносился во имя **разных** конечных целей. Правительства воевали во имя восстановления **старого** и укрепления старого, народы шли в борьбу под лозунгами завоевания **нового**. Правительства боролись против Наполеона как против узурпатора законных престолов, народы шли в борьбу против тирана и угнетателя». «Вольнолюбивые видели в нем тирана, истребителя свободы; царелюбцы называли его хищником престола», — метко заметил о Наполеоне Ф. Ф. Вигель («А. С. Грибоедов и декабристы», М., 1947; стр. 225). Это четкое разграничение различных конечных целей при отрицательной оценке Наполеона может служить некоторым

комментарием к сообщению Ю. С. Рехневского о причинах ненависти Ушинского к Наполеону и Вольтеру.

Изложенных данных о социально-политической настроенности Ушинского в университетские годы было бы, конечно, очень мало, если бы среди ранних рукописей Ушинского не сохранилась запись, являющаяся своего рода социально-политической исповедью Ушинского, которую он вел накануне своего выхода в самостоятельную жизнь, в первые же месяцы после окончания университета и в которой он подвел, так сказать, итог своему политическому развитию к моменту выхода из университета. Первые же записи его дневника в ноябре 1844 г. говорят о совершенно определившемся социально-политическом направлении Ушинского, о том, что он колеблется, но не в выборе этого направления, а только в том, какими путями он мог бы лучше осуществить его. В дневнике 18. XI 1844 г. Ушинский записал, что он думает о зародившемся у него плане написания истории: «Если я его приму,— пишет Ушинский,— он должен определить цель всей моей жизни, именно: написать историю так, как я ее понимаю». Ушинский пишет далее, что мысль эта родилась в нем давно и еще два года назад, т. е. на третьем курсе университета, она проявилась с силой, которая могла бы перейти в решение, и теперь вновь с особенной отчетливостью возникла перед ним. Цель, волнующая Ушинского, ясна: быть полезным народу; но Ушинский стоит перед вопросом,—как лучше осуществить эту цель: теоретическим ли путем, взявшись за разработку истории в том особом понимании, которое сложилось у него, или избрав для себя поприще практической деятельности. «Конечно,— пишет Ушинский о задуманном им плане разработки истории,— этот труд достаточен, чтобы заполнить много жизней,— но угадал ли я свое направление? В нем ли я найду успокоение? Не лень ли только гонит меня от поприща фактической деятельности? Не был ли бы я для нее способнее? Не сделал ли бы я для России больше здесь, нежели написав историю? Доставит ли она что-нибудь незрелому народу? Вот вопросы, которые должен я разрешить в следующих днях» (Соч. Ушинского, т. XI, стр. 18). Таким образом, цель и значение жизни представляются Ушинскому ясными (он должен служить «незрелому народу», быть полезным для него); остается неясным, в каком направлении он должен осуществить эту цель, какими средствами идти к ней,—избрать ли поприще практической деятельности, или стать на путь научно-теоретической работы. Несколькими днями раньше, 13 ноября 1844 г., Ушинский специально писал в своем дневнике о социально-политических задачах своей деятельности, очевидно, им неоднократно осмысливавшихся. Эта запись в дневнике Ушинского является исключительно важным документом его биографии, доселе еще в надлежащей степени не привле-

кавшимися исследователями жизни и идей Ушинского к изучению.

Совершенно очевидно из этой записи, что она сделана автором не сразу, а в результате длительного процесса осмысливания им реальных социально-экономических и политических отношений и своего места, своей возможной роли в условиях тогдашней России. За словами и выражениями авторского дневника чувствуется определенная концепция, им освоенная в предшествующие годы и теперь выливающаяся в окончательной форме.

Автор размышляет о своем назначении в жизни: «Приготовлять умы! рассеивать идеи!.. Вот наше назначение. Мы живем не в те годы, чтобы могли действовать сами. Отбросим эгоизм, будем трудиться для потомства!.. Рано еще действовать! Пробудим требования, укажем разумную цель, откроем средства, расшевелим энергию — дела появятся сами... Тихо, покорно будем нести гнет, от которого избавим наших потомков. Предупредим бедствия перелома. Будем трудиться над постройкой чудного здания, которому внуки наши дадут свое имя, истинных творцов которого никто и никогда не узнает» (Соч., т. XI, стр. 11—12). Поражает в этом отрывке прежде всего совершенно отчетливое сознание гнета, невозможности действовать самим, преждевременности сопротивления. Но это не отказ от противодействия гнету; это не вопрос о том, быть или не быть сопротивлению; это вопрос о времени, когда оно должно быть начато, и о причинах, по которым оно должно быть задержано в данный момент. Причины заключаются в отсутствии предварительной подготовки умов, в их несознательности, в неясности целей и разумных средств, в слабости энергии. Автор записи сознает свою жизненную цель как задачу подготовить народ к грядущему перелому: неподготовленный перелом грозит бедствиями и страданиями. Когда же массы осознают свои цели и средства, «дела появятся сами». В этом юношески самоотверженном практическом идеализме явственно слышится отзвук какой-то давнишней, задавленной и загнанной под спуд сознания революционной идеи, временно смиряющейся ввиду невозможности действовать в условиях тяжелого и гнетущего политического режима и неподготовленности масс. Объективно потребность перемены представляется автору давно назревшей, хотя не для всех она ясна.

В соответствии с распространенной традицией считать Ушинского представителем теории мирного развития, в приведенном отрывке его дневника легко можно было бы увидеть подтверждение этого взгляда: в самом деле, разве не говорят приведенные строки о том, что автор боится революции, проповедует покорность и смирение, желает задержать массовый протест против царского деспотизма, — словом, является сторонником «мирного прогресса»? На самом деле, автор говорит не о том,

что нужно избегать решительных действий, а об их несвоевременности в данных обстоятельствах, он говорит не о покорности, а подготовке к свержению гнета. Основное опасение автора — «бедствия перелома», но бояться этих бедствий не значит примиряться с гнетом. Революционная теория марксизма всегда подчеркивала предпочтительность мирного пути, который позволит избежать лишних жертв, разрушения производительных сил. Вывод, что «еще рано действовать», не говорит, таким образом, ничего о том, что не надо действовать. Напротив, не только в юности, но и до конца жизни Ушинский проявляет бурную деятельность, направленную на борьбу с препятствиями. — Возвращаясь к записям юношеского дневника Ушинского, мы видим, что только что говоривший о бедствиях перелома автор уже одержим горячим бурным стремлением к деятельности, которой, по его сознанию, требует изменившаяся жизнь, говорящая о том, что перелом уже начался, что он идет стихийно. 25 ноября 1844 г. он пишет: «Все в человеке молчит, кроме одного требования деятельности. Это верный симптом перемены». Перемена эта уже «начинается, она уже началась!» Она начинается в сознании отдельных людей как своеобразная «революция духа», как «борьба ума с чувством, с пороками, с предрассудками». Эту «благодетельную, великую революцию в духовном мире» автор дневника видит уже «повсюду, во всех явлениях» и, вообразив себя в роли просветителя, пропагандиста, он приглашает своих воображаемых слушателей осмотреться вокруг. «Вот,— провозглашает он,— та благодетельная, великая революция в духовном мире, следы которой повсюду, во всех явлениях поражают горем слабые души. Пойдем теперь на поле битвы, заглянем во все сферы, где совершается эта победа ума: в жизнь общественную, в жизнь домашнюю, в жизнь индивидуальную, в религию, в поэзию, в художества, в науку. Везде мы найдем эту революцию в разных формах, — и везде увидим торжество плебея-ума, везде услышим стоны погибающей аристократии-чувства» (там же, стр. 19, 22). Характерно, что эти признания юноши Ушинского, готовящегося вступить в жизнь, ни разу с тех пор, как они были опубликованы в 1908 г., не были привлечены к делу биографами К. Д. Ушинского, хотя и задолго до опубликования они были доступны для всех, интересовавшихся его жизнью и деятельностью. Если принять во внимание, что через три года после приведенных записей своего дневника, т. е. в 1847 г., Ушинский писал уже свою речь «О камеральном образовании», в которой, приступая к выполнению намеченной программы своей деятельности, подвергнул резкой критике всю систему камерального образования, как систему устаревшую, обслуживавшую феодальные учреждения, между тем как уже во всем мире основы феодального строя рушатся и создается на основе индустриальной промышленно-

сти новое, пражданское общество, законы которого вскрыты английским экономистом А. Смитом,—то легко понять, что под наступившей революцией автор дневника имеет в виду стихийно растущую буржуазную экономику, необходимость укреплять ее сознательно, присоединив к ней революцию духа, т. е. распространив ее на все области жизни — области познания, морали, эстетики, права, быта и т. д., потому что старые традиции еще живучи и цепко держат в своих оковах человеческое общество. Словом, молодой Ушинский уже в первом году по окончании университета осознал, что в области экономики Россия делает известный шаг в сторону капитализма и победы над феодализмом. Приветствуя этот прогрессивный шаг, Ушинский при выборе призвания решает сознательно вступить на путь просветительства, путь содействия всему, что прямо или косвенно способствует победе капитализма. Словом, в 40-х годах XIX в. Ушинский осознал себя просветителем-демократом, или, согласно предложенному В. И. Лениным научному марксистскому термину, буржуазным демократом: «термин буржуазная демократия, — писал В. И. Ленин, — есть единственно точная, с точки зрения марксизма, научная характеристика» (т. 17, стр. 88). Очевидно, на этот именно путь буржуазного демократизма сознательно вступил К. Д. Ушинский в год окончания университета, и проследить его дальнейшие шаги на этом пути является непосредственной задачей биографического очерка.

Характеризуя этот начальный момент социально-политического самоопределения К. Д. Ушинского как буржуазный демократизм, нельзя забывать, что содержание, обозначаемое тем или иным термином, не является вечным и неизменным, что оно развивается и изменяется. Буржуазный демократизм не означает еще буржуазной идеологии. По поводу термина «буржуа» В. И. Ленин писал, что «у нас зачастую крайне неправильно, узко, антиисторично понимают это слово, связывая с ним **(без различия исторических эпох)** своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту эпоху, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х гг., **все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками.** Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного» (В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 473). Не видеть противоречий в том строе, который вырастал из крепостного,

значит — не считать их существенными для нового строя, значит — думать о строе, который будет чужд этих противоречий. Это значит, что буржуазные демократы 40—60-х годов были чужды идеологии, которая обычно связывается с развитым буржуазным строем. Для характеристики Ушинского как буржуазного демократа 40—60-х годов это очень существенно.

Вот почему, прежде чем закончить обзор университетского периода жизни Ушинского, важно обратить внимание еще на один документ этих лет, обычно также не принимавшийся во внимание биографами Ушинского. Этот документ — письмо Ушинского к его университетскому товарищу, кн. В. А. Черкасскому от 8 августа 1844 г. Оправдываясь в том, что своевременно не откликнулся на приглашение Черкасского посетить его, Ушинский сообщает, что был в шестинедельном путешествии по Украине и, между прочим, провел три дня в деревне у Редкина в обществе проф. Т. Н. Грановского. Это посещение дало повод Ушинскому еще раз продумать свои отношения к руководителю и поделиться летними наблюдениями с Черкасским. Оказывается, что еще в период университетских лекций Ушинского поражало наличие некоторых противоречий в Редкине:

«Это — первый характер, который заставляет меня признаться, что я его не понимаю, — писал Ушинский. — Но самолюбие не оправдывает меня тем, что идеал, созданный о нем моим воображением, слишком укоренился в голове моей и мне довольно трудно теперь его переменить. Мне кажется, что он страдает той же болезнью, как и все люди нашего века, только старается уверить себя в противном. Впрочем, может быть, я и ошибаюсь». Причиной, вызвавшей эти размышления, была неожиданность увидеть своего учителя в новой обстановке и в новом, так сказать, освещении, вне университетской аудитории. «Представьте себе мое изумление: вместо нашего почти вдохновенного профессора я нашел малороссийского панича в полной форме и это превращение занимало меня целые три дня, что я у него пробыл. Он очень поздоровел... Кровь кипит в нем как в 16-летнем мальчике... Я хотел несколько раз быть откровенным с Редкиным и показать, что я такое. Но я уж говорил Вам, что его не понимаю, а потому и не могу ему высказать все. Глядя на него, я подвергаюсь тому оптическому обману, который бывает вечером на реке: то кажется она слишком глубокой, то слишком мелкой; мечте же я не хочу верить, между тем как человеку, изведавшему то же, что и я, я бы с охотой открыл момент, на котором остановился; ученость же и ум еще не ручательство» (т. XI, стр. 138, 140).

Это замечательное место из письма только что окончившего университет Ушинского говорит о том, что в момент начала своей самостоятельной жизни он переживал состояние опромной неудовлетворенности в связи с тем, что он называл «болезнью

века», от которой он мучительно пытался излечиться сам и посоветоваться об этом с Редкиным, но, неожиданно пораженный его новым, деревенским обликом, воздержался. Какое-то наблюдение, по-видимому, и раньше отмеченное Ушинским, убедило его, что Редкин, этот «почти вдохновенный профессор», сам страдает общей болезнью, хотя и старается подчас скрыть это. Об этой болезни Ушинский пишет Черкасскому, как о чем-то общеизвестном: «Зачем описывать ее? Мы понимаем ее и все ее признаки нам известны». Однако месяца через три после этого, в своем дневнике от 25 ноября 1844 г. все же попытался ответить самому себе на тяготивший его вопрос. Болезнь века — это болезнь роста общественного, болезнь перехода в новую стадию развития, неизбежность которой, однако же, далеко не всеми еще осознается. «Везде во всех сферах духа, — пишет Ушинский в очень взволнованном и приподнятом настроении, выражая свои мысли очень отрывочными и не всегда понятными фразами и образами, — совершается «благодетельная, великая революция», везде, в жизни общественной, домашней, в религии, художествах, поэзии, науке — «везде мы найдем эту революцию в разных формах и везде увидим торжество плебея-ума, везде услышим стоны погибающей аристократии-чувства». Однако же следы этой «благодетельной революции в духовном мире поражают горем слабые души». Не все это осознают, и автор дневника, обращаясь к тем, кто закрылся «мантией непроницаемого величия»*, угрожает сорвать ее. «Мы так уверены, что под нею скрывается ничтожество, что с презрением пробежим мимо вас, смешных и жалких, и оставим вас указывать песчаные мели в нашем вечном стремлении по безграничному морю вечности... Прочь черные, таинственные плащи! Кончилась ночь. Вы спите, когда все вокруг вас уже движется! Проснитесь, заря занимается!» (т. XI, стр. 19—20). Сопоставление письма Ушинского к Черкасскому с этим местом его дневника дает основание думать, что в Редкине Ушинского поражало то, что «кровь кипит в нем как 16-летнем мальчишке» и в то же время, закрываясь «непроницаемой мантией величия», он не замечает или делает вид, что не замечает того, ставшего уже фактом явления, что борьба ума с чувством, с добродетелями, с пороками, предрассудками — кончается. И «вот причина вашей муки! Вам жаль прошлого, невозвратного, потому что оно уже теперь никуда не годится, потому что оно, ложное, отринуто умом. Вам жаль ваших чувств, ваших сердечных движений, — вам жаль обмана!» (т. XI, стр. 20). Так можно истолковать то раздвоенное отношение к Редкину, которое созрело в Ушинском к моменту окончания им университета:

* Л. Н. Толстой, полемизируя в 1861 г. в своем журнале «Ясная Поляна» с либеральными противниками образования, укоряет их: «А вы, как египетский жрец, закрываетесь от него (народа. — В. С.) таинственной мантией» (Полное собр. соч., т. 8, стр. 48).

с одной стороны энергия, сила, ум, красноречие, с другой — таинственный мистический плащ, покрывающий философа, и защита прошлого, его эмоций, уже обреченных на исчезновение. Это значит, что за время университетского обучения Ушинский не только освоил прослушанные курсы, но и продумал все приобретенное с точки зрения мировоззрения в целом и нашел основную причину общей «болезни века», от которой, по его мнению, не был свободен его руководитель, проф. Редкин. Болезнь эта — красивые метафизические фразы («широкополые шляпы», «черные, таинственные плащи»), поддерживающие уже отжившее, старое и закрывающие то новое, что неудержимо рвется к жизни. И совершенно ясно, что Ушинский уже без остатка захвачен этим новым процессом и его увлекает задача активно содействовать ему во всех сферах жизни и бороться с тормозящими этот процесс старыми традициями.

Если исходить из только что приведенных, впервые используемых данных о социально-политическом самоопределении молодого Ушинского, то нельзя не признать того, что к моменту окончания университета в нем уже созрело совершенно определенное сознание стихийно происходящей в жизни перестройки. Но это еще не сознательная политическая революция, это стихийный экономический переворот, который требует сознательного преобразования жизни во всех ее сторонах. Автора цитированных записей угнетает только то, что народ находится еще в состоянии духовной спячки и темноты, в силу чего сознательный переворот и переустройство жизни еще невозможны. При живом ощущении назревшей в жизни перемены в записях молодого Ушинского совершенно определенно выделяется ясное сознание придавленности народа, делающей несвоевременным призыв к революционным действиям и выдвигающей задачу предварительного его просвещения («пробудим требования, укажем разумную цель, откроем средства, расшевелим энергию — дела появятся сами»). В этих записях слышится совершенно определенный отзвук так еще недавнего, печального опыта разгромленного Николаем I революционного декабристского восстания 14 декабря 1825 г. И совершенно естественно поставить здесь вопрос, есть ли какая-либо вероятность, что к Ушинскому, родившемуся почти за два года до декабристского восстания, могли каким-нибудь образом довестись отголоски этого движения и быть осмысленными таким образом, что движение было неудачным потому, что массы народа не были привлечены к участию в нем, что дворяне-революционеры, как об этом писал В. И. Ленин, «были еще страшно далеки от народа» и что наиболее благородной и целесообразной является задача посвятить свою жизнь предварительному просвещению и подготовке народа к изменению установившегося общественного строя, в котором господствующие классы угнетают народ. Если такое предположение напрашивается само-

собой из анализа вышеприведенных записей в дневнике Ушинского, то ближайшее знакомство с обстоятельствами детства и юности Ушинского дает основание к заключению, что именно в эти ранние годы и могли зародиться у Ушинского его первые идеи об освободительном революционном движении декабристов и затем, когда он естественным путем перешел к изучению революционных движений в Европе и буржуазной французской революции в частности, результатом этого изучения у него явилась, как отмечают биографы, ненависть к Наполеону и Вольтеру. Это была ненависть не к революции и не к атеизму, а к поработителям свободы религиозной и политической. Как раз такие, весьма вероятные и в отдельных случаях совершенно действительные факты биографии Ушинского обычно не изучались, постепенно предавались забвению или искажались, гораздо чаще уступая место другим, воображаемым фактам, которые отвечали либеральной легенде об Ушинском как стороннике мирного развития, противнике революционного преобразования, защитнике монархии и религии.

Из признаний Ушинского известно, что любимым его предметом еще в гимназии была история и воспоминание об учителе истории, Михаиле Гавриловиче Ерофееве, было наиболее ярким. Возможно, что первые систематизированные сведения о декабристском восстании он мог получить на уроках истории или в частных беседах с учителем. Никаких документов об этом нет. Однако целый ряд данных говорит о том, что в течение десятилетий, следовавших за судом над декабристами, память о них не исчезает из памяти русского общества. Впечатление восстания и жестокой расправы с восставшими, сосланными в далекую Сибирь, было исключительно сильным. О казненных и об осужденных ходили рассказы по всей России; стихотворения Рылеева с его призывами к свободе имели хождение по всей стране; стихи Пушкина и, в частности, посвященные сосланным в Сибирь декабристам, также распространялись в списках. В разных местах поднимались следствия, связанные с подозрениями в причастности тех или иных лиц к декабристскому движению. От этих подозрений не были свободны и школы. В 1827 г. в Нежинской гимназии высших наук, когда там учился Гоголь и Редкин, будущий учитель Ушинского, возникло дело «О политическом вольнодумстве некоторых профессоров и учащихся». Из дела видно, что учащиеся знали наизусть стихотворения Рылеева с его призывами к свободе*. Товарищ Ушинского по Новгород-Северской гимназии, М. К. Чалый, оставивший свои воспоминания о времени обучения писал:

---

* В. И. Савва, К истории вольнодумства в гимназии высших наук кн. Безбородко. Сборник Харьковского историко-филологического общества, 1908, т. 18. Новый пересмотр дела см. в работе Д. Иофанова «Н. В. Гоголь», Киев, 1951.

«Мне передавали, что в 1828 г. между учениками уездного училища (из этого училища преобразована Новгород-Северская гимназия) был открыт заговор, состоящий в том, что кто-то из аборигенов принес из дому брошюру «Донесение следственной комиссии, наряженной в 1825 г. над декабристами» («Киевская старина», 1889 г., т. 25, № 5—6, стр. 305—306). Странно, конечно, что брошюра, содержащая в себе донесение правительственной комиссии и, следовательно, совершенно, благонадежная и невинная, могла вызвать обвинение в заговоре, да еще в среде уездного училища. Но раз в жизни учебного заведения возникают такие процессы, они не скоро забываются и передаются от одного поколения учащихся к другому в течение долгого времени и, конечно, вызывают к себе жгучий интерес прежде всего своей запретностью, противозаконным, политическим содержанием процессов. Кое-что о декабристах мог узнать Ушинский от своего отца, участника войны 1812 года и современника декабристского восстания. Кое-что весьма существенное Ушинский мог, несмотря на свой ранний возраст (до 12 лет), услышать о декабристах и от своей матери Любови Степановны (урожденной Капнист). Сын известного поэта XVIII в. В.В. Капниста — А. В. Капнист был членом «Союза благоденствия». Капнисты были хорошо знакомы с декабристами — Бестужевым-Рюминым, Н. И. Лорером, Пестелем (Д. Юфанов, Н. В. Гоголь, стр. 38). Дочь писателя С.В. Капнист (в замужестве С. В. Скалон) оставила после себя ряд воспоминаний о декабристах — бр. Муравьевых-Апостол, Бестужеве-Рюмине, ее брате А. В. Капнисте, друге ее детских лет — Н. И. Лорере (там же, стр. 43). Мать Ушинского Л. С. Капнист, если только она поддерживала знакомство и родственные связи с Капнистами, конечно, была в курсе тех настроений, которые царили среди декабристов, оставшихся на свободе после разгрома их движения. От матери, несмотря на свои детские годы, Ушинский мог многое узнать и о тех угнетенных настроениях и о тех надеждах на будущее, «когда проснется народ», которыми утешали себя разгромленные дворянские революционеры, мечтавшие о возможности исправить допущенную в самом начале века ошибку. В своих воспоминаниях об обучении в гимназии Ушинский рассказывает о тех уединенных мечтах, которым он предавался во время своих ежедневных восьмиверстных путешествий в гимназию и из гимназии по оврагам на берегах Десны. Возможно, что в этих мечтах играли роль не только воинственные предания Новгород-Северска, не только предания удалого казачества, перемешанные с вальтерскоттовской историей Наполеона и с множеством воинственных повестей, как об этом рассказывает Ушинский (Соч., т. XI, стр. 57—58), но и не так далекие эпизоды из восстания декабристов, тем более, что Южное общество декабристов охватывало собой и Черниговскую губернию. Но рассказать об этом в своих школьных воспоминаниях Ушинский, конечно,

не мог: недаром на этом именно месте и оборвалась рукопись его воспоминаний, писанных, по-видимому, в самом конце 50-х годов, накануне наступавшей революционной ситуации 60-х годов*.

Но если бы предположение о том, что Ушинский свои первоначальные представления об окончившемся неудачей декабристском восстании получил еще в детстве, если бы это предположение оказалось и неправильным, то нельзя отрицать того, что в юношеском дневнике Ушинского все же сказался определенный, откуда бы он ни шел, отголосок декабристского движения, выразившийся в признании, что движение бессильно, если оно не будет поддержано народом, что поэтому целый ряд лет, если не десятилетий, должен быть посвящен тому, чтобы просветить народ, подготовить его к предстоящей перестройке общественных отношений, переделке всего государственного строя. Эта мысль лежала в основе такой декабристской организации, как «Союз благоденствия». «Основной своей задачей,— пишет проф. М. В. Нечкина,— «Союз благоденствия» ставил формирование «общественного мнения», той силы, которая, согласно просветительской философии, их вдохновлявшей, управляла исторической жизнью человечества. Согласно «Русской правде» Пестеля именно общественное мнение могло до основания потрясти твердыню феодально-крепостного строя — феодальную аристократию. Даже революция называлась на образном языке декабристов «всеобщим развержением умов». Для подготовки этого «всеобщего развержения» и надлежало работать. Декабристы на этом этапе развития полагали, что примерно в течение 20 лет они смогут настолько подготовить общественное мнение, что переворот будет полностью обеспечен. Эта работа была необходима, «дабы общее мнение революции предшествовало», — так говорил Пестель» (М. В. Нечкина, Цит. соч., стр. 132). «Союз благоденствия», как официальная организация декабризма был в 1821 г. упразднен и началось формирование новых декабристских союзов на севере и юге России с определенной целью организации военного восстания. Между тем события на Западе давали возможность тревожно размышлять о целе-

---

* Однако, как только Н. П. Огарев издал в Лондоне в 1861 г. сборник под заглавием «Думы К. Ф. Рыльева», Ушинский раздобыл этот сборник и полностью переписал его в один из своих альбомов. Это внимание к поэту-декабристу говорит о том, что память о декабристах-революционерах была жива у Ушинского. Сборник перепечатан в XI томе собрания сочинений Ушинского (стр. 279—287). Но тогда он перепечатывался с машинописной копии (подлинный экземпляр, переписанный рукой Ушинского, утерян в период осады Ленинграда), и еще не было известно, откуда он переписан Ушинским. Поэтому вопрос о времени его появления мог быть решен только предположительно; сейчас, после перепечатки изд. Огаревым сборника, с которым полностью совпадает содержание альбома Ушинского, возможно определенно утверждать, что он переписан Ушинским после 1861 г. с Лондонского издания.

сообразности военных восстаний, не поддерживаемых народом. В 1821 г. была разгромлена неаполитанская революция. В 1823 г. то же произошло с испанской революцией. В 1823 г. 24 ноября декабристы собрались на юге для обсуждения вопроса об испанской революции. «Во весь рост,—писала М. В. Нечкина,—встал перед декабристами вопрос об участии в движении народных масс, без активности которых оказывается непрочным результат революции. Военная же революция исключала непосредственное инициативное участие масс в перевороте... Новой тактики декабристы не выработали. Но глубочайшее раздумье над значением массового движения и сомнения в правильности выбранной тактики занимали членов Южного общества. Перед некоторыми из них роль народа в революционном движении начинает вырисовываться много яснее, чем раньше» («Пушкин и декабристы», М., 1949, стр. 25). Намечавшаяся в России начала XIX в. революционная ситуация не создалась, между тем революционное восстание декабристов, осуществившееся в неожиданных условиях декабря 1825 г., когда в декабристских кругах не было еще ни договоренности, ни организованности применительно к создавшейся ситуации, окончилось неудачей. В декабристских кругах осталось впечатление, что неудача восстания заключалась в его одностороннем военном характере, в отсутствии активного участия народных масс, в неподготовленности общественного мнения к перевороту. Вот эта идея, очевидно, широко распространенная в среде тогдашней дворянской интеллигенции, совершенно явно проглядывает в записях дневника Ушинского. Он широко пользуется ею и впоследствии, говоря о силе и значении «общественного мнения» в таком деле, как воспитание. Характерно, что даже образы, которые употребляет Ушинский в своем дневнике («будем трудиться над постройкой чудного здания»), совпадают с теми образами, которые после разгрома восстания декабристов употребляли декабристские поэты, символизируя ими известную перемену в тактике революционного движения. Один из них, А. И. Одоевский, писал:

В лазурь небес восходит зданье:
Оно незримо каждый день
Трудами возрастает века,
Но со ступени на ступень
Века возводят человека.

(Собр. соч. А. И. Одоевского).

* * *

В противовес распространенным трактовкам, на основании изложенного выше, молодого Ушинского можно характеризовать так, что в философском отношении, хотя он и воспитывался под влиянием проф. Редкина и Грановского, он не являлся

В полном смысле слова их последователем и, критически относясь ко многим их взглядам и положениям, воспринимал, помимо идеалистических, и другие взгляды, прислушивался к критике Гегеля в выступлениях Крюкова и Крылова, воспринимал методологию опытного изучения природы в чтениях и трудах проф. Филомафитского и Рулье и в целом вооружался уже на университетской скамье методикой опытного изучения явлений природы и общественной жизни в противоположность метафизическому, умозрительному методу идеалистической философии. Эта характеристика полностью отвечает последующей критике Ушинским идеалистических систем и основательной осведомленности его в развитии естествознания в различных его направлениях. Что касается социально-политического направления Ушинского, то уже в университетские годы он выступает перед исследователем как народник-просветитель, причем его народность является не реакционным лозунгом, а лозунгом прогрессивным, требующим освобождения народа от политического гнета и экономического порабощения. Свою задачу молодой Ушинский видит в том, чтобы служить народу — теоретически ли, или практически, но так, чтобы подготовить его к грядущему делу освобождения. Ушинский выступает на поле самостоятельной научной деятельности как демократ, служитель народа, посвящающий себя делу его просвещения. Таким, на основании имеющихся материалов, рисуется образ Ушинского накануне его вступления на самостоятельную научную работу.

**Выпускные
испытания
и аттестат.**

Весной 1844 г. Ушинский вместе с товарищами закончил курс своего обучения на юридическом факультете Московского университета. Об окончании курса учения в аттестате сказано, что

Ушинский «окончил курс Московского университета по юридическому факультету с **примерным** поведением и **отличными** успехами и удостоен Советом университета степени кандидата 3 июня 1844 года». Вместе с Ушинским степени кандидата было удостоено 4 студента — Черкасский, Требинов, Пиня, Воронов; остальные окончили курс с званием просто студентов. Ученая степень оканчивающих определялась средней суммой баллов по юридическим дисциплинам за все четыре года обучения. Для степени кандидата требовалось, чтобы эта сумма не была ниже 4,5. Всего юридических дисциплин Ушинский прослушал 15 и получил по всем предметам отметку «5», за исключением курса уголовных законов, по которому была поставлена отметка «4». Таким образом, общая сумма баллов равнялась 74, а средняя 4 и 14/15. Кн. В. А. Черкасский получил полную сумму баллов — 75, в среднем 5 и поставлен в списке первым, Ушинский следовал после него. Низшую оценку имел Воронов — 4 8/15.

Юридические дисциплины, прослушанные Ушинским в университете, и отметки по ним обозначены в аттестате так: **Первый курс:** Энциклопедия законов (5); История российского законо-

дательства (5). **Второй курс:** История римского права (5); Российские государственные законы (5). **Третий курс:** Римское право (5); Уголовные законы (4); Благоустройство и благочиние (5); Российские гражданские законы (5). **Четвертый курс:** Уголовное судопроизводство (5); Гражданское судопроизводство (5); Иностранное законодательство (5); Законы о финансах (5); Римское право (5); Общеправоведение (5). Перечисление юридических дисциплин по курсам в общем совпадает с учебным планом юридического факультета, приведенным выше по воспоминаниям Афанасьева, но у последнего некоторые дисциплины носят несколько упрощенные наименования, что делалось в целях уточнения задач читаемых курсов в соответствии с целями, поставленными им правительственной политикой Николая I. Поэтому, если в аттестате Ушинского еще значатся прежние наукообразные наименования курсов (Энциклопедия законоведения, Уголовные законы, Благоустройство и благочиние), то те же курсы в перечислении Афанасьева звучат откровеннее с точки зрения преследуемых ими целей (Государственное право, Уголовное право, Полицейское право).

В практике университетов в силу высочайшего повеления соблюдалась при выпуске оканчивавших курс традиция ежегодного выдвижения в распоряжение попечителя округа трех отличнейших кандидатов для определения на службу прямо в министерство или в другие высшие присутственные места, между тем как остальные студенты должны были по закону три года прослужить в губернских присутственных местах и только после этого получали право поступать на службу в министерства (В. В. Берви-Флеровский, Воспоминания. «Голос минувшего», 1915 г., № 3, стр. 141). По юридическому факультету был выдвинут кн. В. А. Черкасский, как первый по списку кандидат. Однако же по особым соображениям он представил в Совет заявление, что желает «продолжать науки для достижения магистерской степени», в силу чего постановлением Совета 1. IX 1844 г. на юридическом факультете отличнейшим кандидатом объявлен К. Д. Ушинский. Этим объясняется, что по окончании университета к началу нового учебного года оба кандидата должны были явиться в Москву и в университет: Черкасский — чтобы готовиться к магистерскому экзамену, Ушинский — чтобы выжидать очередного назначения, но, в силу предварительной договоренности, установленной летом во время поездки Ушинского в деревню Редкина, где гостил и Грановский, Ушинский в ожидании назначения тоже начал готовиться к магистерскому экзамену («Будем готовиться вместе», — писал он Черкасскому), не оформив, однако же, этого своего намерения формальным заявлением, как это сделал Черкасский.

Таким образом, с началом лета 1844 г. оканчивается первый этап жизни Ушинского, кончаются его детство и юность и начинается период его самостоятельной жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИИ (1844—1862)

Формально поступление К. Д. Ушинского на государственную службу необходимо считать со времени решения Совета университета о выделении его в качестве отличнейшего кандидата юридического факультета в распоряжение попечителя Московского учебного округа для назначения на высшие государственные должности без предварительного прохождения стажа низших должностей. Назначение не могло состояться немедленно, и ожидание его могло продолжиться неопределенно долгое время. Учитывая это, Ушинский, совершая летом 1844 г. «шестинедельное путешествие» по окрестностям, посетил в августе П. Г. Редкина в его имении Полтавской губернии, где встретил в качестве гостя и Т. Н. Грановского. Пробыв три дня в общении с своими университетскими руководителями, Ушинский по их совету решил в ожидании назначения готовиться к магистерскому экзамену, а для обеспечения ему возможности жить во время подготовки в Москве, Редкин обещал предоставить Ушинскому в пансионе четыре недельных урока с оплатой по 6 руб. за урок, что обеспечивало его в материальном отношении. Назначение в Ярославский лицей официально последовало ровно через два года и, если бы Ушинский держал экзамен, он мог бы быть оставлен для продолжения работы при университете, но уже в начале 1845 г. он отказался от задачи готовиться к экзамену. Возможно, что к концу 1845 г. в связи с подготовкой реформы Ярославского лицея Ушинский был предупрежден о готовящемся назначении.

Сразу начавшаяся на высоком уровне служебная работа К. Д. Ушинского шла весьма неравномерно. В основном Ушинский стремился приложить свои силы на двух поприщах, сначала на юридическом и экономическом, затем на педагогическом. Обе попытки оказались в условиях конца 40—50-х и начала 60-х годов неприемлемыми для русского правительства этих лет и влекли за собой соответствующие административные меры. Свою первоначальную работу по энциклопедической специально-

сти камералиста Ушинский сменил на не менее энциклопедическую работу педагога. В первой работе основным его стремлением было радикально реорганизовать устаревшую средневековую систему камеральных наук с целью приспособить ее к новой, капиталистической системе хозяйства, которая в 40-е годы уже стихийно входила в русскую жизнь. Во второй работе он стремился столь же радикально реорганизовать средневековую систему русской педагогики с целью перестроить ее на теоретических основах новой, опытной психологии и новых народных потребностей, возникших в связи с изменениями, происходившими в хозяйственной жизни России. Признав в конце концов, что работа в России для него невозможна, Ушинский ввиду болезни испросил себе, пользуясь покровительством сильных лиц,граничную командировку, чтобы в заграничном уединении теоретически выполнить тот педагогический замысел, который ему не удалось осуществить практически. Таков был общий характер служебной работы Ушинского, который в переписке с Л. Н. Модзалевским он выразил словами — «не от мира сего есмь», что означало, что в условиях самодержавного режима и засилия бюрократизма его творческая работа в учреждениях страны невозможна.

1. ПОДГОТОВКА К МАГИСТЕРСКОМУ ЭКЗАМЕНУ В ОЖИДАНИИ СЛУЖЕБНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Время между окончанием университета и назначением на государственную службу фактически длилось у Ушинского в течение двух лет — 1844—1845 и 1845—1846 гг. Ушинский в эти годы, с одной стороны, ожидал назначения, с другой стороны, одновременно, с Черкасским готовился к магистерскому экзамену. Из дневника, который Ушинский вел в конце 1844 и начале 1845 г., видно, что он работал под руководством и наблюдением П. Г. Редкина, пользовался его книгами, имел с ним встречи. В материальном отношении уроки в пансионе, обещанные ему Редкиным, конечно, обещали устроить Ушинского, но, как замечает он в письме к Черкасскому, «на меня, кажется, обрушиваются многие семейные заботы (судя по дневнику, Ушинский должен был принять на себя заботы о младшем брате, Сергее, который кончал гимназию и, видимо, тоже должен был готовиться куда-то. — В. С.). Что же, — пишет Ушинский, — милости просим, я готов вынести и не такую тяжесть» (т. XI, стр. 138). Уроков в пансионе он почему-то не взял, но имел какой-то урок в частной семье, по поводу которого часто сокрушается в своем дневнике, видимо, негодуя на свою малоопытность в педагогическом деле.

Обмен письмами между Черкасским и Ушинским, состоявшийся в конце лета 1844 г., проливает свет на те перспективы, которые рисовались Ушинскому на самой заре его самостоятель-

ной жизни *. В своем письме к Ушинскому В. А. Черкасский приглашал посетить его в имении (с. Ивановское (Пригори) Веневского у., Тульской губ.). Письмо его не сохранилось, и судить, о чем писал он Ушинскому, можно только на основании ответа Ушинского. Ясно прежде всего, что письмо касалось общих интересов двух первых кандидатов, окончивших юридический факультет в 1844 г. и имевших какие-то общие планы на ближайшие годы. Черкасский сообщал Ушинскому о каком-то своем «разговоре с графом» (очевидно, попечителем Московского учебного округа, С. Г. Строгановым). Черкасский говорил графу о каких-то препятствиях, связанных с его выдвижением в качестве «отличнейшего кандидата», о боязни осуждения его поведения в аристократических кругах («что скажут?»). Несомненно, Черкасский говорил с попечителем о своем отказе от назначения, данного ему Советом университета, причем мотивировал это «мнением света», в котором ему приходилось вращаться. Отказ вылился в форму заявления Совету о желании «продолжать науки для достижения магистерской степени», в силу чего звание отличнейшего кандидата по юридическому факультету осенью было перенесено на Ушинского. Из письма последнего видно, однако же, что у него с Черкасским были приблизительно одинаковые планы. Ушинский называл их «профессорскими мечтами». В ближайшей перспективе Ушинский, как и Черкасский, имел в виду экзамен на право защиты магистерской диссертации: «готовиться будем вместе: только я должен буду читать то, что Вы давно знаете» **. Однако решимость Ушинского держать экзамен была далеко не такой твердой, как у Черкасского: «Еду в Москву, но не с твердым намерением там остаться. И как ни смешна моя идея Кавказа⁸, но едва ли она не большая действительность, чем профессорские мечты». Об идее Кавказа Ушинский нигде больше не упоминает и потому неясно, что он имеет в виду. Судя по тому, что в письме своем, непосредственно после приведенных слов, Ушинский прибавил: «так я говорю только в отношении себя и своих способностей», можно думать, что с «профессорскими мечтами» у Ушинского соединялась известная неуверенность в своих силах и представление о более скромных родах служебной деятельности, которые он связывал как-то с Кавказом. Между прочим, друзья Ушинского, Л. Н. Модзалевский, Д. Д. Семенов, обнаруживали большое тяготение к Кавказу и значительную часть своей служебной работы провели в условиях этой окраины. Дневник Ушинского за 1844 г. дает все

* Письма эти, как и другие материалы этого периода, частично уже использованы в конце предыдущей главы, поскольку содержание их относится к периоду университетской жизни Ушинского. В настоящей главе содержание их используется, поскольку оно освещает начало самостоятельной работы Ушинского.

** Ушинский имел в виду то обстоятельство, что Черкасский, будучи старше его по возрасту, уже со второго курса выполнял под руководством профессоров различные научные работы.

же основание думать, что главным для него был субъективный вопрос о его действительном призвании и его способностях. 18 ноября, вернувшись к своей давней мечте «написать историю так, как я ее понимаю», Ушинский спрашивает себя: «Но угадал ли я свое направление? Не лень ли только гонит меня от поприща фактической деятельности? Не был ли бы я для нее способнее? Не сделал ли бы я для России больше здесь, нежели написав историю?» (т. XI, стр. 18). Под фактической деятельностью Ушинский, очевидно, имеет в виду службу, и мотивом для выбора между практической деятельностью и научной работой является сравнительная оценка того, что полезнее для родины.

Таким образом, письмо Ушинского к Черкасскому в связи с некоторыми последующими заметками его дневника несколько приоткрывает для нас завесу, скрывавшую до сих пор внутренний мир молодого Ушинского. Очевидно, 20-летний Ушинский, только что вышедший из стен университета, чувствовал себя неуверенным, выбитым из колеи, лишенным необходимого равновесия. Не говоря уже о колебаниях в связи с выбором направления деятельности, главное затруднение заключалось в формировании устойчивого мировоззрения. Свое стремление найти здесь твердую точку опоры, установить внутреннее равновесие Ушинский называет заботой о «внутреннем мире». И эта забота беспокоила Ушинского в гораздо большей степени, чем внешние успехи, которые его мало интересуют: «О внутренней жизни я забочусь гораздо более и, если успею примириться с самим собой, то о другом мне мало нужды». Внешние условия предстоящей подготовки к экзамену под руководством таких людей, как Редкин и Грановский, Ушинского радуют, но он опять боится обмануться не в людях, но «в себе». Какая-то неуверенность в своих силах мучает Ушинского и в то же время он совершенно уверенно и с сознанием своего превосходства поучает своего корреспондента: «Ваш разговор с графом меня удивил. Эта боязнь — «что скажут» — слишком чужда мне. Мало ли еще будет каких препятствий Вам, как и всякому (связанному с светом), кто решит действовать по собственной мысли! Но, князь, в презрении мнения людей есть какая-то обаяющая радость. Вы были у всех, — это прекрасно. Эти люди должны быть орудиями, но не трогать нашего душевного спокойствия и настолько, насколько ласточка задевает крылом своей поверхностью спокойного моря». Это показывает, что, несмотря на колебания по отдельным вопросам, сознание какой-то внутренней независимости и самостоятельности уже выработалось в Ушинском. Он пишет, что «привык к независимым действиям», действиям «по собственной мысли», не связанным с мнениями и суждениями окружающих людей.

Отвечая на приглашение князя посетить его, Ушинский писал, что предполагает сделать это 23 августа по дороге в Москву, если найдет в Тульской почтовой конторе письмо от Черкасского с сообщением, что в этот день он будет у себя. Не-

известно, удалось ли свидеться двум кандидатам, как предполагал Ушинский, и встречались ли они потом вообще. 25 августа Ушинский предполагал обязательно быть в Москве, так как с этого дня начинались лекции.

* * *

Нужно думать, что с 25 августа Ушинский, как и предполагал, приступил к своим занятиям по подготовке к магистерскому экзамену. Представление об этих занятиях можно составить себе на основании дневника, который вел Ушинский с 8 ноября 1844 г. по 23 апреля 1845 г. Содержание дневника весьма разнообразно. Изредка Ушинский заносил в дневник наиболее поразившие его цитаты из прочитанной литературы, хотя для выписок у него, видимо, была особая тетрадь; периодически давал перечни назначенной для чтения и прочитанной литературы; довольно часто выносил суровые оценки своему поведению; писал расписания ежедневных занятий; устанавливал правила поведения и описывал свои субъективные переживания; наконец, что особенно важно, нередко записывал связанные с занятиями размышления по различным вопросам. Содержание дневника в целом дает, таким образом, достаточный и разнообразный, хотя и не исчерпывающий, материал для суждения о том, как шла подготовка к предположенному магистерскому экзамену.

Из ряда перечней книг, подлежащих изучению и регулярно заносимых Ушинским в дневник, видно, что он должен был систематически изучать по источникам и пособиям ряд дисциплин. На первом месте среди этих дисциплин стоит **право и его история**. Уже в первой записи дневника дана заметка о необходимости проработать шеститомный труд Ф. Савиньи «История римского права в средние века». В начале декабря Ушинский отмечает в числе прочитанных книг, кроме Савиньи, Эйхгорна «История немецкого государства и права», Боссера «Система естественного права», Мауренбрехера «Германское право», Гегеля «Философия права» и др. В связи с историей права Ушинский читает работы по **истории** — Дальмон «История английской революции», О. Тьери (все сочинения), Гизо «Курс современной истории» (т. 1—6), Бомон-Васси «История европейских государств до конгресса в Вене», Сарран-младший «Луи-Филипп и контрреволюция 1830 г.». Далее перечисляется целый ряд работ по **статистике и географии**. В числе географических работ целый ряд путешествий по России. По **политической экономии** Ушинский читает сочинения Рау, Росси, Сисмонди т. 1—2, Бланки «История политической экономии», по **финансам** — Якоби. По **философии** — Гегель «История философий», «Философская пропедевтика» и др. Кроме научной литературы эпизодически отмечены 2—3 случайные книги из области художественной литературы.

Ясно, что Ушинскому предстояло проработать ряд научных дисциплин, сконцентрированных около науки права и его истории. Для первой половины XIX в. дисциплина истории права с той или иной трактовкой этого социального явления была действительно основной общественной наукой, исключительно важной в деле формирования мировоззрения. Достаточно назвать работы Савиньи по истории и философии права, Гегеля «Философия права», Маркса «Введение к критике философии права Гегеля», чтобы прийти к выводу, что право было центральной проблемой, такое или иное решение которой требовалось для уяснения основ мировоззрения в первой половине XIX в. В самом деле, если основы средневекового права вытекали из условий феодальной общественной формации, то французская буржуазная революция разрушила эти условия и провозгласила новые, вытекавшие из основ буржуазного общественного строя. Однако же начавшаяся с конца XVIII в. аристократическая реакция в Европе выдвинула вопрос об исторической ценности и смысле феодального права. Работы Савиньи и Гегеля шли в русле этой реакции, подменяя оценку исторического права для современности его исторической ролью в прошлом. Маркс метко и беспощадно критиковал историческую школу права. Известны его саркастические выражения о «школе, узаконяющей подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего, школе, объявляющей мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый и прирожденный исторический кнут» (т. 1, стр. 401). Знал ли Ушинский только что цитированную работу Маркса («Введение к критике гегелевской философии права»), это вопрос особый. Работу Маркса знал В. Г. Белинский, знали и другие. Что касается Ушинского, он во всяком случае знал работы Савиньи и Гегеля с свойственной им тенденцией к реставрации феодального права, о чем он говорил в своей речи «О камеральном образовании». Равным образом он знал о том повороте в области правосознания, какой произошел в период французской революции. Таким образом, он был в курсе основных течений своего времени в области права. Он должен был склоняться к какому-то решению вопроса о праве.

На основании дневника еще трудно сказать, к чему он склонялся, но характерно, что он делает несколько выписок о правах народа, в том числе из сочинений немецкого юриста Р. Моля о том, что «все учреждения, а следовательно, и полицейские должны быть народными и по их направлению, и по их форме» (т. XI, стр. 41). Р. Моль⁹, германский юрист, критиковал гегелевское учение о государстве и праве, противопоставив ему идею гражданского, народного права. Три года спустя, в речи «О камеральном образовании», Ушинский в свою очередь обосновал необходимость радикальной переработки гегелевского учения о государстве и праве.

К. Д. Ушинский в 1844—1845 гг.

Если спросить теперь, как шли занятия Ушинского по изложенной программе, то чтение дневника оставляет впечатление, что, изучая перечисленные работы, он сразу же столкнулся с двумя возможностями, которые непримиримо боролись в нем на протяжении всего времени, пока шла подготовка к экзамену. Первая возможность, сразу увлекшая Ушинского и сообщившая особую привлекательность его занятиям,— это возможность творческой работы над изучаемым материалом и выяснением в связи с этим своего призвания в жизни; вторая возможность, сразу же воспринятая Ушинским угнетенно и отрицательно, это перспектива формального усвоения предметов и сдачи экзамена с официальным заявлением, что он стремится к получению магистерской степени.

Творческая работа над читаемым материалом увлекала Ушинского перспективой осмыслить человеческую историю вообще и отечественную в частности и нести свет этого знания в массы. В цитированных выше записях дневника Ушинского яр-

ко отражена вдохновенная жажда просветительства и подготовки народа к его будущей исторической задаче: он мечтает работать для потомства, готовить умы, сеять знания, изыскивать средства для предстоящей в будущем перестройки социального здания, шевелить энергию подрастающих поколений. Не откладывая выполнение осознанной задачи на будущее, Ушинский составляет себе программу ежедневных занятий по часам и одновременно с этим ставит перед собой задачу укреплять волю и заставить ее подчиняться уму, который один должен повелевать человеческими поступками. Через 10 дней после того как начат дневник, Ушинский формулирует созревшую в нем мысль, преследовавшую его уже с третьего курса университета и оформившуюся как задача написать историю так, как он ее понимает, с той целью, чтобы таким образом принести наибольшую пользу народу. Проходит еще неделя, и Ушинский записывает в дневник большую тираду, которая звучит, как воображаемая речь, с которой автор обращается к слушателям, уверяя их, что уже начинается революция духа, близок день ее окончательной победы и все уже находится в движении. Благодетельная революция ума сказывается во всех явлениях, — в жизни общественной, домашней, индивидуальной, в религии, поэзии, искусстве, науке... Автор дневника с большим подъемом приглашает воображаемых слушателей взглянуть вместе с ним во все сферы, в которых осуществляется эта благодетельная революция в духовном мире (см. стр. 75 — 77).

Так осуществлялась первая, лежавшая перед молодым Ушинским возможность творческой работы над научным материалом. Для этой творческой работы, которая обозначалась в дневнике рубриками «читать для ума», «читать для себя», Ушинский отводил каждую неделю 32 часа. Но рядом с ней лежала практически гораздо более важная задача — формальное заявление о желании готовиться к экзамену и фактического усвоения памятью всего материала. Эта задача, видимо, не вызывает особого энтузиазма: для подготовки к экзамену Ушинский выделял всего 23 часа в неделю. Независимо от этого, она крайне смущала Ушинского прежде всего с моральной точки зрения: ему казалось чем-то постыдным сделать заявление, что он ищет ученой степени и, значит, преследует карьеристские цели; ему казалось, что это связано будет с обвинением в том, будто он заискивает у профессоров и пр. 9 декабря Ушинский встретился в библиотеке с проф. Морошкиным. Последний спросил у Ушинского, что он теперь делает, что намерен делать дальше, т. е. задал самые обыкновенные вопросы, с какими подходят друг к другу некоторое время не встречавшиеся люди. По поводу этой встречи Ушинский записал в своем дневнике: «Как заколыхалось мое глупое сердце! — чего? зачем? само не знает... Он спрашивал, что я хочу делать? Так что же? Стран-

ное дело: я убежден, что я делаю хорошо и стыжусь, боюсь показать другим то, что я делаю! Корень этого тот, что я ненавижу искательства и что я трепещу, что бы меня не сочли за человека, чего-нибудь ищущего. А между тем как ни благородно мое стремление, кажется, что в нем есть порядочная доля тщеславия» (т. XI, стр. 25).

После этого начинается какой-то застой в работе. 20 января, в первой же записи нового 1845 г., Ушинский констатирует: «дух мой как будто заснул, ни одним движением он не напоминает о своем существовании. Гордой самоуверенности в своем бытии, веры в свою индивидуальность, в самого себя, в душу — как будто не бывало» (т. XI, стр. 26). Ушинский делает судорожные усилия вновь настроиться на творческий лад: пишет правила поведения, следит за их выполнением, однако утраченное бодрое настроение не возвращается. Очевидно, имел место обычный временный упадок сил, требовавший отдыха. Между тем подготовка к экзамену требовала одоления массы мелочей и большой усидчивости в работе. Возможно, что преодоление этих трудностей не было для Ушинского особенно тяжелым: известно, что он обладал отличной памятью и прекрасно держал университетские экзамены, не записывая лекций и не затрачивая времени на усиленную подготовку во время экзаменационной страды. Но на первый план у него выступали сомнения и страдания морального порядка: разговоры с окружающими приводят его в расстройство и он много раз дает себе обещание не вести впредь пустых разговоров, не навязываться с разговорами, когда не о чем говорить. Возможно, что разговоры эти так или иначе переходили на болезную для Ушинского тему о его подготовке. В итоге этих внутренних переживаний Ушинский 26 марта 1845 г. резюмирует, наконец, результаты своего раздвоения в такой записи: «Я не выдержу (очевидно, не экзамена, а тех внутренних мучений, какие приходилось переживать в связи с подготовкой к нему.— В. С.), я не буду держать экзамена на магистра: в этом я почти убежден; но не хочу переменять пути, не хочу ничего **искать**. К чему мучить себя? Мне кажется, что эта глупая комедия скоро кончится... И я очень похож на рыбака, выбравшего из трех исполнений, предложенных ему «духом», колбасу, которую жена потом с досады прицепила к его носу и, наконец, он принужден был в 3-ем желании просить, чтобы она отвалилась. — Я точно так же распорядился» (т. XI, стр. 32—33). Можно считать, что вместе с этой записью окончилось то внутреннее раздвоение, которое тяготило Ушинского до сих пор. Он решил, что держать экзамена не будет и, очевидно, сделал об этом заявление.

Однако же после приведенной решающей записи 26 марта Ушинский не прекращает своих занятий по намеченной программе и продолжает изучать накопившуюся в его записях литературу. В записи 2 апреля он дает перечень вновь прочитанных

работ и записывает интересный воображаемый разговор, очевидно, с кем-то из профессоров, возражая ему по вопросу о происхождении семьи, причем вносит в теорию своего собеседника замечательно меткую поправку, указывая как на одну из причин возникновения семьи на потребность «общественности». Мысль Ушинского, очевидно, продолжает работать в принятом творческом направлении, формальная же подготовка к экзамену, по видимому, уже совсем его не занимает. Дневник заканчивается выписками о праве из Гегеля и Р. Моля. Выписками 23 апреля 1845 г. дневник обрывается. Возможно, что Ушинский осведомил Редкина о своем решении и в начале лета 1845 г. отправился, как обычно, в Новгород-Северск и провел там каникулы. Экзамена на магистра Ушинский не держал. По всем видимостям, не держал его и Черкасский, хотя он, как это видно из его архива, и получал приглашения на экзамен в феврале 1847 г.¹⁰

Дальнейшая судьба Ушинского была предreshена тем обстоятельством, что в 1845 г. назрела очередная реформа Ярославского лицея и гр. Строганову нужны были преподаватели для ряда дисциплин. Вместе с другими кандидатами получил рекомендацию и Ушинский на должность и. о. профессора ряда камеральных наук. Занятия в реорганизованном лицее открылись с началом 1846/47 учебного года и с этого времени должен был начать свои занятия Ушинский. В послужных списках отмечено, что Ушинский «по окончании курса в Московском университете в 1844 г. в службу вступил исправляющим должность профессора энциклопедии законоведения, государственных законов, казенного управления и финансов при Ярославском Демидовском лицее 1846 года, августа 2-го дня» (т. XI, стр. 359—360). Где Ушинский провел 1845/46 учебный год, остается неизвестным, хотя напрашивается предположение, что во второй половине 1845 г. он должен был направиться в г. Ярославль.

2. К. Д. УШИНСКИЙ В ЯРОСЛАВСКОМ ДЕМИДОВСКОМ ЛИЦЕЕ

Краткая
история
лицея.

Ярославский лицей, куда Ушинский назначен был и. о. профессора камеральных наук, представлял собой одно из тех нередких в России начала XIX в. учреждений, которые возникали по случайному желанию какого-либо жертвователя, не знавшего, как иначе употребить свои капиталы и имения, но в то же время обставлявшему свое пожертвование определенными условиями, с которыми должны были считаться его распорядители. Ярославский лицей возник в результате пожертвования, сделанного г. Ярославлю Павлом Григорьевичем Демидовым (1738—1821) в сумме ста тысяч рублей и ряда вотчин с 3578 душами крестьян. Жертвователь, которого кто-то назвал «отпрыском петровских реформ», считался одним из просвещеннейших людей в России второй половины XVIII и начала XIX в., учился у раз-

ных профессоров Европы, изучая естествознание, математику и технические науки, слушал лекции Линнея в Упсале и составил за время своего обучения богатейшие коллекции по естествознанию, нумизматике, искусству, которые пожертвовал разным учреждениям. Любя просвещение и «почитая его первым основанием благосостояния государства», Демидов выразил желание, чтобы на доходы его пожертвования было организовано «училище, которое имело бы одинаковую степень с университетом и все преимущества одного». Развернуть университет на доходы с пожертвованной суммы и имений было трудно уже потому, что вследствие неисправного управления пожертвованными вотчинами доходы с них поступали нерегулярно и с каждым годом на крестьянах накапливались недоимки. Министр просвещения П. В. Завадовский нашел выход из создавшегося затруднительного положения в том, чтобы на пожертвованные средства основать училище, в котором преподавались бы науки, принадлежащие ко всем университетским факультетам и составляющие преподавание энциклопедическое, но не университетское.

Ввиду изложенного согласно Уставу 8. I 1805 г. (Сб. пост. министерства просвещения, т. I, стр. 348) было создано **Демидовское училище высших наук**, занимающее «первую степень непосредственно после университетов» и состоящее из семи профессоров, преподающих энциклопедические науки. В открываемое училище Московский университет послал 5 преподавателей и 5 студентов. Училище развертывалось медленно. Ревизовавший его в 1808 г. Прокопович-Антонский доносил университету, что «число учащихся слишком мало, всего 19 человек, пожертвования благодетеля заплачены слишком мелкой монетой, профессора сами тужат и стыдятся, что училище их в таком положении»*. Назревала необходимость какой-то реформы. Высшее дворянство, недовольное учреждением университетов, как немецкой выдумкой, склонялось к тому, чтобы создавать в интересах дворянской молодежи учебные заведения особого, облегченного типа, занимающие середину между университетом и гимназией. В. П. Кочубей, выдающийся государственный деятель начала XIX в., писал М. М. Сперанскому в 1811 г.: «Не университеты нам нужны, когда некому в них учиться, особливо на немецкую статью, а училища. Система лицеев есть самая лучшая, какую для России принять можно. 8-летний опыт показал, что установление университетов не соответствовало тем ожиданиям, какими правительство себя ласкало». Действительно со второго десятилетия начинается полоса организации лицеев. В 1810 г. организуется Царскосельский лицей; в 1811 г.

---

* М. И. Семевский, путешествуя в начале 80-х годов по различным городам России, слышал шедшее от очевидцев предание, что с наступлением каникул профессора Ярославского лицея разъезжали по вотчинам для собирания взносов с крестьян («Русская старина», 1889 г., № 10. «Поездка по России», стр. 224).

создается проект Ришельевского лицея (самый лицей открыт в 1817 г.); в 1825 г. создается устав Нежинской гимназии высших наук, которая преобразуется затем в лицей. В 1835 г. преобразуется и основанное Демидовым училище в **Демидовский Ярославский лицей**, причем, в соответствии с идеологической реакционной политикой начала 20-х годов вместо первоначально-го энциклопедического учебного плана ударение сделано на юридических и камеральных науках. Естественное и народное право прежнего учебного плана заменены русским публичным (гражданским и уголовным) правом. На реакционные тенденции нового учебного плана не замедлила отрицательно реагировать молодежь. Количество учащихся стало быстро уменьшаться. Трудно было удержать старых профессоров и еще труднее подыскать новых. К 1845 г. количество студентов со ста человек (в 1835 г.) снизилось до 35. По инициативе попечителя Московского округа и в некотором противоречии с общими установками реформы 1835 г. учебный план лицея был снова перестроен. Лицею была поставлена задача давать квалифицированных специалистов в области юридических дисциплин, причем квалификация самого лицея повышалась с таким расчетом, чтобы приблизить его к юридическому факультету Московского университета и рассматривать его как своеобразное дополнение к нему. Уровень юридических дисциплин предполагалось повысить до университетского, ввиду чего вводились такие дисциплины, как энциклопедия законоведения, основы права, политическая экономия и др. На трех курсах лицея были распределены науки общеобразовательные, камеральные и юридические. Именно в это реорганизованное в третий раз Демидовское училище и был назначен Ушинский и. о. профессора камеральных наук. Этот новый устав в свою очередь оказался неудовлетворительным в связи с ростом внутренних противоречий в России и европейскими политическими событиями 1848 г. Из центра шли строжайшие предписания всем университетам снизить уровень преподавания юридических дисциплин, не допускать преподавания ни госправа, ни энциклопедии законоведения как теоретических дисциплин, что и послужило основной причиной снятия Ушинского с широко развернутой им программы преподавания своего курса. Новые преподаватели были поставлены в узкие рамки простого изложения существующих законов. Таким образом, план реорганизации лицея 1845 г. по существу не был выполнен. Вместе с этим не была достигнута и та цель увеличения количества студентов, которую стремились достигнуть. Поэтому в 1868 г. правительство решилось еще на одну реформу. **Демидовский юридический лицей** был реорганизован в учреждение, функционирующее как юридический факультет, равный университетскому по правам и предметам преподавания. Эта последняя реформа была наиболее удачной. Количество учащихся уже в 1867 г. повысилось до 107, в 1882 г. до 314,

в 1903 г. до 497. В новом лицее охотно работали известные профессора. В 1872 г. начинается издание «Временника Демидовского юридического лицея», в котором печатались ученые труды, нередко значительные в научном отношении. К 1903 г. вышло 86 книг этого издания. Такова внешняя история учреждения, в котором Ушинский впервые приступил к своей научной и преподавательской работе с осени 1846 г.¹¹.

**Лекции
Ушинского
по вопросам
камерального
образования.**

Приступая к исполнению возложенной на него должности профессора в только что преобразованном лицее, Ушинский, конечно, должен был чувствовать и значительный подъем и большую ответственность, принимаясь за выполнение порученного ему дела. Реорганизация Ярославского лицея в 1845 г. была предпринята одновременно с реорганизацией лицеев Нежинского и Ришельевского и в связи с предпринятым учреждением камеральных разрядов на юридических факультетах Спб университета (в 1843 г.) и Казанского (в 1844 г.). Реорганизация Ярославского лицея была продолжением университетских реформ, предпринятых в николаевское время с целью поставить высшее образование на службу реакции. Ярославский лицей как бы включался в результате реформы в состав Московского университета в качестве дополнения к его юридическому факультету. В одном из своих выступлений в Ярославле проф. Шевырев говорил: «Мы считаем Ярославский Демидовский лицей пятым факультетом Московского университета, факультетом камеральных наук, которого нам недоставало» («ЖМНПр.», 1853 г., X, стр. 22—23). Реорганизация Ярославского лицея была, таким образом, результатом предпринятой русским правительством широкой попытки создать для государственных наук самостоятельное положение в системе университетов. В соответствии с этим и Ушинский намечал себе впереди большую и увлекательную задачу разработать отвечающую современности систему государственного образования, еще с XVIII в. носившую старинное наименование «камеральной». Структуру камерального образования, разработанную в Германии еще в XVIII в. и перенесенную в Россию, Ушинский стремился преобразовать методологически и методически применительно к середине XIX в. в России. Актуальность этой задачи осознавалась уже на юридических факультетах разных университетов, что видно из речей, произнесенных в Харьковском университете проф. Платоновым*, в Московском — проф. П. Г. Редкиным**. Но Ушинский имел все основания подойти еще раз к радикальному решению назревшей задачи о реорганизации системы государственного камерального образования.

* Платонов, О камеральном образовании, Харьков, 1845.

** П. Г. Редкин, Какое общее образование требуется современностью от русского правоведа, М. 1946.

За отсутствием многих материалов (Архив Ярославского лицея подвергся разрушению в период гражданской войны 1918—1919 гг.) сейчас уже трудно восстановить в подробностях процесс работы Ушинского над составлением и разработкой порученных ему курсов энциклопедии законоведения и государственного права. Несомненно, что год, предшествовавший началу занятий по новому плану, был посвящен тщательной подготовке к предстоявшей серьезной работе. В одном из первых своих заявлений Совету лицея Ушинский энергично требует перестановки предметов преподавания в первоначально намеченном учебном плане в соответствии с логикой их содержания, так, чтобы самая общая дисциплина — энциклопедия законоведения, являющаяся введением ко всем частным юридическим дисциплинам, была поставлена не на втором, а на первом курсе. Это требование, естественно, было удовлетворено. Особенно тревожил Ушинского вопрос о литературе, необходимой для разработки порученных ему курсов. «Еще не зная библиотеки Демидовского лицея, я предполагал, что встречу там недостаток в книгах по моим кафедрам — энциклопедии законоведения, государственного права и науки финансов, — и старался предупредить это, сколько позволяли мои собственные средства. Но, прибывши на место, я увидел, что этот недостаток был более предполагаемого: в течение 10 лет не выписано почти ни одной юридической книги, ни одной энциклопедии законоведения и ни одной для финансов, — библиотека не имеет даже Свода законов. Существующие книги, кроме отдела римского права, самые жалкие, тогда как кафедры других наук каждый год прибавляли много дельного и даже роскошного к богатому уже собранию» (т. XI, стр. 257—258). Это обстоятельство заставляет его поднять вопрос о выписке необходимой для занятий заграничной литературы. И здесь впервые его ходатайство обращает на себя подозрительное внимание попечителя округа С. Г. Строганова, который потребовал представления ему подробного списка книг и, получив список, вычеркнул из него все, что показалось ему ненужным и лишним: из книг по финансовому праву в количестве 43 он вычеркнул 14, из книг по государственному и международному праву оставил только три. По заключению проф. С. Покровского, который имел возможность заниматься в еще не погибшем архиве Ярославского лицея, попечитель стремился «оградить высшие учебные заведения от проникновения в них конституционных идей»*.

Осенью 1846 г. Ушинский начал чтение лекций по энциклопедии законоведения на первом курсе, с следующего 1847 г. по государственному праву — на втором курсе. В личном архиве

---

* С. Покровский, Страница из профессорской деятельности К. Д. Ушинского в Демидовском лицее, «Вестник воспитания», 1911 г., № 9, стр. 69—70.

Ушинского остались его рукой написанные вступительные лекции к этим двум курсам. В этих вступительных лекциях Ушинский развивал обычно теоретическую, принципиальную сторону своего курса в соответствии с новой установкой лицея на подготовку специалистов по камеральным наукам, а затем, не пускаясь в детали и подробности, «которые каждый может прочитать сам», читал, опираясь на существующие пособия, положенный курс, привлекая студентов к самостоятельным занятиям. Уже на втором курсе два студента писали по заданию Ушинского самостоятельные работы на тему «Об областных учреждениях Петра I» и получили за выполненные работы одну золотую, другой серебряную медали. О своеобразной методике чтения лекций, выработанной Ушинским, можно судить по его замечаниям на статью Н. И. Пирогова об университетах. В этих замечаниях Ушинский вспоминает частью лекции своих университетских профессоров, частью собственную практику в Ярославском лицее. «На университетских лекциях часто излагаются предметы, вовсе к такому изложению неспособные. Так, например, нередко на юридических факультетах излагаются сокращения различных томов свода законов, как будто студенты сами не умели бы прочесть в своде законов, не умели бы составить из них конспекта. Что тут объяснять? Над чем тут ораторствовать? Мудрено ли, что сам профессор засыпает, перечитывая в десятый раз устройство губернского правления, и что студенты не слушают профессора, зная, что к экзамену найдут все это или в тетради, или в своде законов? Мы знали одного молодого профессора государственных учреждений, который на другой же год своего чтения так наскучил этим перечитыванием конспекта из свода законов, что отдал тетрадки студентам и сказал им: «Читать это на лекции невыносимо скучно; слушать вы меня не будете; вот вам тетрадки: выучите их к экзамену, ничего непонятного вы там не найдете; а мне позвольте приходить к вам и прочесть лекции по истории русского права. Я надеюсь, что это вас займет, и мне читать будет приятно». В то время выходка эта показалась для некоторых странной; но кажется, что теперь она должна быть возведена в общее правило.. Есть много таких предметов, о которых и беседовать-то нечего, а которые следует просто взять и выучить — или по своду, или по учебникам, или по запискам. Что беседовать, напр., об устройстве пожарных лестниц, об окраске будок и т. п.? Если это уже и нужно знать, то, по крайней мере, нечего здесь понимать.. Самостоятельные разработки по руководствам и источникам тех или других отделов науки должны быть предоставляемы самостоятельной работе студентов. Точно так же должно предоставлять студентам изучение того или другого источника или того или другого фундаментального сочинения: так, напр., от студентов юридического факультета можно требовать, чтобы они прочли Савиньи, Тибо или Гуго, то-

го или другого из знаменитых криминалистов, или перевели и объяснили что-нибудь из Пандектов и т. д.» (т. III, стр. 69—72). Освободив, таким образом, себя от целого ряда деталей программы, преподаватель может знакомить студентов «с действительно ученой разработкой фактов, с действительно процессом ученых исследований, а не читать им азбуку науки или ее конспект» (там же). По этим несомненно автобиографическим высказываниям Ушинского можно судить о той методике преподавания, какой он держался за время работы в Ярославском лицее.

В курсе энциклопедии законоведения Ушинский, располагая тремя часами в неделю и опираясь на лучший в то время учебник по энциклопедии законоведения проф. К. А. Невютина (Киев, 1840, ч. 1—2), уяснил студентам общие философские и исторические основы законоведения, отыскивая середину между столь популярными в первой половине XIX в. учениями Гегеля и Савиньи, с одной стороны, и энциклопедистов XVIII в., с другой стороны. По воспоминаниям Модзалевского, Ушинский сам говорил, что он разделял в то время убеждения и взгляды левых гегельянцев и возражал консервативным сторонникам Гегеля, будто все действительно существующее разумно и не подлежит изменению и усовершенствованию. В то же время Ушинский отвергал взгляд, будто законы общественной жизни могут быть по произволу устанавливаемы и изменяемы правительством: законы подготавливаются историей народа, являются выражением исторической необходимости, вытекающей из назревших потребностей народа. Поэтому правильная разработка проблем законоведения может быть дана только на основе тщательно продуманных философских основ, с одной стороны, и изучения исторического процесса развития народов, с другой стороны. Курс Энциклопедии подготавливал, таким образом, переход к программе второго курса по государственному праву. Этот второй курс, читавшийся также в течение трех часов в неделю, имел подзаголовок, уточнявший его официальное содержание, — «Государственные и губернские учреждения и законы о состояниях». Вступительных лекций к этому курсу Ушинский читал две: в первой он дал обзор географического строения России, которым обуславливались предпосылки для исторической жизни славянских племен на Русской равнине; вторая посвящена обзору племен, населявших эту равнину. Очевидно, курс должен был строиться на показе того, как из сочетания географических условий жизни русского народа и творческой деятельности отдельных племен, населявших страну, вытекала конкретная русская история и ее правовые учреждения. В этом построении, возможно, и заключалась суть раннего замысла Ушинского «написать историю так, как я ее понимаю». Что читал Ушинский на третьем курсе в 1848/49 г., неизвестно; согласно учебному плану должен быть прочитан курс Казенное управление и

финансы, но фактически ему нужно было продолжать незаконченный курс истории государственного права. Во всяком случае известный итог своей работы в области камеральных наук Ушинский попытался сделать по истечении двухлетнего их преподавания в указанном лицее.

Речь «О камеральном образовании» как итог методологической работы Ушинского в области камерального образования.

18 сентября 1848 г. состоялось торжественное заседание Ярославского лицея, на котором Ушинский выступил с речью, порученной ему Советом. Речь эта представляла собой большое исследование, занимавшее не менее 200 страниц обычного формата. Чтению этой речи на торжественном заседании придавалось, очевидно, большое значение. Она должна была дать своего рода итог двухгодичной работы лицея, преобразованного с целью приближения его к уровню работы университетского пятого факультета. Возможно, что торжественное заседание происходило в присутствии представителей университета и почетного попечителя лицея. В том же году речь вышла из печати в Москве. По содержанию речь представляла собой серьезную методологическую работу, в которой Ушинский намечал коренное преобразование камеральных наук, исходя из критики немецкой камералистики, ориентированной на условия феодального строя отсталых немецких государств и потому совершенно устарелой в условиях развивающегося капиталистического общественного строя. Известно, что, переходя от гегелевской философии к изучению экономических наук в 40-х годах XIX в., Маркс также столкнулся с господствовавшей в Германии системой камеральных наук и характеризовал эту систему как такое произведение немецкой экономической литературы, которое «по своей вздорности, дилетантизму, бессодержательности, многословности, бесцеремонности в присвоении чужих мыслей не делает особенной чести «немецкому духу». Камералистика лишена всяких признаков подлинной науки и представляет собой «кашу из всякой всячины, политую эклектически-экономическим соусом» (Маркс, Критика политической экономии). Поставленный перед задачей разработки камеральных наук в Ярославском лицее, Ушинский подошел к ней с тем юношеским энтузиазмом к науке, какой был воспитан в нем еще на школьной и студенческой скамье. Он подвергнул систему камеральных наук, перенесенную в Россию из Германии еще в середине XVIII в., беспощадной методологической и методической критике; он показал, что представители камеральных наук еще не вскрыли действительного предмета своего изучения и работают методами, не имеющими ничего общего с научными: многочисленные правила и наставления, содержащиеся в камеральных сочинениях, «оторванные от всякой исторической и психологической основы, не могут быть ничем иным, как пустым и бесполезным резонерством» (т. 1, стр. 143). Серьезная критика ка-

мералистики обязывала автора этой критики самому решить вопрос о ее предмете и методе. Ушинский располагал достаточными данными для выполнения такой работы.

Уже на университетской скамье Ушинскому приходилось слышать и читать о новом общественном строе, возникшем и развивающемся в Европе в связи с разложением феодального. Он был знаком с социально-экономическими идеями виднейшего представителя классической буржуазной политической экономии, А. Смита, в известном исследовании которого показано, как внутри феодально-сословного общества Англии постепенно сложилось новое социально-экономическое общество, и проанализированы основные законы его существования. В своей речи «О камеральном образовании» Ушинский исходит, как из бесспорного факта, из сложившегося в Европе и уже развивающегося в России нового экономического общества, общества гражданского. «Это экономическое общество,— пишет он,— в течение всей средней и новой истории восходило к своему сознанию, но только в теории А. Смита достигло до сознания своего основного закона — «свободного разделения и соединения труда»... Это общество, которое обыкновенно называют гражданским: общество основанное на эгоизме и на материальных интересах» (т. I, стр. 170—171). Нужно считать характерным тот факт, что молодой Ушинский начинает свою научную работу в области социальных наук с признания факта формирования в недрах феодального строя нового общества, называемого гражданским. С этого признания начинали свою работу основоположники марксизма. В своей статье «К. Маркс» (1869) Энгельс писал, что, «отправляясь от гегелевской философии права, Маркс пришел к мнению, что не государство, изображаемое Гегелем «венцом всего здания», а напротив, «гражданское общество», к которому Гегель относился с таким пренебрежением, является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества». Этого ключа искал, очевидно, и молодой Ушинский. Критика консервативной стороны гегелевской философии, начатая им еще на студенческой скамье, к середине 40-х годов достигла своей вершины в признании фактически развернувшейся в Европе и захватывающей Россию социально-экономической революции, выдвигающей на место феодально-сословного новое гражданское, иначе,— буржуазное общество: «работники, ремесленники, фабриканты, капиталисты, землевладельцы,— пишет Ушинский,— вот сословия этого общества, или лучше сказать его элементы» (т. I, стр. 172). Анализ этого общества, его структуры Ушинский предполагал положить в основу реорганизации устарелого камерального образования. Его речь явилась наброском такой реорганизации.

Чтобы ближе представить себе, какие изменения в системе социальных наук должны были произойти после того как уста-

новлен предмет их изучения — гражданское общество, достаточно обратить внимание на то, какое новое соотношение установилось между ними с самого начала. Совершенно ясно, что для гражданского общества, занятого хозяйственной деятельностью, основной наукой будет наука о хозяйстве, иначе — политическая экономия. Наука, изучающая деятельность этого общества и устанавливающая ее законы, явится основополагающей во всей системе социально-экономических наук, необходимых новому обществу. Вся социальная структура этого общества может быть объяснена только с помощью науки хозяйства, «потому что, — пишет Ушинский, — законы хозяйства с необыкновенной силой проявляются в организации общества: из всех делений человечества самое заметное, самое осязательное и которое так часто заставляет чувствовать себя, есть деление, производимое разделением труда и вообще законами хозяйства. Может быть, из всех связей, которыми только соединяются люди, ни одна не является такой прочной, такой осязательной, ни одна не поглощает собой столько минут нашей жизни, как та связь, которая производится соединением труда и вообще законами хозяйства. Даже в сферах высших люди являются уже с тем неизгладимым отпечатком в их характере, который они получают от характера места, занимаемого ими в хозяйстве человечества, и от той функции, которую они отправляют в этом хозяйстве. Даже в высшие сферы переносят свою деятельность те связи, которые заключаются человеком в хозяйстве, так что в этих высших сферах хозяйственные союзы являются уже единицами с определенным характером» (т. I, стр. 192—193). Если хозяйственная наука является основной в гражданском обществе, то остальные социальные науки только отражают в разных сферах общественной жизни то, что уже дано в хозяйственно-экономической основе. Поэтому, например, наука права не является самодовлеющей наукой: «право, — пишет Ушинский, — есть только отражение общественного организма в юридической сфере» (т. I, стр. 210). Понятно, что отражение в сознании легко отрывается от отражаемого объекта, и в таком случае в науке открывается широкая возможность для произвольных, не контролируемых действительностью построений. Именно поэтому Ушинский находит необходимым произвести резкое разграничение между науками, изучающими реальные вещи и систематически контролирующими их отражения в сознании, и науками, оторвавшимися от изучаемых вещей. Подлинная наука, писал Ушинский, должна изучать «не то, что могло бы быть или должно бы быть по понятию того или другого лица, но то, что в самом деле есть... Истинная мысль не есть мнение о вещи, но понятие самой вещи; наука должна открывать глаза человеку на явления внешнего мира, а не предаваться бесплодным сожалениям и утопиям. Единственным критерием вещи есть самая вещь, а не наше понятие о ней, .. не постройка произвольных теорий и

не резонерство, основанное на шатких понятиях о каком-то общем совершенстве и общей справедливости» (т. I, стр. 201).

Вникнув ближе в сущность идей Ушинского, легко понять, что, констатировав факт возникновения, на месте прежнего феодально-сословного, нового гражданского общества и выделив на первое место науку политическую экономию, на которую как на свою реальную основу должны были опереться другие социальные науки, Ушинский тем самым решал вопрос о перестройке системы камерального образования в самодержавном государстве Николая I, как это ни странно с первого взгляда, на основах радикального материалистического мировоззрения. Юношески самоуверенное выступление Ушинского, вытекавшее из его веры в силу науки, из преклонения перед ней, и ставившее с головы на ноги все прежнее направление камерального образования, рассчитанного исключительно на удовлетворение узких потребностей замкнутого феодального государства,— это выступление явилось решительным и дерзким вызовом по адресу той системы государственного юридического образования, внутри которой он выступал. Можно сказать, что он стремился подрубить ту ветку большого дерева, на которой сидел сам. Несомненно, это грозило автору большими неприятностями.

В литературе о К. Д. Ушинском ни разу не было отмечено это раннее, самостоятельное его выступление по вопросу о реорганизации камерального образования в соответствии с фактическим вступлением России в 40-х годах в новый период социально-экономического развития, период капитализма, требовавший реорганизации всей системы социально-экономических наук. Это произошло потому, что ранние работы Ушинского, поскольку они были направлены в широкую область вопросов юридических, экономических, географических, этнографических и пр., вообще не изучались педагогами. Благодаря этому от их внимания ускользнула та социально-экономическая основа, которая явилась исходным моментом в формировании мировоззрения Ушинского и затем составила предпосылку его педагогических идей. Выше, в первой главе уже показано, как это направление стало формироваться у Ушинского еще в период его университетских занятий в связи с начавшейся критикой гегелевского идеализма. Когда в 60-х годах Ушинский приступил к развитию своих педагогических идей, его проницательные противники справа, из среды духовенства, сразу усмотрели материалистическую струю его идей и неустанно преследовали его учебники, настаивая на их запрещении даже после его смерти, между тем как противники слева, представители вульгарного материализма, односторонность которых Ушинский неоднократно разоблачал, поспешили объявить его идеалистом, а заодно уже представить его политическим реакционером, зовущим Россию назад, к патриархальному быту. Авторы-педагоги, приступившие к изучению педагогических идей Ушинского без знакомства с генезисом его

мировоззрения, некритически остановились на тех противоречивых и необоснованных обвинениях, которые были предъявлены ему в пылу горячих и ожесточенных споров 60-х годов, когда в обстановке взаимного непонимания не различали правых и виновных, и обошли те исходные позиции, которые лежали в основе всех выступлений Ушинского. Между тем современные историки признают совершенно неоспоримым то положение, что именно 40-е годы в России «явились началом своеобразного промышленного переворота», выдвинувшего на место прежнего сословного строя задачу формирования нового, гражданского (буржуазного) общества» (А. С. Нифонтов, 1848-й год в России. Очерки по истории 40-х годов. М., 1936, стр. 204—205), т. е. то, что Ушинский констатировал в первой своей научной работе еще в 1848 г.; и что, с другой стороны, именно в начале 40-х годов зародилась в России революционно-демократическая мысль, отражающая чаяния крепостного крестьянства, и что именно революционеры-демократы «наиболее последовательно воплотили в своей программе основные принципы русского просветительства, которое, по определению В. И. Ленина, характеризуется враждой и ненавистью к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области, защитой просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни, отстаиванием интересов народных масс» (С. Б. Окунь, Очерки истории СССР. Лгр., 1957., стр. 372—373).

Выше уже показано, что сознательная жизнь и деятельность К. Д. Ушинского началась на той стадии исторического развития России, когда ее капиталистическое развитие настолько продвинулось вперед, что уже явно ощущалась неизбежность борьбы с феодальным общественным строем, который, однако же, был еще достаточно сильным, чтобы отстаивать свое существование. Ушинский вступал в жизнь с определенным сознанием своей миссии служить делу упрочения нового общественного строя во всех надстроечных сферах жизни — в науке, морали, искусстве, быту и т. д. В сознании молодого Ушинского было живо ощущение того, что это уже не первое столкновение сил нового мира со старым, что предшествующие столкновения были неудачными, потому что были организационно неподготовленными, что в борьбе не принимал участия народ, оторванный от прогрессивных сил страны и не понимавший своих задач настолько, чтобы сознательно, а не стихийно принять участие в начинающейся борьбе. И только что окончивший университет молодой Ушинский записывает в своем дневнике, что на новом этапе русской жизни стихийному движению необходимо помогать идеологически, развивая новое сознание в области экономики, философии, политики, права, естествознания и т. п. Эта основная идея, с которой вступал в жизнь Ушинский, придавала высокий смысл всей его деятельности, в какой бы области культуры он ни работал,—

в области ли камералистики, естествознания, психологии, педагогики, или любой другой. Это была ориентирующая идея его жизни, указывавшая ему направление и смысл его работы, заставлявшая его идти в унисон с общим развитием жизни. Эту работу Ушинский начал в Ярославском лицее, доказав необходимость реорганизации всей системы камерального образования и новой структуры общественных наук в соответствии с новым этапом русской жизни. Эту работу он продолжал на следующих стадиях своего служебного поприща. Где бы он ни появлялся, он выступал, как идейный борец против пережитков феодализма и защитник интересов нового, гражданского общества, его свободы и самостоятельности. Эта идейная подкладка всей деятельности Ушинского до сих пор не была выявлена в исследованиях о нем, что затрудняло в значительной степени и понимание его работы в области педагогики.

**К. Д. Ушинский
как редактор
неофициальной
части «Ярослав-
ских губернских
ведомостей».**

Ушинский не ограничивался теоретической разработкой проекта реформы камерального образования и приспособления его к потребностям нового, гражданского общества. Его уверенность в правильности его предложений о реформе была так велика, что еще до назначения на должность и.о. профессора Ярославского лицея и еще до официального своего вступления в должность «1846 года, августа 2 дня» он уже анонимно работает в Ярославле в роли редактора неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей»¹². Необходимо признать, что Ушинский выступил в этой роли с первого номера «Ярославских губ. ведомостей» за 1846 г. с статьей «О торговых селах и местах Ростовского уезда». Это в известной степени дает возможность объяснить, куда делся Ушинский после 1844/45 года, когда он работал еще в Москве, готовясь к магистерскому экзамену, которого, однако, же к концу года решился не держать. Нужно думать, что неофициальное предупреждение о назначении на должность и.о. профессора в Ярославском лицее он получил во второй половине 1845 г. и к началу 1846 г. был уже в Ярославле. Подготавливаясь к вступлению в должность со второй половины 1846 г., он принял на себя анонимно роль редактора неофициальной части «Ярославских губ. ведомостей». В этой роли он ставил своей задачей показать на материале местного края (географическом, историческом, статистическом, художественном, хозяйственно-промышленном), как развивается и крепнет новое гражданское общество, отличительными признаками которого являются — рост сельскохозяйственной и промышленной продукции, рост торговли и обмена, увеличение количества ярмарок, развитие путей сообщения, облегчение кредитных операций и т. п. Таким образом, в первом же номере «Ведомостей» за 1846 г. появилась вышеупомянутая статья о торговых селах Ростовского уезда. Статья в основном дает пе-

речень торговых мест в этом уезде с краткой характеристикой их. Статье предпослано краткое предисловие обобщающего, философского характера, в котором автор подводит читателя к основной идее своего замысла. Это предисловие и по стилю, и по содержанию характерно для Ушинского. «Если огромное собрание частей, соединенное в одно стройное целое, составляет для нас предмет удивления, то нельзя не обратить внимания на способ соединения этих частей и во всяком случае поучительно вникнуть в первоначальное их совокупление. Пред вами корабль, нагруженный произведениями разных фабрик, готовый из устья широкой Невы отправиться в отдаленные края Европы... Постепенно восходя к источникам, из которых составилось это огромное целое, наблюдатель дойдет до ничтожного торгова на сельских рынках или базарах, где несколько бедных промышленников скупают грубые произведения природы — корье, кожи, овчины... И вот начало торговой промышленности, вот биржа, где повышаются или понижаются фонды. В этом отношении каждый уезд в губернии имеет, так сказать, свои центры, к которым по удобству сообщений, часто по привычке, стекаются промышленники, а оттуда произведения промышленности уже в значительном количестве везут в города или на большие фабрики и заводы...» Такова в основном была идея, положенная редактором в основу неофициальной части «Губернских ведомостей»: заинтересовать читателей той деятельностью, которая составляет отличительную особенность нового, на глазах всех вырастающего гражданского общества.

По всей вероятности, сотрудники для нового раздела нашлись не сразу и листы неофициальной части ведомостей заполнялись материалом из столичной печати. Это и естественно: ближайшими своими сотрудниками Ушинский мыслил еще двух профессоров, назначаемых в лицей: С. И. Львовского и В. И. Татаринова; но в 1846 г. они только еще кончали университет, лекции свои в лицее могли начать согласно учебному плану только со второго курса, т. е. с 1847 г. Понятно, что только с 5 марта 1848 г. в неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей» мог появиться специальный раздел под заглавием «Статьи научного содержания». В этом разделе регулярно помещаются статьи по истории местного края, статьи географические, политико-экономические и т. п. Авторы статей не всегда подписывают свои фамилии, нередко обозначают свое авторство условными знаками. Своей фамилии Ушинский ни разу не подписал, но его авторство определенно чувствуется в ряде статей. В № 11, 14 и 17 печатается географическая и экономическая статья «Волга», в которой эта река характеризуется не только с географической стороны, но и как торговая артерия всей русской земли, статья несомненно принадлежит Ушинскому. В ряде других статей «О Ростове и ростовских ярмарках», «Наблюдения путешественника по Ростовскому

уезду», а также в статье «Историческое, географическое и статистическое описание Ярославской губ.», возможно, он принимал какое-то, не только редакторское участие. В № 15, 18 и 19 напечатана статья В. Татаринова за его подписью «О векселе». К ней дано примечание редактора: «Назначение губернской газеты — распространять сведения, по преимуществу необходимые в промышленности, требует помещения таких статей, какую мы теперь предлагаем нашим читателям. Мы благодарим ее составителя и просим всякого, кому захотелось бы сказать несколько слов о подобном предмете, удостоить нас присылкой своей статьи, адресуя на имя редактора неофициальной части губернских ведомостей. Мы примем ее с благодарностью, и, чем ближе она будет к действительной жизни, тем больше она доставит пользы». Намерение редактора освещать в неофициальной части вопросы, нужные для деятельности так называемого гражданского, иначе буржуазного, общества, совершенно ясно.

Социально-политические события 1848 г. в Европе и в России и их отражение на составе профессоров Ярославского лицея.

Трудно сказать, как сложилась бы в дальнейшем профессорская деятельность Ушинского и его товарищей, совместно с которыми он должен был поднять уровень Ярославского лицея, но 1848 г. с его революционными событиями на Западе, столь грозно всегда отзывавшимися в России, привел к радикальному изменению взглядов на камеральные лицеи и их разряды при университетах. Попытка широко развернуть преподавание и разработку камеральных наук, естественно, в условиях 1848 г. вызвала критическое к себе отношение со стороны правительства. Задним числом теперь вносились спешные поправки и разъяснения, что имелось в виду изучение не энциклопедии законоведения, а положительного законодательства, не уяснение основ права, а изложение его законных форм. При этом пояснялось, что уже простое изложение положительного законодательства таит в себе непредвиденные опасности, так как может быть сопровождаемо сообщением таких теоретических понятий и воззрений, которые не отвечают намерениям правительства. Возникла задача внушить директорам лицеев и университетов о необходимости, ввиду революционных событий в Европе, организованного наблюдения за чтением лекций профессорами.

В циркуляре попечителям от 19 марта 1848 г. сообщалось, что «новейшие события на Западе Европы ознаменовались восстанием против законных властей и посягательством на государственный порядок». Отсюда вытекала для директоров задача «недопущения при преподавании учебных предметов ничего такого, что могло бы в незрелом еще уме поколебать веру или уменьшить убеждение в необходимости и пользе основных учреждений нашего государства». В неподле-

жавшем опубликованию «Наставлении ректору и деканам юридического и первого отделения философского факультета», данном 24 октября 1849 г., очередные задачи правительства в связи с революционным движением на Западе нашли себе исчерпывающее выражение. Ректору и деканам предписывалось особо бдительное внимание обратить на те предметы, «которых изложение, по предосудительному духу настоящего времени, может подавать неблагонамеренности более случаев ко внушению молодым людям неправильных и превратных понятий о предметах политических. Таковы, напр., государственное право, политическая экономия, наука о финансах и все вообще исторические науки, возможность злоупотребления коих не подлежит сомнению». Указывая на возникшие преимущественно во Франции разные политико-экономические системы (сен-симонизм, фурьеризм, социализм, коммунизм), которые, особенно последние две, «объявив непримиримую войну всему, что возвышается над безземельной и бездомной чернью, нагло подводят под свой железный уровень все состояния, с уничтожением всяких отличий породы, заслуг, богатства и даже ума», наставление предписывало ректорам и деканам: «Следя внимательно за развитием столь губельного и, по несчастию, преуспевающего мнения в Европе, ректор и деканы будут тщательно отсекаать в рассматриваемых ими программах и воспрещать в устном преподавании с кафедр все, что может даже и косвенно содействовать распространению у нас этих разрушительных начал или служить им некоторой опорой. К сему относятся рассуждения, имеющие целью унижить достоинство и пользу какого бы то ни было сословия в государстве или поколебать установленные законами отношения между разными состояниями, двусмысленные или сомнительные намеки насчет несбыточных теорий об общности капиталов и недвижимых имуществ, одним словом, всякого рода попытки притязания пролетариев к общественной и частной собственности» (А. С к а б и ч е в с к и й, Очерки по истории русской цензуры, стр. 341—343). Под влиянием такого рода соображений, которые широко развивались уже с 1848 г., программа преподавания государственного права постепенно суживалась, пока 7 ноября 1849 г. его преподавание совсем не было приостановлено (С. П о к р о в с к и й, Цит. соч., стр. 70), дабы, как пояснял министр просвещения Ширинский-Шихматов, «никакое превратное применение не могло найти места в умах молодых людей, посещающих университетские лекции».—Что касается энциклопедии законоведения, то с начала 1850 г. был введен систематический контроль за преподаванием по программам, причем в качестве идеальной рисовалась, по словам проф. Редкина, задача «устроить в наших университетах преподавание законов так, чтобы во всех университетах в один известный день и час проходило, т. е. просто прочитывалось, из Свода каждым преподавателем по своей части именно столько-то статей без какого

бы то ни было отступления от порядка Свода, без замечания или даже перифраза».

Понятно, что при такой перемене взглядов на задачи и методы преподавания энциклопедии законоведения и государственного права ни дирекция лицея, ни попечитель округа не могли пройти мимо той постановки преподавания этих предметов, какую дал им Ушинский. В. Стоюнин в некрологе, посвященном Ушинскому («Спб. вед.», 1871 г. № 49), впервые сообщил о том, что на заседании Совета Ушинский в резкой форме выражал свою неудовлетворенность распоряжением правительства о том, чтобы преподаватели составляли подробные конспекты своих лекций и указывали в них те цитаты, которые будут зачитываться. Ушинский доказывал, что живое дело преподавания нельзя стеснять рамками и что преподаватель не может предусмотреть, что и когда ему придется говорить в его живой работе с слушателями. Вслед за Стоюниным почти все, писавшие об Ушинском, приводили эти соображения Ушинского как причину, вызвавшую его уход из лицея. Вполне возможно, что Ушинский мог говорить так, как это изложено у Стоюнина, но распоряжения о подробном составлении программ и с цитатами вышли уже тогда, когда Ушинского в лицее не было, и возможно, что Ушинский, высказываясь по поводу этих требований так и говорил, как это показано Стоюниным, но ясно, что это уже дальнейшее истолкование причины ухода, а не действительная причина. Действительную причину ухода Ушинского из лицея нужно видеть прежде всего в той широкой разработке порученных ему курсов, которая совершенно не соответствовала задачам правительства, выяснившимся после 1848 г. Прямые и трезвые суждения Ушинского по всем вопросам лицейской жизни создали о нем впечатление, как о «беспокойном элементе лицейской жизни» (С. Покровский, Цит. соч., стр. 74). Выход из печати речи Ушинского «О камеральном образовании» должен был еще усилить впечатление о несоответствии его научной работы в лицее с действительными политическими задачами последнего. «Речь,— как замечает Рехневский,— прошла незамеченной». В наступивших тревожных условиях говорить о ней было неуместно, так как от начала до конца она представляла собой под видом критики немецкой камералистики убийственную критику постановки камерального образования в России, которую ничем нельзя было опровергнуть. Единственным возможным опровержением могло быть только полное умолчание об этой работе и прекращение преподавательской деятельности Ушинского в лицее. Администрация округа не могла не осознавать, что задуманная ею в 1845 г. реформа была неудачной, что приравнение лицея к факультету Московского университета, приглашение в качестве преподавателей профессоров — все это давало возможность расширенного толкования задач лицея. Нужно было, не производя шума, изменить самый стиль

преподавания, что можно было сделать только заменой администрации и наиболее выдающихся преподавателей. Ближайшим поводом к этому послужили беспорядки в лицее.

* * *

*

Некоторый свет на беспорядки среди студентов Ярославского лицея проливает дело канцелярии министра народного просвещения «О буйных поступках студентов Ярославского лицея» (№ 247). Подлинное дело об этих поступках вместе с архивом лицея погибло, и потому многие подробности его неизвестны. Сводится все дело к тому, что в сентябре 1849 г. в городской гостинице «Берлин» по случаю поступления в лицей новичков было устроено угощение и произошел какой-то скандал, причем один из студентов был арестован. Это вызвало беспокойство Ярославского военного генерал-губернатора Бутурлина, до которого и ранее доходили отрицательные слухи о студентах и профессорах лицея. Он снесся об этом с директором лицея и по соглашению с ним направил все дело к недавно назначенному новому попечителю лицея, штаб-ротмистру Павлу Демидову, внуку брата учредителя. Последний немедленно приступил к обследованию состояния лицея и дал свое заключение, резюмировавшее как его личные наблюдения, так и те отзывы, которые им были получены во время обследования. Отрывки из этого заключения сохранил в своей статье об Ушинском проф. С. Покровский. Заключение было направлено на уяснение причин «буйных поступков» студентов, встревоживших администрацию. Современное состояние лицея Демидов связал с его недавней реформой. «После 1846 г., — писал он, — в лицей стали поступать в профессора молодые люди 22—23 лет, которые не признавали в должной степени начальство директора и тем ослабили его управление и, кроме того, находились со студентами в товарищеских отношениях, отчего и в студентах было ослаблено уважение к начальству и они стали производить шалости, отклонившие дворян и других родителей от отдачи в лицей своих детей» (С. Покровский, Цит. ст., стр. 75). Новых профессоров, недавно поступивших, Демидов противопоставляет старшим, более опытным, действующим «совершенно согласно с директором», между тем как младшие — Ушинский и его товарищ Львовский, читавший в лицее политэкономии, статистику и науку о торговле, особенно первый, «увлекаются иногда своей молодостью и имеют склонность действовать по своему впечатлению». В частности, об Ушинском Демидов дает отзыв как о профессоре, имеющем «большие дарования и отличные познания, но с большим самолюбием, развитым особенным отличием — назначением в исправление должности профессора почти по окончании курса наук. Ушинский имеет большое влияние на студентов; он мог бы быть полезным в лицее, но нужно иметь за

ним постоянное наблюдение со справедливой строгостью в отношении к службе». Возможно, что в беседе с старшими преподавателями, которых шокировало поведение молодых преподавателей, попечителю лицея было навеяно соображение, что Ушинского следовало бы «сначала поучить несколько лет в гимназии, где он мог бы приобрести большую опытность и необходимое хладнокровие при преподавании столь важных предметов взрослым уже молодым людям и приучился к строгому исполнению приказаний начальства» (там же). Свой окончательный вывод попечитель делает условно, полагая, что при возобновлении несогласий в среде профессоров (очевидно имелись в виду несогласия между старыми и молодыми преподавателями), «необходимо будет для примера удалить из лицея одного из профессоров, того, который будет главной причиной раздора» (там же). Можно думать, что у попечителя лицея, давшего в общем очень положительную характеристику Ушинского как профессора, сложилось уже твердое представление о том, что именно он является причиной раздора, и условно предложенной мерой он имел в виду оказать известное влияние на его поведение в будущем. В то же время из приведенных данных обследования нельзя не видеть, что значительную роль в создании тревожного положения в лицее играли такие обстоятельства, как недовольство старых преподавателей новыми порядками, установившимися с 1846 г., в частности, назначением молодых людей, которым бы нужно еще быть учителями в гимназии, на должности профессоров, в связи с чем выросло среди студентов «неуважение к начальству и старшим». Очевидно, что внутренние раздоры, связанные с научной деятельностью молодых профессоров, имели большое значение. Это внутреннее недовольство, проявлявшееся вначале скрыто, теперь, в связи с политическими обстоятельствами 1848 г., выступило открыто, и слухи о неблагонадежности молодых профессоров взволновали и администрацию.

Результаты своего обследования вместе с предположением о преобразовании лицея почетный попечитель последнего представил попечителю округа, а также и министру просвещения, в связи с чем в департаменте канцелярии министра и было заведено дело «О буйных поступках студентов Ярославского лицея». Попечитель округа немедленно посетил лицей и в результате его посещения прежде всего определилась судьба новых профессоров — Ушинского, Львовского и Татарина, которые почти одновременно были назначены в 1846 г. на должности профессоров лицея. Всем троим было дано понять, что они немедленно должны получить отпуска для приискания себе новых должностей по собственному выбору. Львовский подал заявление директору лицея об увольнении его от занимаемой должности вследствие расстроенного здоровья, Ушинский — об увольнении в Петербург или Москву, для совещания «с тамошними меди-

ками о болезни». Через неделю после того как Ушинский получил отпуск, на его место был назначен другой кандидат «в виде испытания к исправлению должности профессора на время бытности Ушинского в отпуске» (Архив Демид. лицея, 1849 г., дело № 212). Дальнейшим распоряжением попечителя были уволены директор и инспектор и предположено постепенно заменить всех преподавателей лицея новыми, более надежными. Так было ликвидировано «Дело о буйных поступках студентов Ярославского лицея». Все три профессора, в первую очередь получившие отпуска, — Львовский, Татаринов и Ушинский — направились в Петербург в поисках нового поприща для своей деятельности. Львовский и Татаринов быстро нашли себе работу, но, разумеется, не педагогическую и не научную, так как в канцелярии министра хранилось их «Дело», связанное с буйными поступками студентов, были зарегистрированы их отпуска и всякое продвижение по службе отмечалось. Для Ушинского это было труднее. Ему не безразлично было, какой род деятельности избрать: он уже органически сжился с начавшейся научной работой. «Небольшой толчок судьбы, — писал он в своем дневнике 19 декабря 1849 г., — разбил все мои предположения, весь тот мир, который так долго во мне строился» (т. XI, стр. 43). Возобновить налаженную работу — вот к чему стремился Ушинский, но это было не легко. Вот почему, когда прошел первый месяц отпуска, он просит о продлении отпуска еще на месяц по той же причине, т. е. по болезни. С получением вторичной отсрочки выдача жалованья Ушинскому по лицей была прекращена. По истечении второго месяца отпуска дело Ушинского оставалось в том же положении, т. е. никакой удовлетворяющей его работы он не находил, и тогда он возобновил в третий раз свое ходатайство перед министерством о продолжении ему отпуска по той же причине еще на месяц. В формулярном списке Ушинского записано по вопросу об отпусках так: «Был в 1849 г. на 28 дней, и с разрешения тов. министра народного просвещения продолжил еще на один месяц, по истечении же сего отпуска продолжил еще на 29 дней, по истечении коих явился на службу в срок» (т. XI, стр. 367). Все шло таким образом «по закону». «Уволенный» Ушинский числился в отпуске, его послужной список велся исправно, производство в чины шло своим порядком и, будучи уже уволенным, Ушинский 25 сентября 1849 г. получил чин коллежского секретаря. Ясно, что историю с увольнением профессоров лицея в целях ликвидации неудавшейся реформы 1846 г. старались вести и секретно, и без шума.

* * *

*

Прежде чем перейти к вопросу о том, как реагировал Ушинский на свое увольнение и что он делал в своем отпуске, интересно посмотреть на него за время его работы в Ярославском

лицее со стороны, глазами тех лиц, которым так или иначе случилось сколько-нибудь присмотреться к нему. Сохранилось в этом отношении два документа — один правительственный, другой частного происхождения.

Дело «О буйных поступках студентов Ярославского лицея» заведенное в канцелярии министра просвещения, даже после ликвидации его «виновников», привлекало к себе тревожное внимание бдительных стражей порядка. Естественно, что в начале декабря 1849 г. товарищ министра обратился к начальнику Ярославской губернии с запросом секретного характера о том, как обстоят в отношении порядка и дисциплины дела Ярославского лицея. 21 декабря того же года начальник губернии писал следующее: «Наблюдение и заботливость за студентами Ярославского лицея, говоря о настоящем времени, достаточны и полезны. Обращаясь к прошедшему времени (не более 1/2 года тому назад), я находил в студентах лицея большое своеволие, а в начальниках их нечто похожее на потачку, обращение с воспитанниками, так сказать, панибратское и, что всего нетерпимее, видел в них дух неуважительности к начальству и даже противодействие директору лицея. Впрочем, отзыв этот до всех и каждого не должен касаться, а следует отнести к профессорам Ушинскому и Львовскому, которые подали слишком невыгодное о себе понятие за свободу мыслей и передачу оных воспитанникам лицея.

Когда пошли в обществе об этом толки и лишь я получил о сем сведение, то, не теряя времени, дабы искоренить зло в самом начале, я через секретное мое отношение просил директора лицея уведомить меня, в какой мере справедливы толки о студентах лицея и о профессорах Ушинском и Львовском. Полученный мной ответ, как вполне подтверждавший вышеозначенные сведения, я немедленно препроводил к г. попечителю Демидовского лицея на дальнейшее распоряжение. О чем почтительнейше уведомляя, я имею честь доложить вашему сиятельству, что хотя в настоящее время профессора Ушинский и Львовский переведены в другие места, но не остался ли в этом заведении, хотя в самой малой мере, дух своеволия, тем паче непокорности к начальству. Я бы показал, с своей стороны, ныне строжайше подтвердить директору лицея, чтобы он на предметы такого рода неупустительно обращал свое внимание. Я же, с своей стороны, выполняя свои обязанности, если что-либо с достоверностью узнаю непорядочное по внутреннему управлению лицея, то не премину, ничего не скрывая, довести до сведения вашего сиятельства» (ген.-майор Бутурлин). Такова политическая характеристика, данная начальником губернии Ушинскому как профессору, который насаждал в студентах свободу мыслей, своеволие, дух непокорности к начальству. Нет надобности говорить, что сам начальник губернии едва ли имел возможность видеть и слышать Ушинского, и его характери-

стика только отражает те слухи об Ушинском, которые распространила реакционная часть лица.

Другой документ — переписка студента третьего курса медицинского факультета Московского университета И. В. Павлова с своим приятелем Малышевым. В своих письмах Павлов рассказывает, между прочим, и о своих встречах с Ушинским за время его работы в Ярославском лицее и некоторое время спустя после его ухода из лицея. Студент-медик И. В. Павлов — это тот самый Павлов, о котором А. И. Герцен, слушавший в 1845 г. в Московском университете лекции по сравнительной анатомии упоминает в своем дневнике 31. I 1845 г. «Иван Васильевич Павлов, — пишет Герцен, — рассказывал, как были приняты студентами мои статьи в «Отечественных записках». Признаюсь, мне было очень весело слышать: большей награды за труд не может быть. Юноши тотчас оценили, в чем дело, и гурьбой ходили в кондитерские читать». Знакомство с Герценом и содержание переписки Павлова говорят о том, что это не был узкий специалист-медик, что он интересовался широкими философскими и политическими вопросами. Неизвестно, был ли знаком Павлов с Ушинским до назначения его в лицей: в момент поступления Павлова в университет Ушинский уже окончил свой факультет и, живя в Москве и посещая университетские лекции, готовился к магистерскому экзамену в течение 1844—1845 гг. Получив затем в 1846 г. назначение в Ярославский лицей вместе с Львовским и Татариновым, тоже воспитанниками Московского университета, Ушинский вместе с товарищами приезжал на каникулах в Москву, причем «ярославцы», как их теперь звали, посещали по старой памяти студенческую гостиницу «Великобритания», оживляя недавние собственные впечатления. Здесь и встречался Павлов с Ушинским, причем по письмам видно, что это не первое знакомство и что оно состоялось значительно раньше. Зимой 1848 г., т. е. за год до «увольнения», во время каникул три бывших московских студента приехали из Ярославля в Москву и об этой встрече рассказывает Павлов своему корреспонденту: «25 декабря.. Сюда съехались ярославцы — Львовский с семейством, Ушинский и Татаринов, которого вчера проводили в Тамбов, — он уехал за сестрами... Политические мнения он (Татаринов) всегда привозит из Ярославля странные.. Мы его понаправили и отпустили... С Ушинским я провел вместе несколько часов. Что это, братец, как мы умны! Посмотришь на других, просто «ужаснешься» (цитата из институтского батъки). Как ты думаешь, что говорил мне этот живой и не глупый (действительно не глупый) юноша по поводу — понимаешь — современности? Да то, что в Debats и в Siecle писали. «Наслаждение, говорит, наслаждение... да разве можно наслаждаться без злополучия? Не будь его, не было бы и радости. Разве антитез не есть необходимый элемент бытия?» и так далее из Гегеля, понимаете.—Зачем

же, я говорю, Константин Дмитриевич, вы кушаете перед шампанским хороший сыр, а не кусок сушеного навозу? Лучше было бы по логике. Антитез, понимаете!.. «Вы, говорит, юноша!» Я так и покатился со смеху. Ребенок говорит мне, что я юноша. Эти плохие «вилозовы» мешают различность с противоположностью, живой верден с абстрактным зейном*. — Львовский всех их умнее. Татаринев на меня произвел самое ужасное впечатление. Таившаяся в душе мысль превратилась, наконец, в осязательное убеждение: он недоносок, чтобы не сказать более. Почему я в этом убедился? — шпекинизм мешает мне говорить». — Несомненно, что разговор Павлова с Ушинским был на темы социально-политические, судя по тому, что Татариневу дается жесткая политическая, хотя из боязни «шпекинизма» (т. е. вскрытия переписки на почте) и не раскрытая характеристика; содержание же разговора с Ушинским передается под покровом философских рассуждений о страдании как источнике наслаждения и обратно, причем Павлов определенно усматривает у Ушинского смешение абстрактного идеалистического представления о бытии с реальными формами его становления. Как конкретно сказывалось это философское расхождение на предмете разговора, конечно, трудно судить, так как самый разговор передан с определенными умолчаниями. Но аналогичные темы поднимались Ушинским и впоследствии и некоторую конкретизацию их в применении к условиям николаевской России дал проф. Яковлев на материалах дневника и переписки ученицы Ушинского по Смольному институту Марковой (см. ниже стр. 179). Помогая воспитанницам правильно понять гоголевский пессимизм, Ушинский разъяснял им, что пессимизм этот был отражением условий жизни первой половины XIX в., требовавших радикального изменения, так что злополучие, описываемое Гоголем, должно быть понято как источник или стимул к его изменению или переделке к лучшему.

Рождественские каникулы 1848 г. прошли, и 21 января следующего года Павлов пишет новое письмо своему адресату, сообщая ему очередные московские новости и в первую очередь,

---

* Зейн (Sein) — абстрактное понятие бытия, чистая идея о нем не заключающая в себе действительности как таковой; Верден (Werden) — конкретное понятие перехода от чистой идеи бытия к самому бытию, становление действительности. В гегелевской философии это были два основные понятия, которыми ее основатель оперировал и в установлении соотношения между которыми выражалось развитие его философии. В стабильной, ортодоксальной форме гегелевской философии решающее значение принадлежало абстрактному понятию бытия, его чистой идее; в период кризиса этой философии внимание переключилось на понятие становления, реализации идеи. В дальнейшем соотношение между этими понятиями установилось не сразу и шло с известными колебаниями в сторону одного или другого: бытие абстрактное, идеальное, спутывалось с бытием конкретным, реальным, и обратно. Этот момент в разговоре с Ушинским и отмечает И. В. Павлов, говоря, что он «живой верден спутывает с абстрактным зейном».

К. Д. Ушинский в 1841—1850 гг.

что на место уволенного из университета проф. Редкина поступил новый профессор, которого «прислали не для ученых, а более для политических целей. Он на первой лекции развивал ту мысль, что монархическое неограниченное правление есть идеал, к которому стремится все человечество с начала исторического периода». И далее автор обращается мыслью опять к Ушинскому. «Ярославцы давно уже уехали. С Ушинским я сошелся как нельзя больше. Чудная натура! Несмотря на свою странность, он мне напоминает Кароля (что касается до недостатков). Но он их выкупает своей жизненаполненностью и детской чистотой души. Если бы я был женщина, я бы в него влюбился без ума». Кароль, с которым Павлов сравнивает Ушинского, — действующее лицо в романе Бальзака «Музей древностей». «Кароли, — поясняет Бальзак, — никогда не склоняли головы перед королевской властью, ни перед городами, ни перед церковью, ни перед богатством». Герой романа — разорившийся в период французской революции дворянин, лишившийся всех своих земельных богатств, но не эмигрировавший за границу: «Благодаря

мужеству в отстаивании своих мнений, безупречному благородству дворянина и необычайно достойному поведению он заслужил искреннее уважение окружающих».

Прошло 2^{1/2} года. Павлов окончил университет по медицинскому факультету и, получив назначение на должность консультанта при Оренбургских госпиталях с полуторатысячным жалованьем и казенной квартирой, направился в Петербург для оформления своего назначения. К этому времени три ярославца, каждый по-своему, устроились в Петербурге, и Павлов не упустил случая свидеться с ними. 8 мая 1851 г. он пишет письмо тому же Малышеву и, между прочим, сообщает ему: «В Петербурге виделся с нашими московскими. Татаринов бухгалтером в думе. Он сделался чист, приличен, руками не машет, ничем не восторгается и по-французски не говорит. О водке говорить нечего — совсем перестал пить. Львовский в Петербурге как рыбка в воде. Ушинский совсем напротив. Я его еще больше полюбил. Он поумнел необыкновенно. В Москве все то же». В пояснение к этому необходимо сказать, что Ушинский в это время уже больше года состоял на службе по министерству внутренних дел в департаменте духовных дел иностранных исповеданий в должности помощника столоначальника, получая ничтожное содержание в размере 400 руб. в год и энергично стремясь продолжить научную работу, прерванную выходом из Ярославского лицея. Понятно, что его материальное положение было весьма стесненным, между тем как в душе он стремился к большой и ответственной научной работе, начало которой было им положено в Ярославском лицее. Естественно возникает вопрос, как Ушинский пришел к необходимости взять на себя столь скромную работу, как должность помощника столоначальника.

3. В ПОИСКАХ ОТВЕЧАЮЩЕЙ ПРИЗВАНИЮ РАБОТЫ

Вынужденный оставить лицей под дипломатическим предлогом «отпуска для совещания с медиками о болезни», Ушинский использовал все предоставленные законом возможности для того, чтобы найти себе новое, подходящее к его призванию занятие, для чего трижды возобновлял срок отпуска. Однако же кончался срок третьего отпуска, а занятие не находилось. Ушинский был близок к отчаянию и, как всегда в тяжелые минуты, начинает свой дневник, в котором систематически следит за своей работой и своими попытками где-то обосноваться, куда-то приложить свои силы. Конечно, если бы Ушинский последовал примеру своих товарищей, он быстро бы устроился на любой чиновничьей должности. Но именно эта должность всем строем психики Ушинского была для него исключена. В отличие от товарищей Ушинский не хотел и не мог расстаться с той научной работой, в которую он вжился в лицее и которая раскры-

вала перед ним большие исследовательские перспективы и возможности. Отвергая в принципе чиновничью службу, Ушинский стремился примкнуть к работе педагогической или научной, и в этом направлении, очевидно, шли его поиски. От дневника Ушинского за 1849 г. сохранились только небольшие заметки за последние дни (18, 19, 20, 22 и 23) декабря. По этим записям трудно судить о том, чем именно занимался Ушинский в критический период трижды возобновлявшегося по болезни отпуска и совершенно неизвестно, что он делал с сентября 1849 г. по февраль 1850 г., где и с какими медиками совещался о своей болезни, что предпринимал для устройства своего служебного положения. Видна только его взволнованность, растерянность и стремление возобновить расстроившуюся научную работу, база для которой так неожиданно ускользнула из-под его ног. Только 22 декабря промелькнула в дневнике краткая и сдержанная заметка о правительственном приговоре над петрашевцами: «В 9 часов утра происходила на Семеновском плацу страшная сцена объявления приговора 23 человекам политическим преступникам». Преступники даже не названы и никак ближе не охарактеризованы. В своих письмах о воспитании наследника, написанных лет 10 спустя, Ушинский, видимо, даже рисуется своим знакомством с различными общественными течениями. Он говорит о «самых различных общественных кружках», в которых ему приходилось участвовать, обсуждая различные вопросы современной общественной жизни. В работе кружков, по характеристике Ушинского, преобладала отрицательная оценка общественной жизни и почти не замечалось положительных взглядов на то, как поднять уровень общественной жизни. По этому поводу Ушинский и замечает, что на таком общественном поле, где нет твердо выраженных и общепринятых общественных убеждений, возникают многочисленные увлечения молодежи «блестящими, но эфемерными» теориями утопистов. «Вот источник, из которого по временам появляются те молодые коммунисты, социалисты, фурьеристы, сен-симонисты, атеисты, материалисты и пр., которые, вспыхивая иногда как блудящие огоньки на тихом, покрытом безразличной тьмой общественном болоте, так пугают собой правительство»*. Ясно, что Ушинский имел совершенно определенные представления и суждения о различных общественных течениях и в 1849 г., когда он возобновил, как будет показано ниже, свое знакомство с В. А. Милютиным, привлекавшимся к расследованию по делу о петрашевцах, его знания об этом общественном течении не исчерпывались только полицейской характеристикой участников этого течения, как политических преступников, явно рассчитанной на возможное в та-

---

* А. Н. Острогорский, Собрание неизданных сочинений К. Д. Ушинского (материалы для «Педагогической антропологии», т. III и материалы для биографии), Спб., 1908, стр. 146—147.

ких случаях любопытство чиновников жандармского управления. Именно поэтому, несмотря на наличие скупых заметок дневника, трудно судить о том, чем же именно был занят Ушинский во время своего отпуска и приходится довольствоваться только предположениями на основании прямых и косвенных указаний по этому вопросу.

Видимо, Ушинский прежде всего рассчитывал на возможность получить где-либо скромную работу учителя. Почетный попечитель лицей в своем отзыве советовал ему предварительно поучить несколько лет в гимназии. Ушинский предпочитал уездное училище. Можно думать, что этот выбор был выражением тяготения Ушинского к начальной школе, созданного в нем теми занятиями, которые вела с ним его мать. Недаром впоследствии Ушинский сосредоточивается на разработке пособий для начальных классов гимназий и уездных училищ, чтобы затем окончательно остановиться на начальном училище. В последний год своей жизни в беседе с учителем Деркачевым в Симферополе Ушинский рассказывал ему, что он желал поступить учителем уездного училища и разослал в разные училища до 30 заявлений, не получив ответа. В числе других он посылал заявление в Симферопольское уездное училище. Есть сообщение о его заявлении, посланном в Шую Владимирской губернии. Живя в Петербурге, естественно было послать заявление и в Петербург. В одном из писем к Пугачевскому, говоря о Петербурге, Ушинский вспоминает: «там я напрасно искал места уездного учителя» (т. XI, стр. 225). Несомненно, что Ушинский пытался найти место уездного учителя, но точно не ясно, куда именно он подавал свои заявления и почему он не получал на них ответа, а может быть получал отказы. Едва ли есть основание представлять дело так, что отпуск, предоставленный Ушинскому, до такой степени встревожил педагогическую администрацию, что во все концы России понеслись строжайшие указы не принимать его на педагогическую работу. В отзыве почетного попечителя по существу давалась лестная характеристика Ушинскому и даже рекомендовалось ему поработать в гимназии: с какой стати тогда запрещать ему работать в уездном училище? Если бы отпуск, предоставленный Ушинскому, означал наличие серьезного проступка по лицею, едва ли он получал бы от товарища министра последовательно три отпуска подряд: его попросту сняли бы с работы, так же бы поступили и с его товарищами. На самом деле им предоставлена возможность искать работу. И сам начальник Ярославской губернии, давший столь нелестную политическую характеристику Ушинскому, сообщает в конце декабря 1849 г. товарищу министра, что Ушинский и Львовский перевелись уже в другие места. Следовательно, самый перевод осуществился с формальной стороны совершенно безболезненно, не отразившись никак на послужных списках Ушинского и его товарищей: по этим

спискам ни за что нельзя догадаться, что у них имелась какая-то провинность по их службе в Ярославском лицее.

Одновременно с поисками учебной деятельности Ушинский стремился возобновить и свою научную работу. Из дневника, начатого Ушинским в конце декабря 1849 г., видно, что к концу полученного им третьего отпуска он был охвачен серьезной тревогой за свое будущее в связи с безуспешными поисками работы. В составленном им расписании занятий на неделю Ушинский намечает целый ряд свиданий с отдельными лицами, посещений библиотек, редакций и решает сосредоточенно приняться за дело, так как «в последнее время я вот уже около 5 месяцев ничем не занимался. За дело! За дело! И чтобы не разбивать сил своих, я решительно займусь только одной статьей для Географического общества. Сегодня непременно к Милютину за книгами и, если достану записку, то сегодня же и к Шварцу; если же нет, то зайду хоть в Публичную библиотеку. Снова — самое строгое наблюдение над собой, над своим характером и способностями! Сделать как можно более пользы моему отечеству — вот единственная цель моей жизни и к ней-то я должен направлять все свои способности» (т. XI, стр. 42—43). Совершенно ясно, что одновременно с поисками службы Ушинский ищет научную работу и ориентируется на Географическое общество, на редакцию «Лесного журнала» и обращается к ряду лиц. Упоминание (в связи с Географическим обществом) о Милютине указывает на момент в биографии Ушинского, совсем не освещенный. Владимир Алексеевич — младший из трех братьев Милютиных. В 1849 г. он еще не был секретарем Географического общества, но имел определенное к нему отношение как его член. В 1849 г. он защищал в Спб университете магистерскую диссертацию и, вероятно, уже с 1847 г., с момента окончания юридического факультета, был он прикреплен к университету, а в 1850 г. получил должность адъюнкт-профессора (профессорский помощник) и читал на юридическом факультете лекции, а с 1853 г. избран профессором по кафедре благочиния и благоустройства, именовавшейся менее благозвучным термином «полицейского права». Через Милютина Ушинский, очевидно, предлагал тогда свою статью для Географического общества. Как ясно из биографических данных о Милютине, Ушинский мог познакомиться с ним во время своего студенчества, так как обучение на юридическом факультете Милютин начал в Московском университете в 1843/44 г., когда Ушинский был на четвертом курсе, и если не в этом, то в следующем 1844/45 г. это знакомство могло состояться.

Из дневника Ушинского видно, что в 1849 г. он обращается к Милютину как к давно знакомому человеку, у которого можно одолжиться книгами, получить рекомендательную записку в библиотеку и т. п. По каким-то причинам, может быть, в связи с своими родственными отношениями Милютин перевелся

в Спб университет и в 1847 г. закончил юридический факультет. Уже на последнем году своего обучения Милютин дал для журналов «Отечественные записки» и «Современник» ряд замечательных статей, посвященных анализу социально-экономических проблем современной Европы, в особенности все растущего обнищания трудящихся масс и вопросов утопического социализма, как первых попыток найти решение социальных проблем, порожденных развитием капитализма в Европе и России. Статьи Милютина представляли для своего времени крупное общественное событие в России и пользовались огромной популярностью среди радикальных демократических кругов конца 40-х годов. Только что начинавший свою литературную деятельность великий русский сатирик М. Е. Салтыков посвятил В. А. Милютину свою повесть «Противоречия», напечатанную в 1847 г., очевидно, как-то с своей стороны откликаясь на вопросы, затронутые Милютиным. Близость Милютина к радикально-демократическим течениям того времени была общепризнанной. В. Г. Белинский в своей статье «Взгляд на литературу 1847 г.» охарактеризовал статьи Милютина как «главнейшие из замечательных ученых статей этого года». Ушинский не мог не заметить статей Милютина, печатавшихся на протяжении всего 1847 г. в период самой напряженной творческой работы Ушинского над проблемой перестройки камерального образования в условиях наступления новой общественной формации в России. Именно основных вопросов, связанных с этой формацией, касался в своих весьма увлекательно написанных статьях и Милютин. Его первая статья была посвящена разбору учения Мальтуса, теория которого, по словам Стоюнина, интересовала Ушинского еще в университете. Возможно, что Стоюнин ошибочно перенес интерес Ушинского к теории Мальтуса на университетские годы, но интерес этот был: он отражен в нередких упоминаниях Ушинского о Мальтусе и его теории. Вслед за этой статьей появилась естественно вытекавшая из нее другая статья Милютина «О пролетариях и пауперизме в Англии и Франции» и вслед за тем ряд статей, посвященных основным вопросам политической экономии в связи с разбором книги Бутовского «Опыт о народном богатстве». Все эти вопросы очень близко соприкасались с проблемами, интересовавшими Ушинского в плане перестройки камерального образования. (Понятно, что если даже Ушинский не был знаком с Милютиным со времени студенчества, то он не мог не попытаться увидеться с ним в Петербурге в связи с происшедшим крушением его профессорской карьеры в лицее.) Было что-то общее между Ушинским и Милютиным. Яркие статьи последнего не могли остаться незамеченными, но характерно, что с начала 1848 г., в связи с обвинением в посещении заседаний Петрашевского общества, эта публицистическая деятельность внезапно обрывается, и Милютин, возможно, не без заступничества своих сановных братьев остается в университете, согла-

шаясь взять на себя чтение самого благонамеренного курса «Полицейского права», или в другой формулировке — курса «Благочиния и благоустройства»*. Конечно, только Милютин мог в известной степени понять то затруднительное положение, в каком оказался Ушинский после своего вынужденного ухода из Ярославля¹³.

О фактических результатах сношений Ушинского с Милютинным будет сказано в дальнейшем. Но результаты эти, конечно, не могли появиться немедленно. Ушинский же ждать не мог. Срок его последнего отпуска истекал. Портить свой формулярный список замечанием о неисправности по службе он не желал. Явиться на службу он должен был в срок, но, конечно, не в Ярославль, где ему уже назначен был заместитель. В Петербурге же пока ничего не предвиделось, за исключением чиновничьей службы, которую давно уже избрали и помирились с ней товарищи Ушинского: Львовский работал в банке, Татаринов в городской Думе. В таких условиях 23 декабря появляется в дневнике Ушинского запись, в которой он пишет о своем «отвращении к жизни городов, столиц, к службе, к этим ничтожным и бесполезным занятиям, к этой прязной, тесной душной сфере, в которой заставляет меня стонать немилосердная судьба!.. Много ли я прошу у тебя, судьба? Неужели мне придется погибнуть в этой тюрьме, в которой нет даже стен, чтобы разбить себе голову? Почему тебе хочется меня испортить, загрязнить, истоптать и тогда уже бросить в землю? О, неужели же целый век исканий, целый век этих глупых, бесцельных ребяческих забот?! Я не хочу ничего, я не хочу никуда, куда ты толкаешь меня, о нищета проклятая!.. Чиновничий пролетариат — едва ли не самый грустный, самый тяжелый пролетариат в мире и, по крайней мере, самый убийственный... Душа отравляется мало-помалу, жизнь истощается с болью и по каплям...» (т. XI, стр. 43—44).

В этом отчаянном и, казалось, безвыходном положении Ушинскому был подсказан кем-то очень простой выход: предложить свои услуги министерству внутренних дел, где в департаменте духовных дел «иностранных» исповеданий лицам с научным

---

* В связи с расследованием дела петрашевцев Меньшиковский комитет занялся изучением печати и ее настроений. Внимание комитета привлекла статья Милютина о Бутовском: «В 11-м номере журнала «Отечественные записки» 1847 г. в критике сочинения Бутовского о политической экономии изложена полная теория преобразования общественных наук, требующая пересоздания сих наук на началах совершенно новых, совершенно чуждых всем прежним и нынешним отношениям» (А. С. Н и ф о н т о в, 1848 г. в России. Очерки по истории 40-х годов, М., 1938). Характерно, что аналогичная теория преобразования общественных наук в условиях капиталистического общества одновременно была предложена и Ушинским в его речи, но, очевидно, осталась незамеченной, может быть, потому, что была напечатана не на страницах журнала, вызывавшего к себе всегда пристальное внимание цензуры.

образованием предоставлялись льготные условия для работы *. Есть основания думать, что в данном случае Ушинскому пришел на помощь его университетский учитель П. Г. Редкин, который в 1848 г. вынужден был оставить Московский университет и в 1849 г. уже работал в Петербурге. Ушинский не мог не знать о судьбе своего руководителя и в трудную минуту, вероятно, нашел возможным посоветоваться с ним. В конечном итоге в деле Ярославского лицея об Ушинском № 217 за 1849 г. появляется прошение Ушинского о перемещении его в департамент духовных дел «иностранных» исповеданий, а в формулярном списке записывается, что «высочайшим приказом по гражданскому ведомству Ушинский, согласно желанию его, перемещен в Департамент духовных дел иностранных исповеданий помощником столоначальника 1850 г. 6 февраля» (т. XI, стр. 364). Таким образом, снятый с работы в конце сентября 1849 г. Ушинский числился на службе в лицее до 6 февраля 1850 г. и формально никакого перерыва в его работе не было.

Скромная должность, принятая Ушинским, вознаграждалась так же скромно: год работы помощника столоначальника вознаграждался суммой в 400 рублей. Скромный размер этого заработка станет понятным, если принять во внимание, что вице-директор получал в год 2 тысячи рублей, директор 3 тысячи и что приятель Ушинского Павлов на должности консультанта Оренбургских госпиталей получал 1½ тысячи жалованья и готовую квартиру. Обстоятельства, при которых Ушинский решился принять на себя работу в департаменте духовных дел, хорошо уяснены Ю. С. Рехневским. Управлявший министерствами внутренних дел и уделов Л. А. Перовский имел слабость к людям науки и без особых затруднений привлекал их на службу в свои министерства. «У него,— пишет Рехневский,— в числе начальников отделений и столоначальников было немало магистров и докторов прав и философии; между прочим, к нему поступили на службу некоторые из профессоров Московского университета, оставившие учебную службу после смены попечителя гр. Строганова. Вероятно, при помощи своих профессоров Ушинский определился на службу в депар-

---

* Термин «иностранный» в применении к религиозным верованиям (исповеданиям) европейских государств в наименовании «департамент иностранных исповеданий МВД» является продуктом канцелярского творчества первой половины XIX в. Он звучит неграмотно, так как религиозные верования различались между собой как православные и инославные. Поэтому было бы правильнее говорить «департамент инославных исповеданий». Но, с одной стороны, поскольку эти наименования являются делом субъективной оценки и, с другой стороны, поскольку документы департамента зарегистрированы в архивных описях под этим столетней с лишком давности наименованием, в дальнейшем оно оставляется без изменений.

тамент «иностранных» исповеданий. (При жизни проф. Редкина Рехневский, конечно, не решался назвать его имени из опасения причинить какую-либо неприятность своему бывшему учителю.— В. С.) Но к департаментской службе Ушинский, как сам часто говорил, был совершенно неспособен и, по-видимому, он не принимал никакого участия в производстве текущих дел департамента и даже редко туда являлся, занимаясь на дому составлением исторических записок и исполнением других подобного рода поручаемых ему работ. Не будучи особенно стесняем службой, он начал изучать английский язык и литературу, много занимался изучением философии и особенно пристрастился к землеведению» (т. XI, стр. 412). При таких условиях понятно, что Ушинский, вопреки своим мрачным, записанным в дневнике, предчувствиям относительно тяжести чиновничьей службы, мог в конце концов примириться до некоторой степени с этой службой, прослужить в департаменте около 5 лет, дважды получить производство по службе — в титулярные советники и в коллежские ассесоры, а также денежную награду. Здесь невольно вспоминаются слова Ушинского из его письма к Черкасскому по вопросу о будущем: «Я ни к чему не стремлюсь: о внутренней жизни я забочусь гораздо более и если успею помириться с самим собою, то о другом мне мало нужды. Если бы вы меня лучше знали, то поняли бы мое равнодушие к будущим успехам» (т. XI, стр. 139). Именно это стремление обеспечить себе условия для развития своей внутренней жизни и заставило Ушинского помириться с скромной должностью помощника столоначальника. В самом начале этого периода департаментской службы, в момент тяжелой материальной нужды и начавшей развертываться внутренней жизни, в мае 1851 г. и посетил Ушинского его старый университетский приятель И. В. Павлов: «Я его еще больше любил. Он поумнел необыкновенно», — таковы были впечатления Павлова.

Хотя центр тяжести внутренней жизни Ушинского лежал за пределами департамента, тем не менее первая половина 50-х годов проведенная Ушинским в должности помощника столоначальника, представила бы для биографа значительный интерес, если бы в какой-либо степени сохранились дела департамента за эти годы. К сожалению, во время пожаров начала 60-х годов архивы МВД подверглись значительной порче и от архива департамента духовных дел почти ничего не осталось за годы 1850—1854, за исключением примерно около 12 дел, которые не дают ясного представления о том, какую именно работу выполнял Ушинский, и в которых даже имя его ни разу не встречается... В первой половине 50-х годов одним из начальствующих лиц департамента был будущий министр народного просвещения Д. А. Толстой. В 1853 г. он подписывался — «управляющий департаментом, вице-директор». В департаменте было три отделения и в каждом из них по три столоначальника и по

три помощника. На основании сохранившихся дел нельзя составить себе ясного представления о функциях отделений. В одном из таких отделений, именно в третьем, которое было сокращено в 1854 г., работал Ушинский.

О содержании поручений, которые мог получать Ушинский, можно только догадываться. В числе дел, которые разрабатывались и обсуждались в департаменте иностранных исповеданий, были такие, как переход из одного вероисповедания в другое, воинская повинность, метрикация, крещение нехристиан, браки и бракоразводные дела и т. п. Оформление этих и других дел и лиц нехристианского исповедания требовало знания законов, их изменений в различных исторических условиях, понимания конкретной обстановки, в которой требуется применение того или другого закона и т. д. Знания Ушинского в области юридических дисциплин могли в этом случае безусловно пригодиться для того, чтобы дать более или менее обстоятельную историческую справку, перевести на русский язык тот или иной документ с латинского языка. В некоторых случаях требовалось специальное изучение того или иного вопроса на местах. В формулярном списке Ушинского сохранилось замечание, что он «был командирован управляющим министерством внутренних дел в Черниговскую губ. 1851 года июля 11 дня и, окончив с успехом поручение, возвратился из командировки 17 апреля 1852 г.». Очевидно, поручение было сложное, если для его выполнения понадобилось девятимесячное отсутствие с места службы. К сожалению, о содержании поручения, полученного Ушинским от МВД, нет данных; возможно, что оно было связано с изучением каких-либо сектантских движений на Украине.

С службой Ушинского в департаменте духовных дел связан неизвестно откуда идущий слух, часто, однако же, повторяемый, будто именно в департаменте завязались недружелюбные личные отношения Ушинского с будущим министром просвещения Д. Толстым как его непосредственным начальником. Отношения эти начались будто бы с того, что Ушинский с свойственным ему сарказмом охарактеризовал своего начальника, который, узнав об этом, стал его непримиримым личным и идейным врагом. Неоспоримо то, что по своей идеологии и темпераменту Ушинский и Толстой резко отличались друг от друга, и этого одного было достаточно для того, чтобы между ними установилась известная рознь. Но объяснять эту рознь неизвестно кем пущенным анекдотом об остроумной и злой характеристике, брошенной Ушинским по адресу Толстого, едва ли целесообразно. Еще менее целесообразно связывать с этим анекдотом нарочитое преследование Ушинского со стороны Толстого. Данных для этого нет. Как бы ни была антипатична сама по себе личность Толстого, нужно все же признать, что в своих служебных отношениях он держался в пределах известной осторожности. Едва ли есть, например, какие-либо основания думать о его благожела-

тельных отношениях к сатирическим выпадам по адресу просвещения в России и ее внутренних порядков со стороны М. Е. Салтыкова-Щедрина. Однако же министр внутренних дел ничем не проявил своей административной власти в отношении к великому сатирику, вероятно, вспоминая, как об этом говорил последний, те годы, когда они вместе учились в Александровском лицее. Между тем у биографов Ушинского дело представлялось так, что Ушинский совершенно незаслуженно подвергся преследованию со стороны Толстого по личной его неприязни к нему и вторично был освобожден от работы. В действительности, как значится в формулярном списке Ушинского, «за упразднением 3-го Отделения департамента духовных дел иностранных исповеданий, по высочайше утвержденному в 16-й день июня 1854 г. мнению Государственного Совета, высочайшим приказом по гражданскому ведомству, отданным 1 августа 1854 г. за № 152, Ушинский уволен от службы за штатом 1854 г. августа 1-го дня». Едва ли для того, чтобы уволить Ушинского, нужно было искусственно придумывать упразднение 3-го отделения департамента с его немалым штатом и представлять это дело на обсуждение Гос. Совета. Увольнение произошло в результате меры, которая неоднократно принимается в различных учреждениях. В том же департаменте духовных дел в начале XIX в. существовало четыре отделения; по ходу дел было упразднено 4-е отделение. В 1854 г. было упразднено 3-е отделение и оставлено два. Очевидно, штаты департамента разбухли и было много ненужных должностей.

У Ушинского едва ли было основание жаловаться на ту правительственную меру, которая была применена к 3-му отделению департамента. Еще менее было у него оснований жаловаться на те пять лет, которые он провел в департаменте. Можно сказать, что жизнь его в департаменте была почти безоблачной и безмятежной. Он нашел то, о чем мечтал, когда записывал 19 декабря 1849 г. в своем дневнике: «Небольшой толчок судьбы разбил все мои предположения, весь тот мир, который так долго во мне строился». В департаменте Ушинский нашел возможность вновь начать строить этот мир. Небольшие поручения он имел возможность выполнять дома, не отсиживая служебных часов. Вместе с тем он получил возможность начать сотрудничество в ряде периодических изданий — в «Современнике», «Библиотеке для чтения» и др., т. е. в новой форме возобновить ту научную работу, которая была оборвана его уходом из Ярославского лицея.

За время службы в департаменте исполнилась и другая мечта Ушинского. 19 декабря 1849 г. он писал в своем дневнике: «О, зачем я один? Мой разум и мое сердце просят товарища. Тяжело бороться одному против усыпления, заливающего со всех сторон!» (т. XI, стр. 43). Во время командировки в Черниговскую губернию, с июля 1851 г. по апрель 1852 г., Ушинский

одновременно с выполнением данного ему управляющим МВД поручения имел возможность возобновить свое знакомство с подругой своего детства Н. С. Дорошенко, проживавшей в соседнем с Новгород-Северском хуторе Богданка, и в Петербург он вернулся уже женатым человеком. 5 января 1852 г. Ушинский записал в альбом своей жены четверостишие, в котором фиксировал обоюдное их стремление связать свою жизнь.

Нам разный путь судьбой назначен строгой,
Вступивши в жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай, проселочной дорогой,
Мы встретились и братски обнялись. (К. У.)

В тот же альбом Ушинский вписал и другое свое стихотворение, в котором в поэтически прекрасной форме выражает свое решение связать свою судьбу с судьбой подруги своего детства.

Как часто я, мой милый друг,
Смотрел с тоскою безотрадной
На все живущее вокруг,
Добычу глупости и скуки жадной!
Как часто я, угрюмый, одинокий,
Глядел на жизнь как на служенье
Судьбе и глупой и жестокой.
Я видел в ней одно бесплодное боренье!
И мысль моя напрасно пробегала
Пустыни света и людей,
И жизнь от глада замирала
В груди тоскующей моей.
Так смотрит кормчий безутешный
На неподвижную морскую пелену
И молит небо безуспешно
Поднять усталую волну.
Но ветердохнул, исчезла тишина,
Очнулся воздух, вздрогнула волна,
Надулся парус, и корабль исчез
В веселой синеве небес.
Так жизнь в душе моей проснулась,
Призыву милому откликнулась она,
Весельем сердце востепенулось,
И снова счастьем грудь полна.
И нет тоски, и убежало горе,
И снова цель видна
В безбрежном море.

(К. Ушинский.)

Рукой Н. С. Дорошенко сверху этого стихотворения сделана не совсем понятная надпись: «1852 г. с 15 на 16 сентября, Новгород-Северск. Я согласна». Возможно, что дата 1852 г. поставлена ошибочно вместо 1851 г. В таком случае она означает, что в середине сентября 1851 г. Н. С. Дорошенко дала свое согласие на предложение Ушинского, поэтически изложенное в стихо-

творении. Но если это дата верная, в таком случае возможно предположить, что, оставшись временно в своем хуторе, Н. С. выразила согласие переехать в Петербург в сентябре 1852 г. 12 октября 1852 г. в семье Ушинских родился первый сын Павел.

После женитьбы материальное положение Ушинского несколько осложнилось, но одновременно и улучшилось. Н. С. Дорошенко владела хутором Богданкой в 15 верстах от Новгород-Северска и некоторым количеством земли, которая в начале 70-х годов давала доход 200 рублей в год. В послужном списке Ушинского, составленном 1 марта 1860 г., по вопросу, есть ли у жены имение, записано: «Черниговской губ. в Глуховском у. 800 десятин земли с населенными на них 60 душами крестьян (имение жены благоприобретенное)»; по вопросу, есть ли у него самого или у родителей имение, дан ответ: «за ним состоит в Черниговской губ., в Новгород-Северском уезде 100 десятин земли, на которых поселена 21 душа крестьян (родовое имение)». Что касается родового имения Ушинского, то оно указано им как имение родителей и в дальнейшем нигде нет упоминания о том, что К. Д. Ушинский имел какое-либо отношение к этому имению.

После смерти отца Ушинского (год смерти неизвестен) распорядительницей, вероятнее всего, должна была остаться его вторая жена, а затем дочери отца Ушинского от первого и второго брака. Что касается имения жены Ушинского, то ясно, что после реформы 1861 г. земля должна была отойти к крестьянам и только часть оставалась в распоряжении прежних владельцев. 7 июня 1863 г. Ушинский во время своего приезда из-за границы просил разрешения съездить для присутствования при размежевании земель в имении Черниговской губернии; при размежевании он уступил крестьянам $\frac{1}{5}$ оставшейся земли, учитывая, что земля — собственность его семьи в целом¹⁴. Та часть земли, которая осталась в распоряжении семьи Ушинских, очевидно, сдавалась крестьянам для обработки на условиях, принятых в то время. Так или иначе со времени женитьбы Ушинский имел уже определенный доход с земли, принадлежавший его жене, и это давало ему возможность чувствовать известную материальную базу под ногами.

За время работы в департаменте Ушинский имел возможность сделаться плодовитым сотрудником целого ряда журналов. Работа в департаменте дала ему возможность не отрываться от научных интересов, которые сложились у него еще в университете и затем оформились в Ярославском лицее, и не только не снизить, но и значительно поднять свой умственный уровень. Со службой мелкого чиновника Ушинский примирялся только потому, что она давала ему возможность, хотя в несколько иной форме, продолжать начатую в Ярославском лицее научную работу.

Журнальная
работа
К. Д. Ушинского
в первой поло-
вине 50-х годов.

Работа эта теснейшим образом связана с Географическим обществом и с редакциями журналов «Современник» и «Библиотека для чтения». 19 декабря 1849 г. Ушинский записывает в своем дневнике: «Чтобы не разбивать сил своих, я решительно займусь только одной статьей для Географического общества. Сегодня непременно к Милютину за книгами и, если достану записку, то сегодня же и к Шварцу; если же нет, то зайду хоть в Публичную библиотеку». Из записи легко заключить, что это уже не первое посещение Милютина и что договоренность о работе для Географического общества уже была. Трудно судить, в чем она заключалась, но, очевидно, что Милютин какие-то перспективы для работы Ушинского имел и как-то обнадежил его. Известно, что в 1851 г. Милютин поместил ряд статей в журнале «Современник» и был тесно связан с кружком «Современника». По случаю трагической кончины Милютина в 1855 г. редакция «Современника» (№ 9) писала, что журнал потерял в нем «одного из деятельных и постоянных своих сотрудников». Весьма возможно, что именно Милютин рекомендовал Ушинского редакции «Современника» благодаря чему он уже с 1852 г. выступает в качестве одного из постоянных сотрудников этого журнала. Возможно, однако же, что известное содействие оказал ему и П. Г. Редкин, который после переезда в Петербург в 1848 г. некоторое время работал в «Современнике». Что касается Географического общества, то, будучи его членом уже в 1848 г., Милютин мог советовать Ушинскому выполнить какие-либо работы для Общества. С конца 1851 г. Милютин вступает в должность секретаря Общества и вносит предложение о том, чтобы секретарю была дана доля участия в редакции «Вестника Географического общества» с тем, чтобы сделать некоторые изменения в самой программе издания этого журнала. Вероятно, Милютин, заранее рассчитывая на свое участие в редакции, обещал Ушинскому привлечь его к сотрудничеству. Просьба Милютина была удовлетворена, и он попытался перенести центр тяжести этого издания от оригинальных и тяжеловесных статей к более легким обзорам и сам занялся редактированием трех отделов: 3-го — «Извлечения из иностранных сочинений», 4-го — «Библиография» и 5-го — «Хроника и географические известия». По этим разделам было дано за 1852 г. до 70 печ. листов, причем Милютин преследовал в качестве главной задачи довести до сведения читателей успехи географической науки как на Западе, так и в России. Опыт Милютина был признан в редакционном комитете неудачным, так как на 1853 г. подписка на «Вестник» значительно уменьшилась, что, по мнению комитета, свидетельствовало о неудовлетворенности подписчиков, которые не увидели в журнале капитальных работ членов Общества и вообще географических исследований о России. Возможно, что это было недовольство в первую очередь

самого редакционного комитета. Согласно указаниям последнего, Милютин должен был включить два новых отдела в журнал — статистический и этнографический и сократить другие. В 1855 г. Милютин только начал редактирование «Вестника» и вскоре выехал в командировку за границу. Из изложенного видно, что Ушинский мог сотрудничать у Милютина с 1852 по 1855 г. 1852 г. застал Ушинского в командировке в Черниговскую губ., в хлопотах по устройству семейной жизни, и был начальным годом его сотрудничества в «Современнике». Определенно можно считать установленным, что Ушинскому принадлежат в «Вестнике Русского географического общества» две статьи об Аргентинской республике — одна в 1853 г. и другая в 1854 г. Обе статьи без подписи автора, но их принадлежность Ушинскому несомненна на основании переписки Ушинского с Старчевским, из которой видно, что Ушинский 9 марта 1854 г., предлагая редактору «Библиотеки для чтения» подборку исторических материалов об этой республике, сообщал, что подборку географических материалов он отдает Географическому обществу. Старчевский не принял предложения Ушинского, и обе статьи появились в «Вестнике Географического общества». Обе статьи перепечатаны в первом томе Сочинений Ушинского (1948). Возможно догадываться, что целый ряд анонимных географических обзоров в «Вестнике» за 1852 г. также принадлежал Ушинскому. Совершенно ясно, однако же, что литературная работа Ушинского в Географическом обществе широко развернуться не могла, принимая во внимание связанность этого издания определенными академическими традициями и условностями.

Гораздо более благоприятные условия для литературной деятельности Ушинского представляла работа в передовом журнале середины XIX в. «Современнике». С 1852 г. Ушинский печатается в этом журнале за собственной подписью и без подписи, помещая статьи оригинальные и переводные, а также статьи обзорные. Регулярные выпуски «Современника» давали возможность более или менее постоянной работы. К тому времени Ушинский уже овладел в достаточном совершенстве и английским языком, что давало ему возможность предлагать редакции переводы как художественной, так и научной иностранной литературы. Более или менее самостоятельно вел Ушинский в «Современнике» отдел «Иностранное обозрение». При этом он, как видно из его переписки с Старчевским, придал этому разделу особую форму, которая заключалась в том, что вместо разбросанных вырезок из газет и журналов, ничем не объединенных между собой, кроме внешней группировки (театр, художественная литература, наука и т. п.), иностранное обозрение давалось в форме связного изложения, подчинявшего приводимые факты какой-либо идее, благодаря чему вместо прежней механической смеси получался фельетон, в котором составитель проводил какую-либо свою мысль. Судя по его переписке с Старчевским,

редактором «Библиотеки для чтения», эта новая форма иностранных известий введена была Ушинским в 1853 г., между тем как в 1852 г. преобладала еще прежняя форма чисто внешней группировки различных известий. «Иностранные известия» по принятой в «Современнике» традиции не подписывались составителем, так как в составлении этого отдела подчас принимали участие различные авторы. Так как составление этого отдела в 1853 и 1854 гг. принадлежало Ушинскому преимущественно *, то следовало бы в интересах установления его литературно-педагогического наследства раскрыть его анонимное участие здесь, что, к сожалению, не сделано в интересной попытке восстановления анонимных сотрудников «Современника», данной в III томе сборника, посвященного Н. А. Некрасову¹⁵.—Есть основания думать, что кроме иностранных известий Ушинский анонимно печатал в «Современнике» и некоторые рецензии. Из большого количества рецензий, помещенных в «Современнике» за три года (около 400), есть возможность выделить, по крайней мере 20, которые могли быть написаны Ушинским (в 1852 г.—6, в 1853 г.—9 и в 1854 г.—5). Это были рецензии на книги по географии, истории, грамматике, естествознанию. Как в иностранные известия, так равным образом в рецензии Ушинский стремился вносить свое понимание вопросов культуры, давать свое освещение обсуждаемым вопросам с точки зрения уже сложившихся у него взглядов на те или иные проблемы. По этим признакам и можно с большей или меньшей уверенностью приписывать те или иные анонимные статьи Ушинскому.

Вполне возможно, что именно эти анонимные статьи, требовавшие большой подготовительной и кропотливой работы и в то же время совершенно для него обязательной, часто тяготили Ушинского и вызывали жалобы с его стороны на переобременение. Но в гораздо большей степени Ушинского интересовала возможность давать в журнале самостоятельные исследования по интересовавшим его вопросам. Такими вопросами являлись проблемы географии, естествознания, истории и связанные с ними вопросы научной методологии. Данные этих наук Ушинский стремился синтезировать, представляя себе дело таким образом, что на географической основе должны развиваться как естественные, так и исторические науки, сохраняя при этом свою самостоятельность и не сливаясь друг с другом. Методика разработки географии в связи с геологией, с одной стороны, естествознанием и историей, с другой стороны,— вот основная проблема, интересовавшая Ушинского и, по-видимому, воспринятая им еще на университетской скамье не только из лекций Грановского, но и из знакомства с чтениями Руде. Обработке этой проблемы он

---

* В связи с переходом Ушинского с начала 1854 г. в «Библиотеку для чтения» его участие в составлении «Иностранных известий» со второй половины этого года прекращается.

посвятил свою статью «Поездка за Волхов», свои, превратившиеся в большие статьи рецензии на «Магазин земледения» и, наконец, большое историко-критическое и географическое исследование, посвященное критическому обзору ряда трудов по географии и истории, около этого времени напечатанных Географическим обществом. Критический талант и обилие знаний в области истории и географии выявились в этом исследовании в полной мере. Возможно, что это исследование и есть статья, которую Ушинский готовил для Географического общества с конца 1849 г., но которую так и не удалось напечатать в его изданиях. В годы Севастопольской войны Ушинский опубликовал в «Современнике» большую работу о «Современном состоянии Турции». Анализируя состояние этой страны, Ушинский давал понять, что причины ее бедственного положения заключаются не в ней самой, а в той эксплуатации, какой она подвергается со стороны Англии. Как и в других своих статьях, Ушинский давал понять, что секрет отсталости Турции заключается в деспотизме, который искусственно поддерживается в своих интересах Англией, и что спасение Турции, как и других восточных государств, заключается в переходе от средневекового устройства к новому, капиталистическому строю. В 1853 г. в целом ряде книжек «Современника» печаталась в переводе Ушинского, снабженная его небольшими примечаниями книга Д'Израэли «Литературный характер или история гения», — книга, представляющая своеобразную попытку дать психологию великого человека, его воспитания, образования, формирования его привычек и пр. на основании собственных высказываний и образа жизни великих людей. Перевод книги показал склонность и интерес Ушинского к постановке и решению психологических проблем.

За три года работы в «Современнике» Ушинский дал довольно большую продукцию, причем особенно большой была эта продукция в 1853 г. В этом году Ушинский напечатал в 9 книгах журнала свой перевод книги Д'Израэли, в 4 книгах дал 4 оригинальных статьи и около 9 рецензий, не говоря уже о ежемесячных «Иностранных известиях». В то же время у Ушинского создалось впечатление, что к нему относятся в журнале, как к чернорабочему журналисту, недостаточно оплачивают его труд и печатают в журнале то, что не заслуживает опубликования. В значительной степени это впечатление создалось у Ушинского вследствие недостаточного знакомства с положением дел в журнале, в которое его как только что вступившего в состав журнала не находили необходимым и уместным посвящать. Между тем «Современник» за время с 1848 г. переживал тяжелый период, который историками литературы справедливо назван «мрачным семилетием». Обстановка политической реакции поставила журнал в исключительно тяжелые материальные и цензурные условия. Требования цензуры были до крайности же-

сткими и нужно было любой ценой спасти передовой журнал от закрытия, которое могло последовать по любому ничтожному поводу. Вместе с тем материальное положение журнала было незавидным. Со смертью Белинского в 1848 г. количество подписчиков журнала резко понизилось, едва превышая 2¹/₂ тысячи. Участники кружка «Современника» с целью отвлечь внимание цензуры стремились заполнять страницы журнала литературными безделками, посвящавшимися, например, описанию похождений праздных чудаков по Петербургу и его окрестностям («Сентиментальное путешествие Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам»). Скудость материальных средств журнала заставляла Некрасова, по его собственным словам, «торговаться» с авторами. «В 1848—1854 гг. самое существование журнала зависело от этой торговли», — пишет В. Евгеньев-Максимов («Жизнь и деятельность Некрасова», т. II, 1950, стр. 119). Хотя за годы «мрачного семилетия» «Современник» продолжал оставаться лучшим и передовым журналом, все же, по заключению только что цитированного автора, он несколько потускнел в общественном отношении (стр. 121). В таких условиях у Ушинского к концу 1853 г. и создается вышеуказанное тягостное впечатление: цензурные придирки, затруднения он воспринимал как личный произвол редактора, который стремится угождать публике и печатает не то, что нужно, а то, что понравится. Под этим впечатлением у Ушинского к началу 1854 г. созрело намерение попытаться наладить авторскую работу в другом журнале и с этой целью он обратился к редактору «Библиотеки для чтения» А. В. Старчевскому. Сообщение об этом факте перехода Ушинского впервые передано Старчевским в его воспоминаниях об Ушинском («Нар. школа», 1885 г., № 1), но в такой форме, которая, может быть, помимо желания автора, внушала читателям тенденциозную мысль, будто Ушинский решил оставить журнал из-за несогласия с политическими взглядами Чернышевского и Добролюбова. Сообщение Старчевского, восстанавливающее забытую страницу жизни Ушинского, конечно, имеет исключительно важное значение для биографии Ушинского, и оно так или иначе использовано в биографических очерках, появлявшихся после 1885 г. Однако же оно нуждается в критическом пересмотре ввиду тех комментариев, которыми нередко его сопровождают и которые бросают (без должного основания) не заслуживающую доверия тень на личность и поведение Ушинского.

В статье Старчевского его свидание с Ушинским описано так:

«... Я пришел предложить вам мои услуги; я работаю в «Современнике», но не сочувствую его направлению. Я среди редакции — чужой».

Это подлинные его слова, которые я до сих пор удержал в памяти.

— Вы не сочувствуете направлению журнала? — переспросил я.

— Да, не сочувствую его направлению; но прежде всего я не сочувствую людям, составляющим кружок «Современника», а потом многому, что печатается в журнале. Я вижу, что я здесь не на своем месте, и решил бросить «Современник».

При чтении так переданной беседы, естественно, создается впечатление, что Ушинский разошелся с направлением передового журнала, который служил органом революционной демократии. Стало почти общепринятым у историков педагогики утверждение, что Ушинский разошелся с политической линией Чернышевского и Добролюбова и решил предложить свои услуги другой редакции. В действительности, ни в 1853 ни в 1854 г. Добролюбов еще не имел отношения к «Современнику». Его первая статья появилась здесь только в 1857 г., но в этом году Добролюбов с Ушинским сотрудничал в «Журнале для воспитания» и отзывался о статьях Ушинского одобрительно, расхождения между ними не наблюдалось. Что касается Чернышевского, то в конце 1853 г., как рассказывает об этом он сам (Собр. соч., т. I, 1939, стр. 716 и сл.), Некрасов, которому он предлагал свои услуги, всячески отговаривал его от перехода в «Современник» и рекомендовал держаться «Отечественных записок», ссылаясь на безденежье и невозможность регулярно выплачивать гонорар сотрудникам. Очевидно, Некрасов только еще присматривался к Чернышевскому и на протяжении 1854 г. давал ему только пробного характера работы. Очевидно, что и 1854 г., да и в ряде следующих лет еще нельзя говорить о политической линии Чернышевского и Добролюбова: она укрепилась только к концу 50-х годов, да и то не без борьбы. Следовательно, не эта линия, которой фактически еще не было, смущала Ушинского в беседе с Старчевским. В случайно сохранившемся черновике статьи Старчевского его разговор с Ушинским передан несколько иначе. Оказывается, что Ушинский жалуется не на направление журнала, а на людей, на ту богему, которая оказалась внутри редакции. В черновике статьи Старчевского его разговор с Ушинским представлен в таком виде:

— Я пришел предложить вам мои услуги. Я работаю в «Современнике», но я не сочувствую этой богеме. Все это народ безалаберный, беспорядочный, и я среди них чужой.

Это подлинные слова, которые я до сих пор удержал в памяти.

— Вы не сочувствуете направлению журнала? — заметил я.

— Не то, что я не сочувствую его направлению, прежде всего я не сочувствую людям, составляющим кружок «Современника», а потом многому, что печатается в журнале, потому что собственно направления у него вовсе нет. Все ругать, всем быть недовольным, проповедовать утопии, притом каждый про-

поведует, во что горазд,— разве это может считаться направлением? Я прежде всего люблю порядок, порядок во всем; а где нет порядка,— не знаешь, за чем гоняются люди. Притом проповедовать одну безнравственность и безнравственность во всем — этим нельзя ничего создать... Я вижу, что между такими апостолами я не на своем месте и решил бросить «Современник».

Несомненно, что этот черновик статьи Старчевского подвергся тенденциозной редакторской правке. Несочувствие людям «Современника», охарактеризованным термином «богема», превратилось в дважды настойчиво и категорически подчеркнутое утверждение о несочувствии направлению «Современника». Осуждение людей, ведущих беспорядочный и распущенный образ жизни, превратилось в осуждение политического направления журнала, сформировавшегося позже. Сам ли Старчевский исправил корректуру своей статьи или это сделал редактор журнала, ясно, что, если даже Ушинский говорил о несочувствии направлению «Современника», его слова должны были звучать иначе в начале 1854 г., чем 30 лет спустя. Дважды повторенное утверждение о несочувствии направлению «Современника» давало ясно понять, что редакция желает оттенить политические расхождения Ушинского с журналом революционной демократии.

В 1885 г. это могло иметь большое значение для реабилитации Ушинского в глазах правительства, которое как раз в этом году предприняло подход против «Родного слова» Ушинского как учебника, разрушающего религиозные верования детей. Но, каковы бы ни были побуждения, заставившие внести исправления в корректуру статьи Старчевского, ясно, что в 1853 г., когда созрело решение Ушинского предложить свои услуги другому журналу, ни Чернышевского, ни Добролюбова в составе редакции «Современника» еще не было и само собой разумеется, не могло быть речи о торжестве их политической линии. Что же касается того кружка «Современника», с которым не мог ужиться Ушинский, то именно с этим кружком не могли мирно ужиться, несколько лет спустя, и представители революционной демократии.

А. Н. Пыпин, не доверяя которому нет никаких оснований, так описывает этот кружок. Это «был, без сомнения, лучший литературный круг того времени; в этом кругу в известной степени чувствовалось превосходство над обычной массой тогдашней литературы. К чувству превосходства присоединялось и некоторое, уже не зависевшее от литературы барство. Кружок мог напомнить слова г-жи Сталь, что в России несколько *gentilhommes* занимаются литературой. Большею частью это были именно люди дворянского круга с еще привычными тогда его чертами; последние привились и другим, у которых дворянское барство заменилось барством купеческим, как, напр., у В. П. Боткина...

Черты известного, хотя и прикрываемого, высокомерия у Тургенева иных прямо раздражали... Дружинин, бывший гвардейский офицер, кажется, довольно богатый человек, держал себя английским джентльменом... В кругу «Современника» передавались разного рода текущие новости, цензурные анекдоты, иногда сверхъестественные, или шла незатейливая приятельская болтовня, какая издавна господствовала в холостой компании тогдашнего барского сословия,— а эта компания была и холостая, и барская... Барское удовольствие, охота, чрезвычайно занимает, напр., Тургенева, который беспрестанно пишет о ней Некрасову. Фет с видимым одобрением упоминает о том, что у Тургенева «был прекраснейший крепостной повар, купленный им за тысячу рублей». Фет считает нужным занести в свои воспоминания «уху» в английском или купеческом клубе. В дружеской компании беседа окрашивалась довольно крупной аттической солью, той солью, которая в те времена особенно потреблялась в холостых барских компаниях, гражданских и военных» (А. Н. Пыпин, Н. А. Некрасов, Спб., 1905.). Таков был кружок, в котором вращался Ушинский в «Современнике» в 1852—1853 гг. и среди которого он чувствовал себя настолько чужим, что пришел к выводу о необходимости перейти в другой журнал. Для пуритански честного, подвижнически настроенного Ушинского атмосфера этого аристократически-барского кружка действительно была невыносима. Если учесть это обстоятельство, признание Ушинского в том, что он не сочувствует направлению «Современника» (даже, если оно было дано в такой форме), прозвучит совершенно иначе. Кружок «Современника» в 1852—1853 гг., как легко видеть, представлял собой нечто совершенно иное, чем тот кружок, который впоследствии, несколько лет спустя, сформировался около Чернышевского и Добролюбова¹⁶.

Тот кружок, которому не сочувствовал Ушинский, продолжал существовать несколько лет и после того, как Ушинский перестал работать в «Современнике». Прошло 5 лет после его ухода, и в этом же кружке, среди этой богемы, оказался и Н. А. Добролюбов. Он испытал то же отвращение к настроению, царившему в кружке, что и Ушинский. Он систематически не появлялся на обедах Тургенева, на которые получал от него снисходительно-покровительственные приглашения: «Приходите и вы, молодой человек!» Однако же в 1858 г. на обеде, устроенном в редакции «Современника» в память Белинского, Добролюбов не мог не присутствовать. «Он был поражен,— рассказывает М. Лемке,— словоизвержением пировавших видных литераторов, делавшимся среди разлитого моря вина, причем многие говорили очень высоким слогом о благе народа, об идеалах великого критика и т. д. Добролюбов был глубоко возмущен несоответствием высоких слов с ничтожностью деятельности самих говоривших и, вернувшись домой, излил свое негодование в большом стихотворе-

нии, которое на другой день утром получили все участники пиршества». В этом стихотворении, между прочим, говорилось:

Не раз я в честь его бокал
На пьяном пире поднимал
И думал: «Только, только этим
Мы можем помянуть его,
Лишь пошлым тостом мы ответим
На мысли светлые его!»

Из приведенного эпизода нельзя не видеть, что с тем же старым кружком «Современника» весьма серьезно, по причинам морально-политического характера расходился и Добролюбов и, конечно, Чернышевский. Но в то время как Ушинский просто оставил кружок, в среде которого чувствовал себя одиноким и чужим, группа революционных демократов нашла в себе достаточно решимости, чтобы объявить кружку решительную войну, выдвинув новые, революционно-демократические лозунги. Это привело к тому, что к началу 60-х годов члены старого кружка «Современника» постепенно, начиная с Тургенева, демонстративно стали выходить из состава редакции, внутри которой начал формироваться новый, революционно-демократический кружок. Это не значит, разумеется, что Ушинский мог бы безоговорочно примкнуть к новому кружку, но к нему он был, конечно, ближе, чем к старому, о чем будет возможность подробнее сказать в следующих очерках.

Об условиях и формах работы К. Д. Ушинского в «Библиотеке для чтения» Старчевский сообщает в своей статье, что, согласно первоначальной его договоренности с Ушинским, сотрудничество последнего должно было начаться с апреля. Однако же, узнав о семейном положении Ушинского, Старчевский «не упускал из виду, как можно скорее исполнить его желание». Из переписки Ушинского видно, что уже 9 марта он просит Старчевского прислать ему корректуру «Нашей улицы» Теккерера, а к 20 марта обещает дать статью о литературных новостях. Действительно, уже в мартовской книжке «Библиотеки для чтения» помещен фельетон Ушинского под заголовком («Что делается в мире»), представляющим собой первый вариант заголовка фельетона, в последующих номерах надписывавшегося иначе — «Заметки путешественного вокруг света». Нужно считать, таким образом, что сотрудничество Ушинского в «Библиотеке для чтения» началось с марта 1854 г. Старчевский далеко не был таким сговорчивым редактором, как того ожидал Ушинский. Конечно, и над Старчевским тяготели требования и угрозы цензуры. Так, он не принял очень интересной статьи Ушинского «Цивилизация и варварство», в том же году напечатанной в «Вестнике Географического общества». Не появились на страницах «Библиотеки для чтения» и такие статьи Ушинского, как «Англичане и Греки» (о греческом восстании начала XIX в.), «О сомнамбулизме», «Описание нашей Америки» и, вероятно,

другие. Статьи эти не разысканы, но они для биографа представляли бы большой интерес. Тем не менее в лице Старчевского Ушинский нашел редактора, с которым можно было делиться мыслями, беседовать, переписываться и даже «торговаться» относительно гонорара. Естественно, что, уловив эту разницу, он в первом же своем фельетоне (март 1854 г.), сообщая о смерти главного редактора *Journal des Débats*, Армана Бертеня, писал: «Имя и память Бертеня особенно дороги потому, что он и его семейство всегда обходились с писателями с уважением, на дружеской ноге, как следует обходиться с людьми, которые, по возвышенности души и ума, научают и улучшают подобных себе. Прекрасный пример, которому, к сожалению, редко следуют в наше время посреди меркантильного и промышленного пересуда, ставящего писателей в зависимость от издателя!.. Как редактор, Бертеня, работал усердно, неутомимо и читал в корректуре каждый номер журнала, от первой строчки до последней. Только при этом условии журнал и может развиваться, сохранять свое влияние на публику и держаться на первом месте». Проникнутая большим личным чувством реплика эта содержит какой-то намек на отношения к Ушинскому в редакции «Современника». Возможно, что Ушинский имеет в виду отношения к нему со стороны И. Панаева. Недаром ни в воспоминаниях И. Панаева, ни в воспоминаниях А. Панаевой ни словом не упоминается об Ушинском, несмотря на то, что за три года своей работы в «Современнике» (1852—1854) он был одним из видных его сотрудников, сделавшим солидный вклад на страницы журнала. Вступив в состав сотрудников «Библиотеки для чтения», Ушинский не сразу оставил «Современник»: целый ряд его работ продолжал еще печататься в «Современнике» в течение первой половины 1854 г. и частью позднее. Так, в первой половине этого года в книгах V и VI печатается большая критическая статья Ушинского на второй том издания А. Фролова «Магазин земледелия и путешествий», но рецензия на третий том в 1855 г. принадлежит уже Чернышевскому, хотя В. И. Чернышев в своем указателе ошибочно приписал ее Ушинскому. Точно так же «Иностранные известия» со второй половины 1854 г. переходят к Н. Г. Чернышевскому в № 7 и 8, а для заполнения последующих номеров Чернышевский, как видно из его переписки, приглашал А. Н. Пыпина.

Сотрудничество Ушинского в «Библиотеке для чтения» выразилось прежде всего в систематической поставке для журнала переводов художественных произведений Теккерея, Диккенса и др. Этот материал менее всего подвергался опасности быть опротестованным со стороны цензуры, раз только произведение в целом не вызывало возражений. Ежемесячно Ушинский давал журналу фельетон под общим заголовком «Заметки путешествующего вокруг света». Взятые в целом, содержание «Заметок» за 1854 г. и начало 1855 г. представляется до-

статочно богатым и содержательным. Здесь подробно освещается состояние науки, особенно в области географических и археологических открытий, в области техники, искусства, образования и т. п. Говоря об открывающемся в Лондоне Сейденгемском дворце, автор заметок пишет, что это «будет живая книга, по которой люди, жаждущие образования, станут изучать любопытнейшие явления природы, чудеса искусства, успехи промышленности, сравнивать эпохи, места, людей и составлять себе понятие о ходе образованности». В свое время «Заметки путешественного» были отмечены как раздел «Библиотеки», который читается с интересом. Отвлекаемый переводами, которые он стремился составлять особенно аккуратно, Ушинский нередко просил редакцию поручить составление фельетона кому-либо другому, оставляя за собой право редактировать составленные другими обзоры. В 1855 г., когда Ушинский уже был вовлечен в педагогическую работу, раздел «Заметок» особенно часто поручается другим лицам.

За все время работы в «Библиотеке» Ушинский особенно настойчиво добивался у Старчевского передачи ему обзоров русских журналов. Он неоднократно писал редактору: «Прошу вас покорнейше доставить мне возможность разделаться с русской журналистикой. Мне так давно хочется». Просьба была естественной, так как, согласно условию, Ушинскому предоставлялось и «обозрение журналов». Но самая форма письма и настойчиво заявленное желание «разделаться с русской журналистикой» говорят о том, что у Ушинского имелись какие-то специальные научные интересы в этой области. Однако же, не говоря уже о том, что Старчевский не особенно охотно предоставлял Ушинскому возможность печатать оригинальные статьи, он медлил с выполнением его просьбы, так как ему хотелось сохранить в редакции других сотрудников — Рыжова, Дружинина и пр., которым он в виде пробы предоставлял поочередно ведение журналистики, пока, наконец, этот раздел не остался окончательно за А. Рыжовым, который до конца 1855 г. вел журналистику анонимно, а с начала 1856 г. стал писать ее под псевдонимом О. Колядина. Переписка Ушинского и пересмотр разделов журналистики за 1854 и 1855 гг. дают возможность допустить, что в некоторых номерах «Библиотеки» Ушинскому была предоставлена возможность принять частичное участие в разделе журналистики, в июле же 1855 г. ему, может быть, в виде пробы, была предоставлена возможность полностью заполнить раздел журналистики. Ушинский придавал своему фельетону философский характер, посвятив его разоблачению вульгаристских, мнимоматериалистических приемов эстетической критики. Автор саркастически высмеивает вульгарно-материалистические идеи Фохта и Молешотта. Только что вышедшую книгу Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» автор рассматривает как «вызванную стародавними непра-

вильностями в искусстве, против которых она собственно и направлена, но из нее не следует отрицание искусства». Автору фельетона хотелось бы сохранить веру в «великое творческое значение искусства». Последнее не должно только рабски копировать действительность, оно должно также и подниматься над нею. Совершенно очевидно, что, настойчиво домогаясь разрешения принять участие в критике «журнальной литературы», Ушинский хотел по-своему вмешаться в ту дискуссию по вопросам искусства, которая поднялась в тогдашней журналистике и которая представляла собой идеологическое отражение классово-классовой борьбы в русском обществе того времени. Фельетон в таком духе не удовлетворил редактора, который ориентировался на более элементарные потребности читателей своего журнала. Фельетоны Ушинского он неоднократно называл скучными за их научный характер. Таким образом, журналистика осталась за Рыжовым.

Более или менее оригинальных статей Ушинского редакция «Библиотеки для чтения» напечатала только две. Первая («Сейденгемский дворец») представляет собой тщательно составленную по английским отчетам характеристику известной выставки художественных произведений в Англии. Статья составлена в виде попытки обзора всемирной истории искусств на основании материалов, собранных на выставке. Вторая статья, над которой, судя по переписке, Ушинский работал долго, исправляя и переделывая ее, — «О преступности в Англии и Франции». Проблема статьи интересовала Ушинского в связи с ростом преступности в Европе. Собирая и обрабатывая материал для своей статьи, Ушинский пытался решить вопрос, который интересовал его и впоследствии в плане разработки педагогических проблем, — вопрос о том, в какой степени образование может сокращать рост преступности.

Таким образом, закончив в первой половине 1854 г. работу в «Современнике», Ушинский с марта 1854 г. работает в «Библиотеке для чтения». С 1 августа 1854 г. в связи с упразднением 3-го отделения департамента духовных дел Ушинский остается за штатом. Последовавшее затем в ноябре назначение Ушинского в Гатчинский сиротский институт преподавателем, а затем инспектором классов и связанный с этим назначением переезд Ушинского в Гатчину естественно затрудняли бесперебойную журнальную работу Ушинского и в «Библиотеке для чтения», хотя он старательно пытается продолжать ее и сохранить свои деловые связи с Старчевским. Последний продолжал редактирование «Библиотеки» до середины 1856 г., после чего стал издавать новый журнал «Сын отечества», редактирование же «Библиотеки» перешло к Дружинину, с которым Ушинский не мог бы сотрудничать по тем же причинам, что и в «Современнике». Последний фельетон Ушинского за его подписью **К. У.** был напечатан в первом номере «Библиотеки» за 1856 г.

4. К. Д. УШИНСКИЙ НА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ (1854—1862)

Будучи всецело захвачен идеями о формировании нового, гражданского общества в Европе и начальных этапах его возникновения в России, Ушинский отнесся к запрещению ему дальнейшей работы в лицее с предоставлением возможности служить в любой другой области как к насильственному вмешательству в его внутреннюю жизнь, всецело поглощенную осознанными им проблемами современности. Ввиду этого он решил, не поддаваясь соблазну бесконфликтной службы, продолжать начатую в Ярославском лицее работу в индивидуальном порядке. Устроившись на должности помощника столоначальника, предоставлявшей ему широкую возможность самостоятельной личной работы, Ушинский стремился найти удовлетворение в творческой журнальной работе. Возможно, что, оставшись журналистом, Ушинский написал бы ряд трудов по экономике, географии, этнографии, истории; может быть, занялся бы переводом многотомного труда Риттера по географии; может быть, снова получил бы приглашение на преподавательскую работу по своей юридической специальности в каком-либо из университетов (к такой возможности он был близок в первой половине 50-х годов в Петербурге и в середине 60-х годов, когда усиленно искали профессоров для предположенного к открытию Одесского университета). Но это только возможности. В действительности журнальная работа отражалась на Ушинском тяжело, сказываясь прежде всего на ухудшении его здоровья. Назвать успешной в обычном смысле слова эту работу так же нельзя было. Далеко не все шло гладко: перегрузка черной работой, цензурные и денежные столкновения с редакторами, невозможность работать над темами, которые диктовались логикой внутреннего развития Ушинского,— все это делало журнальную работу обременительной. С ней можно было мириться, пока постоянную служебную опору для себя Ушинский имел в департаменте иностранных исповеданий. Оставшись в связи с закрытием 3-го отделения за штатом, Ушинский, естественно, уже с августа 1854 г. начал думать о зачислении вновь в какую-нибудь штатную должность. В связи с приближением конца николаевского режима и первыми признаками поднимавшегося демократического движения перед Ушинским, естественно, возникла вновь далеко не чуждая ему перспектива педагогической работы. Что Ушинский имел уже известный интерес к проблемам педагогики еще с университетской скамьи, об этом говорит его университетский дневник, в котором наряду с высказываниями по вопросам философии и истории имеются и записи педагогического характера; об этом говорят его настойчивые попытки получить после лицейской катастрофы место учителя в уездном училище и его журнальные статьи начала 50-х годов,

в которых наряду с другими вопросами культуры он освещал и педагогические. Открывшаяся перспектива педагогической работы резко изменила не столько направление, сколько содержание работы Ушинского, превратив его из экономиста в широком смысле — географа, этнографа, историка и т. п. — в практика и теоретика педагогики — дисциплины, получившей с начала 60-х годов огромное общественное значение в России. Первым местом педагогической службы Ушинского был Сиротский институт в Гатчине, вторым Смольный институт в Петербурге. На работе в этих двух институтах сложились конкретные педагогические идеи Ушинского, которые он продолжал развивать в своих теоретических работах. Оба эти института явились, так сказать, родиной педагогических идей Ушинского. Но эти идеи не родились бы, если бы вступлению Ушинского в названные учреждения не предшествовала его идейная работа в областях экономики, истории, психологии и других наук.

Определение Ушинского на работу в Гатчинском институте в должности учителя русской словесности и юридических предметов осуществилось вследствие высочайшего приказа от 3 апреля 1855 г., т. е. уже с началом нового режима, который в то время нередко называли, в противоположность старому, либеральным, но зачислен он был на работу с 4 ноября 1854 г., т. е. еще со времени старого режима. Это значит, что хлопоты Ушинского о зачислении его в штат начались еще в 1854 г.

К. Д. Ушинский в Гатчинском институте (1854—1858)

Педагогическая деятельность Ушинского в целом, и в Гатчинском институте в частности, так мало подвергалась изучению, что даже конкретные обстоятельства назначения его в этот институт до сих пор остаются невыясненными. Ближайший жизнеописатель Ушинского, Ю. С. Рехневский, дает такое изложение этих обстоятельств: «В 1855 г. Ушинский случайно встретился в Петербурге с П. В. Голохвастовым, бывшим начальником своим по Демидовскому лицезу, занимавшим тогда место директора Гатчинского сиротского института. По предложению Голохвастова он принял должность преподавателя словесности и законов, а потом и инспектора классов в Гатчинском институте» (т. XI, стр. 413—414). В основном это объяснение заслуживает внимания уже потому, что оно идет от близкого знакомого и друга Ушинского и указание на Голохвастова, возможно, идет от самого Ушинского. Однако же самый процесс утверждения в должности был гораздо сложнее: простое предложение директора не решало еще вопроса. Гатчинский институт находился в ведении Спб Опекунского совета и решения этого Совета подлежали высочайшему утверждению. Ясно, что назначение Ушинского в Гатчинский институт не могло состояться, помимо какого-либо содействия сверху.

А. В. Старчевский, который также имел возможность часто встречаться с Ушинским в период его работы в Гатчинском институте по редакционным делам, дополняет сообщение Рехневского указанием на личное знакомство Ушинского с гр. С. С. Ланским, который состоял почетным опекуном института. «Ушинский,— по словам Старчевского,— пользовался личным расположением графа, который любил его, принимал всегда охотно, говорил с ним о многом, как с человеком образованным и литератором, и имел к нему полное доверие... Каждые две недели (очевидно, после назначения.— В. С.) Ушинский являлся к графу и толковал с ним о потребностях института и потом заезжал ко мне». По-видимому, Ушинский имел возможность свободно развивать перед графом свои проекты. Когда на должность преподавателя в институте он представил Рехневского, граф, как рассказывает со слов Ушинского Старчевский, возразил: «Но он поляк?» Ушинский нашелся и заметил: «Но я малоросс, ваше сиятельство!», чем по-видимому, и решился вопрос о назначении Рехневского. Примиряя эти два показания — Рехневского и Старчевского, можно считать, что поступление Ушинского в Гатчинский институт было обеспечено совпадением двух рекомендаций — директора и почетного опекуна.

Уже с 30 июня 1855 г. Ушинскому было поручено исправление должности инспектора классов при институте с одновременным прекращением преподавания первоначально порученных ему предметов. 2 июня 1856 г. он утвержден в этой должности. С 16 июля 1857 г., по случаю увольнения в отпуск директора, Ушинскому поручено отправление должности директора в течение трех месяцев, а с 1 августа 1858 г., с разрешения почетного опекуна, ему поручено преподавание юридических предметов в старших классах. Одновременно шло производство в чины, награждение медалями и деньгами. Работа Ушинского в Гатчинском институте продолжалась по 16 января 1859 г., когда состоялось постановление о переводе его в Смольный институт на должность инспектора классов Воспитательного общества благородных девиц и Спб Александровского училища.

В. П. Острогорский, одно время собиравший материалы для исследования об Ушинском, первый натолкнулся на чрезвычайную скудость данных о деятельности Ушинского в Гатчинском институте. Он писал: «К сожалению, нет пока биографических данных, показывающих, в чем именно выразилась преподавательская и административная деятельность Ушинского в Гатчинском институте» («Вестник воспитания», 1891 г., № 1; стр. 82. «Педагог-идеалист»). Это было однако же совсем так. Данные были, но своевременно не были использованы. Как раз около этого же времени другой писатель-педагог, М. Песковский, публиковал результаты своих занятий биографией

Ушинского и в одной из статей сообщал, что «время инспекторства Ушинского в Гатчинском институте было одной из самых блестящих эпох в истории этого учебного заведения, ярко отмеченной большой упорядоченностью всего учебно-воспитательного дела и успешностью его». Это впечатление Песковский высказал на основании непосредственного ознакомления с архивом Гатчинского института. Сожаление же Острогорского о недостаточности данных о Гатчинском периоде деятельности К. Д. Ушинского высказано как раз в том году, когда дирекция Гатчинского института решила очистить архив этого учреждения, уничтожив 180 пудов его дел, не исключая и весьма ценных в историческом отношении. Уничтожению подверглись дела за 30—40-е годы, когда в институте работал знаменитый предшественник Ушинского Е. О. Гугель, и за 50-е годы, когда работал там Ушинский. В результате уничтожения только случайно уцелели немногие материалы этих лет. Спустя около полутора десятка лет другой исследователь, собиравший материалы для биографии Ушинского, В. И. Чернышев, обратился к преподавателю института А. Васильеву с просьбой об ознакомлении его с оставшимися материалами о деятельности Ушинского в Гатчинском институте и получил от него объяснительную записку с копиями некоторых документов. Таким образом, явилась возможность несколько расшифровать направление и содержание деятельности Ушинского в Гатчинском институте, что в свою очередь привело к выводу о правильности того впечатления, которое создалось у Песковского при первоначальном ознакомлении с архивом Гатчинского института, а равным образом о достоверности воспоминаний А. В. Старчевского в той их части, которая говорит, что именно в Гатчинском институте Ушинский развернул свой педагогический талант, почувствовав его силу и свое действительное призвание к педагогическому делу, к которому готовился давно.

Как оформилось педагогическое призвание К. Д. Ушинского.

Интересный не только в биографическом, но и в теоретическом отношении вопрос о том, что именно заставило Ушинского, специалиста в области камеральных и экономических наук, восторженно отдаться педагогической деятельности, не был предметом специального анализа и решать его приходится пока только гадательно. Включиться в педагогическую работу, несмотря на раннее предрасположение к ней, Ушинскому пришлось, очевидно, не сразу, а постепенно, по мере вхождения во внутреннюю жизнь Гатчинского института, ознакомления с его порядками, потребностями. Старчевский сообщает в своих воспоминаниях, что ряд писем Ушинского, в которых заключались особо интересные педагогические признания его, он отложил отдельно и к моменту написания воспоминаний разыскать не мог. Когда могли быть написаны эти письма, трудно сказать. В 1855 г. в переписке Ушинского со Старчевским

действительно имеется перерыв с апреля по октябрь, но он объясняется перерывом в работе Ушинского и отъездом его на каникулы, во время которых он был назначен исправляющим должность инспектора классов. По возвращении с каникул в сентябре 1855 г. Ушинский организовал конференцию с учителями русского языка для упорядочения преподавания этого предмета и возобновил переписку с Старчевским только в конце октября. Второй перерыв в переписке идет с 18. I. 1856 г. по 9. X. того же года. Этот перерыв, естественно, объясняется занятостью Ушинского по Гатчинскому институту, прекращением редактирования «Библиотеки» Старчевским и организацией выпуска нового журнала «Сын отечества». В этом перерыве, очевидно, тоже не могло быть места для педагогической переписки. Если Ушинский и мог писать такие письма, то, очевидно, не в первом году, когда был допущен к работе только условно, и, конечно, не сразу после назначения его инспектором классов.

Между тем в воспоминаниях Старчевского имеется определенная тенденция приписать своему влиянию увлечение Ушинского педагогическими вопросами. Какое-то реальное зерно в этом воспоминании, конечно, скрыто. Старчевский связывает его с апрельским письмом Ушинского в 1855 г. В постскриптуме этого письма Ушинский, отправляясь на каникулы, писал: «Я думаю о вашем предложении. Оно безукоризненно хорошо». Старчевский комментирует эту приписку в своих воспоминаниях так: «Летом 1855 г. в нескольких номерах английского журнала «Athenaeum» я наткнулся на статьи о воспитании и образовании в Америке. Пробежав, я нашел их очень интересными и так как тогда вопрос о воспитании и образовании сделался вопросом дня и стал на первом плане,—я тотчас написал записку к К. Д. Ушинскому, поручая ему перевести эти статьи для «Б. д. чт.», зная притом, что на другой день ко мне явится из Гатчины от Ушинского посланец — Иван за русскими и иностранными журналами». Результатом этого предложения было то, что через несколько дней явился в редакцию взволнованный Ушинский. Его речь в передаче Старчевского, ровно через 30 лет после ее произнесения, звучала так: «Ах! А. В., что вы со мной сделали! зачем прислали вы мне статью об американском воспитании? Вращаясь постоянно в училищном круговороте, ознакомившись поближе с детьми, которых надо развивать, учить и воспитывать, я по прочтении Athenaeum'a не мог спать несколько ночей. Его статья произвела страшный переворот в моей голове, в моих понятиях, убеждениях. Не потому, чтобы она была совершенно безукоризненна и могла быть у нас целиком приложена к делу, к русской жизни; но она подняла в моем уме целый рой вопросов по воспитанию и образованию; навела меня на многие совершенно новые мысли, которые без этой статьи, пожалуй, никогда не пришли бы мне в голову... Словом, вы меня погубили... Я не знаю, что я сделаю, что со мной будет, но я

решился с этого дня посвятить себя исключительно педагогическим вопросам и, как хотите, завалю вас статьями в этом роде». Эта взволнованная речь Ушинского была бы замечательным документом для его биографии, если бы она была своевременно записана, а не воспроизведена через тридцать лет после ее предполагаемого произнесения, когда Старчевскому пришлось оправдываться от обвинения в непомерной загрузке Ушинского. Воспроизводя давно стершиеся из памяти события, Старчевский пишет, что Ушинский так на него подействовал своими педагогическими рассуждениями, что ему самому на мгновение «захотелось бросить все и идти в учителя, пожалуй поступить в Гатчинский институт по знакомству с К. Д.» Педагогическое вдохновение Старчевского скоро остыло. Очередные журнальные корректуры, за которые ему пришлось приняться, вскоре отрезвили его. Иначе было с Ушинским: «Новая идея,— вспоминает Старчевский,— глубоко запала в его душу, он не переставал ею бредить и знакомил меня со всевозможными своими педагогическими фантазиями, доводившими его чуть ли не до помешательства». Характеризуя как «бред и фантазии» педагогические идеи Ушинского, Старчевский тем самым произвольно дает понять, что он очень поверхностно разобрался в тех идеях, которыми делился с ним Ушинский. Об этом можно судить и на основании фактической проверки данных его статьи с воспоминаниями об Ушинском. Нередко они весьма спутаны. Заканчивает свое сообщение Старчевский тем, что Ушинский вскоре успокоился, «но мысль о воспитании и образовании глубоко засела у него в голове и он стал работать в этом направлении. Несколько статей об американском воспитании были им доставлены и напечатаны в «Б. д. чт.», где он по-прежнему продолжал занятия».

Совершенно ясно, что вопреки Рехневскому и Фролкову, Старчевский с фактами в руках стремился доказать, что Ушинский нагружался работой по собственному желанию, что его работа оплачивалась согласно договоренности, что он сам находился в дружественной переписке с Ушинским и сверх того подсказал ему новое направление в его педагогической работе. Если первые три положения в известной степени подтверждаются перепиской, то стносительно последнего этого нельзя сказать: при наличии какой-то реальной подкладки для приведенного выше сообщения, несомненно, что за давностью времени события, отвечавшие этой реальности, как-то стусеивались в воспоминании автора и получили не отвечающий действительности вид. Вполне возможно, что Ушинский с увлечением рассказывал Старчевскому об американской системе образования и о своих планах в Гатчинском институте, но никаких статей Ушинского об американской системе в «Библиотеке для чтения» напечатано не было. Что касается статьи в английском журнале об американском воспитании, то, не говоря уже о том, что указания на

нее содержатся только в двадцатилетней давности воспоминаниях А. Старчевского, в статьях же самого Ушинского об американском образовании (их было не менее трех) никаких указаний на английский журнал нет. Замечание Старчевского, что статьи были напечатаны,—или явный самообман, или преследует цели самооправдания: в «Библиотеке для чтения» принадлежащих Ушинскому статей об американском образовании нет. Возможно, что Старчевский имел с ними дело, но почему-либо не мог напечатать. У Ушинского же создалось впечатление, что с Старчевским ему довольно трудно работать ввиду того, что многие его статьи бракуются. Последнее письмо Ушинского к Старчевскому от 9. X. 1866 г. кое-что разъясняет. После длительного перерыва в 9 месяцев, перерыва, объясняемого служебными занятиями по институту, Ушинский пишет: «Теперь дел стало поменьше и я кое-что работаю. Теперь кончаю статью «О народности в общественном образовании» для «Морского сборника», и у меня почти готова другая статья об американском образовании, которую не знаю, где помещу; но для вашего журнала она слишком велика, листов 8 печатных, а может быть, и больше. У меня теперь собрано много хороших материалов по воспитательной части и я был бы очень рад, если бы небольшая статейка о французском образовании пригодилась Вам» (т. XI, стр. 155—156). Из этого письма во всяком случае ясно, что не ранее как через два года после поступления в Гатчинский институт Ушинский мог сказать, что у него накопилось много хороших материалов по воспитательной части, в том числе и по американскому воспитанию, и что он их обрабатывает, причем предлагает Старчевскому для его нового еженедельного журнала «Сын отечества» небольшую статью о французском образовании. Именно этот срок, т. е. конец 1856 г., и нужно признать минимальным для того, чтобы объяснить себе происшедшее в Ушинском резкое изменение направления его работы. За эти два года Ушинский, с одной стороны, подошел вплотную к той педагогической культуре, которая за несколько десятилетий выросла и сложилась в Гатчинском институте и, придавленная бюрократическим режимом николаевского самодержавия не обнаруживала заметных признаков жизни: с другой стороны, вторая половина 50-х годов была временем широкого демократического подъема в России, который соответствующим образом отразился на всех сторонах русской жизни. Ушинский, вступив на педагогическую работу в момент этого подъема, не мог не испытать на себе его могущественного, оживляющего воздействия, тем более, что социально-экономические идеи Ярославского периода составляли весьма серьезную предпосылку для постановки и решения педагогических проблем, с такой силой поставленных общественными движениями 60-х годов.

После этих предварительных соображений обратимся к самому Гатчинскому институту.

Организованный в 1803 г. в ведомстве императрицы Марии как учреждение для воспитания сирот, Гатчинский институт ко времени Ушинского имел уже более чем 50-летнюю историю, увлекательно изложенную предшественником Ушинского по должности инспектора классов, П. С. Гурьевым («Очерк истории Гатчинского сиротского института», Спб., 1854), и богатый опыт педагогической работы. Сначала он функционировал как воспитательное учреждение для малолетних детей и как начальная школа, по окончании которой дети в соответствии с обнаруженными ими способностями распределялись по различным учреждениям и школам повышенного типа. В 30-х и начале 40-х годов в Гатчинском институте широко развернулась деятельность выдающихся русских педагогов — А. Ободовского, П. Гурьева и Е. Гугеля. По их инициативе в 1833 и 1834 гг. издавался единственный в России тех лет, замечательный по своей содержательности и стоявший на уровне передовой европейской педагогической мысли «Педагогический журнал». В стенах Гатчинского института в те же годы широко развернулась разработка как методики воспитательной работы в целом, так, в частности, и методики преподавания арифметики, географии, русского языка и других предметов. Это был блестящий период педагогической работы Гатчинского института, связанный с творческой работой Е. Гугеля. С второй половины 30-х годов работа Гатчинского института осложнилась, так как он был преобразован в среднее учебное заведение, которое должно было готовить наиболее способных воспитанников, между прочим, и для университетского обучения. В 1847 г. институт получил юридическое направление, что еще более усложнило его структуру, так как средняя школа получила профессиональную надстройку: общеобразовательный курс института равнялся пяти годам, специально юридический — трем. В ряду других аналогичных школ Гатчинский институт занял, таким образом, середину между школами для подготовки канцелярских служащих и училищем правоведения, т. е. был средней профессионально-юридической школой, имевшей своей задачей подготовку воспитанников для гражданской службы по всем отраслям: по министерствам юстиции, внутренних дел, государственных имуществ, народного просвещения. На выпускных экзаменах института присутствовали представители министерств и по своему усмотрению отбирали понравившихся им кандидатов.

К началу 50-х годов институт переживал уже период упадка: прежних выдающихся педагогических сил, прославивших институт в 30-х годах, уже не было; единственный представитель этих годов, П. С. Гурьев, уже, очевидно, старел и истратил запас своих творческих сил; наличные преподаватели, подчинен-

ные бюрократическому режиму администрации, конечно, не могли удовлетворительно решать усложнившихся проблем, лежавших перед институтом. Институт как учреждение достиг огромных размеров: он включал в себя свыше 600 воспитанников, имел 31 преподавателя, 29 воспитателей, 16 писарей, не считая администрации. В этом огромном учреждении нужно было уверенно решать целый ряд сложнейших педагогических проблем. Сочетание общеобразовательной и специально практической подготовки в одном учебном заведении должно было выдвигать весьма актуальные задачи — выявления способностей и направленности учащихся к будущей практической деятельности, выработки склонностей к тем или иным видам практической деятельности в течение общеобразовательного курса, рационального распределения учащихся по специальностям, — словом, стоял вопрос об установлении нормального соотношения общего и специального образования. Характер закрытого учебного заведения выдвигал перед его руководством вопрос о постановке воспитания вообще и, в частности, вековечный в школьной практике больной вопрос о соотношении воспитания и образования, который, согласно давнишней традиции, разрешался неудовлетворительным, механическим разделением функций образования и воспитания. Необходимость принимать в институт неграмотных детей, не получавших до своего поступления предварительной подготовки, ставила вопрос об организации при институте подготовительного отделения и правильной постановке в нем элементарного обучения и воспитания. Все эти вопросы — воспитательные, образовательные, организационные, тесно связанные друг с другом, естественно, должны были возникнуть перед Ушинским, несмотря на то что он был назначен заведующим только учебной частью и ко всему остальному официально он не имел отношения. Разделение воспитательной и учебной работы, отсутствие нормального, не чиновничьего воспитательного воздействия на учащихся, бюрократизм всего вообще руководства жизнью института, обезличивавший каждого отдельного работника, неудовлетворительная постановка учебной работы и крайне низкая успеваемость учащихся, — все это поднимало перед Ушинским целый ряд настоятельных и жгучих педагогических проблем, решать которые можно было только во всеоружии определенных теоретических основ. В поисках за ними Ушинский в первую очередь должен был столкнуться с установившимся в практике института отрицательным отношением к теоретической работе над решением педагогических проблем и боязнью снова вступить на тот теоретический путь, который 15 лет тому назад опорочил в глазах начальства педагогическое творчество Гугеля.

В одной из своих позднейших статей Ушинский вспоминал, как именно в Гатчинском институте, этом очаге педагогической культуры 30-х годов, ему пришлось в середине 50-х годов

встретить признаки резко отрицательного отношения к творческой педагогической литературе. «Помню я, как, поступив на службу в одно учебное заведение и рассматривая его библиотеку, довольно многотомную, нашел я... два шкафа, запыленные, почернелые, запечатанные. Видно по всему, что их лет 20 не отпирали. Прошу открыть и нахожу очень полное собрание педагогических книг. Это было в первый раз, что я видел собрание педагогических книг в русском учебном заведении. Этим двум шкафам я обязан в жизни своей очень многим и, боже мой! от скольких бы грубых ошибок был избавлен я, если бы познакомился с этими двумя шкафами прежде чем выступил на педагогическое поприще! — Человек, заведший эту библиотеку, был необыкновенным у нас человеком (Ушинский говорит о Гугеле. — В. С.). Это едва ли не первый наш педагог, который взглянул серьезно на дело воспитания и увлекся им. Но горько же и поплатился он за это увлечение. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, он мог несколько лет приводить свои идеи в исполнение; но вдруг обстоятельства переменились, — и бедняк-мечтатель окончил свою жизнь в сумасшедшем доме, бредя школой, детьми, педагогическими идеями. Недаром же после него закрыли и запечатали его опасное наследство. Разбирая эти книги, исписанные по краям все одной и той же, уже мертвой рукой, я думал, что лучше было бы, если бы он жил в настоящее время, когда уже научились лучше ценить педагогов и педагогические идеи» (т. III, стр. 141). Это признание Ушинского совершенно определенно говорит о том, как много нового и фундаментального извлек он для себя из знакомства с педагогической литературой, вышедшей в России и за границей до начала 40-х годов. В библиотеке Гугеля он прежде всего мог познакомиться с богатым содержанием «Педагогического журнала», издававшегося педагогами Гатчинского института, и с русской педагогической литературой первых десятилетий XIX в. Здесь же Ушинский нашел богатое собрание тех заграничных мастеров педагогики, практиков и теоретиков, на изучении которых росло педагогическое мастерство Гугеля. Рассматривая в 1862 г. педагогическую библиотеку в кабинете Фрелиха, директора женской школы в Берне, Ушинский увидел на полках целый ряд книг: «Вот Дистервег, вот Шварц, вот Шмидт, вот Нимейер, Грубе, Кернер, — все старые знакомцы!», — прибавляет Ушинский. И это говорит, что как педагог он в первую очередь воспитывался на литературе конца XVIII и начала XIX в. Вот почему неправильно мнение, высказанное Старчевским и, возможно, независимо от него повторенное В. И. Чернышевым*, будто старая

---

* В. И. Чернышев, К. Д. Ушинский и реформа Смольного и Александровского институтов («Известия АПН РСФСР», М., 1951, вып. 33, стр. 74—75).

литература не имела значения в педагогическом образовании Ушинского. Но аргументы Старчевского являются аргументами дилетанта в педагогике: он высказывает сожаление, что ему неизвестно, когда и к кому написано письмо Ушинского с вышеприведенным рассказом о библиотеке Гугеля. На самом деле рассказ о библиотеке дан не в письме, а в статье о педагогической поездке по Швейцарии, напечатанной в 1863 г. «Я не могу допустить,— пишет Старчевский,— чтобы это письмо было написано в 1856 г. и вот почему: Ушинского не могла восхитить до такой степени старая педагогическая библиотека... Трудно прийти в особенный восторг от массы педагогических книг, написанных ровно за тридцать лет назад! Да и кто не знает, какая страшная разница между педагогическими взглядами, господствовавшими в первой четверти XIX столетия, и взглядами на педагогику, как науку и искусство, в середине пятидесятых годов». Эту разницу, конечно, прекрасно понимал Ушинский в 60-х годах, когда вспоминал о библиотеке Гугеля, и все же отозвался о ней восторженно. Ведь в этой библиотеке были не только произведения первых десятилетий XIX в., но, что особенно важно, классическая литература по педагогике XVIII в. Гугель — ученик Песталоцци, следовательно, он не мог не иметь его сочинений, как и сочинений Руссо. Понятно, что Ушинский дорожил библиотекой Гугеля как собранием лучших теоретических сочинений по педагогике. Само собой понятно, что Ушинский не застыл на старой педагогической литературе, но изучал и современную. Аргумент В. И. Чернышева, что Ушинский мало ссылается на старую педагогическую литературу, неубедителен, так как ссылка на ту или другую литературу определяется потребностями и содержанием обсуждаемой темы: по нескольким первым статьям вовсе нельзя судить о том, какое значение придавал Ушинский старой классической литературе, как это делает В. И. Чернышев. Таким образом, первым обстоятельством, обусловившим собой быстрое включение Ушинского в педагогическую работу Гатчинского института, нужно признать счастливую находку им библиотеки Гугеля. Библиотека, по его собственному признанию, открыла ему научный взгляд на сущность педагогической деятельности, помогла теоретически осмыслить ее.

Одновременно действовало и вышеуказанное второе обстоятельство — рост со второй половины 50-х годов давно подготовлявшегося общественного демократического движения в стране, свидетельствующего о том, что наступила пора смены старого феодального режима в России и установления нового, буржуазно-демократического. Это общественное движение открывало большие перспективы для педагогической работы, указывало широкие возможности охватить этой работой массы подрастающего поколения народа и применить к его воспитанию и образованию новые, рациональные приемы. Знакомство с тем широким

простором, какой давался воспитанию в тогдашних Штатах Северной Америки, указывало на то, что такие же, а может быть, еще большие возможности могут наступить и в России. Те эпизодические сообщения о положении народного образования в различных европейских странах и в Америке, которые неоднократно давал Ушинский в своих иностранных обозрениях, получили в его глазах исключительно большой интерес, как освещающие те вопросы, к постановке которых подошла уже и Россия. Демократический подъем в России Ушинский осмысливал как фактическое вступление страны в давно уже подготовлявшуюся и им обстоятельно охарактеризованную в речи «О камеральном образовании» фазу капиталистического развития («индустриальный век»), когда на первый план выступают интересы народных масс, их просвещение и творческое развитие. В России, как в любой демократической стране, должна наступить эра широкого развития просветительных мероприятий,— эта мысль окрыляла Ушинского в его педагогической работе. Она получала не только теоретико-педагогический, но одновременно и широкий демократический и политический смысл. Естественно, что Ушинский приступил к собиранию и изучению с этой точки зрения современного материала по народному образованию. У него накопился ряд материалов о положении образования в различных странах Европы и в США и был набросан ряд статей с критической оценкой различных систем образования. Нужно было найти возможность опубликовать эти статьи, что в России, не имевшей педагогических журналов, было, конечно, не легко. Казалось бы, что Старчевский, с лишком два года работавший с Ушинским в «Библиотеке», воспользуется его услугами и в новом журнале «Сын отечества». Этого, однако, не случилось по причинам, о которых Старчевский пишет не совсем ясно. «Случилось обстоятельство, которое разлучило нас с Ушинским надолго. Дело было из-за того, что авторам никогда не следует говорить правды относительно их сочинений. Это неопровержимая истина. В какой бы дружбе или родстве вы ни находились с автором, но чуть вы не одобрили его произведения, чуть вы не сочувствуете и не относитесь с похвалой к его литературному или ученому труду — и дружба и родство кончены». Очевидно, произошел какой-то разрыв, но почему — неясно. Приведенное выше (стр. 151) письмо Ушинского к Старчевскому (9 октября 1856 г.) было ответом на предыдущее письмо Старчевского. Видимо, Старчевский, вспомнив Ушинского уже после трехмесячного издания своего нового журнала, теперь приглашал его к сотрудничеству, но в чем-то не одобрял его прежних работ и в свою очередь просил высказаться о «Сыне отечества». Ушинский перечислил Старчевскому в своем ответе те статьи, над которыми он работает, и те статьи, которые он мог бы приготовить: «Но,— добавляет он,— не знаю, пригодятся ли что для вас, даром же работать не хочется»,— очевидный

намек на те статьи, которые в прошлом не принял Старчевский по тем или иным соображениям. Что касается нового его журнала, Ушинский с обычной прямоотой писал: «Не скажу вам ничего о вашем журнале, потому что в глаза хвалить не люблю; но скажу, что, мне кажется, было бы лучше для него, если бы официальности немного потеснились и дали бы побольше места учено-популярным статьям, которых вообще в наших журналах в сравнении с заграничными необыкновенно мало. Дешевизна же вашего журнала налагает на него обязанность быть проводником образования в массу... Одна политическая экономия, так мало знакомая публике, может дать много материала, а география, естественные науки и т. д.!» Заканчивается письмо весьма сухо и подчеркнуто холодно при внешней корректности: «Но вы, конечно, лучше меня знаете, что вам нужно; позвольте же поблагодарить вас еще раз за память обо мне и сказать Вам — до свидания». Очевидно, Ушинский почувствовал себя обиженным каким-то отношением к нему Старчевского. В свою очередь и Старчевский не мог не почувствовать, что с Ушинским теперь стало труднее разговаривать.

О некоторых чертах практической деятельности К. Д. Ушинского в Гатчинском институте.

Совершенно понятно, что конкретные особенности практической деятельности Ушинского педагога вытекали из тех практических затруднений в работе большого учреждения, которые требовали устранения, но в свою очередь предполагали правильный теоретический подход в борьбе с ними.

Сохранившиеся данные о Гатчинском институте позволяют утверждать, что внимание Ушинского в первую очередь остановилось на огромной неуспеваемости учащихся института, которая выражалась в том, что большая половина учащихся оставалась на второй год и меньшая половина переводилась в следующие классы. М. Песковский сохранил из уничтоженного архива института весьма любопытную статистическую справку, говорящую о том, какую успеваемость нашел Ушинский при своем вступлении в институт и как эта успеваемость изменялась при нем:

Годы	Всего учащихся	Выпущено	Переведено	Оставлено на 2-й год	Уволено
1854/5	669	32	243	376	18
1855/6	658	22	442	183	10
1856/7	666	30	444	180	8
1857/8	686	40	405	230	11
1858/9	635	44	416	162	7

Из приведенной таблицы легко видеть, как неблагоприятное положение в постановке учебной работы постепенно устраняется, как год за годом неуклонно растет количество переводимых в следующие

классы и количество выпускаемых и так же неуклонно уменьшается количество оставляемых на второй год и количество уволенных. Эти статистические данные определенно говорят о каких-то настойчивых мероприятиях внутри института, направленных к достижению именно этого результата.

Случайно уцелевшее дело Гатчинского института № 104 говорит о том, что такие мероприятия имели место и что Ушинскому пришлось сразу же вступить в конфликт с рутинными учебными традициями института, успевшими уже свить себе гнездо в жизни когда-то передового учреждения. Ушинскому пришлось перенести борьбу с своими сослуживцами, которые сразу стали оказывать ему сопротивление и подавать на него жалобы, мотивируя эти жалобы намеками, что новый инспектор разрушает практику работы, установленную высочайшими распоряжениями. Упомянутое выше дело озаглавлено: «Высочайше утвержденное наставление для образования воспитанников в военно-учебных заведениях». Оно хранилось в делах института как образец педагогического документа, безупречного с «высочайшей» точки зрения. В стиле этого документа, запечатленного авторитетом Я. И. Ростовцева, были разработаны в конце 40-х и начале 50-х годов на основании предшествующего опыта работы Гатчинского института, подробные программы по русскому языку и литературе. Программы напечатаны целой книгой и утверждены, в виде опыта, на три года. С основными идеями программ, поскольку они обобщали опыт педагогов 30-х годов, Ушинский был согласен, но постановку преподавания русского языка по этим программам считал неудовлетворительной, а их конкретное содержание устаревшим и требующим обновления. С этой целью Ушинский уже в сентябре 1855 г. созвал с разрешения директора конференцию преподавателей русского языка. Обсудив практику преподавания и ее недочеты, конференция в составе пяти преподавателей вместе с Ушинским решила, что необходимо внести изменения в постановку преподавания русского языка. Протокол конференции за подписью всех ее участников Ушинский представил директору с таким разъяснением: «Находя необходимым при преподавании русского языка внести единообразие и постепенность в практических упражнениях, я составил по этому предмету подробные правила для всех классов. Правила эти были мной прочитаны всем преподавателям русского языка, исправлены с общего согласия в некоторых частях и единогласно признаны полезными. Представляя их на утверждение начальства, я всепокорнейше прошу позволить мне принять их в руководство немедленно, чтобы и в этом году практические упражнения по русскому языку могли быть приведены в порядок». Несмотря на то, что преподаватели подписали протокол конференции, были среди них недовольные, и почетному опекуну института, С. С. Ланскому, были посланы анонимные жалобы на Ушинского, в результате чего директор института

получил от почетного опекуна извещение, что «некоторые преподаватели при институте не исполняют законных требований и. о. инспектора классов, относящихся до учебной части, и даже входят в полемическую переписку вопреки правилам подчиненности их по службе. Объявить учителям, чтобы они отнюдь не позволяли себе уклоняться от всех требований и. о. инспектора классов, признанных начальством полезными и данным в руководство программам не противными. Особенно подтвердить им, чтобы занимались своим делом, а не марали бумагу».

Неизвестно, были ли организованы аналогичные конференции по другим предметам. Во всяком случае общая неуспеваемость первых лет стала постепенно снижаться, следовательно, какие-то мероприятия шли не только по линии русского языка. Эти мероприятия и вызывали общую неприязнь в косной среде Гатчинского института к неожиданно нарушившему ее покой реформатору. Как только Ушинский был переведен в Смольный институт и в Гатчинском институте появился новый инспектор классов, Панченко, от него получилась целая докладная записка на имя почетного опекуна о неправильных действиях Ушинского при пересмотре высочайше утвержденной программы преподавания русского языка. Директор института на основании документов 1855 г. и опроса учителей, работавших при Ушинском, установил, что распоряжения Ушинского были совершенно правильными, новому же инспектору предоставлено право по примеру Ушинского организовать конференции, обсуждать все возникающие в порядке преподавания вопросы и решать их на основании этого обсуждения. Случайно, по небрежности канцелярии, или с умыслом, чтобы обратить внимание кого следует, но материалы о пересмотре программы по русскому языку были включены в дело о высочайше утвержденном наставлении для образования воспитанников военно-учебных заведений как бы в подтверждение того, что требованиями Ушинского нарушалась установленная высочайшим распоряжением практика обучения.

Вообще, Ушинский предпринял большую перестройку учебной части, что вызвало ряд неудовольствий с разных сторон и привело к тому, что после перевода Ушинского в Смольный институт по его адресу был высказан целый ряд обвинений. Так, уже предшественник Ушинского по должности инспектора классов, П. С. Гурьев, в своих воспоминаниях о Гугеле обмолвился едким замечанием по адресу некоторых инспекторов (очевидно, имея в виду Ушинского), что, вступая в исполнение своих обязанностей, они стремятся во что бы то ни стало переделать старые порядки, включительно до расстановки стульев. Раздавались обвинения, что целый ряд учебных пособий, украшавших стены института, как-то — рисунков, таблиц, географических карт, глобусов, бюстов и т. п., Ушинский велел убрать в кладовые, благодаря чему стены лишились своих украшений, а уча-

щиеся возможности самостоятельно пользоваться учебными пособиями. На самом деле все обстояло иначе. Ушинский держался того взгляда, что картины и другие пособия, развешанные на стенах, скоро перестают замечаться учащимися и не привлекают их внимания. Поэтому их следует держать в специальных кабинетах и привлекать к делу сообразно с ходом преподавания. В Смольном Ушинский застал обратную практику: драгоценнейшие учебные пособия сохранялись взаперти в кабинетах и не извлекались в классы в качестве пособия при преподавании. Кто-то пожертвовал институту драгоценный зоологический кабинет; для него отвели целое помещение и закрыли его, не открывая в течение целого ряда лет. Когда Ушинский приказал его открыть, оказалось, что почти весь кабинет изъеден молью и только небольшое количество экспонатов удалось спасти и ввести в учебное употребление. Понятно, что такая радикальная мера легко могла подать повод для нового обвинения в разорении зоологических коллекций. В Гатчинском институте Ушинский не мог пройти мимо библиотечного имущества института и делал известные нововведения, которые дали повод для новых обвинений. Было две библиотеки: одна учебная — 14 849 томов и другая — разных сочинений 7157 томов — фундаментальная, очевидно. В учебной, иначе ученической, библиотеке, судя по количеству заключались не одни учебники, но и книги для детского чтения. Ушинский ввел какое-то ограничение для пользования учащимися фундаментальной библиотекой. Возникло в связи с этим новое обвинение. Возможно, что обвинения этого рода шли со стороны бывшего инспектора классов. Обвинения эти нашли себе отголосок в раздраженной статье И. Пиотровского «Погоня за лучшим» («Современник», 1861 г., № 6), явно не отвечающей действительности. Пиотровский пишет: «С оставлением Гурьевым должности инспектора классов значительная часть учебных пособий была перенесена из рекреационных зал в кладовые. Зачем? — предание умалчивает. При П. С. Гурьеве воспитанники могли пользоваться книгами из библиотеки «разных сочинений», с его же отставкой эта библиотека, вероятно, начала приводиться в порядок, причем стало неудобно выдавать книги воспитанникам и выдача производилась только наставникам. Мы знаем достоверно, что этот порядок существовал с 1854 г. до 1859—1860 гг. Что же значат богатства учебных заведений, когда на них наложил свою печать какой-нибудь Плюшкин в виде инспектора-педагога?» Обвинение, лишенное всякой доказательной силы, основанное на непроверенных слухах и проникнутое предвзятой озлобленностью автора, который в 60-х годах имел полную возможность фактически разобраться в обвинениях, если таковые существовали, и не делать прозрачных и необоснованных намеков.

Борьба с неуспеваемостью в Гатчинском институте, естественно, должна была обратить внимание Ушинского на те учеб-

ные книги, которые являются основным фактором в формировании успехов учащихся. Основной предмет, который преподавал Ушинский, заставил его поставить вопрос о создании книги, которая облегчила бы овладение родным языком, устной и письменной речью, и вместе с тем давала бы то развитие мысли учащихся, которое является предпосылкой для развития речи и которое в схоластических учебниках по русскому языку сплошь и рядом игнорируется. Гениальная мысль, родившаяся у Ушинского, заключалась в том, чтобы сочетать обучение языку с изучением конкретных явлений, доступных ребенку 10—11-летнего возраста, так, чтобы упражнения в языке велись не отвлеченно, а на конкретном материале. Таким образом, родилась целая система занятий, направленных одновременно и на формирование первоначальных знаний о природе и обществе, и на развитие на этом материале устной и письменной речи. Это была совершенно оригинальная в русской педагогике идея, осуществление которой доставило Ушинскому заслуженный успех. Идея эта зародилась и сформировалась у Ушинского в Гатчинском институте. Об этом прямо свидетельствует наиболее авторитетный из биографов Ушинского — Рехневский. Он пишет: «К гатчинской эпохе жизни Ушинского относится начало наиболее важных его трудов по составлению книг для первоначального обучения. Первую из этих книг «Детский мир и хрестоматия» он начал составлять еще в 1858 г. и напечатал ее в начале 1861 г. Читая эту книжку, составленную, по-видимому, из таких простых, легких и безыскусственных рассказов и описаний, с первого взгляда можно подумать, что составление ее не требовало особенного труда и усилий. Между тем Ушинский посвятил ей целых три года усидчивого труда». К тому же Гатчинскому институту должен быть отнесен и замысел другой, не менее замечательной его книги «Родное слово». В архиве Ушинского сохранился замечательный документ под заглавием «План книги, долженствующей иметь 25 изданий». План этот представляет по существу своему первый очерк «Родного слова», разработанного и напечатанного только в 1864 г.

Было бы неправильно думать, что Ушинского волновали в Гатчинском институте одни только вопросы учебной работы. Как инспектор классов он не имел права касаться никаких других вопросов в институте. Но он не мог не замечать того, что по существу дела разделение учебной и воспитательной работы в институте — явление глубоко ненормальное, что органически цельный процесс воспитания разрывается механически на два отдельных процесса — воспитание и обучение, в результате чего возникают ненормальные явления как в области воспитания, так и в области обучения. Однако же как инспектор классов он не имел права касаться вопросов воспитания. Но тем интенсивнее работает его мысль над разрешением проблемы единства воспитания и обучения. Целый ряд этого рода вопросов

он поднимает анонимно в печати и в некоторых своих записках в министерство. Вообще же нужно сказать, что на опыте работы Ушинского в Гатчинском институте оформились его основные педагогические идеи, разработанные им в его статьях и учебниках. К проблемам, рожденным в практической работе Гатчинского института, Ушинский систематически возвращался в течение всей своей последующей жизни и, так сказать, теоретически дорабатывал и развивал их. В этом заключается значение Гатчинского периода жизни Ушинского.

Первые теоретические статьи К. Д. Ушинского по специально-педагогическим вопросам.

Выступление Ушинского в печати с теоретико-педагогическими статьями было не только особым этапом в его личной жизни, но одновременно и выражением нового этапа в социально-экономической и педагогической жизни России. До сих пор задавленные и сжатые

полицейским режимом царизма подлинно педагогические интересы масс народа, вытекавшие из его житейских потребностей, в связи с общеизвестными политическими событиями русской жизни второй половины 50-х годов внезапно оживились, и почувствовалась настоятельная потребность их всенародного обсуждения и практического удовлетворения. Опубликованная в 1856 г. в журнале «Морской сборник» статья Н. И. Пирогова «Вопросы жизни» произвела большое впечатление именно тем, что подвергала публичному обсуждению животрепещущие вопросы общественного воспитания, которые до сих пор считались сферой, исключительно подлежащей ведению правительства. Статья вызвала широчайшие отклики во всех журналах, несмотря на то что была написана тяжелым стилем и с большим уклоном к мистицизму. Статья обсуждалась горячо, так как требовала решительного поворота в организации общественного образования, выдвигая на первый план не специальное, а общее образование, образование человека, вопреки несколько лет тому назад произведенной правительством реформе школы, выдвигавшей на первый план образование специалиста и соответственно этому устанавливавшей специальную профессиональную надстройку уже над IV классом гимназии, ранее, чем закончено общее образование, дающее подготовку к специальному. Широкое сочувствие этой стороне высказываний Пирогова, как и самые эти высказывания, не отражали еще всего, что входило в понятие образования в наступивших новых условиях общественной жизни. Положение об общем образовании как предпосылке специального можно было отстаивать и в условиях старого времени, не изменяя содержания образовательной системы. Пирогов, например, как показал это несколько позже Ушинский, признавал возможным общее образование только в старой классической форме, с чем уже нельзя было согласиться, так как современность требовала перехода к новой, реальной системе образования. Самое главное то, что в наступившем обществен-

ном движении необходимо было самое понятие образования поднять на новую социально-политическую стадию, рассматривая его уже не в рамках отживающего сословного общественного строя, а как выражение потребностей народа в целом, как средство удовлетворения широких масс трудящихся. **Народность воспитания** — вот лозунг нового воспитания, который провозгласил и теоретически раскрыл К. Д. Ушинский, понимая народность, как принцип демократии в широком смысле этого слова. С этой точки зрения, точки зрения народности, и подошел Ушинский в своих первых теоретических статьях к истории и теории образования.

Вопрос об опубликовании подготовленных им статей, беспокоивший Ушинского, как видно из его переписки с Старчевским в декабре 1856 г., разрешился к началу следующего года удовлетворительно, так как совместными усилиями Ушинского и Редкина было намечено издание педагогического журнала под редакцией А. А. Чумикова — педагога, который в течение 12 лет перед тем работал помощником инспектора классов Николаевского сиротского института и совместно с инспектором А. Г. Ободовским планировал задачу возобновления попытки Гугеля издавать педагогический журнал. Смерть Ободовского и освобождение Чумикова от работы в институте заставили последнего энергичнее взяться за неосуществленный проект издания журнала, обратившись к помощи авторитетных педагогов. В своих воспоминаниях («Мои цензурные мытарства», «Русская старина», 1899 г., № 12, стр. 585—586) Чумиков рассказывает: «В конце 1856 г., поощряемый П. Г. Редкиным, бывшим проф. Московского университета, и учеником его, инспектором классов Гатчинского сиротского института К. Д. Ушинским, моими будущими сотрудниками, задумал я издание педагогического журнала». В период, когда так живо в связи со статьей Пирогова стали обсуждаться педагогические вопросы, администрация не возражала против издания педагогического журнала, а редактор «Журнала МНПр», А. В. Никитенко, в свою очередь отозвался сочувственно о новом издании. А. А. Чумиков отмечает в своих воспоминаниях, что нравственная помощь, обещанная ему Редкиным и Ушинским, «имела большое значение, но что сотрудничество этих лиц было ограничено их служебными обязанностями, Ушинский же даже не жил в Петербурге» («Из записок Чумикова», «Русский архив», 1902 г., № 10, стр. 205), так что вся тяжесть издания журнала должна была лечь на редактора. Чумиков отмечает трудность привлечения сотрудников и большие цензурные затруднения, так как цензор, попечитель учебного округа Щербатов, не дозволял касаться закрытых учебных заведений и писать об их недостатках. Указанием на различные трудности издательской работы Чумиков пытается затушевать недостатки своего издания, которое не могло полностью ответить на запросы времени. В действитель-

ности на отсутствие сотрудников Чумикову нельзя было жаловаться. В числе его сотрудников были достаточно видные педагоги того времени — Паульсон, Вессель, Редкин, Ушинский и в особенности такой талантливый и передовой общественно-политический мыслитель, как Н. А. Добролюбов. Но уже этот последний отметил в своем дневнике простодушие, забитость и скромность Чумикова и, уступая его далеко не широким требованиям, должен был давать ему статьи, преимущественно переработанные с иностранного по частным вопросам методики воспитания и обучения. Большие принципиальные статьи Добролюбова по вопросам воспитания не могли появиться в журнале Чумикова. Такова его статья «Значение авторитета в воспитании», первоначально предназначенная для «Журнала для воспитания» и одобренная Редкиным, но, в конечном итоге, появившаяся в журнале «Современник». Есть основания думать, что между Чумиковым и его выдающимися сотрудниками были принципиальные разногласия, в силу которых эти сотрудники не могли долго оставаться в журнале и выбывали в течение 2—3 лет. Так выбыли из журнала постепенно — Паульсон, Вессель, Редкин, Ушинский, Добролюбов.

Ушинский, в частности, сотрудничал в «Журнале для воспитания» всего два года — 1857 г. и 1858 г. и за эти два года он дал журналу пять содержательных статей, из коих одна — «О народности в общественном воспитании» — представляла собой целое исследование, занявшее свыше ста страниц. То решение основных педагогических проблем, какое давал Ушинский в своих статьях, совсем не гармонировало с педагогическими установками Чумикова. Этот последний считал необходимым ставить в первую очередь узкопрактические вопросы, между тем как для Ушинского было важным в первую очередь дать им принципиальное обоснование. Чумиков полагал, что для решения поставленных им задач достаточно освещать и переносить в русскую школу практический опыт Германии; Ушинский, напротив, считал, что наша педагогика должна быть народной и что педагогическая литература должна быть отражением общественного мнения по вопросам воспитания. Выдвигая на первый план идею народности в воспитании, Ушинский стремился с этой точки зрения осмыслить педагогически системы других народов и уяснить, в частности требования и потребности русского народа в области воспитания. К немецкой педагогике Ушинский подходил не только с признанием ее больших достоинств, но также и с критикой неприемлемых для русского народа односторонностей; для Чумикова же она была тем источником, из которого можно было черпать материалы без ограничения. «В первые три года мой журнал черпал из этого источника неограниченные заимствования», — писал Чумиков в своих воспоминаниях. Считая себя большим специалистом в области педагогики, Чумиков к Ушинскому относился несколько свысока.

Отдавая ему должное как выдающемуся теоретику, Чумиков недооценивал его как педагога-практика («Русский архив», 1902 г., № 10, стр. 200). Понятно, что при таких условиях Чумиков не мог рассматривать статьи Ушинского как материал, характерный и желательный для своего журнала, и нередко в специальных примечаниях выражал свое несогласие со взглядами Ушинского. Так, когда Ушинский в одной из своих статей написал, что «нет причин, почему бы женщина могла отстать от мужчины в науке и в способности преподавания», редакция «Журнала для воспитания» сделала к этому месту специальное примечание: «По нашему мнению, такая ученая женщина перестает быть женщиной. Достоинство педагогических способностей женщины есть также пока спорный предмет». Такой обывательский подход к одному из крупнейших вопросов 60-х годов говорил о серьезных принципиальных расхождениях редакции с своим сотрудником.

Педагогические статьи Ушинского, публиковавшиеся в «Журнале для воспитания» на протяжении двух лет, представляют однако же замечательное явление. Они свидетельствуют о том, с какой зрелостью мысли Ушинский вошел в педагогическую работу; одновременно они говорят и о том, какой серьезный вклад внесен им в русскую педагогическую мысль уже этими первыми статьями. На большой теоретической и принципиальной высоте Ушинский поднял и заострил целый ряд существенных для русской педагогики вопросов одновременно и теоретических, и практических. В первой же своей статье «О пользе педагогической литературы» Ушинский поставил вопросы о соотношении теории и практики в педагогике, о разработке психологических основ педагогики, о значении педагогической литературы для выработки общественного мнения по вопросам воспитания. Н. А. Добролюбов отозвался об этой статье, как об «интересной». Во второй статье «Три элемента школы» Ушинский показывал всю губительность того разрыва между воспитанием и образованием, который царит в особенности в закрытых учебных заведениях. По существу дела статья в ярких красках рисовала антипедагогические условия работы Гатчинского института, явившиеся результатом естественного разрыва органически связанных элементов школы и механического разделения их между директором, воспитателями и преподавателями. Назвать имя института Ушинский однако же не имел права и критиковал его работу, изображая аналогичные порядки некоторых французских и английских школ. Не желая рисковать службой в случае, если его намек будет понят, Ушинский напечатал свою статью под псевдонимом «Виссарион Жуков. Москва». Намек был понят, и статья Ушинского произвела большое впечатление в закрытых учебных заведениях. Один из педагогов кадетского корпуса в Москве, П. Е. Басистов, пересказал содержание статьи Ушин-

ского в «Спб. вед.» (1857 г., № 171) с указанием на то, что критикуемые в статье порядки французских и английских школ существуют и в закрытых русских учебных заведениях. Статья эта весьма встревожила администрацию военных школ; несмотря на то что автор подписался тоже псевдонимом, военное ведомство потребовало от редакции раскрытия псевдонима и, когда оказалось, что автором является безупречный и выдающийся педагог военной школы П. Е. Басистов, он все же был немедленно уволен. Ушинский поступил, таким образом, правильно, скрыв свою фамилию во избежание возможных неприятностей по службе. В большой статье «О народности в общественном воспитании» Ушинский раскрыл и обосновал свою основную идею о народности воспитания. Дав исторический обзор различных систем воспитания, Ушинский показал, что каждая система строится в соответствии с народными потребностями и отсюда сделал основной вывод, что и русская система должна строиться не на подражании чужим системам, а исходя из потребностей русского народа. Таким образом, был указан тот путь, на котором развитие русской педагогики может быть поставлено на правильную дорогу, т. е. удовлетворения потребностей народа. Наконец, в двух больших статьях, посвященных описанию американской педагогической системы, Ушинский дал характеристику прогрессивной для того времени демократической системы образования в Соединенных Штатах Северной Америки. Во что превратится демократизм США в дальнейшем,— тогда еще не было ясно. Но Ушинский подчеркивал демократизм североамериканской системы, тем самым указывая на то, как должен быть правильно понят принцип народности воспитания.

Трудности и опасности в работе Ушинского.

Поступив на должность инспектора классов Гатчинского сиротского института, Ушинский на первых порах испытывал двоякого рода удовлетворение: с одной стороны, удовлетворение служебного порядка, поскольку он получил, наконец, работу, которая могла обеспечивать его материально; с другой стороны, это было моральное удовлетворение, так как он вновь нашел свое призвание, давшее ему возможность возобновить прерванную в Ярославском лицее работу на новой, педагогической почве, где он мог применять свои энциклопедические знания.

С энтузиазмом начав новую для него область работы, Ушинский практически на каждом шагу сталкивался с целым рядом антипедагогических явлений, не отвечавших тем задачам русской жизни, которые возникли в связи с новыми условиями общественной жизни в России и на которые не были рассчитаны учреждения по народному образованию. Эти антипедагогические явления, укреплявшиеся десятилетиями в практике института, вызывали в сознании Ушинского целый ряд новых проблем, которые необходимо было разрешить

практически, чтобы жизнь института строилась на основе педагогических требований. Ушинский высказывал в своих статьях эти проблемы как проблемы общешкольные и общепедагогические, имея в виду в первую очередь Гатчинский институт с его устаревшими порядками. Основные педагогические идеи Ушинского, стяжавшие ему славу великого русского педагога, зародились в процессе соприкосновения с устаревшей практикой Гатчинского института: здесь возникли замыслы по составлению учебников для детей — «Родное слово» и «Детский мир»; здесь зародилась идея педагогической антропологии; здесь впервые были сформулированы его основные воспитательные и учебно-методические положения.

Но одно дело идеи — другое — их осуществление, требующее наличия благоприятных условий как материальных, так и социальных. На первых порах поле деятельности Ушинского представлялось ему гладкой дорогой, по которой он смело может продвигаться к намеченной в его литературно-педагогических трудах цели. Только постепенно, натываясь в каждом обдуманном им мероприятии на уже сложившуюся традицию, он начал замечать, что это поле усеяно шипами и что на каждом шагу он должен останавливаться и согласовать свои действия с традицией, с директором, с почетным опекуном, с Главноуправляющим женскими учебными заведениями. Впоследствии, в Смольном институте, чуть не ежедневно по адресу Ушинского посылались в IV отделение жалобы и по ним Ушинскому приходилось давать ответы и объяснения. Такова была атмосфера учреждений, в которых Ушинский предполагал развернуть свою творческую работу.

В послужном списке Ушинского значится, что 28 апреля 1856 г., т. е. примерно через полгода после вступления в институт, он утвержден инспектором классов. Прежний инспектор, П. Гурьев, пробывший в этой должности уже несколько десятилетий, явно состарился и не мог вести успешно свою работу в новых условиях и давно уже готовился уйти на пенсию. Один из ближайших сотрудников Ушинского по Смольному институту, видный педагог Д. Д. Семенов, в своих воспоминаниях сообщает, что «в Гатчине императрица посещала институт и беседовала с Ушинским в Гатчинском парке» («Из пережитого», «Русская школа», 1895 г., № 1). Однако ее интересовали не столько страдающие сироты этого учреждения, не столько даже широкие проблемы воспитания, какие развивал ей русский педагог, сколько вопрос о воспитании своего наследника.

Совершенно естественно, что императрица обратилась к авторитетнейшему педагогу с вопросом, как исправить недостатки и ошибки, допущенные в воспитании наследника. Как подчиненное лицо, Ушинский не мог, разумеется, отказаться от сделанного ему предложения дать свои соображения по этому вопросу.

Ушинский пишет о том, в каком направлении нужно воспитывать будущего царя и по какой программе. Что касается направления, то оно должно быть прогрессивным, т. е. отвечающим требованиям современности: нужно, «чтобы будущий государь сочувствовал все возрастающим требованиям улучшений. Заставить их умолкнуть на время, конечно, можно, но это значит гноить государство и народ». Что касается программы, то Ушинский начертывает курс, очень напоминающий ту прогрессивную программу камеральных наук, которую он разрабатывал в Ярославском лицее. Преподавание политических наук должно внушить будущему монарху, что закон не есть выражение его произвола, но выражение исторической необходимости общества, которого он является верховным органом». Письма написаны Ушинским в период, когда вместе с другими деятелями (например, А. И. Герценом) ему казалось возможным воздействовать на волю государей. На предложение высказаться по вопросу о воспитании наследника Ушинский дал в четырех письмах, занявших около 3 печ. листов, достаточно глубокий и продуманный трактат на эту тему, исходя из того, что, как всякий человек, наследник может быть воспитан, несмотря на всю силу тяготеющей над ним среды. Не касаясь теоретической сущности педагогических указаний, данных Ушинским, и подходя к документу как материалу биографическому, нужно сказать, что Ушинский с совершенной искренностью повторил ошибку ряда своих предшественников и современников, питавших какие-то надежды на возможность как-то воздействовать на поведение сильных мира сего. Спустя лет пять, Ушинский в переписке с друзьями признал свою ошибку полностью. Но сейчас, он писал: «В первый раз в жизни моей дала мне судьба возможность высказать истину в такой высокой сфере, где слово может всегда сделаться делом, неужели я позволил бы какому-нибудь эгоистическому расчету управлять моей речью?» Ушинский хочет сказать, что он будет говорить, не боясь, только правду: «Цензура установлена для народа, а не для монархов». Поэтому Ушинский дает такие указания будущему монарху и его воспитателям, при чтении которых сам монарх, если бы он их читал, что мало вероятно, мог бы дать волю своему гневу. Поучая будущего, а в значительной степени и царствующего монарха, Ушинский писал, что «теперь более, чем когда-нибудь, необходимо обратиться к самому народу; узнать не только его материальные, но и духовные потребности. Но мало узнать, надобно сродниться с ними, сделать их потребностями своей собственной души и, удовлетворяя этим потребностям, прокладывая народу историческую дорогу вперед». Касаясь вопроса о самодержавии, Ушинский пишет, что «слова — неограниченная монархия вовсе не означает того, что неограниченный монарх может делать, что ему угодно... Неограниченный законодатель должен всегда пом-

нить, что закон не есть выражение его произвола, он обязателен для него точно так же, как и для его подданных». Помимо этих и других морально-идеологических и политических наставлений монархам, в письмах высказан ряд психологических и педагогических соображений о рациональном воспитании молодого человека и дан развернутый учебный план, согласно которому должно вестись общее и специальное образование. Независимо от объективной оценки писем Ушинского, с точки зрения их целесообразности, сами по себе письма эти как документ были выражением большого гражданского мужества Ушинского, рискующего в тот момент многим, если не всем.

Отрадно отметить, что встречи императрицы Марии с Ушинским в Гатчинском институте не смогли поколебать твердые общественно-педагогические убеждения великого русского педагога, уверенно шедшего по пути верного служения своему народу и отчизне. Он не стал придворным педагогом.

Ушинский 16 января 1859 г. был утвержден инспектором классов Воспитательного общества благородных девиц и Спб. Александровского училища — двух институтов, в своей совокупности составлявших две половины Смольного института — Александровскую и Николаевскую: собственно «благородную» и «мещанскую».

К. Д. Ушинский в Смольном институте (1859—1862)

Назначение К. Д. Ушинского инспектором классов Смольного института было вызвано объективно назревшей необходимостью реорганизации этого учреждения. В личной жизни Ушинского это назначение было одновременно и повышением его по службе, и вместе с тем явно трагическим событием, которое повлекло за собой конец этой недолгой службы. В жизнь Смольного института Ушинский входил, так сказать, извне, по указанию сверху. Следуя этому указанию, Совет Воспитательного общества и Александровского училища выставил кандидатуру Ушинского на должность инспектора. В первоначальных предположениях начальницы Смольного института, М. П. Леонтьевой, связанных со смертью инспектора классов М. М. Тимаева (27. XII. 1858), имелись в виду другие, более близкие ей кандидатуры. Однако объективно кандидатура Ушинского как деятеля решительного, предприимчивого и компетентного, естественно, получала все преимущества, поскольку вопрос шел о реформе учреждения, которое по замыслу учредителей должно было являться передовым и образцовым не только в России, но и за границей, между тем как в течение своей столетней жизни оно не только не стало на предназначенную ему высоту, но и накопило огромное коли-

чество недостатков, всем бросающихся в глаза, требовавших радикального устранения, и пока что не встречавших деятеля, который бы поставил задачу решительной борьбы с ними.

Совет института 31 декабря 1858 г. обратился с ходатайством о разрешении «на определение г. Ушинского на вакантное место» инспектора классов двух заведений, объединенных в Смольном институте, с одной стороны, — Воспитательного общества благородных девиц (в собственном смысле привилегированного, аристократического учебного заведения) и, с другой стороны, Александровского училища, рангом пониже, в просторечии носившего наименование — мещанской половины. Доклад сопровождался характеристикой нового инспектора, в которой было сказано в оправдание выдвижения его кандидатуры: «Надворный советник, Ушинский приобрел уже в современной литературе почетную известность своими статьями, вполне обнаруживающими в нем редкие педагогические достоинства, а потому принесет самую существенную пользу воспитательному обществу и Александровскому училищу». Но рядом с официальной характеристикой, отражавшей объективное мнение об Ушинском, сложившееся вне института, совет Смольного счел нужным, отражая мнение начальства ин-та, сделать следующее добавление, несколько дискредитировавшее великого педагога в глазах аристократической верхушки: «Совет считает долгом присовокупить, что, с своей стороны, при многосторонней образованности г. Ушинского и совершенном знакомстве его с французским, немецким и английским языками, равно как и с литературами сих языков, решительно не находит никакого к предоставлению должности инспектора классов препятствия в том обстоятельстве, которое, впрочем по свойственной достойным людям скромности объявил Ушинский сам и которое заключается именно в том, что он не имеет лишь навыка совершенно бегло объясняться на французском и немецком языках. Не заключая в себе никакой необходимости, обстоятельство это тем более не может служить препятствием, что и покойный г. Тимаев не имел помянутого навыка бегло говорить на иностранных языках». Нетрудно понять, что это якобы снисходительное замечание было на самом деле выражением подчеркнуто глубокого презрения со стороны аристократической администрации по адресу плебея-педагога, не усвоившего навыка совершенно бегло изъясняться на иностранных языках, между тем как в приобретении этого навыка и заключалась преобладающая доля того образования, какое стремился дать Смольный институт своим воспитанницам. Несмотря на эту незначительную оговорку, предусматривавшую возможность отклонения кандидатуры Ушинского, доклад Совета был утвержден, и Ушинский после сдачи имущества Гатчинского института и дел его должен был вступить в новое учебное заведение, как его реорганизатор.

Трагическая сторона перехода Ушинского в Смольный институт заключалась в том, что, как инспектор классов, получив определенные полномочия, он фактически оказался во враждебном окружении, бороться с которым единичными усилиями было невозможно. Если в Гатчинском институте Ушинский сталкивался с традициями, враждебными его реформам, то там он имел поддержку директора, поддержку почетного опекуна, непосредственно ведавших всеми делами института. В Смольном же все окружение сверху донизу оказалось ему враждебным и деятельность Ушинского воспринималась в верхах в том освещении, какое давалось этим окружением. Поэтому Ушинскому приходилось не только налаживать в институте работу по-новому, но еще и периодически в процессе работы оправдываться от возводимых на него обвинений. И чем больше накалялась атмосфера внутри института, тем чаще приходилось сталкиваться с этими обвинениями, которые говорили о все растущем сопротивлении реформам внутри института. Правда, Ушинский с первых же дней поставил вопрос о необходимости обновления значительной части педагогического персонала путем приглашения для работы в институте передовых педагогов Петербурга. В общем это отвечало тенденциям и намерениям высших сфер: покровительствуемое царским двором учебное заведение, конечно, должно иметь лучших и передовых педагогов. Сам Ушинский был приглашен как педагог, составивший уже себе известность своими сочинениями. Мера, предпринятая Ушинским и, очевидно, заранее согласованная в личной беседе с теми, кто вел с ним конкретные переговоры, прошла без особых трений: один за другим появлялись в институте новые преподаватели — Д. Д. Семенов, М. И. Семевский, Л. Н. Модзалевский, Я. П. Пугачевский, В. И. Водовозов и др. Появление их в институте встречалось подчас с большим недоумением со стороны аристократической части института, как воспитательниц, так и воспитанниц. Фамилия Водовозова была встречена, например, воспитанницами как фамилия вульгарная, компрометирующая институт. Наряду с другими преподавателями появился одно время в стенах института, будучи приглашен Ушинским, даже такой демократ и «плебей», как известный писатель Н. Г. Помяловский, увлекшийся перспективой преподавания по «Детскому миру» Ушинского, только что вышедшему из печати и введенному в качестве учебного пособия в первых классах института. Помяловский не выдержал, однако, атмосферы двоедушия, царившей в институте, и после нескольких уроков прекратил свои занятия. Впоследствии, будучи уже за границей, Ушинский со скорбью прочел в «Современнике» о смерти этого, по его словам, «симпатичного голубоглазого человека». Смена преподавателей происходила более или менее быстро, и вокруг Ушинского формировался сплоченный кружок его друзей и еди-

номышленников, по четвергам собиравшихся в квартире своего инспектора для дружеского обсуждения текущих педагогических дел. За границей Ушинский нередко грустил, вспоминая об этом кружке: «Педагогическому кружку уже не собраться вокруг меня», — писал он М. И. Семевскому, самому юному из своих сотрудников по Смольному институту. В кружке обдумывались детали нового учебного плана, обсуждались программы учебных предметов, читались отрывки из подготовлявшейся Ушинским книги для чтения «Детский мир» и т. п. Но кружок составлял инородное и, пожалуй, еще очень незначительное тело в составе института, совершенно чуждое вековым традициям этого учебного заведения. Ему противостоял другой кружок во главе с начальницей, институтом классных дам, всеми старыми преподавателями, десятилетиями складывавшимся строем внутренней жизни института и, пожалуй, всей той административной верхушкой, через которую проходили все дела института и которая имела уже непосредственную связь с придворными покровителями института в лице двух императриц. Так сложились условия в Смольном институте к началу реформы.

**Краткая история
Смольного
института
и назревшие
задачи, которые
должен был
выполнить
К. Д. Ушинский.**

Смольный институт принадлежал к разряду тех аристократических, сословно-дворянских учреждений, которые создавались правительством Екатерины II в интересах закрепления преимуществ дворянского сословия и одновременно для воспитания монархической идеологии в противовес «просвещенному науками разуму». В изданном 12. III 1764 г. «Генеральном учреждении о воспитании обою пола юношества» основные принципы этого рода учреждений излагались так: «Искусство доказало, что просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях паче во вред бывает, если кто от самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях и твердо оные в сердце его не вкоренены. Посему ясно, что корень всему злу и добру воспитание». Смольный институт в составе двух его воспитательных учреждений был учебным заведением строго закрытым, принимавшим в свои стены воспитанниц на весь срок обучения; в Воспитательное общество на 12 лет, в Александровское училище на 9 лет. Оставаясь в течение всего срока обучения в учебном заведении, воспитанницы не получали отпусков ни на праздники, ни на каникулы. Свидания с родными они могли иметь только в стенах института в присутствии классных дам. Переписка с родными могла вестись только под контролем классных дам, которые прочитывали письма воспитанниц и давали им соответственные указания, что и как нужно писать, а также вскрывали письма родных и не всегда разрешали читать их воспитанницам. В классах неизменно присутствовали классные дамы с целью наблюдения как за поведением воспитанниц, так

и за направлением преподавания. Что касается преподавания, то учебный план был не особенно обширен и главное внимание обращалось на языки и на искусства. Воспитанницы должны были научиться прежде всего читать, писать и говорить на нескольких иностранных языках (русский язык, как природный, не всегда входил в программу преподавания), а затем изучать искусства — рисования, скульптуры, танцев, музыки, рукоделия, домашней экономии. В составе преподавателей были два танцмейстера, четыре учителя музыки, два рисовальных мастера. Что касается других предметов, то арифметика изучалась в объеме, необходимом для домашней экономии, история, география и опытная физика изучались без особенного внимания. Так как продолжительность класса равнялась трем годам, то перевод в следующие классы производился механически, а не на основании успехов, так как вторично оставаться в трехгодичном классе было невозможно. Вся жизнь института носила показной характер на случай посещения высочайших особ или других гостей, которым нужно было демонстрировать успехи воспитания. На выставках работ воспитанниц показывались изящные изделия, выполняемые сплошь и рядом учительницами рукоделия или учителями-художниками. На экзаменах воспитанницы заранее знали, на какие вопросы они будут отвечать, сочинения же писались и исправлялись до экзамена и затем заучивались наизусть.

Фальшивый характер всей организации института, разумеется, не мог остаться незамеченным и на протяжении ста лет его неоднократно пытались исправить, внося те или иные переделки в программу его занятий, изменяя организационные его формы. Эти изменения, однако, или не прививались, или по своей эпизодичности не могли изменить сущности работы. Коренная ошибка первоначальной организации института заключалась в том, что к серьезной самой по себе задаче воспитания подошли слишком идиллически и несерьезно и институт превратился в своего рода придворную игрушку. Задачу создания новой породы людей пытались разрешить в условиях тепличной обстановки, в атмосфере поверхностного обучения верхушкам знаний и искусств. Игрушечный, несерьезный тон воспитательной работы института закрепился в течение десятилетий и серьезных, положительных результатов не давал. Уже в конце XVIII в. решено было распространить на Смольный институт методы обучения, выработанные комиссией народных училищ. Комиссия рассмотрела постановку учебного дела в Смольном, как и в других учебных заведениях, и внесла свои предложения. Было указано на недостаточное изучение родного языка в Смольном, на необходимость вести обучение посредством бесед с воспитанницами, на целесообразность синтезирования проходимого материала по разным предметам в известные дни и т. п. Смольный институт, как впрочем и другие училища, отнесся

к новым методам иронически, воспринимая главным образом их внешнюю, непривычную сторону — поднимание рук, писание начальных букв и т. п. Инспектор классов Смольного института конца XVIII в., Кириак, язвительно высмеивал методы рекомендованные комиссией народных училищ. С назначением начальствующей над Воспитательным обществом имп-цы Марии Федоровны намечены были другие изменения в работе Смольного, подсказанные временем. Было найдено, например, что 12-летний срок обучения является слишком длинным, поэтому кофейный (т. е. младший) класс* был отменен и детей стали принимать не с 6, а с 9 лет прямо в голубой класс. Срок обучения в Воспитательном обществе сокращен был, таким образом, до 9 лет, а в Александровском училище до 6 лет. В то же время инспектор классов, Герман, настоял на том, чтобы в основу курса Смольного было поставлено изучение иностранных языков, так, чтобы два низших класса обучались только этим языкам. Это создавало весьма неудовлетворительную основу для овладения родным языком. К моменту, когда начал свою работу в Смольном Ушинский, уже была высказана мысль о необходимости сократить девятилетний курс обучения и устранить громоздкость трехлетних классов, совершенно неоправдываемую с педагогической точки зрения.

Таким образом, перед институтом исторически вырос уже целый ряд очередных задач, которые требовали своей неотложной реализации. Не было, однако, как выше отмечено, лица, обладавшего энергией и достаточной педагогической интуицией, чтобы взяться за их быстрое и четкое выполнение. Нужно было сломить десятилетиями укрепившийся строй учебной жизни института, нужно было создать условия, которые бы стимулировали серьезное ведение учебной работы. При трехлетних классах таких стимулов не было, и ученицы независимо от успехов переводились в следующие классы, так как они пробыли положенное время в предшествующем классе. Своей задачей Ушинский и поставил реализовать, несмотря ни на что, те задачи, которые исторически давно уже назрели в институте, которые многими уже осознавались, но за которые приняться не могли уже потому, что прежние формы учебной жизни прочно вошли в быт института. В начатой, но не оконченной им «Исторической записке о последних преобразованиях в Воспитательном обществе благородных девиц и Александровском училище» Ушинский так и характеризовал свою роль реформатора Смольного. «Когда я принял на себя должность инспектора классов, я застал уже в Смольном толки о необходимости преобразования трехгодичных классов в одногодичные. IV-е отделение (императорской канцелярии) было за годовые классы. Исполнявший в то время должность по учебной части,

---

* Классы назывались по цвету платья воспитанниц.

И. Д. Делянов, также. Мне был поручен проект этого преобразования» (Соч. Ушинского, т. II, стр. 328). Ушинский в кратчайший срок выполнил эту задачу. 16 мая 1859 г. он представил проект преобразований в распределении классов, а по утверждении проекта 12 апреля 1860 г. представил распределение содержания преподавания по классам с объяснительными записками по каждому предмету. Составленный Ушинским проект имел значение не только для института: он был положен в основу создания учебных планов и программ аналогичных женских учебных заведений вообще. Новым учебным планом структура Смольного института упрощалась до неузнаваемости: на место громоздких трехгодичных классов устанавливалось семь одногодичных с ежегодными экзаменами и переводами из класса в класс. Вся трудность реализации этого простого плана в Смольном заключалась в том, что нужно было всю сложную, десятилетиями создававшуюся структуру этого учебного заведения приспособить к тому, чтобы она легко могла влиться в новый план. Здесь необходимо было целиком положиться на практическую педагогическую мудрость автора проекта, дав ему возможность довести до конца реформу в практике работы.

Ушинский стремился однако же не только к тому, чтобы чисто внешним образом, механически перевести работу института на семь одногодичных классов: его задача была глубже и шире; она была направлена к тому, чтобы изнутри перестроить и преобразовать учебную работу института. В упомянутой выше записке он писал: «Естественные науки не проходились в Обществе, как будто девице не нужно было изучать естественных наук, тогда как именно из воспитанниц училища формировалось две трети специального класса, назначенного для приготовления домашних наставниц. Где же знание естественных наук может оказывать большую пользу женщине, как не при воспитании и обучении детей? — Состав преподавателей был самый жалкий. За весьма немногими исключениями это были или люди устаревшие и не имеющие ни малейшего понятия о новых способах преподавания, или такие, которые и не были никогда преподавателями» (т. II, стр. 328). Вместе с новым учебным планом, новыми программами, новой структурой классов Ушинский вносил в институт и новые методы учения. Осуждая безответственную «играющую методу» прежних лет, Ушинский вносил в институт требование серьезного умственного развития на протяжении всего курса обучения. Выдвигая на первое место в системе обучения родной язык, он организовал его изучение на серьезной естественнонаучной основе, разработанной им в «Детском мире», и совместно с Д. Д. Семеновым проводил систематическую проверку материала этой книги на уроках русского языка. Преподаватели литературы (Модзалевский и Водовозов) приучали воспитанниц к чтению и пониманию произведений русских классиков; историк (М. И. Семевский) да-

вал им самостоятельные работы по истории на основании чтения сочинений Костомарова, Соловьева и др.; преподаватель физики (Пугачевский) практиковал опыты по физике и работу с микроскопом; преподаватель геометрии (М. О. Косинский) увлекал воспитанниц своим умением самые отвлеченные положения делать понятными и интересными. Все вообще обучение строилось на наглядности, ученицам разрешалось вести ранее запрещенные беседы с учителями по содержанию преподавания. Широко применялись сочинения, связанные с пройденным материалом. В целом весь учебный план был построен достаточно гибко для того, чтобы малоспособные ученицы могли пройти курс в сокращенном виде, а более способные могли расширить и углубить его, чтобы отдельные предметы курса не изучались обособленно, но постоянно в преподавании соприкасались один с другим.

Таково в основном было содержание реформы, разработанной Ушинским. Предстояло дождаться утверждения и затем уже провести ее в жизнь.

*   *
*

Новые учебные программы, иначе — распределение учебных занятий по классам — были представлены Ушинским 12 апреля 1860 г. Утверждение этих программ, составленных в соответствии с предварительно разработанным и одобренным проектом, значительно замедлилось. Естественно было ожидать, что программы будут утверждены к новому учебному году. Однако представление Совета института об утверждении программ, сделанное 30 апреля, осталось без ответа; вторичное представление от 9 октября тоже осталось без ответа. Очевидно, имела место какая-то нерешительность и затягивание утверждения программ велось не без умысла как-либо отсрочить осуществление реформы, которая так или иначе должна нарушить весь десятилетиями упрочившийся строй учебно-воспитательной работы института. Окончательное утверждение программы было дано только 10 декабря 1860 г., т. е. через два года после поступления Ушинского в Смольный. С этого момента, т. е. фактически с января 1861 г. и нужно считать начало реализации реформы Смольного. До утверждения же программы имели место только частичные изменения в связи с приглашением новых преподавателей, введением новых приемов работы и т. п. Когда программа учебной работы института была, наконец, утверждена в последней инстанции, уже 3 сентября 1860 г. Главноуправляющий женскими учебными заведениями дал указание своему Учебному комитету о том, что правительство идет навстречу преобразованиям Ушинского и предполагает все свои учебные заведения реформировать на новых педагогических основаниях. Порядок, вводимый в

Смольном, должен был сделаться образцом для других женских учебных заведений ведомства имп. Марии. Действительно, в декабре 1860 г. Патриотический институт в Петербурге и Елизаветинское училище тщательно обсуждали проект Ушинского, пытаясь применить его к своим условиям.

О том, как вводились в Смольном новые учебные планы и как обновлялась под их влиянием жизнь института, не сохранилось официальных материалов. Несомненно однако же, что в институте началась новая жизнь, которая сказалась прежде всего на воспитанницах, этом страдающем элементе прежней системы. Об этом говорят довольно многочисленные и несомненно правдивые воспоминания как воспитанниц института, так и его воспитателей. «Та же институтка,— пишет один из преподавателей Смольного,— которая лишь год тому назад заботилась только о своей наружности, думала о танцах, мечтала о выездах, в тишине ночи вздыхала и предавалась несбыточным иллюзиям, теперь полюбила чтение, науку, труд» («Памяти Ушинского». Сборник Спб, 1896, стр. 100). На уроках ученицы стали задавать вопросы учителям, что ранее считалось недопустимым; после уроков сопровождали их по коридорам, требуя разъяснений непонятого, в вечерние часы писали доклады и сочинения на заданные темы. Читая курс педагогики в старших классах, Ушинский призывал воспитанниц отплатить свой долг народу, трудами которого содержится их учебное заведение. Воспитанниц старших классов он снабжал сочинениями Белинского и Пушкина, как средствами эстетического и умственного развития, лучшими орудиями пробуждения сознательности. «Новое преподавание,— пишет Мордвинова,— произвело такое впечатление, как будто в темном и душном помещении вдруг открыли наглухо запертые окна и впустили туда широкую струю света и воздуха; заключенные зашевелились и заговорили не по правилам, а как кому вздумалось и радовались своей свободе» (Мордвинова, Статс-дама М. П. Леонтьева, Спб, 1902, стр. 49). Наиболее яркую и подробную картину работы Ушинского в Смольном дала воспитывавшаяся там Е. Н. Водозова (Цявловская) в своей книге «На заре жизни». В этой книге автор воспроизвел ничем не прикрашенные институтские воспоминания о годах своего обучения, воспоминания, отразившие непосредственные впечатления далекой юности их автора со всеми подробностями того времени. «Из глухого деревенского захолустья,— пишет автор,— я попала в институт, который был в ту пору закрытым интернатом, отделенным высокими стенами от всего человеческого, где одно женское поколение за другим, изолированное от всего живого, воспитывалось как будто нарочно для того, чтобы не понимать требований действительности и своих обязанностей, и оканчивало курс образования, не приобретая ни самых элементарных знаний, ни мало-мальски правильных воззрений на жизнь и людей... Я воспитывалась

К. Д. Ушинский среди сотрудников Смольного 1861—1862 гг.

в Смольном тогда, когда в него не проникала ни одна человеческая мысль, когда в него не долетал ни один стон, вызываемый человеческими страданиями; при мне в его стенах в качестве инспектора появился К. Д. Ушинский, что и дало мне возможность представить, как этот величайший русский педагог, вместе с введенными им новыми учителями, начал подрывать гнилые устои института и водворять в нем новые порядки, всколыхнувшие весь строй стоячего институтского болота, перевернувшие вверх дном все установившиеся в нем понятия о воспитании и образовании». С трогательной признательностью к своему наставнику Е. Н. Водовозова вспоминает о лекциях Ушинского по педагогике, в которых он в первую очередь поднял перед воспитанницами старшего класса, будущими педагогами, вопрос об их собственном перевоспитании, о развитии в

себе привычки к труду в разных его формах, который делает жизнь человека достойной любви и уважения, особенно любви к труду умственному, который расширяет кругозор и открывает все новый и новый интерес к жизни. Ушинский призывал воспитанниц готовиться к просвещению простого народа — «ваших крепостных, так называемых ваших рабов, по милости которых вы находитесь здесь, получаете образование, существуете, веселитесь, ублажаете себя мечтами, а он, этот раб ваш, как машина, как вьючное животное, работает на вас, не покладая рук, не допивая и не доедая, погруженный в мрак невежества и нищеты» (т. XI, стр. 501). Немало конкретных данных о направлении работы К. Д. Ушинского в Смольном дают непосредственные впечатления другой воспитанницы Смольного, С. А. Марковой, записанные ею по живым следам или в виде дневника, или в письмах к отцу, генерал-майору А. Маркову. Содержание дневника и писем С. А. Марковой, поскольку оно относится к Ушинскому, передано в вышеупомянутой статье М. А. Яковлева. Маркова коротко записывала поразившие ее беседы, которые нередко вел Ушинский в классах, посещая уроки литературы. В беседах о Гоголе и Лермонтове Ушинский поднимал вопросы об отношении этих писателей к современной русской жизни. Он разъяснял, что «Гоголь был такой же разочарованный, как и Лермонтов, с той только разницей, что первый выражал свое разочарование насмешкой, а второй говорил о нем с отчаянием». Рассказывая о посещении Ушинским урока А. М. Печкина, Маркова пишет: «Когда Печкин коснулся лирических сочинений Лермонтова, в которых выражается его неверие в счастье, то Ушинский вдруг перебил его: «Да и в самом деле, нет счастья, а если другие ищут его и надеются найти, то они только обманывают себя. Это видимое счастье одна мечта, а когда люди хотят обманываться каким-нибудь возможным счастьем, то Лермонтов не хотел морочить себя и других, а представлял себе все, каким оно есть в жизни». Проф. А. Марков комментирует эту запись так, что Ушинский понимал разочарование не как какое-то абстрактное разочарование в возможности счастья, он говорил об отрицании Лермонтовым счастья в условиях николаевского режима, счастья конкретно-народного. Это говорит о том, что Ушинский стремился приблизить преподавание к конкретным условиям современности, показать русских писателей, Гоголя и Лермонтова, как выразителей общественных потребностей русской жизни николаевского времени.

Е. Н. Водовозова несколько раз стремилась дать социально-политическую характеристику Ушинского на основании своего близкого знакомства с ним. Как раз после характеристики содержания лекций Ушинского по педагогике Е. Н. Водовозова записала такого рода воспоминание о своем учителе: «Во время моего знакомства с Ушинским после выпуска, какие бы раз-

говоры и споры он ни вел в кругу своих знакомых, мне никогда не приходилось слышать, чтобы он высказывал идеи социалистические или радикально-демократические: он всегда и всюду является лишь страстным поклонником, сторонником и пропагандистом просвещения вообще и распространения его среди простого народа в особенности, а также проповедником широкого образования женщин» (т. XI, стр. 520). Такая характеристика Ушинского была очень распространена в конце XIX и начале XX в. Ею, видимо, оберегали память великого русского педагога от преследований его со стороны правительства. Приведенное воспоминание Водовозовой производит впечатление ответа на чей-то нарочито заданный или предчувствуемый ею вопрос, очевидно, интересовавший в то время не только ее, но и многих. Но в самом содержании воспоминания скрыто странное противоречие, безотчетно рассчитанное на читателей, которые довольствуются простым словесным отрицанием какой-либо связи между двумя родственными понятиями. В самом деле, как можно отрицать, что сторонник радикально-демократических идей не может быть только пропагандистом просвещения или наоборот, что страстный поклонник распространения образования среди народа чужд демократическим идеям? Страстный поклонник образования народа, просвещения его научными идеями не может не быть сторонником радикально-демократических идей. По-видимому, дав изложенную выше характеристику Ушинскому для успокоения кого следует, Водовозова в дальнейшем продолжала характеризовать Ушинского как радикально-демократического деятеля, представителя нового общества. Противопоставляя Ушинского начальнице Смольного института М. П. Леонтьевой, Водовозова писала: «Леонтьева — осколок старины глубокой, особа с допотопными традициями и взглядами, с манерами до комизма чопорными, с придворным высокомерием, с ханжеской моралью, требующая от каждого полного подчинения своему авторитету и подобострастного преклонения перед каждым своим словом. Ушинский — представитель новой жизни, носитель новых прогрессивных идей, с энергией страстной природы проводящий их в жизнь, до мозга костей демократ по своим убеждениям, считающий пошлостью и фокусами всякий этикет, всем сердцем ненавидящий формализм и рутину, в чем бы они ни проявлялись, горячий защитник свободной мысли и индивидуального развития!» (т. XI, стр. 534). Разве эта характеристика не отрицает полностью первую?

Но особенно показательными являются те практические результаты, к которым приводила деятельность Ушинского и его учителей в Смольном. Как рассказывает об этом Водовозова, при Ушинском среди учителей, для облегчения обмена мыслей с воспитанницами и во избежание затруднений, которые встречались со стороны классных дам, негласно было принято такое правило, чтобы ученица, имеющая какой-либо вопрос, требующий

объяснения, в своем письменном докладе в скобках задавала его учителю, а учитель должен был «ответить на вопрос так, чтобы «ведьма» не могла заподозрить, что кто-то спрашивает об этом в лекционной тетради». У преподавателя Д. Д. Семенова сохранилась записанная одной из воспитанниц его лекция о Малороссии. Внутри лекции в скобках был записан такой вопрос: «На днях мне дали для прочтения маленькую книжечку и сказали, что это стихотворения Михайлова. Но, так как титульный лист был оторван, на оберточной бумаге в целях безопасности от классной дамы было написано: «Перевод стихотворений Корнеля (наше начальство считает его благонамеренным писателем). Мне врезались в память две строчки его стихотворения:

Отчего под ношей крестной
Весь в крови влачится правый?

Ведь не может же автор иметь в виду Россию после великого акта освобождения крестьян, когда прежним несчастным рабам дана свобода, когда, следовательно, все уже пользуются полной свободой и равенством? Не правда ли, такой ужас в России исчез с освобождением крестьян? Но если он существует и теперь, почему же все вы, честные, добрые, великодушные наши преподаватели, не соединитесь вместе с великим нашим наставником и общими усилиями не уничтожите это страшное зло в России?» Когда Семенов в один из четвергов показал сделанную им выписку Ушинскому, преподаватели в общем смеялись над детской формой вопроса, но Ушинский был до крайности возмущен тем, что «девочкам запрещают невинные беседы с учителями под предлогом, что такие отношения с преподавателями лишают учениц женской скромности и коммодитности». Вместе с тем он был радостно взволнован. «Он заметил, что если нас, учителей, и поражает наивная болтовня девочек, их до невероятности ребячливое мирозерцание, то его оно только радует: из этих «скобок» видно, что у воспитанниц уже являются мысли относительно общественной жизни, а еще недавно у них были на уме лишь «кавалергарда шпоры» (т. XI, стр. 525). Из этого ясно видно, что работа Ушинского в Смольном не сводилась к одним только дидактическим вопросам преподавания и построения школьных программ, что вопрос стоял о проведении практической радикально-демократической реформы уже в пределах школьного преподавания. Недаром поэтому так взбудоражены были все реакционные элементы Смольного института появлением и деятельностью Ушинского в его стенах.

Приближаясь к концу своего повествования об Ушинском, Е. Н. Водовозова обобщала свои впечатления о деятельности Ушинского в Смольном: «Много десятков лет прошло с тех пор, мой жизненный путь окончен, и я у двери гроба, но до

сих пор не могу забыть пламенную речь этого великого учителя, которая впервые бросила человеческую искру в наши головы, заставила трепетать наши сердца человеческими чувствами, пробудила в нас благородные свойства души, которые без нее должны были потухнуть. Одна эта лекция сделала для нас уже невозможным возврат к прежним взглядам, по крайней мере, в области элементарных вопросов этики, а мы прослушали целый ряд его лекций, беседовали с ним по поводу различных жизненных явлений» (т. XI, стр. 502—503). И опять остается впечатление, что фраза об Ушинском, как о пропагандисте просвещения вообще, была продиктована автору извне: лекции и беседы Ушинского не ограничивались одной только пропагандой необходимости просвещения, а неизбежно связывались с освещением тех жизненных явлений, в условиях которых приходилось вести в те годы просвещение народных масс. Воспоминания Е. Н. Водовозовой и записки Марковой вводят читателя в многочисленные бытовые детали институтской жизни и постоянные столкновения Ушинского с традициями старого уклада этой жизни в лице начальницы, классных дам, законоучителя и т. п. Борьба с этим укладом велась решительно и неуклонно и в конце концов привела к конечному результату, выразившемуся в том, что оклеветанный Ушинский, требовавший расследования, но не получивший возможности оправдаться, вынужден был оставить институт. Однако до того, как эта необходимость выявилась, Ушинский одновременно с реформой института развернул большую научную и литературную работу а) по изданию и дальнейшей обработке «Детского мира», б) по редактированию «ЖМНПр». Это важные моменты его биографии в период реформы Смольного, и они должны быть подвергнуты обзору, прежде чем будут выявлены причины, которые привели Ушинского к уходу из института.

**Книга
«Детский мир»
и ее последующие
обработки.**

Развернутый проект реформы учебной части Смольного, потребовавший напряженного и длительного труда, был закончен Ушинским 12 апреля 1860 г. Так как в этот проект составной частью входило введение в первых двух классах особого подготовительного курса с целью умственного развития учащихся, то уже с 1 января 1860 г. Ушинский вошел в Совет Общества с представлением об издании «книги для первоначального чтения с применением к методу наглядного обучения и умственного развития». Идея составления такой книги родилась у Ушинского еще в Гатчинском институте: она была продиктована ему тем сразу же им замеченным обстоятельством, что дети, поступающие в средние учебные заведения, в том числе в Гатчинский институт, оказываются по большей части «совершенно не подготовленными к правильному и сознательному учению». Исходя из аналогичных наблюдений, передовые европейские педагоги под влиянием Песта-

лоцци пришли к убеждению, что нельзя начинать обучение без предварительной подготовки, которая должна свестись к тому, чтобы с помощью «наглядной, постепенно развивающей методы» обогащать детей знаниями и «совершенно незаметно вводить их в науку». Отсутствием такого подготовительного курса у нас Ушинский объяснял «то печальное явление, общее всем нашим средним учебным заведениям, что из числа одновременно вступавших в заведение учеников едва ли одна десятая часть одновременно же и с успехом оканчивает курс учения, девяти десятим скоро наскучает учение и, отставая мало-помалу, они редко достигают успешного окончания курса» (т. V, стр. 11—12). Отсутствие элементарного подготовительного обучения в России и фактическая невозможность что-либо предпринять для его немедленной организации заставили Ушинского прибегнуть к компромиссу — к составлению книги для первоначального чтения в первых двух классах, которая могла бы заменить недостаток подготовительного обучения и дать детям тот запас знаний, те умственные и речевые навыки, которых им обычно не хватает при поступлении в школу, вследствие чего и тормозится правильный ход учения. В этой книге Ушинский стремился сочетать изучение явлений природы и усвоение родного языка. Книга получила наименование «Детский мир».

Вопрос о том, что представляла собой эта книга, впервые сделавшая Ушинского известным детскому миру, впервые прославившая его перед учителями, родителями и детьми, конечно, является весьма немаловажным, и несколько слов о нем нужно сказать уже в настоящем биографическом очерке. Замысел составленной Ушинским книги для детского чтения, обычно употреблявшейся в первых классах для упражнений по русскому языку, был весьма оригинальным. В этой книге Ушинский намеревался одновременно достигнуть и старой цели, т. е. упражнений по языку, и целого ряда новых целей — возместить на материале книги недостаток умственного развития детей, поступающих в школу только с умением механически читать; на материале книги он хотел научить детей не только читать, но прежде всего мыслить и правильно говорить, а для этого заполнить книгу доступным для детей наглядным естественно-научным материалом из окружающей детей природы и жизни. Намереваясь своей книгой в корне пресечь схоластику и бессодержательность прежнего обучения, Ушинский в предисловии к своей книге обстоятельно мотивировал на данных научной психологии и педагогики необходимость правильного подхода к проблеме начального подготовительного обучения, отсутствие которого так плачевно сказывалось в русских школах неспособностью огромного количества учащихся дотянуть до старших классов школы.

Своей книгой, назначенной для первых двух классов средней школы, Ушинский имел в виду хотя бы временно ослабить не-

достаток специальных подготовительных классов к средней школе, организовав занятия по книге так, чтобы с их помощью развивались и мышление, и речь учащихся. «Тот, кто хочет развивать способность языка в ученике, должен развивать в нем прежде всего мыслящую способность. Развивать язык отдельно от мысли невозможно; но даже развивать его преимущественно перед мыслью положительно вредно... Привычка чисто, гладко и изящно болтать всякий вздор и связывать ловкими фразами пустые, вовсе одна из другой не вытекающие мысли есть одна из самых дурных человеческих привычек, и воспитатель должен искоренять ее, а не содействовать ее развитию... Форма мысли тогда только хороша, когда человек создает ее сам, вместе с мыслью, когда она органически вырастает из мысли; а не тогда, когда она выхвачена из какой-нибудь книги, будь это даже сочинение образцового писателя» (т. V, стр. 19—20). Правда, и ум, и слово могут развиваться чисто формально, без наличия конкретного содержания. Но в этом-то и заключается вред: исключительно язычное обучение может воспитывать только пустых говорунов, односторонняя рассудочная гимнастика воспитывает поверхностных резонеров: в том и в другом случае мысль и слово остаются без реального содержания. Между тем, «как умственная, так и словесная гимнастика должны упражнять умственные и словесные силы ученика над каким-нибудь реальным, положительным знанием; главной целью этих упражнений должно быть полное усвоение и ясное выражение самого знания, причем побочным образом будут упражняться и умственные силы, и способность слова» (т. V, стр. 22).

Таковы были в основном методологические предпосылки, положенные Ушинским в основу разработанной им книги для чтения. Нельзя понимать эти предпосылки так, что все дело заключалось будто бы в том только, чтобы заполнить книгу (безразлично каким) реальным содержанием. В книгу должно войти такое содержание, которое было бы доступно ребенку, и притом такое, чтобы, работая над ним, ребенок обогащался не только отрывочными знаниями положительного характера, но одновременно и систематизировал их и в этом процессе постепенно подходил к идеям, т. е. к высшим обобщениям умственного порядка, дающим ребенку широкие концепции, охватывающие различные области явлений и подводящие его к основам мировоззрения. Естественно, что Ушинский остановился прежде всего перед вопросом, что именно нужно избрать в качестве материала для детского чтения из обширной области человеческих знаний. «Перебрав все роды предметов, избираемых обычно для детских чтений, я остановился на предметах естественной истории... Считаю эти предметы самыми удобными для того, чтобы приучить детский ум к логичности. По моему убеждению логика природы есть самая доступная

и самая полезная логика для детей» (т. V, стр. 25—26). Потребность в обновлении содержания учебных книг с естественнонаучным содержанием была к середине XIX в. настолько ощутительной, что книга Ушинского приветствовалась педагогами и нашла большой сбыт, так что в 1861 г. потребовалось выпустить подряд два издания и подготовить третье.

Однако задача автора книги не ограничивалась только тем, чтобы заполнить книгу конкретным содержанием из жизни природы. В этом ограниченном смысле задачу новой книги для чтения поняли многие педагоги, и на протяжении всей второй половины XIX и начала XX в. многие авторы думали подражать Ушинскому, заполняя свои книги для чтения обильным материалом из жизни природы. Но этот механический путь подтверждал, что мысль Ушинского была понята неправильно. Ушинский ставил задачу давать в книге конкретный материал не просто для накопления знаний и не для того, чтобы давать занимательное, развлекающее занятие, а для того, чтобы будить мысль учащихся в определенном направлении так, чтобы самый интерес учения зависел не от каких-нибудь посторонних прикрас, а от серьезной мысли, позволяющей все более систематизировать знания и усваивать скрывающуюся за ними или заключающуюся в них идею. Не сами по себе знания как совокупность определенных фактов, а внутренняя идейная связь этих фактов — такова конечная цель той книги для чтения, которую считал необходимой Ушинский. Он считал необходимым, чтобы учащимся не просто «преподносились готовые знания» (сама по себе это формула даже не педагогическая), а развивать на их усвоении мировоззрение детей, наталкивать их на широкие концепции, идеи, выходящие за пределы непосредственно наблюдаемого и в то же время помогающие глубже понимать то, что наблюдается. «Книга для первоначального чтения должна быть, как мне кажется, преддверием серьезной науки, так, чтобы ученик, прочитав ее с учителем, приобрел любовь к серьезному занятию наукой» (т. V, стр. 27).

Именно эта вторая задача книги Ушинского не была воспринята в педагогическом мире: она игнорировалась, подчас совсем не замечалась и одновременно с этим автору ставился целый ряд дополнительных заданий, которым он должен был удовлетворить, поскольку книга предназначалась для употребления в школах. Ушинский вынужден был перерабатывать свою книгу от одного издания к другому. После нескольких переработок, вызванных фактическими потребностями школы, работавшей в условиях старого Устава, «Детский мир» несколько изменился: изменилось его содержание путем сокращений первоначального текста, вставок новых текстов и разделов, выбрасывания старых; в соответствии с содержанием изменилась и структура. Правда, в предисловии к пятому изданию Ушинский, объясняя необходимость и целесообразность сделан-

ных им изменений, в то же время писал: «Изменяя то или другое в составе «Детского мира», я оставил нетронутой его систему» (т. V, стр. 359). Это верно в том смысле, что внутренне Ушинский оставался верен своему первоначальному замыслу, но те изменения, которые были навязаны ему практикой и традициями школьного преподавания, все же затеняли в известной степени первоначальный замысел, выполнение которого в значительной степени зависело от внимания и творческого восприятия новых задач самими учителями. Творческого восприятия новых задач, заключавшихся в том, чтобы превратить книгу для чтения в преддверие серьезной науки, по-видимому, было не так много: книгу воспринимали прежде всего как собрание интересных и доступных для детей материалов из области естественной истории; что касается той системы, в которой эти материалы должны быть разработаны с детьми, это, по-видимому, меньше интересовало учителей. Зато их внимание было всецело поглощено вопросом о том, как на этом материале организовать обучение русскому языку. Автор книги должен был ответить на этот законный вопрос и, в конечном итоге, он решил дать руководство для преподавания русского языка по «Детскому миру», и для этой цели написал признанную классической статью «О первоначальном преподавании русского языка», а в дополнение к ней решил дать образцы практических уроков по статьям «Детского мира». Над этими образцами в течение нескольких лет работал Д. Д. Семенов. В предисловии к пятому изданию своей книги Ушинский писал: «Вместо выброшенного предисловия я приготавливаю к печати небольшую книжку «О первоначальном преподавании русского языка вообще и по «Детскому миру» в особенности». Книжка эта, представляя образцы практических уроков и замечания для учащихся о значении почти каждой статьи книги для чтения, не только заменит собой выброшенное предисловие, но и пополнит в нем те пропуски, которые я по необходимости должен был сделать, не желая увеличить объем книги, назначенной для учащихся» (т. V, стр. 359). Таким образом, в результате переделок первого издания книги, предисловие к ней оказалось опущенным; подробное оглавление первого издания, являвшееся пояснением предисловия и конспектом всей книги, также оказалось переработанным в соответствии с фактическими переменами в содержании книги. В целом, в соответствии с потребностями школы автор делал ударение не на идеях методологических, а на методике преподавания русского языка. Методологически книга снижалась, таким образом, применительно к уровню среднего преподавательского состава школы, все интересы которого исчерпывались вопросами методики обучения русскому языку.

Изложенные изменения, которые должен был сделать Ушинский в своей книге для чтения в соответствии с потребностями школ, не снижают значимости его первоначального замысла. За-

мысел этот заключался в том, что дети будут наглядным методом знакомиться с явлениями природы, с ее животным, растительным и неорганическим миром, с основными физическими явлениями на земле, с ее географическими, этнографическими и историческими данными и с астрономическими явлениями за пределами земли. Коротко говоря, книга представляла собой обзор в пределах детского понимания всех данных, изучаемых естествознанием, но обзор, рассчитанный на руководимую преподавателем детскую наблюдательность, на детское внимание и детскую мысль, так, чтобы в умах детей в результате занятий по книге «построилось сколько-нибудь систематическое знание, а тем более систематически развитая идея» (т. V, стр. 23). Материал естественных наук был расположен в «Детском мире» применительно к царствам природы, причем в каждом из так называемых царств взяты типичные представители, частью знакомые, частью незнакомые детям. В царстве животных показано свыше 30 представителей животного мира. Наблюдая с детьми то или другое животное на картинке или в натуре, читая статьи об образе его жизни и его среде, преподаватель, по мысли Ушинского, должен был сосредоточить внимание детей на самом простом и характерном для каждого животного, — на строении его организма, в соответствии с чем явится возможность расположить представителей животного мира на группы по степени большей или меньшей сложности их структуры. Работа такого рода, производимая после ряда наблюдений и чтения соответствующих статей, должна была в конце концов приводить детей к построению определенной логической классификации животных, растений, минералов, людей. Как это может быть сделано в общем и в частности, Ушинский стремился показать в особых итоговых статьях под заглавием «Кунсткамера». Таких кунсткамер разработано в первом издании «Детского мира» семь. Они представляют собой, с одной стороны, ведущие методические статьи, показывающие педагогу, как нужно вести разработку естественнонаучных статей книги для чтения, а с другой стороны, это своего рода итоги, систематика изучаемого материала, дающая возможность охватить его в совокупности, т. е. подойти к высшим обобщениям. Из семи кунсткамер первая представляет собой примерный образец классификации бытовых вещей; вторая посвящена классификации позвоночных млекопитающих, третья — птиц, четвертая — беспозвоночных животных, пятая — племен людей, шестая — классификации растений и седьмая — минералов. Из них только две последние удержаны цензурой в последующих изданиях «Детского мира», пятая совсем изъята, первые четыре переработаны так, что они потеряли авторскую специфику.

Мысль Ушинского была та, чтобы постепенно, в процессе ознакомления со строением животных расположить их в восходящем ряду, начиная от более простых и кончая более слож-

ными, и завершить этот ряд человеком, как совершеннейшим из позвоночных животных. Поэтому в кунсткамере № 2, давая классификацию позвоночных животных, Ушинский пишет: «прежде всего начнем с зверей и дадим первое место четырехруким обезьянам, так как по телесному устройству они ближе всех подходят к человеку» (т. V, стр. 142). На предшествующих занятиях это положение было уже доказанным и Ушинский только ссылается на него. Предполагается по ходу изложения, что животные в виде куколок располагаются по восходящему ряду на полках шкафа, начиная с нижних полок. Верхняя полка остается свободной, предшествующая ей заполнена различными породами зверей и высшее место среди них занимают обезьяны. Третий раздел «Детского мира», в котором рассматривались только животные различной сложности их строения, заканчивается необычной с первого взгляда статьей «Кунсткамера 5-я — Племена людей». Учитель поясняет, что, прежде чем перейти по порядку книги к растениям, необходимо пересмотреть содержание сундука, который до сих пор не привлекал к себе внимания. В сундуке собрание кукол, изображающих человеческие фигуры, образцы различных человеческих племен. Есть все основания рассмотреть человеческие племена в разделе животных и отвести им подходящее место в шкафу с животными. «Мы знаем уже,— пишет автор статьи,— что люди по телесному устройству своему также предмет естественный и принадлежат к царству животных, относятся к отделу животных позвоночных и к классу млекопитающих, в котором должны составить особый отряд — двуруких. По бессмертному духу, обитающему в человеке, люди, конечно, не могут быть причислены к царству животных. Но так как мы имеем здесь дело не с живыми людьми, а с бездушными куклами, представляющими только телесный образ человека, а не тот духовный его образ, по которому человек сходен с божеством, то и поставим все эти человеческие фигуры в шкаф животного царства, отделив для них первую, верхнюю полку перед четверорукими обезьянами; потому что и по совершенству своего телесного организма человек должен занимать первое место в царстве животных». Далее рассматриваются по порядку все пять человеческих рас, как совершенно равноправные представители человеческого рода, возглавляющие собой животное царство во всем его многообразии, после чего они находят свое законное место на верхней полке шкафа, в котором внизу, в восходящем порядке были расположены представители животного царства. Мысль автора книги для чтения совершенно ясна: человек — продолжение и завершение эволюции животного мира, последнее звено в царстве животных. И хотя автор демонстрировал эту мысль, всячески подчеркивая и оттеняя догмат православия об отличии человека от животных и о пропасти, их разделяющей, тем не менее наличие эволюционной идеи, органически привязывающей человека к жи-

вотному миру как его первооснове, не могло остаться незамеченным для цензуры, и из семи кунсткамер, разработанных автором, неприкосновенными остались только шестая (классификация растений) и седьмая (классификация минералов), пятая (племена людей) была совершенно изъята, а первые четыре неузнаваемо переделаны и сжаты, благодаря чему первоначально заключенная в них идея оказалась затушеванной и обезвреженной.

Бесспорно, что в последние годы Ушинский совершенно открыто выразил свое сочувствие эволюционной теории Дарвина в связи с выходом в свет его книги «Происхождение видов». Советские ученые, ознакомившись с вторым томом «Антропологии» Ушинского (например, акад. Б. Е. Райков), выражали свое непритворное изумление перед тем глубоким пониманием эволюционной теории, какое обнаружил здесь Ушинский, рассматривая эту теорию как огромный шаг в естествознании, который «придает живой смысл всему естествознанию и может сделать его могучим образовательным предметом для детства и юности» (т. IX, стр. 378). Несомненно, что эта же в зародыше идея руководила Ушинским и при составлении «Детского мира». Естественно спросить, когда же и где Ушинский успел ознакомиться с основными идеями эволюционной теории. Выше (на стр. 65) был поставлен вопрос о развитии Ушинского в ранней юности. Было показано, что есть основание обратиться к периоду обучения Ушинского в Московском университете, когда там работал основатель эволюционной школы в России — К. Ф. Рулье, с сочинениями и лекциями которого не мог не ознакомиться молодой Ушинский, тем более, что между идеями К. Ф. Рулье и высказываниями Ушинского имеется целый ряд отмеченных выше типичных совпадений, которые иначе не могут быть объяснены как знакомством с его работами.

Таким образом, на основании изложенного, есть возможность считать Ушинского первым педагогом, пытавшимся научную теорию эволюции положить в основу преподавания естествознания в школе в качестве руководящей идеи, сообщающей смысл разрозненным эмпирическим фактам ботаники, зоологии, анатомии, физиологии и других естественных наук. Конечно, эта идея в дореволюционной России, в условиях господства православной догматики, изгонявшей всякое движение научной мысли, не могла привиться, особенно в середине XIX в. Но тем важнее отметить этот опыт Ушинского в наше время и в особенности то, что Ушинский предлагал не просто вводить курс эволюции в старшие классы школы, как это нередко делалось впоследствии; он предлагал изучать не готовую теорию эволюции, а разрозненные элементы естествознания изучать так, чтобы в результате этого изучения само собой получалась уже не теория, а система эволюции животного мира, выведенная самими учащимися под руководством и с помощью учителя. Такого опыта

не было среди преподавателей естествознания в России, и эволюционная теория, если и излагалась, то как отвлеченная теория для старших классов, в отрыве от конкретных элементов естествознания — анатомических, физиологических, зоологических и т. п., которые в младших классах изучались только как материал для памяти, но не с точки зрения руководящих идей эволюционной теории¹⁷.

Издавая свою книгу, Ушинский намеревался снабдить ее рисунками, но их необходимо было заказать за границей. Ввиду их дороговизны (всего предполагалось около 250 рисунков) Ушинский не мог оплатить их стоимость и просил взаимороборазно в Совете института тысячу рублей, обязуясь возратить экземплярами издаваемого учебника или выручкой от его продажи. По всей вероятности, просимой суммы Ушинский не получил, так как первые четыре издания книги выходили без рисунков; только с пятого издания рисунки включаются в текст книги в качестве наглядных пособий для детей. Отсутствие рисунков в самой книге заставило Ушинского дать в первых изданиях книги в виде приложений схематические таблицы, которые могли бы помочь преподавателю сделать из этих рисунков путем увеличения наглядные пособия. В первом издании была дана одна таблица с 26 рисунками, во втором прибавлены еще три таблицы с 44 рисунками. Из обзора этих рисунков можно видеть, какая мысль руководила автором книги для чтения — это мысль о развитии животного мира, о строении отдельных его представителей. Читатель видит на таблицах ряд скелетов животных; различные их конечности, свидетельствующие об их образе жизни — ноги, лапы, черепа; различные этапы в процессе превращений животных и насекомых. Все это данные, которые наталкивают на вопросы и проблемы эволюционного развития животного мира, тем более, что вся книга своим построением наталкивала на сравнение строения животных, и на распределение их по разрядам в соответствии с сложностью структурных форм.

Выход в свет книги Ушинского произвел большое впечатление в педагогическом мире. Книга оказалась нужной и обещала оживить преподавание в первых классах средней школы. Она была введена в употребление в Смольном и в других аналогичных заведениях в первых двух классах, в первых двух классах гимназий, в старших классах уездных училищ. Спрос на книгу был большой. Во многих газетах и журналах появился ряд восторженных отзывов, приветствовавших книгу, столь удачно совмещившую образовательные задачи с задачами обучения русскому языку и дающую детям то первоначальное развитие, без которого немислимо успешное прохождение школьного курса. Но если книга Ушинского отвечала назревшим нуждам школы в конкретном естественнонаучном материале, то ее направление к научному развитию детей и к употреблению в школе новых

методов прогрессивной педагогики, конечно, не отвечало реакционным задачам правительства. Естественно, что в хоре похвал по адресу «Детского мира» постепенно с все большей резкостью начали проскальзывать нотки отрицательного отношения к новому учебнику. Первым с отрицательной критикой книги Ушинского выступил известный писатель середины XIX в. Ф. Толль, книги и статьи которого появлялись по самым разнообразным вопросам. В журнале «Учитель» в течение первых лет он специализировался по рецензированию книг для детей. Эти рецензии поставлялись им для очередных выпусков журнала дюжинами. На книгу Ушинского он написал резкую рецензию, высказав ряд мелких замечаний — стилистических, грамматических, методических. Замечания эти нередко были остроумны, но педагогический замысел Ушинского автору бойкой рецензии был мало доступен, если не сказать — совершенно непонятен. Ушинский с свойственной ему резкостью дал решительный отпор критику, показав всю фактическую вздорность его выступления. Здесь не место входить в подробности полемических столкновений автора и критика (рецензия Толля и ответ Ушинского перепечатаны в V томе сочинений последнего). Но если методические, стилистические и другие возражения сравнительно легко можно было парировать, то значительно труднее обстояло дело, когда, спустя некоторое время, прозвучали обвинения принципиального, идеологического порядка, говорившие о неприемлемости книги Ушинского с точек зрения религиозной, политической, педагогической и т. п.¹⁸. Эти обвинения последовали однако же, когда Ушинский был уже в заграничной командировке, освобожденный от несения постоянной службы в России.

Не состоя с 1862 г. на службе и числясь в командировке, Ушинский был очень обрадован успехом «Детского мира», считая, что распространение этой книги несколько улучшит его материальное благосостояние. Однако в скором времени эти надежды должны были рушиться. Каждый год приносил Ушинскому какие-либо неожиданности, связанные с его книгой. Будучи весной 1865 г. в Ницце и занимаясь разработкой глав «Педагогической антропологии», Ушинский неожиданно узнал, что комиссионер МНПр Глазунов отпечатал и энергично распространяет по школам составленную неким П. Бенедиктовым «Книгу для чтения», которая на $\frac{3}{4}$ представляла собой перепечатку статей из «Детского мира» и «Книги для чтения» И. Паульсона. В непосредственном переговоре с Глазуновым Ушинскому удалось выяснить, что это была не более как коммерческая проделка издателя, который не знал даже составителя и напечатал его книгу на основании рекомендации малоизвестного ему лица, с которым его приказчик познакомился в трактире и который теперь усиленно распространяет книгу по школам, между тем как она не имеет даже одобрения министерства.

О принудительном распространении книги Бенедиктова Ушинский узнал случайно из циркуляра Харьковского учебного округа, в котором Совет Харьковского округа характеризовал эту книгу как контрафакцию и предостерегал администрацию школ от пользования ею. Опротестовав поступок Глазунова перед министерством, Ушинский писал: «Глазунов вытеснит совершенно мою книгу из употребления, а книга эта составляет единственное мое имущество» (т. V, стр. 376).

Значительно более тревожным было другое обстоятельство — изменение отношения к «Детскому миру» в МНПр. Изменение это происходило не без влияния той высокой оценки, какую получило содержание «Детского мира» у передовых педагогов. Тревога была поднята в первую очередь со стороны духовенства. Она вызывалась тем, что как в «Детском мире», так и в другой книге Ушинского для детей младшего возраста, вышедшей в 1864 г. («Родное слово»), внимание детей настойчиво концентрировалось на предметах и явлениях реального мира в ущерб воспитанию в них религиозной идеологии. Со стороны присяжных педагогов, специалистов предметного преподавания, выдвигалось другое возражение, что система книги Ушинского нарушает традицию преподавания русского языка как отдельного предмета обучения, который не может быть безнаказанно смешиваем с предметом естествознания, для изучения которого имеются свои часы и свои преподаватели. Министерство просвещения остановилось на этой последней точке зрения и в этом смысле в 1867 г. было принято соответствующее решение. В «ЖМНПр», № 10 анонимно была помещена статья А. Д. Галахова «Наша учебная литература», в которой разъяснялась точка зрения министерства просвещения, почему ни книга Ушинского, ни другие аналогичные книги не могут быть допущены в младшие классы средних учебных заведений. Мотив тот, что естественнонаучное содержание таких книг заставляет учителей русского языка выходить из своей специальной области и бросаться в чужие владения, между тем как естествознание преподается ученикам гимназий другими специалистами и, разумеется, не в пример основательнее, чем могут это сделать учителя русского языка. Хрестоматия по русскому языку должна быть литературно-художественной, а не естественнонаучной. В этой мотивировке, которая звучит совершенно логично с точки зрения преподавания русского языка и естествознания в старших классах школы, совершенно обойдена однако же та задача, которую преследовал Ушинский в своей книге. Задача вовсе не заключалась в том, чтобы учителем русского языка заменить преподавателя естествознания. Цель книги в том, чтобы учащимся первых двух классов, которые не получили подготовительного к школе образования, дать тот элементарный курс, который обеспечивал бы им подготовку к прохождению всех других предметов. В элементарном курсе учитель, конечно, мог

быть преподавателем русского языка, и арифметики, и естествознания, и географии, и истории, не нарушая ничьих прав. Раздельное систематическое обучение учебным предметам в старших классах не упраздняло, разумеется, вопроса о том элементарном, подготовительном курсе, которого не было в тогдашних русских школах и который мог бы, по убеждению Ушинского, способствовать сокращению той массовой неуспеваемости в старших классах, которую он наблюдал не только в Гатчинском институте, но и в других средних школах.

Узнав о решении министерства, Ушинский, естественно, потерял стимул к разработке методического пособия для преподавания по «Детскому миру». Это пособие практически делалось уже ненужным. На решение министерства Ушинский реагировал небольшой статейкой «О детском мире», так и оставшейся ненапечатанной, но сохранившейся в его архиве. «Детскому миру», — писал Ушинский, — делают обыкновенно два упрека: 1) что в нем много статей по предметам естествознания и 2) что в нем более статей, принадлежащих самому составителю книги, чем заимствованных из сочинений русских писателей» (т. V, стр. 412). Коротко и ясно ответив на оба обвинения и сделав это более для собственного успокоения, Ушинский не встретил случая, а может быть, и не видел смысла в опубликовании статьи: с кем собственно полемизировать, раз уже сложилось мнение? Но от полемики с своими конкретными противниками он не отказывался, и, считая, что реакционное движение в педагогике идет от Москвы, из школы Каткова, вдохновлявшей министерство Д. Толстого, Ушинский свой сокрушительный удар направил в конце 1866 г. на книгу А. Филонова и А. Радонежского «Книга для первоначального чтения» (Спб, 1866), которая была издана как бы в противовес его «Детскому миру» и составлена из произведений старинных проповедников, из ученых статей, из славянских изречений, — вообще, из материала, не только непонятного для детей, но и совершенно для их понимания недоступного. Уничтожающий с педагогической точки зрения разбор этой книги, противоречащий элементарным правилам рациональной педагогики, Ушинский напечатал в кратком виде в газете «Голос» (1866 г., № 291) и подробно в «Отечественных записках» (1866 г., № 20 — «Цветы Московской педагогики на петербургской почве»).

Изъятие «Детского мира» из числа книг, рекомендованных для школ министерства просвещения, еще не означало того, что книга эта окажется потерянной для подрастающих поколений. «Детский мир» остался любимой детской книгой, своего рода детской энциклопедией и переиздавался чуть ли не ежегодно. В 1916 г., через 56 лет после выхода в свет первого издания, в продаже имелось 47-е издание этой книги. В Советской России книга Ушинского не забыта и не только отдельные ее статьи привлекают к себе внимание педагогов и издателей, но

также и вся книга в целом, с точки зрения ее замысла, реализация которого в свое время была оборвана министерским распоряжением. В 1940 г. советский детский писатель и поэт, С. Я. Маршак, популяризируя замысел А. М. Горького о создании детской энциклопедии, писал, что «у нас нет широких обобщающих естествоведческих книг, которые образуют мировоззрение человека, помогают осознать свое место в природе»; что «среди многочисленных школьных книг для чтения, хрестоматий и сборников, составленных педагогами и литераторами, пожалуй, только книги Ушинского могут с тем же правом, что и книги Толстого, назваться художественной детской энциклопедией»; что «в сущности Горький стремился к тому же, к чему стремились Ушинский и Толстой, когда они создавали свои книги для детей,— к универсальному охвату явлений, к решению большой воспитательной задачи средствами искусства» (С. Маршак, «Мир в картинах». «Красная новь», 1940 г., № 5—6, стр. 279—282). В историю развития передовой педагогики «Детский мир» Ушинского внес определенный вклад, который еще будет использован по мере того как будут изживаться те педагогические традиции, которые в свое время задержали его реализацию в практике школы.

К. Д. Ушинский —
редактор
и сотрудник
«Журнала
министерства
народного
просвещения»
(июль 1860
ноябрь 1861).

Несмотря на загруженность работой по реформе Смольного института и по составлению книги для чтения, Ушинский с переходом в Смольный институт не оставил мысли о журнальной деятельности, ставшей для него столь привычной в течение предшествующих лет, начиная с 1852 г. Более того, он мечтал о том, чтобы стать уже не подневольным журнальным работником, как это было до сих пор, а самостоятельным организатором журнала, при помощи которого возможно было бы воздействовать на развитие общественных убеждений, отсутствие которых в николаевскую и последующие эпохи так больно, как величайшее общественное зло, воспринималось Ушинским. Об этом он подробно писал в своих письмах, адресованных императрице. В первые же дни своего вступления в должность инспектора классов Смольного института, 4 марта 1859 г., Ушинский обратился к министру просвещения, Е. Ковалевскому, с просьбой о разрешении ему издавать критико-философский, педагогический и психологический журнал «Убеждение». Тот факт, что Ушинский одновременно с вступлением в должность инспектора классов Смольного института предпринимает издание журнала с широкой философской, педагогической и психологической программой, говорит не только о его стремлении к журнальной работе, но и о том, что он имел какие-то гарантии на широкое развитие задуманной им литературно-общественной деятельности. Популярность, какую получили его первые педагогиче-

ские статьи, и большая самостоятельность в работе давали ему основание думать о возможности объединить вокруг себя группу единомышленников-педагогов для издания собственного журнала. Совершенно неясно, на какие средства предполагал Ушинский издавать свой журнал, и опять-таки возникает вопрос, не имел ли он каких-либо авторитетных обещаний на этот счет. Министр просвещения, получив заявление Ушинского, запрашивал по этому поводу Совет Воспитательного общества, не имеется ли с его стороны каких-либо препятствий к изданию Ушинским журнала. В свою очередь от Совета запрос был послан в IV отделение императорской канцелярии, откуда получился ответ о том, что препятствий не имеется. После этого 1 марта 1860 г. высочайше утверждено было представление министра Ковалевского о поручении редакции «ЖМНПр.» надворному советнику Ушинскому. Как детально произошло, что вместо собственного журнала Ушинский стал издавать «ЖМНПр.», — неясно. Но нужно полагать, что, получив заявление Ушинского, министр должен был задуматься над вопросом о том, как реагирует на все возрастающее педагогическое движение в стране литературный орган, издаваемый министерством; а так как эта реакция была весьма незаметной, чтобы не сказать отрицательной, то министр убедил Ушинского отказаться от издания самостоятельного журнала и редактировать министерский, предварительно реорганизовав его в орган педагогический и используя для этой цели разработанную им программу журнала «Убеждение». Несомненно, что и Ушинский учел те выгоды, которыми он будет пользоваться как редактор уже готового и налаженного журнального издательства, хотя и в достаточной степени запущенного. Таким образом, с 1 марта 1860 г. Ушинский уже числился редактором «ЖМНПр.».

Необходимость реорганизации «ЖМНПр.» была осознана уже давно. Журнал издавался с 1834 г. К. С. Сербиновичем и представлял собой более или менее случайный ежемесячный сборник научных статей по всем разделам науки. По характеристике Ушинского, это был журнал «совершенно бесхарактерный, в котором в продолжение около 30 лет помещались статьи, не принимаемые другими журналами, и громаднейшая медицинская диссертация об устройстве заграничных клиник попадалась рядом с переводом греческой трагедии, со статьей о выделке лаков, с юмористическим разбором стихотворений Юлии Жадовской и т. п.» (т. XI, стр. 303). Если журнал долгое время продолжал существовать в атмосфере полной обеспеченности и академического спокойствия, то только потому, что до 1849 г. он получал правительственную субсидию в размере 10 тысяч рублей. С прекращением субсидии журнал должен был существовать исключительно на доходы с подписчиков — обязательных и необязательных: первых было до 600, вторых совсем немного. Вопрос об улучшении качества работы журнала ока-

зался весьма настоящим — только при таком условии журнал мог получить достаточное количество подписчиков. С 1854 г. вопрос об улучшении качества работы журнала обсуждался в министерстве весьма настоятельно и в 1856 г. редакция журнала была поручена академику А. В. Никитенко. Попытки качественного улучшения журнала, несомненно, были предприняты новым редактором, но слишком недостаточные для наступившего времени, когда на очередь во весь рост были поставлены педагогические проблемы. В журнале, правда, появляются статьи видных педагогов — Д. Д. Семенова, В. И. Водовозова и др. Есть основание думать, что частично принял участие в журнале и Ушинский.

В целом направление журнала при Никитенко радикально не изменилось. Журнал не давал ответа на те большие педагогические вопросы, которые волновали общественное мнение конца 50-х годов. Необходимость обновления журнала чувствовалась тем более сильно, что стали возникать частные педагогические журналы, а министерство собственного педагогического органа не имело. Министр Е. Ковалевский в своем представлении об утверждении Ушинского писал, что «ЖМНПр. в настоящем своем виде не занимает в русской литературе места, которое принадлежит ему по праву как органу правительственного учреждения» (ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 5, дело 138). В свою очередь и Ушинский в своем объяснении через 1½ года после начала издания писал, что ему была предложена редакция журнала, чтобы из журнала «совершенно бесхарактерного» сделать специальный журнал министерства, т. е. говорить о том предмете, которым министерство занимается, — о народном образовании (т. XI, стр. 303). Кроме того, министр Ковалевский выразил Ушинскому надежду, что «педагогические и философские убеждения, выраженные в прежних печатных статьях, могут иметь полезное влияние на воспитателей юношества, а через них и на самое молодое поколение» (там же, стр. 303—304). Очевидно, таким образом, Ушинскому предоставлялась возможность в министерском журнале выразить то, что он предполагал вложить в собственный журнал под заглавием «Убеждение».

Уже с марта на обложке журнала стала печататься новая программа его, между тем как содержание книжек журнала до начала второй половины 1860 г. в основном было подготовлено прежней редакцией. Только с июля 1860 г. журнал стал выходить полностью под редакцией Ушинского и по новой программе. Программа эта трактовала журнал как специально педагогическое издание и притом издание, подходящее к разработке вопросов педагогики с строго определенных методологических точек зрения. «Всякое основательное и положительное мнение в деле общественного воспитания, — писал Ушинский, — должно покоиться на двух основах: на действительных потребностях того общества, о воспитании которого идет дело, и на

выводах науки, общей всем народам... Педагогика не может иметь притязаний на такую самостоятельность, какой обладают науки, открывающие законы природы, истории и духа человеческого. Она только пользуется всеми этими открытиями к достижению своей особенной воспитательной цели. Физиология, психология, философия и история дают законы педагогике; она же выражает эти законы в форме педагогических теорий и правил и изыскивает средства приложить их к воспитанию человека в данное время и в данном обществе». Принимая на себя пост редактора «Журнала МНПр.», Ушинский, конечно, сознавал как ответственность, так и трудность стоявших перед ним задач. Возможно однако же, что трудности он значительно преуменьшал, утешая себя радужной перспективой, что перед ним откроется, наконец, возможность вооружать деятелей народного образования научными основами педагогики и журнал, до сих пор «совершенно бесхарактерный», станет «специальным журналом министерства, т. е. будет говорить о том предмете, которым министерство занимается,— о народном образовании» (т. XI, стр. 303). К началу 60-х годов у Ушинского уже созрели основные предпосылки для осуществления его замысла по теоретическому и практическому преобразованию русской педагогики: с прогрессивными передовыми течениями европейской педагогики он был уже знаком, в то же время он успел уже овладеть психологией, философией, естествознанием и другими науками для того, чтобы сознавать в себе достаточные силы и возможности для организации педагогического журнала. В ряде статей, опубликованных им начиная с 1857 г., он сформулировал одну за другой целый ряд психолого-педагогических и практических задач в педагогике, чтобы тем самым подсказать министерству и педагогам, о чем в первую очередь необходимо позаботиться, чтобы поднять воспитание из отсталого его состояния на более высокую ступень: воспитание должно быть народным, т. е. вытекать из интересов и потребностей народа в целом; воспитание должно подняться на уровень передовых европейских стран и воспользоваться их опытом. Уже эти два принципа народности и европеизации образования ставили перед журналом множество задач, для выполнения которых ничего не было сделано в предшествующие годы и десятилетия. Педагогизировав программу журнала, Ушинский привлек в него ряд новых сотрудников, принимал энергичное участие в составлении статей для журнала, освещавших как принципиальные, так и практические вопросы народного образования. Кроме того, весьма значительной была и чисто редакторская его деятельность, выражавшаяся в составлении книжек журнала, в подборе статей как оригинальных, так и переводных, в снабжении необходимыми редакторскими примечаниями, предисловиями, заключениями и пр.

К сожалению, самый факт издания педагогического журнала К. Д. Ушинским не обращал на себя специального внимания

историков педагогики, которые довольствовались отдельно изданными статьями и книгами Ушинского, полагая, что ими исчерпывается объем его педагогического наследства¹⁹. Между тем значительную долю своего творчества Ушинский вкладывал в каждую вновь выходящую книжку «Журнала МНПр», так что есть полное основание рассматривать изданные Ушинским 18 книжек журнала как какую-то определенную часть его педагогического наследства, оставленную последующей русской педагогике. Впервые В. И. Чернышевым была сделана попытка произвести расследование того, что именно в этих книжках принадлежит К. Д. Ушинскому («Русская школа», 1912 г., № 2, статья «Разыскания об Ушинском»). До настоящего времени эта попытка не была надлежащим образом продолжена. Таким образом, столь важный момент в жизни и деятельности К. Д. Ушинского, как попытка издания им педагогического журнала, остается до настоящего времени не исследованным. Только недавно сотрудниками Калининского областного архива открыта переписка К. Д. Ушинского с И. С. Белюстиным, которая велась им как раз во время издания журнала и несколько позже. Переписка дает совершенно новые, доселе неизвестные данные, о которых, однако же, возможно было догадываться при внимательном чтении журнала и раньше. Переписка впервые показывает нам Ушинского, лицом к лицу с министерством как редактора, возглавляющего журнал. Она говорит о том, насколько одиноким и бессильным оказался Ушинский в бюрократической машине министерства, которую он пытался повернуть лицом к народу¹⁹.

Как показывает переписка, Белюстин был наиболее близким к Ушинскому лицом из числа педагогов и наиболее активным сотрудником журнала. Его статьи печатались в журнале не только за его подписью, но и под литерой Б. и под псевдонимом — Весский. Это был гонимый синодом и светской администрацией за разоблачение в заграничной печати тайн русского духовенства свободомыслящий священник м. Калязина б. Тверской губ. В конце 50-х годов после непродолжительного знакомства Ушинский проникся сочувствием к тяжелому положению Белюстина и, что главное, испытал радостное чувство от сознания, что нашел в его лице человека, творчески разделявшего его идеи. Белюстин ознакомился с «Детским миром» еще до его выхода из печати и в № 7 газеты «Московские ведомости» за 1861 г. поместил весьма теплую, проникнутую педагогическим пониманием авторского замысла библиографическую заметку. Ушинский делал всевозможные попытки для облегчения материального положения своего корреспондента, хотел перевести его и пристроить где-нибудь в Петербурге, сделать его своим помощником по журналу. Попытки эти большей частью кончались неудачей. По истечении четырех месяцев с начала издания журнала Ушинский писал Белюстину (1. XI 1860 г.): «Между нами

так много общего и родственного, что невозможно, сошедшись раз, разойтись так легко... Ваша любовь — моя любовь, Ваши антипатии — мои антипатии. О, чего бы я не дал, чтобы нам сойтись близко! Вы бы действительно были моим товарищем по журналу, а не то, что мои теперешние, заказные сотрудники. Есть люди умные; но направления моего не вижу ни в чем: в Вас более, чем в ком-нибудь, да и то не совсем». — 20 ноября того же года Ушинский опять писал: «О как досадно мне, что мы живем не в одном городе. Вы едва ли не единственный человек, с которым бы я мог, не тратя много слов, обмениваться мыслями... С горестью должен сознаться, что у меня до сих пор нет ни одного сотрудника по журналу в истинном, настоящем значении этого слова».

Из переписки видно, что Ушинский обуревался массой педагогических идей, жаждой их продвижения в педагогическую среду, но сочувствия и поддержки он не находил ни в ком. «Материалов бездна, — пишет Ушинский в том же письме от 20 ноября 1860 г., — идей, которые необходимо распространять, тоже очень много; жажда учиться в публике пробудилась; жатва обильна, но деятелей мало. Молю господа бога, чтобы он позволил провести хоть сотую долю тех идей, которые рождались и рождаются вновь в душе моей, доставляя мне великое счастье и вместе с тем великую муку. Но силы физические мои ослабевают и даже глаза мои, которые служили мне без обмана, изменяют. О, если бы вы были со мною, повторю еще раз, я был бы для вас полезен, вы для меня — вдвое». Не только в своем журнале не встречал Ушинский полного сочувствия, но и среди журнальных работников. Делясь своими впечатлениями по поводу критики, появившейся в газете «Русский мир» на его статью о труде, Ушинский писал: «Направление, которое провожу я, чуждо без исключения всем русским журналам, и я, кроме брани, ничего не ждал и не жду. Но я готовился к этому, принимаясь за издание журнала. По чистоте моих намерений и по озлоблению всех против меня я буду судить о необходимости говорить то, что начал говорить. То ли еще увидите, если господь бог даст мне силы высказать то, что уже готово и что я начну высказывать с первых книг будущего года! Надеюсь, что стану «притчею во языцех» и приготовился к этому».

Свое изолированное положение в литературе Ушинский объяснял тем, что он занял среднюю позицию между двумя крайними направлениями. «Что делать? — спрашивает он своего корреспондента в том же письме. — Видно, я не пришелся по публике, но не пришелся именно потому, что стою на прямой дороге, стою посередине... Что же делать? Нынешней публике нужны или Аскоченские, или Чернышевские. Но это, конечно, не заставит меня сойти с той дороги, на которой, быть может, мне суждено идти одиноко и даже бесполезно для других. Грустно,

тяжело! Громадные события приближаются с страшной быстротой, а мы встречаем их какими-то шутками и похожи на глупых дикарей, которые пляшут перед смертью. Польша, финансовый вопрос, крестьянский вопрос — это такие тучи, которые не пройдут мимо. Приближение их уже слышно и этот зловещий шум не в состоянии пробудить безумных... В наших журналах только смех, балагурство, да шутки; все кажется в розовом свете этим пьяным людям».

Пессимистическое настроение Ушинского за время издания им журнала увеличивалось и росло в связи с тем, что, войдя в редакцию журнала с радикальным намерением разоблачать антинародную политику министерства, намерением, еще ни разу в такой резкой форме не поставленным до сих пор, Ушинский очень скоро почувствовал недоверчивое и критическое отношение к себе в самом министерстве, где его деятельность, естественно, воспринималась как беспокойное присутствие инородного тела в слаженном организме, работающем по давно заведенным традициям, на которые еще никто не посягал. Враждебное отношение к себе Ушинский испытал уже на 7—8-м месяце со времени его вступления в редакцию, т. е. в январе—феврале 1861 г. К нему обращались со всевозможными и мелочными, и крупными обвинениями: почему журнал не приносит дохода, почему он не обличает анархических и материалистических тенденций других журналов и т. п. При министре (Е. П. Ковалевском), который пригласил Ушинского в редакцию и который, видимо, сочувствовал поставленной им задаче преобразовать министерский журнал в журнал педагогический, Ушинскому не могло быть предъявлено обвинение в педагогическом направлении журнала. Но как только в середине 1861 г. в министерстве появился новый министр, адмирал Е. В. Путятин, он признал необходимым разрешить затруднение по-военному: вернуться к старому порядку, т. е. не допускать в министерстве народного просвещения никаких речей о просвещении и образовании. Расчет был правильный: Ушинский должен был уйти, раз журнал лишается того направления, которое он был приглашен создать в нем. Сообщая Белюстину 8. XII 1861 г. о своем уходе в отставку, Ушинский писал: «У нас такое делается, что за год даже во сне не снилось. Все русское просвещение отдали в руки идиоту и изуверу, который, заедая меркурий просфорами, думает дать новое направление русскому просвещению и воспитанию, а следовательно, и русской истории. Университетские происшествия вызваны глупостью, дикостью и ослиным упрямством гр. Путятин. Это исключительно его дело, и много еще подобных дел ждет нас впереди. Теперь этот барин задумал отдать все народные школы в руки духовенства, как будто воспитанием своих собственных детей оно не доказало всей своей неспособности воспитать даже собак, не то, что людей. Но так как эта благая мысль забралась в голову графа, то он, боясь, чтобы

его заранее не отхлестали, запретил писать что-либо о **народных школах**, где бы то ни было и в «Журнале МНПр.». О чем же нам писать после этого?! Он, напр., считает даже и такую статью статьей о народных школах, где трактуется о преимуществах или недостатках классического образования. Об университетах правды мы печатать не могли, лжи — не хотели. О чем же нам писать, спрашиваю я вас еще раз. Взгляд у этого господина такой: «всякая педагогика вздор; дитё надобно учить так, чтобы его рвало, тошнило от учения». Что вы тут сделаете?!»

Таковы были впечатления самого Ушинского о журнале и работе в нем. Ни он не чувствовал себя там в своей атмосфере, ни его не признавали там своим человеком. И это было совершенно правильно. В дополнение к этому следует еще указать на отношение к нему и к его работе со стороны его журнальных собратий по педагогической работе. Здесь возможно указать на отношение со стороны педагогов к новой программе «Журнала МНПр.», объявленной Ушинским, а также на оценку первой статьи, опубликованной Ушинским в своем журнале под заглавием «Труд в его психическом и воспитательном значении», статьи, которой Ушинский придавал такое большое, можно сказать программное значение. В. Я. Стоюнин, тогда еще молодой, впоследствии знаменитый педагог, резко выступил против принципиально-теоретических задач, поставленных Ушинским «Журналу МНПр.» («Воспитание», 1860 г., 12-я Статья: «Новая программа» журнала МНПр.). В. Стоюнин осудил печатание в журнале философской монографии Гейма о Гегеле, так как «статьи эти для большинства останутся без всякого значения» (стр. 175). Он требовал от журнала разработки вопросов более частных, специальных, близких учителям средних и низших учебных заведений. «У нас пока еще рано требовать от какого-нибудь уездного или приходского учителя, чтобы он интересовался выпренней философской статьей или отвлеченной теорией; тогда как критическая статья, относящаяся к кругу его деятельности, должна невольно интересовать его. Вот об этом вы и позаботьтесь и тогда польза будет несомненная, а журнал при совершенно определенных целях будет иметь и определенный характер» (стр. 179). Совершенно ясно, что Стоюнин, несмотря на то, что он писал о новой программе «Журнала МНПр.», не уяснил себе, что программа превращала прежний министерский журнал в научно-педагогический и что популярные педагогические задачи преследовали уже другие журналы, новый же педагогический журнал в интересах научной педагогики ставил себе задачей вскрыть ее научные основы. От хорошей рецензии нужно было бы ждать не поверхностных советов, не ссылок на непонимание неразвитых учителей, а пусть жесткой, но рациональной критики.— Первая педагогическая статья Ушинского о труде, составившая одну из основ его мировоззрения, тоже заслуживала бы большего внимания, но рецен-

зенты предпочитали наездническую критику. 20 ноября 1860 г. Ушинский писал Белюстину: «В «Русском мире» разругали мой «Труд», да ужкстати тут же задели и «Вопросы жизни» г. Пирогова. Досталось нам обоим! Спасибо, что поставили рядом: я сознаюсь откровенно — этой чести не заслужил». Можно сказать, таким образом, что выступления Ушинского по педагогическим вопросам встречались учеными педагогами в штыки.

Что касается оценки педагогических выступлений Ушинского со стороны представителей общей литературы, которая в 60-е годы широко интересовалась педагогическими проблемами, то, как справедливо замечает в своих воспоминаниях А. В. Старчевский, редакторская деятельность Ушинского «не встретила сочувствия в тогдашних журналах и газетах. В течение 1½ лет не прекращались нападки не только на убеждения нового редактора, но также и выпады против его личности» («Нар. шк.», 1885 г., № 1, стр. 59). В этом отношении особенно характерными являются выступления против Ушинского как редактора министерского педагогического журнала со стороны двух младших сотрудников передового журнала 60-х годов «Современника». Этими сотрудниками были, с одной стороны, И. Пиотровский, опубликовавший ряд специально против Ушинского направленных статей под заголовком «В погоне за лучшим» («Современник», 1861 г., № 5, 6), с другой стороны, М. А. Антонович, опубликовавший в том же журнале (1861 г., № 8) статью «Гегелевская философия». В статье Пиотровского подвергнуты анализу педагогические статьи Ушинского, опубликованные в «Журнале министерства народного просвещения». Статья Антоновича направлена не столько на выяснение гегелевской философии, сколько на анализ примечаний Ушинского к печатавшейся в журнале монографии Р. Гейма «Гегель и его время». О философии Гегеля Антонович все время говорит в связи с примечаниями Ушинского, так что суть его статьи заключается в оценке этих примечаний. Характерно, что оба автора предпосылкой для критики Ушинского избрали то положение, что он, как редактор, является агентом министерства, и, следовательно, выполняет его реакционные задания и поэтому что бы он ни говорил, должно быть подвергнуто сокрушительной критике. Если у Антоновича эта предпосылка чувствуется в каждой строке его выступления, то Пиотровский говорит о ней совершенно открыто, подчеркивая, что он смотрит на автора педагогических статей «как на эхо ни полезное, ни вредное, и ради только самого источника решается подвергнуть его критике» («Современник», 1861 г., № 5, стр. 123). В лице Ушинского Пиотровский желал разоблачить политику министерства, Антонович — его идеологические основы. И то и другое, вообще говоря, формально правильно: министерство следовало громить; но объект для нападения оба избрали неправильно, не разобравшись в том, что сам Ушинский

является противником антинародной политики министерства и что именно поэтому министерство решило избавиться от его услуг.

Что касается статей Антоновича и Пиотровского, обвинения, направленные ими против Ушинского, были случайными и ошибочными. Это после внимательного анализа материалов ясно так же, как ясно то, что «Современник» был прогрессивным журналом и борьба его против министерства народного просвещения царской России была закономерной. Однако же рассчитанный на министерство удар Антоновича и Пиотровского прошел мимо, министерство продолжало свою политику, доверие же педагогов к Ушинскому было надолго ослаблено у тех, кто читал названные статьи «Современника». Именно из этих статей извлекались наиболее яростные обвинения, голословно предъявлявшиеся Ушинскому и подчас повторяемые в разных вариациях утверждения будто Ушинский — реакционер, тоскующий о патриархальном быте далекого прошлого, что он приверженец гегелевского идеализма, который давно пора выбросить на свалку исторического мусора, и т. п. На протяжении многих десятилетий повторялись, а нередко с вдохновением выдумывались новые в том же стиле обвинения и никому из педагогов не приходило в голову разобраться в тех обвинениях, которые так эффектно и так темпераментно были предъявлены Ушинскому-педагогу. Но вот философы и литераторы не раз уже обращались к Антоновичу как мыслителю, переиздавали его работы.

Впервые В. Кирпотин пытался ознакомить советского читателя с ранними сочинениями Антоновича. Но, в силу недостаточной изученности трудов и его общественно-политической деятельности, Кирпотин характеризует Антоновича до ареста Чернышевского (журн. «Под знаменем марксизма», 1928 г., № 7—8) и в своей характеристике проявляет недооценку его, как представителя передовой общественной мысли 60-х годов XIX в.

В 1945 г. был издан сборник философских работ Антоновича со статьей В. С. Кружкова. О собственно философских взглядах Антоновича проф. В. С. Кружков пишет, что «правильно отбрасывая мистическую и идеалистическую шелуху гегелевской диалектики, Антонович, в отличие от своих учителей, Чернышевского и Добролюбова, не сумел оценить то положительное, рациональное, что присуще диалектическому методу» («Избранные философские сочинения М. А. Антоновича, М., Огиз, 1945, Статья Кружкова, стр. 8—9). Материализм, по характеристике того же автора, Антонович понимал в упрощенном стиле, довольно часто употребляя формулировки механистического характера (стр. 12—13). Так как Ушинский в своих примечаниях к монографии Гейма предупреждал возможность вульгарно-механистического сведения категорий Гегеля к сумме впечатлений, поскольку он высоко ценил диалекти-

ческий метод Гегеля, особенно в его применении к историческому развитию человечества, то на этой почве и создалась возможность резких выступлений Антоновича²⁰.

Одновременно с Антоновичем, выступившим с необоснованной критикой философских позиций Ушинского, с ошибочной и тенденциозной критикой педагогических взглядов Ушинского выступил И. Пиотровский. Последний на том основании, что Ушинский в то время был редактором журнала Министерства народного просвещения, ошибочно причислил его к выразителям реакционных идей министерства. Как и в отношении Антоновича, в настоящей работе не может быть места для разбора критики Пиотровским педагогических сочинений Ушинского. Но странно, как историки и теоретики педагогики без предварительного разбора могли довериться педагогическим разглагольствованиям этого сентиментального народника, филантропически сокрушающегося о «меньшем брате» и противопологающего серьезным теоретическим положениям Ушинского какой-то сплошь анархический педагогический бред. На протяжении почти ста лет этот педагогический бред, порочащий великого русского педагога, не был подвергнут разоблачению. Придравшись к словам Ушинского, что в наступившем периоде перехода к новому, гражданскому обществу необходимо «вывести народ из тесной отжившей сферы патриархального быта в более обширную сферу гражданского общества, государства и человечества», Пиотровский, не вникая в действительный смысл этих слов, но делая ударение на слове «государство», в свойственном ему анархическом стиле исписывает целые страницы истощенными воплями, направленными против Ушинского, о том, что «сторонники старины кричат о необходимости запретить просвещение; они говорят о том, что народ необходимо воспитывать для государства; в сущности они хотят осудить народ на кастовое прозябание» и т. д. Прочитав эту статью, Ушинский мог только в недоумении развести руками. Он писал Белюстину: «В критике, или лучше, в бранной статье, помещенной на мой счет в «Современнике», прямо обвиняют меня, что я чей-то орган, чей уж, я этого до сих пор сам не знаю. Статья эта до того бездоказательна и глупа, что я и отвечать не буду. Что бы вы отвечали пьяному мужику, если бы он вас выругал по-матерному, неужели бы вы стали доказывать, что ваша мать была честная женщина?»

Как ни тяжелы были такого рода недоразумения, Ушинский не предполагал сдавать позиций. Но в первую очередь ему необходимо было выяснить свои отношения в министерстве, где уже с начала года он выслушивал всевозможные замечания по своему адресу. Одно из главных обвинений заключалось в том, что он не обличает анархических и материалистических тенденций других журналов. Частные обвинения сводились к тому, что журнал не увеличивает количества подписчиков, не приносит

дохода министерству и пр. Отвечая на основное обвинение, Ушинский говорил, что он считал несовместимым с достоинством министерского журнала прибегать к журнальной перебранке, которая «обычно привлекает массы публики, раскупающей журналы», и, в соответствии с поставленной при самом начале издания задачей, «я должен был ограничиться только положительными статьями, указывающими прямой путь, но не обличающими кривых, т. е. самыми неблагоприятными в отношении подписчиков». Что же касается полемических задач, то «если бы мы стали обличать анархические и материалистические тенденции в тех или других журнальных статьях, то нас совершенно справедливо обвинили бы в печатном доносе разом — на писателей, журналы и цензоров и тогда, конечно, всякое полезное влияние журнала сделалось бы невозможным... Я был уверен, не разуверился и теперь, что если журнал министерства выдержит свой характер и, не мешаясь ни в какие политические соображения, будет иметь в виду одно благо народа, его истинное нравственное и умственное образование то, наконец, общество обратится к нему с доверием» (т. XI, стр. 305). Что касается до нападок журналов на его собственные статьи, то «для этого,— пишет Ушинский,— достаточно было уже того, чтобы они заподозрили во мне правительственный орган, говорящий с чужого голоса, что даже и выразил один журнал печатно» (там же).

Возможно, что Ушинский продолжал бы и дальше работу редактора журнала, так как относился к ней с увлечением. Но сменивший министра Е. Ковалевского гр. Путятин, ознакомившись с делами министерства, высказал намерение снова изменить программу «ЖМНПр.», преобразовав его в периодическое издание прежнего типа, посвященное всем вообще наукам, вроде французского «Journal de savants». В связи с этим Ушинский сделал попытку в особой докладной записке, направленной директору департамента народного просвещения И. Д. Делянову, успокоить встревоженных руководителей министерства, ответив на все упреки и выяснив действительные задачи, которые стояли и должны стоять перед педагогическим журналом министерства.

Подробно развив приведенные выше соображения, Ушинский в заключение формулировал следующие принципиальные положения, при соблюдении которых он только и мог работать в качестве редактора журнала:

«1. Настоящее педагогическое направление журнала соответствует более всего предмету деятельности министерства, которое более должно заботиться об образовании народа; чем о движении науки вперед.

2. Правительство не теряет даром своих денег, распространяя между наставниками юношества здоровые нравственные убеждения и полезные сведения по делу воспитания.

3. Официальный журнал, падавший 30 лет, не может быть поднят скоро, особенно без эксцентрических средств, какими, например, поднят был на время «Морской сборник» или «Военный журнал».

4. Направление журнала должно оставить прежнее, но возможно сделать его еще гораздо полезнее» (т. XI, стр. 309—310). И далее автором развит ряд мыслей о том, как, сохранив педагогическое направление журнала, можно было бы провести в нем ряд практических улучшений.

Докладная записка Ушинского была доставлена новому министру и 10 октября 1861 г. на этой докладной записке последовала следующая резолюция Делянова: «Г. Сергиевский сообщил мне по приказанию министра, что ЖМНПр. в 1862 г. должен издаваться на прежних основаниях». Это значило, что договоренность Ушинского с Е. Ковалевским об издании педагогического журнала разрывается. Оставаться дальше редактором журнала Ушинскому не было оснований и 17 ноября 1861 г. он послал министру народного просвещения заявление: «По усиливающемуся в настоящее время расстройству моего здоровья я нахожу невозможным соединять должность редактора журнала министерства народного просвещения с должностью инспектора классов Воспитательного общества благородных девиц и С-Петербургского Александровского училища. По сему имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство об увольнении меня от должности редактора журнала Министерства народного просвещения. К. Ушинский». На заявлении последовала резолюция: «Внести в приказ. Е. Путятин» (Дело департамента народного просвещения о преобразовании «Журнала министерства нар. пр.» и о назначении редактором Ушинского. ЦГИАЛ, ф. 733, опись 5, № 138, 824, карт. 1065, л. 42). Ноябрьская книжка журнала за 1861 г. была последней книжкой, подписанной Ушинским. Заместителем Ушинского остался его помощник Ю. С. Рехневский. Спустя после этого месяц, Путятин получил отставку, а новый министр, А. В. Головнин, предлагал Ушинскому снова взять на себя редактирование журнала. Ушинский, разумеется, не принял этого предложения, равно как и другого, через некоторое время (в 1864 г.) сделанного ему тем же Головниным, об издании частного педагогического журнала на средства министерства.

Так закончилась редакторская деятельность Ушинского в министерстве просвещения. Совершенно очевидно, что причиной его ухода было то, что министерство было обеспокоено той новой ролью, в которой выступил министерский журнал, выражая определенные педагогические идеи и убеждения, которые затем публично подвергаются оспариванию. Гораздо спокойнее, если министерство будет издавать журнал, который никого не тревожит и никому не мешает. Такова была идея Путятина, хотя ее не разделял его преемник. Поскольку резолюция министра

совершенно определенно выявила его волю, что журнал должен вернуться к старой непедagogической форме, Ушинский продолжать далее работу в журнале не мог. Однако же по его плану журнал продолжал издаваться еще в течение нескольких лет при либеральном министре Головнине и под редакцией Рехневского. Только со второй половины 60-х годов, с приходом в министерство Д. Толстого, журналу было постепенно придано направление, приближающее его к старой издательской практике, когда в журнале печатались всевозможные научные статьи и избегалось выражение педагогических убеждений иных, кроме официальных.

* *
*

Такова была с внешней стороны история журнальной работы Ушинского начала 60-х годов. Внутренняя сторона этой работы, ее содержание, вытекали из тех новых условий, в которых работал Ушинский, с одной стороны, и из более глубокого проникновения в сущность педагогических проблем, которые необходимо было решить в России, чтобы облегчить русскому народу выполнение его исторических задач, с другой стороны.

Поручение Ушинскому охарактеризованных выше ответственных работ (по реформе Смольного института, по преобразованию ЖМНПр в специальный педагогический журнал) естественно вызвало в нем в перспективе близящейся крестьянской реформы либеральную веру в возможность использовать на педагогическом поприще «добрую волю» правительства для широкого просвещения народа. В ближайшем будущем Ушинский видел широкие ассигнования на народное образование, размножение школ, и это обстоятельство заставляло его поднимать теоретические вопросы, чем должна быть настоящая народная школа, научно устроенная; как и где школы устроить; что и как в них преподавать; где взять для них учителей; каковы должны быть эти учителя и т. д. Зная, какими возможностями располагает современная ему Россия, для того чтобы обеспечить народную массу учителями, Ушинский на первых порах решал вопрос даже так, что в качестве учителей нужно было бы использовать и духовенство, разумеется, при условии соответствующей его педагогической переподготовки. Радужная оценка, которую давал Ушинский новым условиям своей личной и общественной жизни, наступившим в связи с поднявшимся общественным движением, скоро потускнела, но проблемы, которые Ушинский пытался решить в этих условиях, остались, и он начал искать нового их решения.

Одновременно Ушинский начал более глубоко проникать в сущность педагогических проблем, выдвигавшихся на очередь условиями русской жизни. Если ранее Ушинский видел преимущественно положительную сторону капитализма (рост на-

родного хозяйства, разделение и интенсификация труда), то теперь перед ним выступает во всей наготе та отрицательная сторона капитализма, которая выражается в эксплуатации трудящихся масс. Все чаще Ушинский говорит об этой отрицательной стороне, о росте буржуазии и ее грабительских инстинктов, а также о том, что легкая возможность быстрого обогащения соблазняет массы крестьянства, патриархальный строй которых быстро разрушается, и они заражаются моральными язвами капиталистического общества. Ушинский под этим влиянием выдвигает задачу борьбы с такими общественными болезнями, как увлечение карьеризмом, стремление жить на счет других. В противовес этой болезни Ушинский выдвигает проповедь труда, как источника человеческого достоинства и в отдельном человеке и в целом народе. Так появляются статьи Ушинского «Труд в его психическом и воспитательном значении», «О нравственном элементе в русском воспитании». Непонимание тех задач, которые Ушинский преследовал в этих статьях, нередко приводило к тому, что его обвиняли в отрицании капитализма, в защите крепостного труда, в каком-то преклонении перед патриархальным строем русского народа и т. п. Разумеется, эти обвинения являются только результатом недоразумения и совершенно не отвечают действительности. Углубляя свое понимание народности, Ушинский опубликовал замечательную статью «Родное слово», в которой с изумительной, почти поэтической силой раскрыл, как это никому до него не удавалось, значение родного слова, этого «величайшего народного наставника» как в исторической жизни народа, так и в личной жизни каждого отдельного человека. Это понимание значения родного слова в психической жизни, его связи с мышлением, с одной стороны, с чувственными впечатлениями, с другой стороны, дало возможность Ушинскому впоследствии правильно разрешить проблему построения начального обучения. Решая целый ряд принципиальных и практических проблем педагогики, Ушинский в то же время неуклонно преследовал конечную задачу разработки теоретической педагогики, превращения педагогики в науку, что может быть сделано прежде всего на основах психологии и физиологии. В редактируемом им журнале министерства Ушинский начал первую серию статей (монографий) по психологии с целью вскрыть те психологические законы, на которых должна строиться педагогическая наука.

Проблему построения новой народной школы на научных основах Ушинский освещал не только в собственных статьях, но и в статьях сотрудников, частью в переводах с иностранного. Впервые в русской педагогической литературе на страницах «ЖМНПр.» на протяжении 1½ лет появилось так много статей по истории народной школы за границей, по теории начального и среднего образования, по истории высшего образования, по

обобщению опыта воскресных школ в России, по разработке проекта школьной системы в России и т. п. Именно это педагогическое богатство, рассыпанное на страницах «ЖМНПр.», и было подлинной причиной, вызвавшей отстранение Ушинского с ответственного поста редактора.

Нужно признать, таким образом, что, редактируя «ЖМНПр.», Ушинский сумел коренным образом изменить его направление, превратив этот «бесхарактерный», бюрократически издаваемый орган в специально педагогическое издание с определенным направлением. Решая те основные задачи, которые, с его точки зрения, лежали перед органами министерства в перспективе раскрепощения крестьян, Ушинский создал орган одновременно практический и теоретический, поднимавший все методические указания на уровень определенной теории. Теоретико-педагогическим взглядам К. Д. Ушинского будет посвящена в дальнейшем особая работа.

**«Смольнинская
история»
(март 1862 г.).**

Хотя реформа Смольного института была утверждена Советом института и, следовательно, проводилась с ведома и согласия администрации его, тем не менее оставалось в силе то положение, что она не вытекала органически из педагогических идей и взглядов института в целом. Отсюда возникала, с одной стороны, необходимость смены преподавательского персонала и быстрой переделки всего десятилетиями устанавливавшегося поверхностного уклада учебной жизни института, с другой стороны, неизбежность напряженных отношений с воспитательской частью института в лице его начальницы, классных дам и законоучителя. Не отделяя образования от воспитания, Ушинский естественно приходил в столкновение прежде всего с классными дамами, присутствовавшими на уроках и по-своему пытавшихся установить дисциплину, запрещая воспитанницам задавать вопросы учителям, разговаривать с ними после уроков и т. п. И по мере того как реформа проводилась в жизнь, консервативное руководство института убеждалось, что на деле реформа представляет нечто гораздо более серьезное, чем разговоры о ней; что весь институт, все его порядки переворачиваются вверх дном, нарушается десятилетиями упрочивавшийся строй института, изменяется вся его внутренняя жизнь и идет совершенно иными, непривычными путями. На этой почве и разыгрался в самом начале 1862 г. трагический для Ушинского конфликт с реакционной частью института, возглавляемой начальницей его М. П. Леонтьевой.

Давно подготовленный конфликт этот, названный Ушинским «Смольнинской историей», начался с разногласия по поводу очередного выпуска воспитанниц института. Согласно утвержденному проекту реформы учебной части института, прежние трехгодичные классы, а следовательно, и выпуски, отменялись и новые выпуски делались соответственно распределению вос-

питанниц по системе одногодичных семи классов. Начальница решила настоять на прежнем порядке выпусков в то время как все воспитанницы института уже были распределены по семи классам. В этом смысле она послала Ушинскому 23 января 1862 г. «Пояснительную записку о выпусках воспитанниц», обходя утвержденное положение о новом порядке выпусков. На эту записку Ушинский отвечал 27 января, что «размещение девиц по классам сообразно их познаниям и возрасту, а не по годам приемов, утверждено Советом 9 января 1860 г., а с 12 апреля того же года начато преподавание во всех классах по новому порядку. Если же теперь возвратиться к старому порядку и вновь разместить девиц не по познаниям, а по годам приемов, то в Обществе благородных девиц образуются такие смешанные высшие и средние классы, в которых преподавание будет совершенно невозможно: одни из девиц одного и того же класса не будут знать начала науки, другие не будут знать ее середины, а третьи, и самые способные, принуждены будут бесполезно проходить вновь то, что раз было пройдено, и, следовательно, терять напрасно время и привыкать к лени... Таким образом, введение высочайше утвержденного преобразования будет совершенно приостановлено». В заключение своего ответа Ушинский предлагал начальнице: «Не будет ли благоугодно вашему превосходительству заранее исходатайствовать то или другое изменение высочайше утвержденного постановления» (В. И. Чернышев, К. Д. Ушинский и реформа Смольного и Александровского институтов. «Изв. АПН РСФСР», вып. 33, 1951., стр. 126—127). Несколько времени спустя, в своем объяснении по поводу возведенных на него обвинений Ушинский писал: «Получив этот ответ, г-жа начальница должна была отказаться от своих желаний и с тех пор перестала говорить со мной и тогда появились всякого рода обвинения против меня» (т. XI, стр. 318). Собственно эти обвинения имели место и раньше, так как столкновения Ушинского с классными дамами начались с первых дней появления в стенах института Ушинского и приглашенных им новых преподавателей: классные дамы жаловались начальнице, начальница шла с своими жалобами дальше и Ушинского вызывали для объяснений, которые кончались пока что благополучно. К началу 1862 г. количество недовольных возросло и к целому ряду столкновений бытового порядка присоединились столкновения идеологического содержания. Законоучитель Гречулевич неоднократно обвинял Ушинского, на основании своих разговоров с ним, в безбожии, в политической неблагонадежности. Вся вообще работа новых преподавателей во главе с Ушинским представлялась консервативной половине Смольного как разрушение прежних добрых нравов в институте и насаждение среди воспитанниц безнравственности. Так оформилось к началу 1862 г. то большое обвинение, которое было предъявлено Ушинскому консервативной частью института.

Восстановить во всех подробностях обстоятельства, при которых разыгралась «Смолянская история», закончившаяся уходом Ушинского из этого учреждения, сейчас трудно по недостатку материалов. Есть черновик оправдательной записки Ушинского, который писал ее, не имея под руками жалобы и не зная полностью обвинения, ему предъявленного. Жалоба эта и до настоящего времени не найдена, но несомненно, что именно она являлась исходным моментом внезапно разыгравшейся истории. По словам ближайшего очевидца этой истории, Л. Н. Модзалевского, «в начале 1862 г. главноуправляющим ведомством имп-цы Марии, принцем П. Г. Ольденбургским... был получен обширный доклад начальницы института, кажется, за подписью некоторых членов педагогического совета о том, что Ушинский со своей партией распространяет в заведении безбожие и безнравственность» («К биографии Ушинского». Тифлис, 1881, стр. 11). В своей записке, которую Ушинский подал гр. С. С. Ланскому, с 1862 г. вошедшему в должность члена общества по ученой части и которому, очевидно, была препровождена жалоба начальницы, Ушинский настаивал, что его единственная вина в том, что он отказался выполнить требования начальницы, противоречившие высочайше утвержденным постановлениям: «Справедливость этого я прошу ваше сиятельство обнаружить формальным исследованием. На это по закону имеет право всякий обвиненный, а мне не показали даже бумаги, в которой меня обвиняют». В оправдательной записке содержатся объяснения также по целому ряду мелких столкновений и случайных разговоров, которыми, очевидно, аргументировалась жалоба на Ушинского и его преподавателей. Поэтому, выражая свое глубокое огорчение по поводу того, что обвинения против некоторых преподавателей скрыты от него, «тогда как по закону они прямо должны бы быть мне переданы для расследования их справедливости», — Ушинский настойчиво заявлял: «Я желал бы, чтобы все мои служебные действия были подвергнуты подробному и открытому исследованию, и убедительнейше прошу вас назначить надо мной формальное следствие; но имею, кажется, полное право просить также, чтобы моя домашняя жизнь и мои домашние разговоры были оставлены в покое. Нет ничего больнее, тяжелее и неудобнее, как защищаться от обвинений подобного рода!» (т. XI, стр. 323, 325).

Не может быть сомнений в том, что формально Ушинский был прав. Но для опекунов института было важно не то, кто прав, кто виноват, а то, чтобы прекратились «беспорядок» и «беспокойство» во внутренней жизни института. Правда, Ушинский защищал новые порядки в жизни института. Но если поставить на весы эти новые порядки и порядки старые, то еще вопрос, какие из них перевесят в мнении тогдашней высшей администрации института. Поэтому нужно считать совершенно правильным мнение, высказанное другим современником

«Смольнинской истории», Д. Д. Семеновым, который в своих воспоминаниях («Из пережитого», «Русская школа», 1895 г., № 2, стр. 119) писал: «Ушинского столкнули интриги лиц, не сочувствовавших широкой реформе женского институтского образования и не разделявшие величайшего блага освобождения крестьян». Реакционные интриги были бесконечно сильнее той формальной правды, которой добивался Ушинский. Понятно, что формальное следствие, на котором настаивал Ушинский, было не допущено и ему предложили другой исход. Следует принять во внимание и то соображение, которое было высказано одним из ближайших друзей и сотрудников Ушинского Ю. С. Рехневским, который в своем некрологе, посвященном Ушинскому, писал: «Человек более уступчивый, чем Ушинский, обладающий большим дипломатическим тактом, которым Ушинский вовсе не отличался, по всей вероятности, с большей легкостью успел бы провести эти преобразования; но Ушинскому они стоили невероятных трудов и усилий. Он шел прямым путем, не зная окольных дорог, добивался осуществления своих идей настойчиво, со свойственной ему энергией и резкостью, не щадя чужого самолюбия и не отступая ни на шаг от своих убеждений. Борьба, которую он должен был выдержать, пока осуществились его планы, совершенно истощила его силы и расстроила его здоровье» (т. XI, стр. 418). Несомненно, что «всегда шероховатый», по собственному признанию Ушинского, характер его также сыграл известную роль в том конфликте, которым закончилась реформа Смольного института. Но, конечно, решающую роль сыграла та причина, на которую указывал Семенов, т. е. «интриги лиц, не сочувствовавших широкой реформе женских институтов».

В конечном счете судьба Ушинского решилась в связи с теми советами, какие были даны лицами, ему наиболее сочувствовавшими, но не имевшими возможности противопоставить что-либо той консервативной традиции, которая выступила против Ушинского. Ушинский, очевидно, должен был прежде всего иметь беседу с Главноуправляющим женскими учебными заведениями, бывшим в курсе обвинений, выдвинутых против Ушинского, а равным образом и того, какой удельный вес имели эти обвинения в придворных сферах. Возможно, что Ушинский был вызван к нему для объяснений и ему дано было понять, что в сложившихся условиях ему целесообразнее всего получить по расстроенному здоровью заграничную командировку для выполнения поручения, какое ему представится наиболее подходящим в его положении. Если верить слухам, распространенным в то время, то положение Ушинского в связи с инцидентом в институте объективно внушало большие опасения, которые в то время были весьма естественны.

Находясь уже за пределами России, Ушинский серьезно опасался, как бы в связи с различными слухами, ходившими о

«Смольнинской истории» как в России, так и за границей, его не вызвали обратно в Россию для допроса и расследования уже не по его жалобе, а по обвинению в политической неблагонадежности.

Только постепенно он успокаивался, находя, что самым надежным в его положении является пребывание в роли командированного за границу для изучения европейского педагогического опыта.

По ходу событий можно полагать, что беседа Ушинского с Главным управляющим происходила в начале второй половины марта, после чего Ушинский, обиженный, что ему не показали даже доноса, на основании которого он отстраняется от службы, обратился с протестующим письмом к старейшему члену совета Воспитательного общества, гр. С. С. Ланскому, требуя гласного, подробного и открытого исследования всего дела.

Формально это было заявление о правах обиженного человека, дела которого никто по существу не разобрал. Но фактически такое заявление могло получить силу только в условиях демократического общественного строя, о чем в самодержавной России и мечтать было нельзя.

Вероятно, Ушинский хорошо сознавал это, но официально не мог не заявить свой протест, как бы наивно не выглядело в условиях тогдашней России его желание о подробном и открытом расследовании всего его дела.

Совершенно очевидно, что Ланской не смог удовлетворить этого желания Ушинского, поскольку направление всему делу было уже дано от Главного управляющего женскими учебными заведениями. Уяснив это, К. Д. Ушинский с свойственной ему решимостью 22 марта сразу направил три заявления. **Первое** было подано в Совет Воспитательного общества: Ушинский сообщал в нем, что расстройство здоровья заставляет его уехать за границу на продолжительное время, вследствие чего просит исходатайствовать ему увольнение от занимаемой им должности инспектора классов института. **Второе** заявление было подано управляющему министерством просвещения А. В. Головнину: Ушинский сообщал, что, желая служить по ведомству МНПр, он просит причислить его к министерству с оставлением, если окажется возможным, в ведомстве IV отделения имп. канцелярии. **Третье** заявление было направлено Главному управляющему IV отделением принцу П. Г. Ольденбургскому: Ушинский просил об увольнении от должности инспектора классов по болезни, об оставлении членом IV отделения с сохранением получаемого по должности инспектора классов годового содержания. Одновременно Ушинский сообщал, что он получил от министерства просвещения поручение осмотреть народные школы и описать подготовку учителей к этим школам с условием причисления его к мини-

стерству и, наконец, что он принял это предложение с тем, чтобы его главная служба считалась в IV отделении. В связи с этим Ушинский сообщал, что если он будет откомандирован IV отделением за границу, то он мог бы собрать сведения о женских учебных заведениях, полезные для IV отделения (К. Д. Ушинский, Соч., т. XI, стр. 330).

Быстрее всего реагировал на заявление Ушинского министр просвещения А. В. Головнин. В тот же день на четвертушке бумаги он написал кому-то из служащих сущность дела Ушинского: «Государь разрешил причислить к МНПр. г. Ушинского с увольнением от должности инспектора классов Смольного монастыря* и командировать за границу на год для изучения устройства учительских семинарий. Полагаю назначить ему всего 1500 рублей на поездку и прошу к завтраму изготовить отношение, а сегодня г. Ушинского уведомить: он должен на днях ехать. Живет в Смольном монастыре». Возможно, что Головнин 22 марта имел доклад у царя и получил его согласие на причисление Ушинского к МНПр. Вопрос однако же разрешился несколько иначе. 23 марта Головнин осведомил особым отношением принца Ольденбургского о том, что он дал Ушинскому некоторые поручения на год за границей, но что Ушинский желал бы остаться в ведомстве IV отделения. Что касается заявления Ушинского Главноуправляющему IV отделением, то резолюция сводилась к тому, что после увольнения Ушинский причисляется в качестве члена к учебному комитету, состоящему при IV отделении.

Ему дается поручение осмотреть замечательнейшие из заграничных училищ и представить возможно подробное описание их устройства и управления. Головнин 19 апреля, отвечая на какой-то запрос принца, писал ему: «Коллежский советник Ушинский по известным вашему высочеству причинам не может быть причислен к МНПр.». Но, вероятно, учитывая болезненное состояние Ушинского, решено было сохранить его в учебном комитете IV отделения.

Окончательно вопрос о командировке Ушинского был разрешен только 24 апреля 1862 г. По докладу Главноуправляющего IV отделением об увольнении Ушинского от должности инспектора классов Смольного института было приказано:

1) Уволив Ушинского от означенной должности, причислить в качестве члена к учебному комитету с сохранением впредь до особого распоряжения получаемого содержания 2230 руб. (за исключением 200 руб. за преподавание педагогики); 2) командировать за границу на один год с поручением осмотреть некоторые из замечательнейших женских учебных заведений и пред-

---

* Смольный институт в просторечии часто назывался монастырем, так как в составе зданий, в которых помещался институт, с давних пор располагался женский монастырь.

ставить по возвращении возможно подробное описание их устройства и управления; 3) назначить ему единовременное пособие в сумме 1115 рублей на поездку за границу» (ЦГИАЛ, ф. 759, оп. 39, д. 4631. Дело по III экспедиции IV отд. О назначении Тимофеева инспектором классов и увольнении Ушинского, л. 20). Приказ о командировке был получен Ушинским только 9 июля 1862 г.

Так наступил конец службы Ушинского в системе учреждений императрицы Марии. Начиная эту работу, он уже имел данные, чтобы догадываться о том, что его конкретно ожидает в случае, если он не откажется от демократических своих убеждений. На примере Е. О. Гугеля, идеи которого, несогласные с мнениями руководящих сфер, были сочтены признаком его умопомешательства, вследствие чего он был отправлен в психиатрическую лечебницу, где и скончался, Ушинский получил первое предостережение. В этой трагической судьбе талантливого педагога России, имевшей место всего полтора десятка лет до назначения в Гатчину Ушинского, последний утешал себя соображением, что «лучше было бы, если бы Гугель жил в настоящее время, когда уже научились лучше ценить педагогов и педагогические идеи» (см. выше, стр. 154). Но примерно за год до увольнения Ушинского царским указом от 11/III—1861 г. был снят с должности попечителя Киевского учебного округа популярнейший педагог в России Н. И. Пирогов, деятельность которого отрицательно оценивалась реакционными кругами.

Но и в этом случае Ушинский все же утешал себя тем, что в недалеком будущем «общество будет более в состоянии ценить людей, которые служили ему, не унижаясь до заискивания его милостей» (Соч., т. III, стр. 12). Под «обществом» Ушинский иносказательно разумеет те реакционные силы, которые добились устранения Н. И. Пирогова. А еще через год был снят с работы сам Ушинский, не сумевший приспособиться к этому обществу».

Ушинский, принимая на себя ту или другую ответственную работу, выполнял ее по велению собственных убеждений, а не из желания выслужиться.

Как ни тяжел был удар, полученный Ушинским, он мужественно продолжал свою линию теоретической и практической разработки русской педагогики в интересах нового, демократического общества.

Вместе с уходом Ушинского из Смольного была ликвидирована прогрессивная сторона его реформы: ушли часто и недобровольно почти все приглашенные им учителя и вместо них приглашены явные враги реформы Ушинского — А. Филонов, А. Радонежский и др. Материально Ушинский был, конечно, удовлетворен. Морально он был убит именно тем, что его оторвали от любимого творческого дела и как раз в тот момент,

когда оно начало разворачиваться, оторвали именно те, кто чужд подлинно педагогическим интересам. Всю тяжесть нанесенного ему оскорбления Ушинский пережил мучительно еще раз, когда, посетив Берн и знакомясь со школой Фрелиха, свободно осуществлявшего в школе свои творческие опыты, он вспомнил свою «Смольнинскую историю». В первой же записи своего дневника Ушинский писал: «Ходя по заведению Фрелиха, все вспомнил я, и опять наполнилось мое сердце сожалением, злобой, мстью, а более всего трепещущим огорчением» (т. XI, стр. 64—65).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

К. Д. УШИНСКИЙ В ЗАГРАНИЧНОЙ КОМАНДИРОВКЕ (1862—1870)

Общий очерк
всего периода
жизни
К. Д. Ушинского
в заграничной
командировке.

Последовательно освобожденный от ряда служебных работ, Ушинский вынужден был признать, что в условиях русской жизни того времени он неприспособлен для творчески-практической работы, отвечающей его убеждениям. Но это не значило, что он отказывается от сознанный им задачи служения народу в качестве просветителя-демократа: он решился выполнять эту задачу, временно удалившись в заграничную командировку и занявшись теоретическим осмысливанием опыта передовых стран Европы в деле воспитания подрастающих поколений. Ему казалось, что пройдет один-другой год и по выполнении порученного ему задания он вернется на нормальную творческую работу в России. Однако же с каждым годом он убеждался, что никакой больше ответственной работы в России ему не удастся найти, особенно в связи с все более усиливавшейся реакцией. Ему оставалось только откладывать на другие сроки предоставленную при содействии покровительствовавших ему лиц командировку. Эту непосредственно найденную Ушинским на последнем этапе его жизненного пути, единственно возможную для него форму творческой работы в условиях царской России возможно поэтому охарактеризовать как перманентную командировку, которая непрерывно возобновлялась и все вновь продолжалась вплоть до смерти Ушинского. Это была, можно сказать, пожизненная командировка, полученная Ушинским для выполнения ряда научных работ, в которых, вопреки убеждению противников Ушинского, Воспитательное общество все же нуждалось.

Если, с точки зрения чисто биографической, история приглашения Ушинского в качестве даровитого и опытного педагога для реформы Смольного института и его увольнения с почетной ссылкой в заграничную командировку без фактической возмож-

ности вновь включиться в близкое его интересам и его специальности дело — представляется явлением обычного житейского порядка, которое необходимо прежде всего констатировать как факт, то, с другой стороны, всякий факт может породить десятки вопросов, свидетельствующих, что сам по себе он еще не заключает необходимой ясности. В самом деле, что значит, что учреждение императорской канцелярии приглашает Ушинского для реформы подведомственного ему учебного заведения? что значит, что Ушинский принимает это приглашение? кому он служит и кто он такой? Такие вопросы углубляют и осложняют любой факт, и, конечно, они законны, если ответы для их решения даются на основе дополнительных фактов, а не по предвзятым, тенденциозным соображениям. Нередко такие тенденциозные соображения играли решающую роль в суждениях об Ушинском. Он рассматривался как орудие реакционного русского правительства, выдвинутое на поле просвещения с специально реакционными целями. На основании материалов, изложенных выше, такой взгляд нужно признать ошибочным, продиктованным предвзятыми, тенденциозными целями. Ушинский был приглашен реакционным правительством не по особым политическим соображениям, а как специалист-педагог, который мог бы осуществить назревшие реформы в институте. Так как наиболее реакционная часть института была, однако же, настроена против реформы, Ушинский же действовал прямо, не зная обходных путей, то в конечном итоге пришлось примириться с его удалением, так как реакционная часть института имела на своей стороне императрицу-мать. Но в устранении Ушинского была и другая сторона: Герцен писал, что императрица, пригласившая Ушинского, была бессильна его защитить. Замечание это бросало известную тень на императорскую семью в глазах заграничных деятелей, и нужно было до известной степени сохранить ее престиж так, чтобы приглашенный ею педагог не выглядел изгнанником.— Что касается самого Ушинского, то, принимая предложения реформировать институт, редактировать журнал и пр., он действовал как педагог-специалист, знающий свое дело, и действовал самостоятельно и независимо, не считаясь с тем, нравится это кому-либо, или нет. Он руководился во всей своей работе давно сложившимся в нем убеждением, что Россия вступила в новый этап своего развития, этап промышленного, капиталистического развития и что теперь во всех областях жизни нужно преследовать одну задачу, задачу борьбы с феодальной реакцией, стремящейся удержать свои ослабевшие позиции. Эту борьбу в области педагогики Ушинский неуклонно вел и теоретически и практически. Силы феодальной реакции, сразу разгадавшие его направленность, воспользовались моментом острой напряженности отношений внутри института, чтобы в особой жалобе представить Ушинского опасным и вредным идеологом. На такую жалобу необходимо было немедленно реагировать тем

лицам, которые считали себя по занимаемым должностям ответственными за находящиеся в их ведении участки работы.

Приведенное выше сообщение Л. Н. Модзалевского, широко осведомленного по роду своей работы в событиях того времени, гласило, что Ушинский был отстранен от работы в силу чисто формальных соображений Главноуправляющего учебными заведениями ведомства имп. Марии, принца Ольденбургского. Это значит, что Главноуправляющий находился под влиянием реакционной части Воспитательного общества благородных девиц и, получив жалобу, со всей ответственностью осознал грозящую ему опасность за несвоевременное реагирование на события, происходившие в Смольном под его наблюдением и управлением. Поэтому он пригласил Ушинского и в резкой форме, не показывая ему доноса, в котором на него жаловались, предложил ему подать заявление об уходе из Смольного. Модзалевский сообщает, что именно после этого предложения Ушинский вынужден был сделать заявление об увольнении вследствие отъезда за границу по расстройству здоровья.

В общем он получил командировку за границу по болезни с сохранением жалованья по прежней должности. По линии IV отделения ему было поручено изучение постановки учебной работы в женских учебных заведениях в Европе.

Со стороны Министерства народного просвещения К. Д. Ушинскому было дано поручение изучить народные школы в странах Западной Европы и представить соответствующие материалы, в которых дать описание подготовки учителей этих школ.

Заграничная командировка, под видом болезни, была для Ушинского единственно возможной разрядкой все ухудшавшейся атмосферы вокруг его работы в Смольном институте. Хотя Ушинский не мог не выразить удовлетворения материально обеспеченной командировкой и появившейся возможностью выполнить свои научные работы по педагогике, но эту вынужденную командировку считал для себя почетной высылкой.

За два месяца до ухода из Смольного Ушинский 8 декабря 1861 г., сообщая Белюстину о том, что он уже вышел из редакции министерского журнала, предвидел необходимость в ближайшее время уйти и из Смольного. Видимо, прекращение издания педагогического журнала было воспринято Ушинским очень болезненно. Он писал тогда: «Что я сделаю с собой, я сам еще не знаю, но на первый раз думаю в феврале ехать за границу и, если там понравится, то поселюсь где-нибудь в Германии и займусь для денег детской литературой, для себя и для немногих — психологией и педагогикой... Вот мои мечты, но даже не планы, — так много препятствий к их осуществлению». Жизнь своеобразно осуществила те мечты, на реализацию которых даже не смел надеяться Ушинский.

Принимая командировку и в дальнейшем пользуясь ею для выполнения созревших у него работ, Ушинский следовал давно складывавшемуся у него взгляду на возможность продуктивной работы в условиях царской России. С юности испытывая органическое недоверие к службе и к чиновничьей карьере и на опыте убедившись в правильности этого своего предубеждения, Ушинский считал, что самым целесообразным в его положении было бы найти такой род работы, который менее всего стеснял бы его обязательными занятиями, с одной стороны, и, с другой стороны, давал бы известный простор для его собственной творческой работы. Так он поступил после отстранения от работы в Ярославском лицее, взяв самую ничтожную и безответственную должность помощника столоначальника в департаменте духовных дел, обеспечившую ему возможность самостоятельной литературной работы. Так он поступил и после отстранения от работы в Смольном. Он выразил желание выполнять те или иные поручения в заграничной командировке, избрав последнюю как тот образ жизни, который единственно может его удовлетворить в условиях царской России. Это не значит, конечно, что Ушинский удовлетворялся пребыванием за границей: напротив, он все время тосковал по оставленной родине, но спокойно работать он мог только вдали от нее. Только таким образом он имел возможность выполнять те работы, которые лежали в плане его собственных творческих задач. Именно поэтому, несмотря на многочисленные осложнения, связанные с болезнью, удалением от родины, нередкими материальными затруднениями, период заграничной командировки был для Ушинского наиболее интенсивным по напряжению его творческих сил и наиболее продуктивным по результатам.

Переписка Ушинского и официальные материалы фондов IV отделения имп. канцелярии, членом учебного комитета которой Ушинский был зачислен, дают возможность документально установить, что до своей смерти Ушинский считался в командировке для выполнения данных ему поручений — сначала по изучению и описанию передовых женских школ в Европе, а затем — по составлению учебного пособия по педагогике для женских учебных заведений. Командировка за границу, первоначально данная Ушинскому на год, постоянно затем возобновлялась до последнего года жизни Ушинского. И если в первые годы Ушинский жил за границей со всей своей многочисленной семьей, то в 1867 г., ввиду необходимости определить старшего сына в русскую гимназию и одновременно пристроить в школы младших детей, Ушинский перевез семью в Россию, но сам продолжал выезжать для лечения и для работы за границу. Таким образом, последовательно полученные Ушинским командировки и отсрочки к ним могут быть представлены в следующем виде: на 1862/63 год он получил первую командировку, которая затем была продлена на 1863/64 г. На 1864/65 и 1865/66 гг.

Ушинский получил вторую командировку для составления учебника педагогики для женских учебных заведений, причем ввиду болезни и опасения простуды в зиму 1866 г. просил разрешения вернуться весной 1867 г. и привез с собой первый том «Антропологии», который к концу этого года вышел из печати. В январе 1868 г. Ушинский получает продление командировки для окончания работы над вторым томом и уезжает за границу. По возвращении оттуда он печатает второй том, который выходит из печати в марте 1869 г. Казалось бы, что с напечатанием двух томов «Антропологии» можно было считать обязательства, возложенные на Ушинского, формально законченными. Однако же для написания третьего тома Ушинский получает разрешение выезжать для работы в места, какие только он найдет благоприятными для своего здоровья — на юге России или в Европе. Нельзя уверенно сказать, что это была третья командировка. Это было продолжение затянувшейся второй командировки. За все время командировок Ушинский получал то содержание, которое причиталось ему в Смольном по должности инспектора классов. Предполагая начать работу над третьим томом «Антропологии», Ушинский получает в феврале 1870 г. заграничный паспорт для поездки в Италию. По дороге, в Вене, он почувствовал себя настолько плохо, что по совету врачей вернулся на юг России для лечения кумысом. В это время он принял участие в конференции учителей, происходившей в Симферополе. Осенью того же года, потрясенный неожиданной смертью старшего сына Павла, он еще раз отправился с младшими сыновьями в Крым, намереваясь работать над очередными книжками «Родного слова» и третьим томом «Педагогической антропологии», но в Одессе захворал, и здесь, в самом конце 1870 г., по ст. ст. 22 декабря его застигла смерть.

Таким образом, за 8 лет Ушинский получил две специальные командировки, которые дали ему возможность выполнить некоторые существенные черты плана его теоретической работы в области педагогики. Первая командировка с 1862 по 1864 г. была дана для изучения женских учебных заведений в Европе и описания опыта их работы; вторая с 1864 г., будучи получена Ушинским для написания учебника по педагогике («Антропологии») фактически протянулась до его смерти. В течение первой командировки Ушинский обобщает опыт европейской школы, устанавливает, что из этого опыта может быть привлечено в русскую народную школу и предпринимает собственный опыт составления учебной книги для начального обучения — «Родное слово»; в течение второй командировки Ушинский всецело погружается в разработку психологических и физиологических основ научной педагогики с тем, чтобы одновременно с завершением этой огромной работы создать в конечном итоге общедоступный учебник по этой дисциплине. Объединяющая эти этапы общая черта заключается в том, что, в отличие от целого ряда современ-

ных ему русских педагогов, Ушинский ведет **свою линию** в педагогике. Скептически относясь к бюрократической возне с проектами школ, критически изучая опыт европейских школ, Ушинский в то же время настойчиво ищет ту единую педагогическую идею, которая должна оплодотворить собой как практическую работу русской народной школы, так и теоретические построения научной педагогики. Поиски этой педагогической идеи, которая должна будет лечь в основу научной педагогики, и составляют особенность периода заграничной командировки Ушинского, способствовавшую как глубине, так и продуктивности его работы за это время.

Восемь с лишком лет, проведенных Ушинским в заграничной командировке, богаты событиями как в европейской, так и в русской жизни. Выполняя лежавшую перед ним задачу разработки педагогической науки, Ушинский одновременно так или иначе откликался и на эти события. К сожалению, материалов, по которым можно было бы восстановить более или менее полно биографическую канву жизни Ушинского за этот период, по обыкновению, мало, но тем драгоценнее каждый даже небольшой факт, бросающий свет на отдельные моменты этого богатого творческими усилиями периода жизни Ушинского.

1. ПЕРВАЯ ЗАГРАНИЧНАЯ КОМАНДИРОВКА К. Д. УШИНСКОГО (1862—1864)

Педагогическое
путешествие
1862—1863 гг.

В своем кратком отчете, написанном 5 февраля 1863 г., Ушинский так описывает условия, в которых прошла эта его командировка: «Из С.-Петербурга мог я выехать только в половине мая по причине тяжелой болезни... Прибыв в Швейцарию в первых числах июня, я начал осмотр учебных заведений, чрез несколько дней снова сильно заболел. Когда я стал немного поправляться, доктора послали меня на воды, назначив, кроме того, выдержать два лечебные курса: сывороточный и виноградный и требовали, чтобы я провел зиму на месте, а не в разъездах. Таким образом, из девяти месяцев, проведенных мной за границей, я едва мог только употребить три на обзор учебных заведений».

Непосредственно по приезде за границу Ушинский поселился в Бонне на Рейне, но, по совету врачей, переехал в Швейцарию, в городок Веве на берегу Женевского озера. Обосновавшись здесь, Ушинский на время выехал в Интерлакен (климатическая станция в кантоне Берн) для сывороточного лечения. «Здесь,— писал Ушинский своему другу Скребицкому 24. VII 1862 г.,— много русских, но все не нашего прихода. Здесь вдовствующая мать, королева неаполитанская, здесь эксгерцоги австрийские, Муравьев (который — амурский или министр — не знаю); здесь граф Путятин лечится от ханжества и зверства; здесь же:

и бедняга Кошут: вот в каком мы месте. Но главное — здесь прохладнее; однако же сегодня я опять проснулся весь в поту; вытерся комнатной водой утром и простудился, — кашляю. Мы нашли квартиру — пансион недалеко от Интерлакена в хорошем, довольно высоком месте и как только жена приедет, так там и поселимся» (т. VII, стр. 196). Окончив курс сывороточного лечения, Ушинский вернулся с семьей в Веве и с 2 сентября отправился в свое «педагогическое путешествие», систематически подвергая осмотру женские учебные заведения в различных кантонах Швейцарии — Бернском, Арговийском, Цюрихском. Наиболее сильное впечатление оставили в Ушинском школы Берна и Цюриха. «В Берне, — пишет Ушинский, — прежде всего изучил я подробно знаменитое и действительно во всех отношениях превосходное заведение, управляемое известным педагогом г. Фрелихом. Заведение это потому преимущественно заняло меня, что в нем: 1) соединены все ступени женского образования, начиная от школы малолетних и оканчивая специальными классами для приготовления учительниц; 2) почти все предметы преподаются учительницами, получившими образование в том же заведении; 3) по всем классам проведена самая строгая и вполне педагогическая система учения, какой я не встречал нигде в других местах. Посещая ежедневно классы, пересматривая письменные упражнения девиц, замечая полезные приемы преподавания, я собрал подробнейшие сведения об этом замечательном училище. Кроме того, осмотрел я в Берне училище для дочерей Бернских граждан, среднее учебное заведение для девиц, несколько первоначальных школ, где учатся дети обоего пола, собрал уставы, программы и учебники всех этих заведений». После Берна внимание Ушинского привлекли женские школы Цюриха. «Здесь, — пишет Ушинский, — осмотрел я замечательное городское женское учебное заведение, в котором так же, как и в училище Фрелиха, соединены все три ступени женского образования. Это заведение замечательно тем, что все преподавание в нем расположено по методу знаменитого швейцарского педагога Шерра. Метода эта имеет очень много преимуществ и с пользой, как кажется, могла бы быть применена у нас. Вот почему я обратил на нее особенное внимание, приобрел все руководства, составленные Шерром, и в продолжение зимних месяцев, которые должен был по предписанию медиков провести на одном месте, составил, применяясь к методу Шерра, первоначальный учебник, в котором учение чтению, письму и сообщению реальных знаний соединены в одно целое. Учебник этот я буду иметь честь представить при подробном отчете о моей поездке». Кроме специальных женских учебных заведений, Ушинский осматривал везде, где представлялась возможность, начальные школы и особенное внимание посвящал учительским семинариям, в частности, внимательно изучил учительские семинарии в Мюнхенбухзее, Веттингене и Цюрихе.

23 сентября Ушинский вернулся в Веве и начал по рекомендации врачей виноградный курс, принявшись одновременно за литературную обработку собранных материалов. В декабре Ушинский предпринял новое путешествие и посетил кантоны — Невшательский, Водский и Женевский. Особенное внимание Ушинского привлекли школы в Женеве. «Здесь, — пишет Ушинский, — осмотрел я высшую школу для девиц, устроенную частным обществом. Эта школа в особенности замечательна тем, что в ней преподают лучшие профессора Женевской академии, а должности классных дам исправляются поочередно матерями девиц, обучающихся в школе. Не могу при этом не заметить, что весьма полезно было бы устроить нечто подобное и в наших открытых учебных заведениях. В Женеве же изучил я в подробности женскую городскую школу, где также соединены все три ступени женского учебного образования. Во всех классах этого заведения преподают учительницы: в младших — все предметы, в старших — некоторые. Каждый класс имеет свою главную учительницу — воспитательницу... Женевские школы замечательны необыкновенным своим разнообразием и особенной простотой и практичностью своих уставов, которые, равно как и программы, я собрал. Здесь же осмотрел я детские сады, из которых один, устроенный вполне по методу Фребеля, особенно замечателен. Вообще, в Женеве так много разнообразных школ, что, проведя там около трех недель, я нахожусь в необходимости еще раз посетить этот город». В Женеве Ушинский, между прочим, посетил лекции «знаменитого Фогта. Слушателей человек 7. Некоторые — дети эмигрантов. Фогт читал о крустацеях, в выговоре слышно — немец. Обладание предметом огромное, анатомические познания изумительны и чтение завлекательно, несмотря на сухость предмета. Фогт — коренастый, почтенный человек, с самолюбием бесконечным; видно, любит хорошо покушать и задыхается после обеда. После лекции он пригласил меня к себе в кабинет, говорил о своей дружбе с Герценом и Бакуниным. Очень самоуверенно принял мои слова, что в России имя его хорошо известно. Жаловался на плохое жалованье — 3000 франков за 4 лекции. Когда я заметил, что этим действительно трудно жить, то он не без гордости сказал, что зарабатывает себе еще пером. Есть что-то отталкивающее в этом человеке. Он, видимо, франтит своим изгнанничеством и своими резкими идеями. Скажу русской пословицей: ума много да разума мало» (т. XI, стр. 122).

Возвращаясь из Женевы, Ушинский простудился и пролежал в болезни январь и февраль 1863 г. 17 февраля, поднявшись с постели, Ушинский пишет краткое и унылое письмо Модзалевскому: «Ах, как бы мне выбраться отсюда живому! Этот климат меня окончательно расстроил» (т. XI, стр. 171). Составляя 5 февраля свой краткий отчет IV отделению, Ушинский писал, что в остающиеся ему два месяца до возвращения

в Петербург он надеется посетить еще несколько заведений в Париже, Страсбурге, может быть несколько заведений в Южной Германии, учебные же заведения Северной и Средней Германии, а также Бельгии он вынужден будет оставить без осмотра, что лишит его возможности выполнить тот план, который он себе составил, а именно — план систематического описания заграничных женских учебных заведений, различных по своему устройству. Отсюда, естественно, следовал вывод, что для окончания предпринятого осмотра учебных заведений необходимо продлить командировку на следующий год. В заключение своего краткого отчета Ушинский коротко излагает несколько мыслей, на которые навел его осмотр учебных заведений в течение первого года командировки и дальнейшее развитие которых он намерен проследить при предстоящем ему осмотре заведений в следующем году. Мысли эти, как итог сделанных им наблюдений, Ушинский формулирует так:

«1. Необходимость специального приготовления учителей и учительниц для женских учебных заведений. Недостаток такого специального приготовления составляет самое резкое отличие наших школ от заграничных. Это приготовление легко можно было бы организовать при наших закрытых женских учебных заведениях и женских гимназиях. Специальные классы, существующие у нас при некоторых закрытых заведениях, не удовлетворяют своей цели.

«2. Необходимость возможного соединения воспитательной и учебной части, существующего здесь решительно повсюду. Разъединение этих двух частей в наших женских учебных заведениях приносит очень много вреда не только тем, что до крайности увеличивает издержки, но еще более тем, что лишает учение воспитательного влияния, а самое воспитание превращает во внешний надзор за порядком.

«3. Необходимость введения в младших классах женских учебных заведений классной системы преподавания вместо предметной, которая, к сожалению, у нас до сих пор везде преобладает. Я видел здесь несколько заведений (в том числе цюрихскую главную школу), в которых одна перемена предметной системы преподавания на классную значительно исправила заведение. Предметная система преподавания решительно здесь уничтожается повсюду, где только оставалась до сих пор.

«4. Всех вышеозначенных улучшений возможно достигнуть у нас не иначе, как допустив в женских заведениях преподавательниц, специально подготовленных к своему делу, и которые, преподавая в младших классах все предметы, а в старших некоторые, были бы в то же время действительными воспитательницами... В женском преподавании есть много хороших качеств, которые реже встречаются в мужском: особая аккуратность, точность, настойчивое терпение, зоркая внимательность. Вообще я убедился здесь, что в женских шко-

лах и в особенности в младших и средних классах преподавательницы гораздо более на месте, чем преподаватели... Имея в виду подробное изложение этой мысли, я намерен и впредь с особенным вниманием осматривать женские семинарии, собирать их уставы и программы и изучать в них приемы преподавания и способы практических занятий.

«5. Для образования городского сословия необходимы два рода заведений: высшие и низшие, из которых низшие служили бы как для окончательного образования некоторых, не желающих продолжать учение далее, так и для приготовления других к поступлению в высшие заведения. Связь между высшими и низшими заведениями устроить не очень легко. Я обращаю внимание именно на изучение этой связи.

«6. Особенного внимания в Швейцарии заслуживают рабочие или рукодельные школы: они, обходясь правительству весьма дешево, приносят очень много пользы...

«7. Везде я обращаю особенное внимание на учебники и приобретаю те из них, которые, по моему мнению, могут принести пользу у нас, потому что недостаток хороших учебников сильно чувствуется у нас, особенно в женских заведениях.

«8. Присутствуя здесь при преподавании, репетициях и экзаменах, где удавалось, я заметил, что у нас преподавание слишком растягивается вширь, а здесь, наоборот, оно захватывает менее предметов, но изучает их глубже, основательнее и прочнее. Особенно мало предметов в младших классах, и вообще, здешние программы распределения предметов по классам доказывают большую опытность распределителей.

«9. В нашем преподавании нет центрального предмета, вокруг которого группировались бы все прочие, здесь же таким центральным предметом везде служит отечественный язык, которым занимаются гораздо более и систематичнее, чем у нас. Я обращаю особенное внимание на эту централизацию предметов, которая возможна только при классном преподавании.

«10. Не могу не заметить также еще одного преимущества здешних школ: классное пение является в них могущественным воспитательным средством. Оно не только оживляет класс, но сильно действует на развитие в детях истинно человеческих чувств. В наших женских учебных заведениях также занимаются пением, но весьма немногие и притом пением искусственным, классного же пения в настоящем смысле этого слова у нас совершенно не существует и нельзя ввести его до тех пор, пока мы не будем иметь специально приготовленных классных учительниц и учителей»*. Выводы, сделанные Ушинским из посещения европейских школ, говорят о том, что, несмотря на

---

* ЦГИАЛ, ф. 759, д. 4631, лл. 29—36, 1862 г. Приведенные выше отрывки из первого отчета Ушинского о его заграничной командировке публикуются впервые.

девятимесячное болезненное состояние, он успел сделать много и многое творчески продумать. Отстраненный от работы в Смольном, он все же творчески относится к порученному ему делу и намечает ряд крупных реформ в русском женском образовании, продуманных на основе знакомства с порядками передовых европейских школ. За год болезни он успел сделать не только эти практические выводы, но и осуществить целый ряд литературных работ: он написал и опубликовал в «ЖМНПр.» за 1862—1863 гг. семь писем о своем «Педагогическом путешествии по Швейцарии», разработал первые очерки «Родного слова», создавшего ему прочную славу великого русского педагога, углубленно работал над теоретическими вопросами педагогики, подготавливая свой капитальный труд по педагогической антропологии.

24 апреля 1863 г. истекал срок годичной командировки Ушинского, а следовательно, он должен был явиться лично в Петербург, чтобы отчитаться в своей работе. Ушинский испросил, однако же, разрешение выехать несколько позже, чтобы иметь возможность посетить общий съезд германских педагогов, назначенный в Мангейме от 26 по 28 мая (нов. ст.), и ознакомиться как с педагогами, так и с выставкой учебной литературы. В начале мая Ушинский был уже в Петербурге. Свой краткий отчет он послал еще 5 февраля. Возможно, что вместе с отчетом или несколько позже было послано и прошение о продолжении командировки, так как уже в апреле по распоряжению принца и с ведома имп-цы заготовлен был доклад на имя государя, в котором значилось, что «государыня имп-ца, благоволив принять во внимание, что Ушинский, проболев большую часть зимы, не имел возможности вполне окончить возложенное на него поручение и что по отзыву медиков ему необходимо провести еще зиму в теплом климате,— высочайше повелеть соизволила испросить всемилостивейшее его величества дозволение на продолжение ему заграничной командировки на прежнем основании еще на год со времени окончания прежнего срока». Таким образом, Ушинский нашел уже готовым разрешение на продолжение своей командировки и имел возможность присмотреться в течение лета к тому, что делается в Петербурге. В письмах к Модзалевскому, находившемуся в то время в Иене, Ушинский сообщает, что при свидании может сообщить ему много интересного о «матушке Руси». Между прочим, он сообщает поразившее его наблюдение, что «Головнин прежде всего хлопочет, чтобы сохранить свое министерское место» (т. XI, стр. 172). Посетил Ушинский и Смольный институт в его демократической половине (Александровское училище), ближайшее заведование которой принадлежало сочувствовавшей Ушинскому инспектрисе А. К. Сент-Илер. «Был раз у m-те Сент-Илер и дети меня встретили поистине трогательно, из этого возник длинный ряд неприятно-

стей со стороны Леонтьевой... Мы с смолянками и Вас помянули» (там же). — Воспользовавшись своим пребыванием в России, Ушинский испросил разрешение для себя съездить в Черниговскую губернию, чтобы присутствовать при размежевании земель в принадлежащем ему имении и получить не возвращаясь в Петербург новый паспорт на выезд за границу, от черниговского гражданского губернатора. Из пометок на прошении видно, что: а) 9 июня Ушинский получил свидетельство «для свободного проезда» по собственной надобности; б) начальнику Черниговской губ. отправлено отношение, в котором объяснялось, что командированный по высочайшему повелению за границу с ученой целью коллежский советник К. Ушинский сроком до 24 апреля 1864 г., по устройстве своих дел должен отправиться за границу, для чего и должен получить заграничный паспорт от начальника Черниговской губ.; в) в заграничном паспорте, полученном от черниговского губернатора 15 июля 1863 г., сказано, что Ушинский отправляется в Австрию, Германию, Францию, Италию и Англию.

С осени 1863 г. Ушинский живет в Гейдельберге, где знакомится с Пироговым, к чему давно стремился, и предпринимает поездки по окрестным школам, причем периодически простужается и начинает хворать. В конце августа Ушинский предпринял педагогическую поездку «через Штутгардт, Аугсбург, Мюнхен, Лейпциг, Вейссенфельс, Веймар» (т. XI, стр. 173), предполагая в начале сентября из Веймара приехать в Иену для свидания с Модзалевским, но уже 3 сентября 1863 г. он пишет письмо Модзалевскому с извинением, что, может быть, напрасно заставил его прождать несколько дней в Иене: «Проезжая из Мюнхена в Лейпциг, я простудился и в Галле так захворал было, что сел в вагон и продрал прямо домой. Теперь мне лучше, и мне сильно досадно на себя, что боязнь расхвораться в дороге лишила меня возможности повидаться с Вами» (там же, стр. 173). Несмотря на болезнь, Ушинский остался очень доволен поездкой, во время которой ему «удалось проникнуть в католические женские училища и женские семинарии. Некоторые очень недурны: особенно в Аугсбурге, в монастыре св. Урсулы. Здесь *fräulein Priorin Aquinata* и ее ученицы монахини меня просто очаровали. Понятия отличного педагога с самым свободным образом мыслей и действий и католическая монахиня в своем белом странном костюме, говорящая с посетителями не иначе, как через решетку, — долго не могли уместиться у меня в голове» (там же, стр. 174). Осенью безденежье задержало Ушинского до морозов в Гейдельберге, а зимой выезжать ему было опасно. В феврале 1864 г. он совершил поездку по Южной Франции. В середине марта ведет переписку, лежа в постели (там же, стр. 178, 179). В конце апреля Ушинский осуществил удачную поездку в Страсбург. «Я очень доволен этой поездкой, — пишет он Модзалевскому, —

потому что успел осмотреть там две нормальных школы, мужскую и женскую, приют, первоначальную школу девочек и один частный пансион; кроме того, приобрел несколько сочинений и инструкций, знакомящих меня с французским женским образованием. Если присоединить к тому то, что я видел в Париже, то выходит, что незачем было бы и ехать во Францию, ибо там женское образование еще в большем забросе, чем мужское. Кроме весьма плохих первоначальных школ и женских нормальных школ, правительство не сделало там ровно ничего для женского образования, а оно все находится там или в руках монастырей, или у частных спекулянтов. Очень замечательны наставления учителям и прежние педагогические учебники для семинарий, изданные разными членами учебной администрации и предписанные к руководству. Можно только удивляться, как хорошо защитили себя французы от всякого влияния педагогического духа Германии и особенной даровитости французов сравнительно с немцами» (там же, стр. 181). При сборах в Бельгию в начале мая Ушинский простудил горло и слег. В конце мая Ушинский «съездил в Бельгию, а затем в Мангейм, где нашел хорошую женскую школу. Сегодня же,— пишет он 31 мая,— захворал по обычаю. Вы видите, что при таком кислом здоровье нельзя рассчитывать времени вперед».

24 апреля 1864 г. кончался второй год командировки и в этот день Ушинский писал в IV отделение, что «хотя срок выданного мне паспорта окончился сего 24 апреля, но недавно лишь приостановившееся горловое кровотечение вынуждает меня по настоятельному совету лечащего меня медика, свидетельство которого при сем прилагаю, а равно и известного русского врача г. Пирогова, замедлить несколько моим возвращением до окончательного установления теплой погоды» (т. XII, стр. 336). В июне 1864 г. Ушинский во всяком случае был уже в Петербурге для того, чтобы окончательно отчитаться в своей командировке и решить вопрос о своей дальнейшей судьбе, которую он, конечно, не предполагал добровольно ограничить пределами заграничного существования.

Письма о «Педагогической поездке по Швейцарии» как литературно-художественное отражение политических и педагогических впечатлений Ушинского от поездки.

Исподволь заносая для памяти в свой дневник непосредственные впечатления от посещения швейцарских школ, Ушинский в то же время приступил к литературной обработке этих впечатлений, избрав для этого увлекательную литературную форму рассказа о своем педагогическом путешествии. Все семь писем о поездке были напечатаны в «ЖМНПр.» в конце 1862 г. и в первой половине 1863 г. Под впечатлением только что пережитых потрясений от порядков, царивших в русских учебных заведениях, Ушинский восторженно описывал свои наблюдения над швейцарскими школами, не скрывая их отрицательных сторон, но пре-

ский восторженно описывал свои наблюдения над швейцарскими школами, не скрывая их отрицательных сторон, но пре-

имущественно обращая внимание на те положительные явления, которые могли бы быть критически осваиваемы в России в той мере, как принцип народности получал бы преобладающее значение в устройстве всех сторон русской жизни.

Основная цель писем была педагогическая и заключалась в том, чтобы показать учителям те новые формы педагогической работы, которые утвердились в буржуазно-демократической Швейцарии и которые были бесспорно более прогрессивными, чем те устаревшие пережитки феодальной педагогики, которые еще прочно держались в русских учебных заведениях. Ушинский выступил, таким образом, с пропагандой прогрессивных методов передовой швейцарской школы перед русскими учителями. Обычно недовольный выходившими из печати своими работами, Ушинский остался удовлетворенным письмами. «Читали ли вы мои письма в Журнале министерства,—спрашивал он Модзалевского,—и как они вам показались? Я получил их оттиски, просмотрел и нашел, что они вышли гораздо лучше, чем я ожидал. Если бы они печатались при мне, то они не были бы так растянуты. Однако же я доволен тем, что в них найдут много полезного те преподаватели, которые хотят улучшить свой способ преподавания» (т. XI, стр. 170). Письма действительно изображают картину роста швейцарской школы на широком историческом фоне классовой борьбы, тянувшейся в Швейцарии на протяжении первой половины XIX в. и приведшей к окончательному торжеству буржуазной демократии, в связи с чем укрепилась в Швейцарии та школа, родоначальником которой был в конце XVIII и начале XIX в. швейцарский гражданин Г. Песталоцци. В этой борьбе принимали участие и будущие педагоги, творческой работе которых обязана современная швейцарская школа своим существованием. Идея Песталоцци, явившаяся исходным пунктом работы швейцарских педагогов, заключалась в том, «чтобы школьным занятием развить способности детей, естественным путем раскрыть в них разумный взгляд на окружающую природу и общественные отношения и сделать их способными к самостоятельной разумной жизни и деятельности» (т. III, стр. 95). Эта идея совершенно противоположна той цели, которую преследовала прежняя феодальная школа, и именно поэтому проведение ее в жизнь требовало от педагогов настойчивой борьбы, в процессе которой зрели и совершенствовались конкретные формы новой школы. «Швейцарские педагоги,—писал Ушинский,—до сих пор с удовольствием припоминают эту живую эпоху педагогического энтузиазма. «Мы в одно и то же время учились и учили, говорил мне седой как лунь педагог, ехавший со мной на пароходе в Люцерн: мы делали маленькие опыты и строили громадные утопии; блуждали часто впотьмах, но видели вдали ослепительный свет; школа казалась нам той архимедовской точкой опоры, которой не доставало, чтобы по-

вернуть мир. Дело, по истине говоря, шло у нас сначала очень плохо, но мы надеялись на многое; а старинные преподаватели смеялись над нами и шли своей дорогой гораздо вернее, конечно, к своей узкой цели. Я помню, в каком я был восторге, добыв для школы числительную таблицу Песталоцци, и как долго мне не удавалось добиться с ней чего-нибудь путного. Родители часто называли нас лентяями, которые вместо того, чтобы учить детей, как следует, азбуке, складам и катехизису, толкуют с ними бог знает о чем, считают ноги да пальцы, рассматривают дыру на стене, которую следовало бы лучше заклеить, яблоки, морковь, репу, которые и без того детям хорошо известны; иные родители даже брали детей своих из моей школы и отдавали старинным учителям, для которых прут заменял всякую методику... Но энтузиазм наш был очень велик и ничего не могли с нами сделать... Теперь эти идеи уяснились, определились, упростились, сделались самой обыкновенной вещью; теперь по новой методе преподают самые нехитрые люди» (там же, стр. 96—97).

Эти отстоявшиеся и упрочившиеся идеи швейцарской демократической школы, добытые в борьбе и творческой работе нескольких десятилетий, Ушинский стремился передать русским учителям в своих увлекательных письмах. Он писал, что суть той школьной реформы, которая подготавливается в России, не сводится к составлению и утверждению нового проекта школ. Этого мало: нужно, чтобы в массе педагогов выработалась самая идея новой, народной школы. «Прежде чем учреждать народные школы,— пишет Ушинский о Швейцарии,— следовало выработать до ясности понятие о том, чем должна быть народная школа, и выработать не одному человеку, не в кабинете только, не на бумаге, но целому обществу педагогов в столкновениях и борьбе мнений, в практических попытках провести свою идею в жизнь. И это-то именно и делается в продолжение этих тридцати лет (начала XIX в.) внешнего спокойствия под ферулой чужеземных властей и внутренней борьбы швейцарского общества» (там же, стр. 95). После 1830 г. новая идея народной школы, была настолько подготовлена и разработана теоретически, настолько назрела практически, что была принята почти всеми правительствами Швейцарии. Но «самые главные и существенные меры действительного школьного переворота были подготовлены и отчасти приведены в исполнение двумя могущественными средствами: устройством учительских семинарий и переделкой учебников» (там же, стр. 101). Ушинский подчеркивает, что новая идея народной школы была принята правительством Швейцарии «не на бумаге только», как в России, а начала проводиться на деле, чего Ушинский еще не наблюдал в России, несмотря на большой шум, поднятый в обществе вокруг вопросов народного образования. Ведь для того, чтобы двинуть вперед дело народного образования, необходимо, чтобы

были подготовлены в духе новых идей народной школы учителя в специально созданных для такой подготовки учительских семинариях, нужно, чтобы были созданы школьные курсы и разработаны отвечающие им учебники. Если все это было создано в Швейцарии в период подготовки и осуществления школьной реформы, то именно таких реальных мер для новой школы Ушинский не видел в России, и он считал необходимым направить внимание учителей на эту идейную и организационную сторону подготовлявшейся реформы. Вместе с тем, в процессе своего увлекательного растянувшегося на семь писем повествования о педагогической поездке по разным кантонам Швейцарии, Ушинский исподволь отмечал те уже упрочившиеся достижения швейцарской школы, которые могут быть без всяких опасений приняты русскими педагогами как азбучные истины педагогики. Ушинский отмечал, что в швейцарских школах отечественный язык стал центральным предметом преподавания. «Здесь хорошо понимают, что родное слово есть основа всякого умственного развития и сокровищница всех знаний: с него начинается всякое понимание, через него проходит и к нему возвращается... Если я сравню наши классные занятия родным словом с тем, что вижу здесь, то и этого уже достаточно, чтобы показать мне всю отсталость нашего общественного образования. Новые училища наши должны бы быть проникнуты убеждением, что слово есть единственная сфера развития духа и что на обладании этой сферой должно строиться всякое учение и развитие» (там же, стр. 166—167). Как раз в это время в России реакционер Катков, полемизируя с предложением В. И. Водовозова об увеличении числа часов на русский язык, на все лады высмеивал эту идею, утверждая, что этот «сумбурный», по его словам, предмет служит «главным проводником фразерства и репетиловщины» («Современная летопись», 1863 г., № 25). Но, конечно, Ушинский имел в виду не голое словесное обучение, а такое, в котором слова органически сочетаются с предварительно накопленными наглядными, осязательными образами природы и жизни, обобщением и осмыслением которых они являются. Ушинский отвергал как антипсихологическое и антипедагогическое явление тот часто наблюдающийся в школах разрыв между словом и его конкретным содержанием, благодаря которому или слова остаются без конкретного и живого содержания, или само это содержание не оживляется словом как выражением понимания. На стадии перехода от педагогики феодализма к педагогике нового, буржуазного строя это требование органической связи слова и наглядности в обучении было выражением большого переворота в педагогической практике и теории. Начало этому перевороту в России Ушинский положил еще своей книгой «Детский мир», в которой он, по его собственным словам, сделал опыт сочетать обучение языку с наглядным обучением естествознанию.

Одновременно Ушинский обращал внимание учителей в своих письмах на установившуюся в Швейцарии и признанную в передовых школах Европы систему преподавания в начальных классах школы, так называемую классную систему, когда один учитель в классе преподаёт все предметы, вместо принятой в старших классах системы предметного преподавания. Именно такая система наиболее отвечает, при правильном ее проведении, задачам умственного и нравственного развития в первых классах школы. Именно поэтому необходимо заботиться прежде всего о специальной подготовке учителей для классного преподавания. «Недостаток классных учителей и учительниц есть величайший, существеннейший недостаток всей нашей системы общественного воспитания и лишает наше учение вообще той умственно развивающей и нравственно воспитывающей силы, без которой все оно никуда не годится. У нас перед глазами ребенка учителя разных предметов мелькают как фигуры в калейдоскопе, так же пестро и так же бесследно. Каждый из преподавателей заботится только о том, чтобы дети знали его предмет, и никто не считает себя обязанным подумать вообще об умственном и нравственном развитии детей. Разве это дело учителя грамматики? Разве это дело учителя географии? Или учителя арифметики? Или займется этим учитель французского языка, чистописания и т. д.? Если мы никому не поручили заботиться об умственном и нравственном развитии наших детей, то чему же удивляемся, если это развитие идет плохо?.. Остается классный надзиратель и классная дама; но ведь это полиция школы, а отдав в руки полицейских чиновников душевное развитие вашего дитяти, можете ли вы ожидать чего-нибудь доброго? — Предметная система — это **рак** русского общественного воспитания, и пока вы не излечите этой болезни, то как ни перестраивайте ваши училища, — ничего не выйдет хорошего. Многие уже обратили внимание на этот недостаток, но не показана еще вся его существенная важность, тогда как ее можно выразить в двух словах: существеннейший недостаток нашего общественного учения есть почти совершенное отсутствие в нем умственно и нравственно развивающей силы; главная же причина этого недостатка в предметной системе учения» (т. III, стр. 134—135). К необходимости классной системы обучения Ушинский пришел уже на основании своего опыта в Гатчинском институте и в качестве опыта ее осуществления начал разработку своей книги «Детский мир». Однако же реализация этой системы в полном объеме предполагала довольно сложную задачу разработки курса начального обучения, для которого нужно было извлечь для начальных классов элементы разных наук и органически связано изложить их в виде особого учебного предмета. На протяжении своих писем Ушинский показывает те опыты, которые проводились в Швейцарии для создания такого курса начального образования. Вопрос об этом курсе остался открытым, как нерешен-

ная проблема педагогики, которая тем более должна была увлечь передовых учителей России, вступавших в стадию реформы отжившей уже феодальной школы.

Письма Ушинского о педагогической поездке, взятые в целом, дают такое количество ярких и выразительных образцов педагогической работы, что их смело можно рассматривать как своего рода путеводитель по передовым школам Швейцарии. Основная задача писем — педагогическая. Однако же, хотел или не хотел этого Ушинский, письма его имели еще и значительный политический смысл, о котором упомянуто выше. Ни на ту, ни на другую, т. е. ни на педагогическую, ни на политическую сторону писем Ушинского в педагогической литературе как-то не было обращено внимания. Письма воспринимались просто как особого рода легкий литературный жанр, не требовавший со стороны читателя какого-либо особого внимания. Между тем и педагогическое содержание писем глубоко, и политический их смысл значителен. Восторженное повествование Ушинского о длительной борьбе швейцарского народа за новый общественный строй, за преобразование старой, религиозно-феодальной системы образования в новую, светскую — носит определенный характер сочувствия автора и этой борьбе, и ее конечным результатам. Направленные по адресу русских учителей письма об этой борьбе имеют совершенно определенный смысл, указывая на тот путь внутренней политической борьбы, который должен быть осуществлен и в России, раз она подошла к этому этапу. Рассказывая о политической истории Швейцарии, Ушинский начинает с древнейшего ее периода. «Блестящий героический период швейцарской истории, делающий ее несравненным нравственным курсом для швейцарских детей и превосходным собранием детских исторических рассказов, которого не имеет никакая другая страна,— этот период, полный обаятельной свежести рождающейся свободы народа, начинается в начале XIV и оканчивается в начале XV столетия. В это замечательное столетие швейцарцы утвердили свою независимость и так осязательно доказали своим могущественным соседям невозможность покорить Швейцарию оружием, что они оставили ее в покое. Но от внешней независимости до внутренней свободы еще далеко» (т. III, стр. 88). Далее начинается рассказ о том, как, избавившись от внешних врагов, швейцарский народ получил врагов внутренних в лице разного рода претендентов на господство над народом, в процессе смены которых «Швейцария только переменила своих господ», причем с течением времени «грабеж продолжался, только с большей основательностью, в большем порядке, с купеческим расчетом» (т. III, стр. 90). Об образовании народа внутренние враги не думали, более того — они «скоро поняли, что для них и невыгодно народное образование». Поэтому даже в XVIII в. «народная школа в Швейцарии не существовала. Если где и были в селах и местечках училища, то самые

жалкие» (там же, стр. 90—91). Под влиянием французской революции «развилась общенародная партия и выбилось наружу из частных интересов то сознание общей швейцарской народности, на котором продолжает строиться новейшая история Швейцарии» (там же, стр. 94). Но до внутренней свободы народа было еще далеко. По сигналу, поданному Францией в 1830 г., осуществилась почти во всей Швейцарии смена правительства и началось то брожение, из которого родилась Швейцария 60-х годов. Различные партии — отживающие и начинающие жить вступили в борьбу, выразившуюся «то дебатами в собраниях, то сменой правительств, то демонстрациями, а иногда и кровопролитными схватками» (там же, стр. 98). В этой борьбе энергичное участие приняли выросшие к тому времени под влиянием педагогической теории Песталоцци, с одной стороны, под воздействием непрекращавшейся классовой борьбы, с другой стороны, швейцарские педагоги. «Учебное сословие, с одной стороны, само принимало деятельное участие в этой борьбе, а с другой — народное образование было самой оживленной ареной для людей всех состояний и всех партий, потому что теперь уже все партии понимали его важное значение и, действуя через школы на юные поколения, желали проложить своим стремлениям дорогу в будущее. Вот почему на учебном мире Швейцарии еще и теперь живы следы этой борьбы — и на людях, и на учреждениях. Многие из теперешних знаменитых швейцарских педагогов, стоящих во главе народного воспитания, и в особенности во главе учительских семинарий, сами не только были свидетелями всей этой борьбы, но и принимали в ней деятельное участие и часто вы заметите на той или другой семинарии оттенок недавнего торжества той или другой партии» (там же, стр. 98—99).

Таким образом, основная политическая мысль, пронизывающая письма Ушинского о его педагогической поездке, сводится к тому, что передовая швейцарская школа является результатом длительной политической борьбы за господство народа. В этой борьбе приняли участие и народные учителя, и ее удачный исход обеспечил им возможность строить новую школу. Едва ли можно было яснее сказать русским читателям в 1862 г. о том, что только борьбой с внутренним врагом народа можно добиться торжества народной демократии и начать строительство новой, народной школы. Несомненно, такова была логика писем Ушинского. То обстоятельство, что эта логика прошла мимо внимания цензуры, может быть объяснено только случайностью.²¹

Если Ушинский своими письмами о поездке в Швейцарию имел в виду пропагандировать передовую швейцарскую школу и необходимость учителям народной школы принять самим участие в борьбе за торжество подлинной демократии, т. е. демократии народных масс, то естественно спросить, признавал ли Ушинский, что швейцарская демократия есть тот конечный ре-

зультат, которого должна достигнуть политическая борьба в России? На основании писем Ушинского этого сказать нельзя, так как, за исключением первого письма, все остальные заполнены содержанием специально педагогическим. Но если обратиться к частной переписке Ушинского, то в одном из писем Ушинского, написанных в самом начале его приезда в Швейцарию (8 августа 1862 г.) к одному из самых молодых его друзей, М. И. Семевскому, можно найти ответ на этот вопрос, заслуживающий внимания. «Здесь, в Швейцарии,— пишет Ушинский,— я убеждаюсь с каждым днем все более, что политическая свобода не есть еще венец счастья человеческого. Ну, вот они свободны. Что же из этого? Позвоните только кошельком, и вы имеете перед собой самых безответных рабов; это самое нескончаемое рабство, а вся их свобода — какой-то парад, которым они уже и восхищаться перестали. Чтобы поправить Швейцарию, нужно бы ее придавить: но кто знает, может быть, теперь она и не поправилась бы более, потому что нет в них уже нисколько одушевления и одни только деньги могут их оживить» (т. XI, стр. 159). Очевидно, интересы коммерческой наживы, капиталистического соперничества составляли основное содержание жизни господствующих кругов Швейцарии. Ушинский мог бы повторить и теперь, что с победой «демократии» в 30-х годах «Швейцария фактически только переменяла своих господ». Самым грустным для него было сознание того, что в духовной жизни Швейцарии наступила самоуспокоенность, «духовный сон», что уже нет сознания ненормальности установившегося социального быта. Совсем иначе в Италии. «Осенью загляну в Италию,— писал Ушинский,— там люди теперь истинно счастливы, борются, надеются, любят, ненавидят, а здесь все уже приобретено, остается торговать, есть, пить и спать» (там же, стр. 160). Это значит, хотел сказать Ушинский, что на раз достигнутом уровне нельзя останавливаться, нужно непрерывно продвигаться вперед. Счастье психологически заключается в непрерывном движении, в преодолении препятствий. Эту мысль, давно волновавшую Ушинского, он пытался обосновать в своей «Педагогической антропологии». От Швейцарии и Италии мысль Ушинского в цитируемом письме перенеслась к Франции. Французы — «вот уж господа-то! Они все, каких я видел, боятся потерять своего Наполеона и видят в нем залог единственного благоденствия Франции. Вот тебе и докрутились! По моему уж бурбонисты лучше: те живут для глупой идеи, но все же идеи, а это умные дети, которые, нашалившись вволю, поняли, наконец, что для них нужны палки и строгий дядька. И вот к чему мы стремимся!.. Вот чего жаждем!» (там же, стр. 160). Очевидно, Ушинский хочет сказать, что победа над феодализмом и водворением капитализма еще не решает основных вопросов человеческой жизни: в новых условиях в своеобразной форме возрождаются старые навыки, а в итоге все сводится

к тому, что люди переменяют своих владык. Ушинский выражает опасение, что Россию ожидает та же участь, которая постигла Швейцарию и Францию.

Таким образом, признав в начале 40-х годов первые шаги капитализма в России новым, прогрессивным этапом в ее жизни, Ушинский в начале 60-х годов, присмотревшись к формам капиталистического развития в России и за границей, пришел к выводу, что развитие индустриального производства, освобождение масс от порабощения — это только основа экономического и культурного развития, но не предел его и не конечная его цель. Капитализм ценен тем, что он развивает новые, более совершенные формы хозяйствования, обусловливаемые широким разделением труда и одновременным объединением самых отдаленных его отраслей, вытекающим именно в силу разделения. Но прямолинейное капиталистическое развитие имеет ту характерную черту, что оно развивает в человеке, вступившем на путь нетрудового получения прибылей, слепую жадность к накоплению богатств и в этом стремлении теряющем истинно человеческие качества. Раз вступив на этот путь, человек уже не может остановиться и звереет: «прощай человек! остался толстый мешок, наполненный жиром и имеющий свойство всасывать деньги» (Соч., т. II, стр. 351). Против такого болезненного роста на теле новой, более прогрессивной, чем феодальная, капиталистической экономики Ушинский вооружался не только средствами морального протеста, но и призывами к науке. Уже в первом своем труде, посвященном вопросу о реформе камеральных наук, Ушинский писал: «Всякая хозяйственная деятельность тогда только выгодна для частного человека, когда выгодна для целого народа. Если правильно обогатит человек, то он никого не разоряет, и только это правильное богатство есть истинное богатство; в этом случае опять справедливо, что выгодное для индивида, выгодно народу. Всякая другая деятельность, интересы которой не совпадают с интересами страны и народа, не должна удасться, а если и удастся на время, то это та же удача, которая сопровождает человека, совершающего преступление, нарушающего законы» (Соч., т. I, стр. 178—179). В этой тираде содержится не простое только моральное нравоучение, но одновременно и указание на нарушенный закон единой и целостной социальной жизни, который должен быть вскрыт политической экономией и восстановлен в своих правах. Понятно, что это только апелляция к экономической науке, которая должна вскрыть действительные закономерности общественной жизни. Таким образом, признавая все время прогрессивность наступившей эры капиталистического развития, Ушинский в виду нараставших социальных противоречий не мог удовлетвориться теми формами, какие конкретно приобретало это развитие, и тем сильнее испытывал потребность вмешаться теоретически и практически в начинающуюся борьбу — экономическую, политическую, идео-

логическую. Однако же постановка и решение сложной социальной проблемы в условиях России, только вступившей на путь капиталистического развития [В. И. Ленин писал о просветителях-демократах 40—60-х годов, что они «не видели (отчасти еще не могли видеть) противоречий в том строе, который вырос из крепостного». В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 473], были еще преждевременными, Ушинский же слишком рано (в 1870 г.) скончался, чтобы иметь возможность включиться в борьбу в тот момент, когда постановка и решение проблем, связанных с капиталистическим развитием, могли быть оформлены с научной четкостью и определенностью.

**Личные
переживания
Ушинского
в период первой
командировки.**

Два первых года, проведенные Ушинским в командировке, были заполнены не только выполнением полученных заданий. Они были полны и тяжелыми личными переживаниями, связанными как с новым положением его в роли освобожденного от занимаемой ответственной должности и, следовательно, лишеного в дальнейшем прочной служебной перспективы, так, в частности, с общим политическим положением в Европе и в России. На общем фоне давно мучившей Ушинского тяжелой болезни (хроническое воспаление легких) переживания эти делались особенно тревожными. Изредка Ушинский рассказывал о них друзьям, с которыми вел переписку. От этих двух лет сохранилась переписка Ушинского с А. И. Скребницким, М. И. Семевским, Л. Н. Модзалевским и И. С. Белюстиным. Скребницкий — университетский товарищ Ушинского, ставший окулистом по специальности, но в 60-х годах занимавшийся за границей разработкой большого труда «Крестьянское дело в царствование Александра II» на основании предоставленных в его распоряжение вел. княгиней Еленой Павловной подлинных документов. М. И. Семевский и Л. Н. Модзалевский — молодые друзья Ушинского, привлеченные им в качестве преподавателей в Смольный институт и вместе с ним вышедшие из этого заведения: первого Ушинский стремился удержать на педагогической дороге, но с 1870 г. он предпринял издание журнала «Русская старина» и продолжал его до своей смерти в 1892 г.; второй в начале 1860 г. был командирован в числе других молодых людей за границу для подготовки к профессорской деятельности под руководством Н. И. Пирогова и в разных городах — Гейдельберге, Иене и др. слушал лекции по философии, педагогике и другим предметам. Об И. С. Белюстине, активном сотруднике Ушинского по журналу министерства, сказано в предыдущей главе. Из переписки Ушинского с этими друзьями мы узнаем как о состоянии здоровья Ушинского, так и о других тревожных настроениях, пережитых им за время первой командировки.

В первые же дни заграничной жизни в связи с отрывом от налаженной работы Ушинский стал чувствовать неожиданное

ухудшение своего здоровья. «Здоровье мое,— писал он Модзалевскому в августе 1862 г.,— против всякого ожидания стало хуже, а недостатка деятельности и людей, к которым я привык, не могла мне заменить прекрасная природа Швейцарии» (т. XI, стр. 166). То же пишет он и Семевскому: «Здоровье мое с каждым днем становится все хуже и хуже, и швейцарский воздух не заменит мне недостающей деятельности» (там же, стр. 158). В сентябре того же года, принявшись за виноградный курс, Ушинский писал Скребицкому, что виноград, «кажется, действует недурно; только ночи сплю плохо, все какие-то тяжелые сны вижу около полуночи и всякий раз просыпаюсь с сильным биением сердца, хотя и не было еще прежних испарин» (там же, стр. 197). В дальнейшем достаточно было малейшей неосторожности, чтобы Ушинский сейчас же простужался и на много дней ложился в постель. Таким образом он прохворал 9 месяцев в первом году и почти столько же во втором. На состоянии здоровья Ушинского, несомненно, отражались тревожные политические события в России. Не получая долгое время писем из России, Ушинский тревожился, не подвергаются ли эти письма перлюстрации и не дадут ли они повода каким-либо неосторожным выражением придрататься к нему. Получая же письма, он в свою очередь волновался теми иногда преувеличенными сообщениями, которые ему присылались из России. В июле 1862 г. он пишет Скребицкому: «Писем из России покуда ни одного. Уже не перехватили ли, если в них было искреннее и подробное описание последних происшествий, о которых я просил? Гувернантка, приехавшая на днях из Питера, говорит, что там повесили одного генерала и двух офицеров. Генерала! — должно быть, врет» (т. XI, стр. 195). В сентябре того же года Ушинский опять сообщает тому же адресату: «Из России получаю часто письма и все самые печальные; от арестов все приуныли; цензура любуется, а доброго ничего не делается. Крестьянский вопрос, впрочем, улаживается благополучно и большинство идет на выкуп; но бесцельные преследования раздражают и спокойных людей; так, например, графа Толстого, известного тебе писателя, который живет у себя в деревне, держит школу и издает педагогический листок, схватили, привезли в Москву и, продержав неделю, обыскали, отпустили, ничего не отыскав. Семевского, исторического писателя, тоже взяли при возвращении его в Петербург, обыскали, ничего не нашли и отпустили, но тем не менее не дали места, на которое он был уже назначен. Что сделали с писателями, которых взяли при их возвращении из-за границы, не знаю, но, вероятно, тоже подержат и отпустят. Все это показывает, что правительство решительно не понимает своего положения и, как глупая старуха, боится домовых и привидений» (т. XI, стр. 198). Сообщая о своих литературных трудах, Ушинский пишет, что «все это пахнет какою-то вялой работой, которой недостает живой веры в лучшее будущее. Грустно сеять на

таким поле, где завтра же могут все вырвать, что сегодня посеяно. Долго ли нам еще суждено толочь воду?» (там же). Заметка в «Колоколе» об истории Ушинского в Смольном встревожила последнего возможностью привлечения его к ответственности по подозрению в том, что содержание заметки так или иначе исходит от него. По этому поводу Ушинский писал своему адресату: «Герцену вздумалось упомянуть в «Колоколе» о моей особе и упрекнуть государыню, что она не разобрала дела по Смольному. Это мне крайне досадно и я жду большой неприятности от принца: того и смотри, что позовут в Россию, т. е. — при нынешнем состоянии моего здоровья, приговорят к смерти» (там же).

В той мере, как эти и другие тревожные опасения и слухи мало-помалу рассеивались, перед Ушинским вырисовывалась его основная жизненная проблема — проблема его дальнейших служебных перспектив. В 1864 г. кончается его командировка. Будет ли после этого предоставлена ему какая-либо отвечающая его наклонности служебная работа в России, или он вынужден будет искать приюта за границей, вне пределов своей родины, которой он еще в юности решил посвятить всю свою деятельность? Видимо, Ушинский не имел каких-либо твердых надежд или обещаний в этом отношении и волей-неволей должен был чувствовать себя изгнанником. Его служебные перспективы оставались совершенно неопределенными. Понятно, что перспектива остаться за пределами родины являлась для него худшим исходом, с которым он никогда не мог бы помириться уже потому, что детям своим он должен был дать русское образование. Эта неопределенность служебных перспектив ближайшего будущего была одной из главных причин, волновавших Ушинского. Уже в январе 1863 г. он думает о предстоящей в мае поездке в Петербург для отчета о своей командировке, в течение которой он 9 месяцев хворал. Видимо, Ушинский не имел твердой уверенности в том, что ему будет дана отсрочка еще на год. Он пишет Модзалевскому: «В мае придется и в Петербург, откуда я, впрочем, опять думаю воротиться, но своими деньгами или с помощью казны, уж не знаю: знаю только, что жену мою оставлю здесь» (т. XI, стр. 170). По возвращении из Москвы у Ушинского, видимо, еще была какая-то надежда на возможность возвращения в Россию, на то, что ему будет предоставлена какая-либо ответственная работа, отвечающая его склонностям. Поэтому, решая вопрос о том, следует ли ему определить своего старшего сына в Стоевский институт сейчас же, он пишет (3. IX 1863 г.) Модзалевскому, который наводил справки в Стоевском институте: «На этот год, пока моя судьба еще не решена, я раздумал отдавать его в заведение, подобное Стоевскому, в котором все рассчитано на долгое пребывание мальчика, как я убедился, рассмотрев внимательно классные программы в годовом отчете» (там же, стр. 174). Ясно, что Ушин-

ский решает дожидаться окончания первой командировки в надежде, что судьба его будет решена благоприятно. Но уже 11. XI, того же года он пишет Модзалевскому: «Из России никаких новостей, кроме печальных семейных *, не имею; даже неизменный мой Яков Павлович (Пугачевский) и тот стал писать крайне редко. Если Вы имеете какие-либо новости из России о наших общих знакомых, то поделитесь со мною. Страшно становится, как подумаешь, что через год или два и остальные тоненькие связи мои с Русью порвутся, и я останусь где-нибудь в Ницце или Женеве, как островок, затерянный среди океана» (там же, стр. 174). Грустная и неутешительная перспектива остаться за границей, не вернувшись на родину и не получивши возможности работать там, не покидала Ушинского в течение этой первой его командировки.

Значительно облегчила и обрадовала Ушинского перспектива возвращения на профессорскую кафедру в каком-либо из университетов. Эта перспектива вырисовалась перед Ушинским в связи с появлением за границей сначала помощника попечителя Одесского округа, а затем и самого попечителя с целью завязать переговоры с рядом возможных кандидатов в будущие профессора. Сначала появился помощник попечителя В. Г. Варенцов. «Знакомство с ним весьма оживило и утешило Ушинского, который сразу сошелся с этой светлой личностью,— пишет Модзалевский в своих воспоминаниях об Ушинском.— В это время в Одессе еще готовились к открытию университета, о чем особенно хлопотал Варенцов, который и Ушинского уговаривал перенести свою ученую деятельность в этот новый рассадник науки и снова взяться за преподавание философски-юридических предметов. Константин Дмитриевич, хотя уже и не мог свернуть с избранного им научно-педагогического пути, но весьма заинтересовался судьбой будущего университета, а еще более светлой личностью самого Варенцова, который зиму 1863 г. проводил в Гейдельберге». В своей переписке с Модзалевским Ушинский интересовался Варенцовым и спрашивал, где его можно найти (т. XI, стр. 170). Не один только Варенцов был занят вопросом о профессорах для Одесского университета. 14. IV 1864 г. Ушинский писал Модзалевскому: «Ко мне здесь приезжал попечитель Одесского округа — Арцимович, который ищет профессоров для будущего университета. Он взял у Пирогова записку о всех лицах, могущих для этого годиться, и в том числе и о Вас, надеясь Вас найти в Гейдельберге... Но он не имеет еще права делать формальных предложений, а так только осведомляется и если наберется достаточное количество профессоров (что сомнительно), то приступит к открытию Одесского университета. Я, впрочем, что-то плохо этому верю; как тут

---

* Возможно, что Ушинский получил известие о смерти отца, которому в начале 60-х годов могло быть уже свыше 70 лет.

открывать новый университет, когда и все старые пусты» (т. IX, стр. 180).

Если Арцимович приезжал от Пирогова к Ушинскому, то весьма вероятно, что на основании сообщения Варенцова он вел с ним речь именно о возможности привлечения его к профессуре в Одесском университете. Возможно, что хорошая рекомендация была дана Ушинскому от Пирогова. Судя по работам Ушинского, у него уже в это время была намечена широкая теоретическая перспектива относительно постановки педагогики в университете не только как отдельного курса, но прежде всего как организации целого факультета, посвященного разработке антропологических наук, как основы педагогики. На организацию такого факультета Ушинский, конечно, мог бы согласиться, но об этом он мог только мечтать как о далекой возможности. В 60-е годы едва ли возможно было надеяться на реализацию такой мечты и едва ли могла быть речь о какой-либо договоренности с Ушинским по этому вопросу. Могла быть речь только о занятии какой-либо кафедры в университете — географии, истории, юридических дисциплин. И Модзалевский прав, что Ушинский «едва ли мог уже свернуть с избранного им научно-педагогического пути». Едва ли, однако же, можно сомневаться в том, что приезд представителей Одесского округа и переговоры о возможности работы в университете в значительной степени оживили и подняли душевное настроение Ушинского и возможность каких-то связей с университетом все же рисовалась ему впереди. Недаром, задумав в конце 60-х годов обосноваться на юге России, он избрал для этой цели Киев и приобрел там в собственность дом. ●

**Отклики
Ушинского
на события
педагогической
и политической
жизни в России
1862—1863 гг.**

Когда Ушинский выезжал за границу в середине 1862 г., школьная реформа в России только недавно начала подготавливаться. Еще при Ушинском, в марте 1860 г., был опубликован в «ЖМНПр.» разработанный Учебным комитетом министерства «Проект устава низших и средних училищ МНПр». Предисловие к проекту было написано новым редактором журнала, Ушинским, причем читатели журнала приглашались к высказыванию своих критических замечаний, которые затем на протяжении 1860 и 1861 гг. публиковались в «ЖМНПр.», как и в других журналах. В особой статье в «ЖМНПр.» 1861 г. Ушинский подверг специальному обзору появившиеся в печати замечания на проект, сопроводив этот «свод» рядом своих комментариев*. На основе опубликованных замечаний на проект Учебный комитет мини-

* «Свод печатных рецензий на проект устава начальных и средних учебных заведений Министерства нар. просвещения» («ЖМНПр.», 1861 г., № 2, 3). Статья без подписи, но в основном принадлежит Ушинскому, о чем см. примеч. к 1 и 2 томам «Архива К. Д. Ушинского».

стерства разработал новый «Проект устава общеобразовательных учебных заведений», который в начале 1862 г. по распоряжению министра А. В. Головнина был разослан попечителям учебных округов для обсуждения его в советах университетов и в педагогических советах гимназий, а также к некоторым лицам духовного и гражданского ведомств. Особо, в переводах на немецкий, французский и английский языки, проект был разослан иностранным ученым. Полученные от русских учреждений и лиц замечания на проект были в том же 1862 г. опубликованы в шести томах под заголовком «Замечания на проект устава общеобразовательных учебных заведений и на проект общего плана устройства народных училищ». Эти замечания вместе с проектом должны были составить материал для «Положения о начальных школах и гимназиях», которое утверждалось в 1864 г.

Если проект 1860 г. Ушинский имел возможность своевременно рассмотреть, то второй проект 1862 г. он получил возможность читать только во второй половине этого года, находясь уже за границей. Проект 1862 г. имел ряд преимуществ сравнительно с первым. Первый носил на себе еще значительный отпечаток сословности в системе образования, был до отказа перегружен вследствие сочетания в курсе гимназий как предметов классического, так и предметов реального образования. Эти и другие недочеты проекта были отмечены Пироговым, который считал целесообразным в целях разгрузки программ разделить в средней школе классическое и реальное образование, высшие же народные училища, являвшиеся своего рода тупиками в школьной системе, преобразовать в прогимназии, которые соединяли бы начальные училища с четырехклассной гимназией — классической или реальной. В проекте 1862 г. эти и другие недочеты были устранены, хотя вместо них появились другие и проект нуждался в дальнейшей серьезной доработке, за которую и принялся Учебный комитет по опубликовании «Замечаний на проект». Между прочим, к проекту была приложена большая объяснительная записка, представлявшая собой своеобразный педагогический трактат, в котором мотивировался не только проект, но и давалось развернутое обоснование теории воспитания и образования, разъяснялся целый ряд дидактических правил и т. п.

Возможно, что проект привез Ушинскому К. К. Сент-Илер, член Учебного комитета, который в октябре—ноябре 1862 г. был за границей и посетил Ушинского. Как член комитета, Сент-Илер был в курсе всей учебной работы министерства и мог дать Ушинскому наиболее обстоятельную информацию о том, что сделано и что делается в области реформы. Информация эта не обрадовала Ушинского. Он писал Модзалевскому: «То, что привез мне Сент-Илер из русского педагогического мира, мало утешительно: видно, что «кто в лес, кто по дрова». Хотят чего-то особенного от русской школы, не понимая того, что законы души и ее развития везде одинаковы и что народность нужна, необходима, но

что она состоит не в том, чтобы поставить нашу школу непременно не так, как у людей, а «до горы ногами» по малороссийской поговорке. Ради бога, не думайте, что великие просветители человечества жили для России даром и что нам следует все начинать снова» (т. XI, стр. 168). Дело представлялось Ушинскому так, что вместе с объявлением Положения об освобождении крестьян следует открывать целый ряд учреждений с целью удовлетворения основных потребностей крестьянской массы, в том числе в первую очередь — школ. Правительство и его учреждения по организации просвещения масс не понимают этого, как казалось Ушинскому. Работа правительства неуверенна, неопределенна, запутана. Министр просвещения «Головнин — человек умный — это верно; человек благонамеренный — это может быть, но он не на месте и самое простое дело ему представляют в каком-то чудовищно запутанном виде и играют в слова, вместо того, чтобы делать дело; а жаль! Теперь именно настает время, когда России более всего нужны школы, хорошо устроенные, и учителя, хорошо подготовленные, — и много, много школ: иначе свобода крестьян и открытое судопроизводство не принесут всей той пользы, какую могли бы принести эти два истинно великие шага вперед» (там же, стр. 167—168). Но именно этих реальных задач министерство, по мнению Ушинского, и не видело.

Взглянув с этой точки зрения на проект, Ушинский увидел в нем в первую очередь произведение канцелярски-бюрократического творчества, весьма далекого от реальных нужд русской жизни. Об этом и писал Ушинский Модзалевскому 3. XI 1862 г.: «Теперь только я прочел этот проект внимательно и теперь только увидел, что это за нелепая вещь, — просто набор фраз, так и дышащих словесным факультетом, не в обиду Вам будь сказано. Сначала я, было, очень испугался, чтобы не утвердили такую штуку и не привели бы ее в исполнение; но потом, вчитавшись еще поглубже, успокоился — нельзя его привести в исполнение: он неисполним, а потому безопасен. Вреден только тем, что время уходит, а ничего порядочного не делается; только толкуют о пустяках» (там же, стр. 167). Только что ознакомившись с недавно реформированными швейцарскими школами, Ушинский имел возможность сравнить реальные проекты Швейцарии с воздушными канцелярскими проектами Учебного комитета. В проекте 1862 г. он констатировал следующие существенные недостатки:

а) Слишком сложная и потому нереальная постановка вопроса о реформе школы. «У нас все воспитательные вопросы поднялись разом и все учебные заведения — университеты, гимназии, уездные и приходские училища — разом поступили в переделку. Не довольно ли было бы, если бы на первый раз, оставив покуда и гимназии, и университеты в покое, сосредоточить все свое внимание на устройстве собственно народной школы, которой у нас, говоря по правде, вовсе не существует и которой так

могущественно требуют современные реформы в народном быте,— освобождение крестьян и открытое судопроизводство с судом присяжных. Для других же ступеней народного образования, кажется, возможно было бы ограничиться провизуарными мерами, удовлетворяющими по возможности наиболее настоятельным потребностям. А то, раз нарушив все старое и чувствуя на себе беспрестанное неприятное понукание времени, можно наделать много постоянных «Положений», которые окажутся очень временными... При самых лучших намерениях многое из этой общей переделки останется только на бумаге; а нас надобно всеми силами отучать от привычки видеть в законном положении только печатную бумагу; а для этого в Положение должно входить только то, что немедленно и действительно может быть приведено в исполнение и будет приведено (т. III, стр. 108—109).

б) Недостаточная юридическая обработка проекта. В проекте рядом с важными законодательными положениями, определяющими самый организм народного образования, разбросаны многочисленные, относящиеся к самой технике педагогического дела указания, например, § 16 о наглядном обучении, § 19 о способе держания в руке пера или грифеля, § 18 о звуковом способе обучения чтению и т. п. «Что это? — спрашивает Ушинский,— советы, наставления, выраженные желания, или постановления закона?.. Ясно только то, что подобные выражения должны иметь место не в законах, а в частных распоряжениях, которые могут и должны измениться вместе с появлением новых педагогических идей, новых учителей, новых средств». Ввиду изложенного Ушинскому кажется, что «положения проекта следовало бы разделить на три части: **одни** из этих положений должны войти в закон; **другие** составить постановления министерства, как, например, весь учебный план; а **третьи** войти в разряд постановлений, издаваемых от министерства или от округов, и в педагогические трактаты, которые могут быть разосланы и официальным путем» (там же, стр. 122—123).

в) Оторванность проекта от существующих школ, как если бы предполагалось строить новые школы на совершенно пустом месте. «Пересматривая бернские школьные законы,— пишет Ушинский,— я нахожу, что всякой реформе предшествовало тщательное изучение существующего, и таких предварительных обзоров у меня есть несколько под руками. У нас о новом проекте в обеих его редакциях писано весьма много, а о существующем устройстве, наоборот, весьма мало; да и данных для этого почти не существует. Следовало бы, как мне кажется, прежде всего изучить недостатки существующего устройства и потом уже изыскать способы избежать этих недостатков и взвесить хорошенько свои средства, насколько мы их избежать можем» (там же, стр. 125—126). Из проекта не ясно, «что он устанавливает новое, что отменяет старое, что сохраняет. В нашем проекте

нигде не говорится об отношении новой, предполагаемой школы к существующим уже приходским и уездным училищам... Читая проект, можно подумать, что со вступлением его в законную силу, обязательства, принятые общинами по содержанию уездных и приходских училищ, обязательства, стоившие столько хлопот и исполняемые общинами не везде охотно, сами собой прекращаются, и могут быть возобновлены или нет по отношению к новым народным училищам, смотря по желанию общины» (там же, стр. 124).

г) Нереальный, бумажный характер проекта. «Бернское законодательство организует уже существующие школы и организует их силой закона, обязательного для всех, как для учителей, так и для общин. Наш «проект» говорит о школах, еще не существующих и появление которых зависит от желания местных общин, желания, нигде не заявленного и весьма неверного. Пожелает местное общество,—откроет у себя народное училище; не пожелает,—училища не будет: даст оно своему училищу название народного,—тогда оно должно будет подчиниться правилам, начертанным в законе для народных училищ; даст оно какое-нибудь другое название, хотя, например, школы грамотности,—и может учить в нем, чему и как угодно, под наблюдением попечителя ближайшего народного училища, ежели такое существует. Проект не возлагает даже никакой обязанности заботиться об устройстве новых народных училищ: ни на директора, который надзирает только за существующими, ни на местные власти, ни на духовенство, как это было в старых швейцарских и немецких законах. Организационное положение Берна есть действительно закон; глава о народных училищах в «проекте» есть совет, наставление, увещание, но не закон, потому что закон без обязательной силы немислим» (там же, стр. 123—124). Хотя внимание Ушинского обращено было преимущественно на интересовавшие его народные училища, его замечания, поскольку они были направлены на юридическое оформление законодательного документа о школах, имели значение и для проекта в целом. Нельзя отрицать дельности и практичности этих в своем роде единственных замечаний. Что же касается содержания «проекта», Ушинский, видимо, не имел каких-либо особых возражений против намечаемых «проектом» мероприятий.

Между тем в конце 1862 г. и в самом начале 1863 г. в Учебном комитете состоялся ряд заседаний, на которых были учтены замечания по «проекту» и проект вновь переработан. Получилась таким образом, третья редакция первоначального проекта, которая должна была лечь в основу подготавливаемого Положения о школах. В этой третьей редакции гимназии разделены на общие и классические, общие — с преобладанием истории, географии, математики и естествознания, а также русского языка и только с небольшим количеством часов на латинский язык; классические — с преобладанием классических языков и с соот-

ветственным уменьшением часов на остальные предметы. При этом уже во время обсуждения проекта энергично защищалось положение, что классические гимназии должны быть открываемы только в университетских городах, нормальным же типом гимназий должны быть общие. Это означало, что, хотя формально классические гимназии в проекте и остаются, в действительности предстоит их фактическая ликвидация и замена гимназиями общими. Именно это обстоятельство явилось причиной, почему Катков предпринял в своих московских изданиях, главным образом в «Современной летописи», поход против Учебного комитета и его председателя А. С. Воронова. Он поставил себе задачей отстоять классическую школу и показать всю педагогическую нелепость той программы, которая намечена в так называемых общих гимназиях. «Всем известно,— писал Катков,— какой сумбур преподается в гимназиях под именем русского языка. По новому проекту именно этот предмет будет фундаментом учения. На него во всех классах дается 41 час. Усиливается преподавание истории; на естествоведение в общих гимназиях полагается 35 уроков, между тем как на математику 27. Таким образом, в высших классах главными предметами будут — русский язык, естествознание, история. Отлично: можно будет ничего не делать! Гимназисты в пиджаке темно-зеленого цвета с пятью черными костяными пуговицами (так наряжает их комитет) гениальностью невежества далеко превзойдут гимназистов с красными воротниками» («Соврем. летопись», 1863 г., № 22, июнь). В другой статье Катков писал, что «русский язык и история — это предметы, служащие главными проводниками фразерства и репетитовщины» (там же, № 25, июль). Статьи Каткова периодически появлялись в «Современной летописи» до конца года. В то же время Воронов отвечал Каткову в «Спб. ведомостях», в полемику вовлекались и другие журналы и газеты. В связи с этой полемикой в № 9 «Современника» появилась анонимная статья «Классические или реальные гимназии», защищавшая проект Воронова против Каткова. В статье были развернуты аргументы против классического и в защиту реального образования, в основном уже развитые Ушинским в его статье о Пирогове. «Теперь ни один здравомыслящий педагог не сомневается,— писал автор «Современника»,— что изучение отечественного языка или вообще новых языков действует на учащихся таким же развивающим образом, как и изучение древних; но при всем том для немца и вообще для Западной Европы есть историческое основание дорожить изучением древних языков. Европа основалась на римской почве, долго жила римскими учреждениями, язык ее церкви был язык латинский, ее наука началась с изучения древней цивилизации и унаследования достигнутых ею результатов... Об этих особых исторических условиях гуманисты забывают. У нас не было ничего подобного. Наша цивилизация заимствована не из Рима»

(стр. 63—64). С другой стороны,— продолжает автор,— «для человека, сколько-нибудь вникавшего в движение современной мысли, становится совершенно ясно, что для умственного развития и воспитания естественные науки могут служить не меньше, если не больше, чем головоломное изучение грамматики мертвых языков и чтение писателей, идеи которых отжили свой век. С другой стороны, ясно, что эти естественные науки дают вместе с тем необходимое основание для множества практических и прикладных изучений, которые сделались настоятельной потребностью при новом промышленном развитии и недостаток которых на каждом шагу чувствуется в нашем отечестве... У нас все еще нет своих инженеров, техников, машинистов; мы все еще за всякой малостью должны обращаться в своих промышленных предприятиях к немцам и англичанам» (стр. 65).²³

Летом 1863 г. Ушинский, как известно, был в Петербурге с своим годовым отчетом и мог непосредственно ознакомиться с развернувшейся полемикой. Вернувшись в августе 1863 г. в Гейдельберг, он писал письмо Модзалевскому, обещая при свидании рассказать ему «много интересного о матушке Руси». В конце октября Модзалевский посетил Ушинского и Ушинский показал ему статью против Каткова, которую он написал в связи с развернувшейся полемикой о проекте школьной реформы, и просил ее прочесть. Но в письме от 11. XI. 1863 г. Ушинский писал Модзалевскому: «Вы вероятно, спросите, что же о статье прималчиваю я? Увы! Она и до сих пор лежит в ящике. Прочитай ее еще раз, я раздумал ее посылать; совестно было также, что Вы напрасно трудились над ее прочтением. Катков и сам знает, что он... и все, даже поклонники его в глубине души в том уверены. Что же я за дурак, чтобы говорить то, что всем известно? Терпеть не могу печатной полемики и тем еще раз доказываю, что не от мира сего есмь. Кстати, уж и бранят его (Каткова) в «Современнике»; не поздоровится же Воронову от таких защитников» (т. XI, стр. 175). Видимо, Модзалевский поинтересовался, почему именно Ушинский не послал своей статьи. Поэтому Ушинский в следующем письме, извиняясь недостатком времени для длинного письма по случаю скорого выезда в Штутгарт, дал такое объяснение: «На другой день по выезде Вашем прислал мне Н. И. Пирогов статью из «Голоса», присланную ему министром, из коей я усмотрел, что между министерством и Катковым идет какая-то **тайная** борьба, причин которой мы не знаем, только догадываюсь, что Катков нападает на партию, которую и я не намерен защищать, хотя нападает подло и вредит хорошему делу. Но впутаться в спор, которого не понимаешь, и смешно, и может оказаться очень глупым. Черт их знает, за что они сцепились; но только министерство защищается очень слабо. Катков нападает также, между прочим, на личности, посланные за границу, не упоминая, впрочем, имен. Пирогов также соглашается, что выбор был часто делаем необдуман-

но. Он тоже не советовал мне вмешиваться в непонятный спор. Катков громко требует свободы печати, чтобы обнаружить ловких людей и их польские замыслы. Тут сам черт ногу сломит!» (т. XI, стр. 176).

Выполняя непосредственные поручения по осмотру заграничных школ и освещая в популярных статьях результаты своего изучения, откликаясь как в переписке с друзьями, так и в печати на общие вопросы современности и на специально педагогические вопросы в России, Ушинский в то же время настойчиво работал над давно им задуманной детской книгой «Родное слово» и равным образом вел серьезную подготовку к столь же давно задуманной большой научно-теоретической работе по педагогике. Обе эти работы занимают столь значительное место в педагогической биографии Ушинского, что самый процесс зарождения и оформления их в период первой командировки Ушинского никак не может быть обойден.

«Родное слово»
(Книга для чтения), год 1-й и 2-й.

Книга эта оказалась общепризнанным в передовой русской школе второй половины XIX в. произведением педагогического гения Ушинского, назначенным им для первоначального обучения детей в семье и в школе. В течение двух лет своей заграничной командировки Ушинский окончательно оформил эту книгу, но идея ее зародилась у него еще в Гатчинском институте, когда он впервые столкнулся с проблемой первоначального обучения как решающей проблемой школьной успеваемости. Отсутствие правильной организации и совершенная недооценка первоначального обучения влекли за собой массовую неуспеваемость и отставание учащихся средних школ. Ушинский решил, что по примеру Гугеля необходимо работать над разрешением проблемы начального обучения. Уже в Гатчинском институте он разработал план книги для первоначального обучения с надписью: «План книги, долженствующий иметь 25 изданий». Совершенно ясно, что это план будущего «Родного слова» и что автор настолько увлечен им, настолько сознает его необходимость, что с полной уверенностью проектирует для книги по этому плану невероятное для того времени количество изданий. В книге намечалось три части — первая — букварь, третья — хрестоматия для чтения и вторая — центральная — «Упражнения в мышлении, чтении и письме». Эта центральная часть заключала в себе основную идею «Родного слова», в котором в целях первоначального, развивающего обучения Ушинский хотел сочетать обучение родному языку с наблюдением реальных предметов и размышлением о них. Работа над «Детским миром», реформа Смольного, редактирование ЖМНПр., разумеется, отвлекали Ушинского от выполнения давно задуманного плана. Но как только он оказался за границей, он немедленно принялся за свою «детскую книжку» и редкое из его писем обходится без упоминаний о том, в каком состоянии находится его работа.

Уже в первом своем письме Модзалевскому 24 августа 1862 г. он сообщает: «Пишу покуда детскую книжку: этот труд не превышает слабых сил моей расстроенной души» (т. XI, стр. 166). 6 января 1863 г. Ушинский пишет тому же адресату: «Сначала я прохворал довольно долго, простудившись при возвращении из Женевы, а потом был занят оканчиванием известной Вам книги, которую опять переделал с начала до конца и все еще не окончил» (там же, 169 стр.). Л. Н. Модзалевский, довольно часто встречавшийся с Ушинским в эти два года и составивший по просьбе Ушинского несколько стихотворений для его книжки, комментирует это последнее сообщение таким образом: «Эта переделка «Родного слова» предпринималась Ушинским еще много раз, по мере того как он обогащался новыми и новыми опытами и наблюдениями в заграничных начальных школах и по мере того как он вдумывался и вчитывался в русскую народную литературу или делал опыты обучения над собственными детьми. А. Ф. Фролков совершенно справедливо замечает в своем «Очерке», что у покойного иная статья или глава из корректуры, которую он почти всегда держал сам, нередко выходила совершенно иною, чем она была в рукописи. Я сам был свидетелем того же творческого процесса, когда К. Д. работал над «Родным словом» в Веве и Гейдельберге, где он прочитывал мне, как гостю, некоторые места и тут же радикально переделывал их. Обилие новых и новых мыслей постоянно как бы препятствовало известному труду окончательно вылиться в одну определенную форму. Автор был постоянно недоволен собой и своим произведением» («К биографии К. Д. Ушинского». Газета «Кавказ», 1881). 5 февраля 1863 г. Ушинский в своем кратком отчете, направленном в IV отделение, сообщает, что он, «применяясь к методу Шерра, составил первоначальный учебник, в котором учение чтению, письму и сообщение реальных познаний соединены в одно целое. Учебник этот я буду иметь честь представить при подробном отчете о моей поездке (т. е. в 1864 г.). Тем не менее в течение всего 1863 г. Ушинский продолжает еще тщательно работать над учебником. 10 апреля 1863 г. он пишет М. И. Семевскому: «Теперь я занимаюсь — чем бы Вы думали? Пишу библейские рассказы для детской книги, которую уже кончил, — и это дело меня очень заняло: кажется, выходит сносно, без запаха поповщины» (т. XI, стр. 162). В конце августа 1863 г. Ушинский пишет Модзалевскому о все еще продолжающейся переделке «Родного слова»: «Переделываю слегка русские сказки и немецкие рассказы на лад русских сказок. Действительно, иные русские сказки — просто прелесть! Поэзии и здорового юмора — бездна! Я только теперь разнюхал, что это за сокровище для русской литературы. Меня обратили к ним мои же дети — вопросами и замечаниями. Они показали мне, что и переделать нужно» (т. XI, стр. 176—177). Наконец, 11 ноября 1863 г. Ушинский делает последнее

сообщение Модзалевскому: «Больше сижу дома, пишу немного, уже окончательно переписывая свою книжонку, после которой сделаю окончательный прощальный поклон детской литературе» (там же, стр. 175). Намерение распрощаться с детской литературой означало скорее желание Ушинского, покончив с детской книжкой, перейти к осуществлению давно сложившегося у него намерения разработать основы научной педагогики. Но, начав разработку научной педагогики, Ушинский не оставил намерения разрабатывать дальше начатую им учебную книгу. Этого требовала самая логика предпринятого Ушинским издания. Вслед за первыми двумя выпусками «Родного слова» явилась необходимость разработать третий, посвященный русской грамматике. Далее планировались выпуски, посвященные географии и истории, естествознанию и др. А в той мере как «Родное слово» входило в употребление в школах, перед Ушинским все с большей силой и настоятельностью выступала задача переработать книгу, предназначенную непосредственно для городской семьи, в учебное пособие для сельской школы. Это была большая задача, захватившая Ушинского большим творческим порывом, и он с нетерпением ожидал, когда будет возможность закончить его научно-теоретическую работу над «Педагогической антропологией», чтобы снова вернуться к временно оставленной им детской литературе.

Появление «Родного слова» было большим событием в русской педагогической литературе второй половины XIX в. Об этом говорит уже то, что на протяжении полувека, протекшего от выхода «Родного слова» до Великой Октябрьской революции, эта книга имела 146 изданий, что приостановить выхода новых изданий этой книги не могли — ни конкуренция десятками появлявшихся новых книг аналогичного содержания и назначения, ни прямое запрещение со стороны министерства употреблять эту книгу в начальной школе, действовавшее в течение 15 лет (с 1885 по 1900 г.), ни, наконец, ожесточенная полемика против этой книги, пытавшаяся дискредитировать ее в политическом и в педагогическом отношении. С первых же дней появления этой книги у нее появились свои восторженные поклонники и ожесточенные враги. Однако же в истории педагогики она и до нашего времени не получила еще исчерпывающего педагогического анализа. Разумеется, биографический очерк не может преследовать такой задачи. Но в нем должно найти себе место соответствующее освещение тех комментариев биографического порядка, которые в одних случаях помогают правильному анализу, в других, напротив, затрудняют его и направляют на ложные пути. В ряду таких комментариев первое место занимают комментарии, приведенные Л. Н. Модзалевским в его статье «К биографии К. Д. Ушинского»: в одних случаях они являются правильными, в других продиктованы более или менее случайными недоразумениями, которые должны быть устранены.

Так, Л. Н. Модзалевский совершенно правильно отмечает, что с первых дней появления «Родного слова» имели место случаи поверхностного отношения к этой книге, которое, естественно, влекло за собой ее недооценку, и что будто бы именно эти случаи заставили Ушинского приняться за разработку «Руководства к «Родному слову». «Не могу не вспомнить,— писал Модзалевский,— об одном недоразумении с «Родным словом» на первых же порах после его появления, когда счастливый автор был буквально засыпан благодарственными адресами, письмами, личными заявлениями от начальных учителей, учительниц и родителей за его подарок начинающим учение детям. Константин Дмитриевич, с которым мы тогда жили вместе (Фурштатская ул., д. Кононова), был даже удивлен эффектом его книги; но прошло 2—3 месяца, как он стал получать самые печальные и даже дерзкие заявления от тех же лиц, упрекавших его в том, что он обманул ожидания и их, и детей, так как книжки, предназначенной на весь первый год, едва хватило на несколько месяцев, и далее она оказалась ненужной ни учащим, ни учащимся. Надо было видеть огорчение почтенного педагога, которому сразу была ясна причина такого недоразумения. Дело в том, что в середине 60-х годов в нашем обществе было всеобщее одушевление педагогическим делом, задачей развития детей, желанием ознакомить их скорее чуть ли не с последними выводами науки,— между тем знакомства с методикой не было ни малейшего даже у специалистов по профессии. Когда «Родное слово» было быстро раскуплено по школам и семьям, на него накинута как на новинку; все картинки были живо пересмотрены, сказки прочитаны, загадки разгаданы — и книжка действительно утратила всякий дальнейший интерес, как новая игрушка для маленьких детей. Между тем вся,— именно деловая, серьезная сторона книжки, ... все формальные и практические цели обучения и развития, понимание которых возможно хотя при некотором знакомстве с психологией и логикой, этими, хотя и восторженными, но неудачными последователями Ушинского, были оставлены без внимания; в большинстве случаев они не только не понимали, но даже и не подозревали ни этих педагогических целей, ни дидактических средств к их достижению, а потому и не знали, что делать с «Родным словом» далее картинок и загадок. Это обстоятельство и побудило К. Д. приступить к изданию своего «Наставления учащим», как пользоваться книжкой».

Автор воспоминаний об Ушинском совершенно правильно отмечает, что внимание покупателей было привлечено в первую очередь внешней стороной книги «Родное слово», обилием картинок, пословиц, загадок, интересных и понятных для детей рассказов. И до сих пор в большинстве случаев с упоминанием о «Родном слове» даже у педагогов соединяется представление прежде всего о книге с картинками, с интересными

рассказами, загадками, пословицами и т. п. Однако же в изложении Л. Н. Модзалевского факт, несомненно, имевший место, освещен так, как если бы только после того как этот факт обнаружился, перед Ушинским выдвинулась задача дать теоретическое обоснование содержания своей книги и присокупить к «Родному слову» наставление или руководство для учащихся по этой книге. Таким образом, дается совершенно неверное освещение самого факта творческой работы Ушинского над «Родным словом», как если бы это было незамысловатое комбинирование рассказов, сказок, рисунков, пословиц и т. п., о теоретическом обосновании которого составитель вспомнил только тогда, когда родители и учащиеся, перелистав в несколько дней книжку, неожиданно были поставлены перед вопросом, что же придется делать с этой книжкой в течение целого года? В действительности работа Ушинского с самого начала была связана с определенными теоретическими предпосылками, которые он стремился реализовать в своей книге, которые совершенствовались и уточнялись вместе с работой над книгой, так что сама книга была только выражением этих теоретических предпосылок. Что это так, видно из того, что уже в самом первоначальном плане книги, набросанном в Гатчине, Ушинский планировал свою работу в двух книгах, причем первая книга представляла собой «Наставление для учителя», в котором предполагалось дать дидактические и психологические основы работы по книге. В своем рапорте главному управлению IV отделения от 10. IX 1864 г., представляя отчет о возложенном на него поручении по обозрению заграничных женских учебных заведений, Ушинский, между прочим, писал, что он за два года пребывания за границей «составил наставление для учащихся, как преподавать детям отечественный язык, и соответствующую наставлению книгу для учащихся», которые будут представлены дополнительно, как только выйдут из печати (т. XI, стр. 337). Ясно, что наставление учащим Ушинский ставит на первом месте и в соответствии с ним составляет свою книгу для учащихся. Забыть о наставлении Ушинский никак не мог, так как именно в нем выражена педагогическая суть книги «Родное слово». Явления, представленные в воспоминаниях Модзалевского в качестве причины, вызвавшей издание «Наставления учащим», конечно, имели только значение частных случаев, которые по истечении полутора десятка лет легко могли быть обобщены автором в качестве причин, действовавших на Ушинского.

Несомненно, таким образом, что книга Ушинского явилась не простой комбинацией собранных им материалов, но итогом большой теоретической работы — философской, психологической и педагогической. Вскрыть эти теоретические основы и развить их дальше в соответствии с современным состоянием науки — задача специального теоретико-педагогического ис-

следования. Здесь достаточно только указать, что Ушинский неоднократно подчеркивал, что в своей книге он прежде всего ценит ту идею, которая положена им в ее основание. Он писал, что как в «Детском мире», так и в «Родном слове» его основная задача заключалась в том, чтобы «связать рассмотрение общеизвестнейших явлений природы в системе, изучение языка и мышления» (т. X, стр. 93). Это значит, что теоретическая идея, положенная Ушинским в основу его учебных книг, заключалась в том, чтобы реализовать в процессе обучения единство речи и мышления, мышления и чувственного опыта. В этой идее, которую Ушинский развивал в своей «Педагогической антропологии», и заключалось то здоровое зерно, которое пронизывало собой его учебные книги и сообщало им жизненность и педагогическую силу подлинно гениального труда. Идею эту реализовал Ушинский в целом ряде специально педагогических требований, которые он, как это можно видеть на материале его писем о педагогической поездке, предъявлял к начальному обучению. Эти требования следующие: а) введение классной системы обучения, б) единство учителя и учебной книги в начальном обучении, в) синтезирование изучения учебного материала с одновременным обучением языку, г) признание примата устной речи в обучении языку, д) разграничение стадий элементарного и собственно начального обучения. Правда, реализацию этих требований Ушинский конкретно наблюдал в швейцарских школах, но их теоретическое обобщение, формулировка и дальнейшее развитие применительно к специфическим условиям русской начальной школы были творчески осуществлены Ушинским. Этого творческого отношения Ушинского к практике швейцарских педагогов не учитывает Модзалевский, когда подчеркивает в своих воспоминаниях, что «деловая, серьезная сторона книжки заимствована Ушинским преимущественно от швейцарского педагога Шерра, по крайней мере, в общей системе упражнений». Это не совсем правильно. Свой план книги для начальной школы Ушинский набросал еще до поездки в Швейцарию и в общем наметил тот же план упражнений в мышлении, чтении и письме, который впоследствии нашел конкретизированным и в Швейцарии. Намечая этот план, Ушинский исходил прежде всего из своих собственных философских и психологических представлений о формировании детского мышления и речи. Нашедши же в Швейцарии уже разработанную детально систему начального обучения, Ушинский подходил к ней с собственными заранее разработанными теоретическими предположениями, отбирая то, что соответствовало его целям. О том, что Ушинский многому научился в швейцарских школах, он говорил откровенно, но так же откровенно он говорил и о том, что он был совершенно самостоятелен. «Я считаю себя обязанным высказать,— писал он,— что многое мною заимствовано

у немецких педагогов и в особенности у швейцарского педагога Шерра,— заимствовано как из книг, так и из личных наблюдений за ходом этого дела в заграничных школах, но изменено мною сообразно нашим русским потребностям и под влиянием моей собственной практики в обучении детей по этому способу. Метода Шерра есть превосходный анализ процесса обучения детей чтению и письму и отлично вводит педагога в полное понимание этого процесса. Но на практике в этой методе многое слишком систематично, а поэтому и растянуто, и может быть выпущено не только без вреда, но и с пользой. Самые условия нашего языка не позволяли мне слишком близко придерживаться германских метод; но не помешали воспользоваться тем, что, имея общечеловеческие основы, применимо ко всем языкам и детям всех народностей» (т. VI, стр. 272—273). Ясно, таким образом, что нужно говорить не о заимствовании, а о творческой работе Ушинского над «Родным словом».

Наконец, следует отметить, что в своих воспоминаниях Модзалевский иногда ухитряется в интересах защиты Ушинского вступать, не сознавая того, в полемику с самим Ушинским, показывая тем, что его комментарии не всегда находятся на уровне произведений учителя. Известно, что с момента выхода «Родного слова» реакционеры употребляли все силы, чтобы не допустить распространения этой книги в народных школах, аргументируя свой поход против книги Ушинского тем соображением, что, будучи построена на естественнонаучном материале, книга эта будет разрушать религиозные верования детей. В свою очередь Ушинский, будучи удивлен, что книга его, предназначенная им преимущественно для городской семьи, широко распространяется в школах, своей ближайшей задачей поставил переработку этой книги для земских школ. Осуществить эту задачу Ушинский не успел. Между тем нападки на книгу со стороны духовенства все возрастали и особенно усилились к началу 80-х годов. Желая защитить автора от нападков, Модзалевский выступил не один раз с «разъяснением, что книга Ушинского не народная, а семейно-дворянская», как будто этим разъяснением снималось с книги Ушинского обвинение в антирелигиозном ее направлении и как будто ее устранение из народной школы могло каким-либо образом отвечать интересам народа. Это свое объяснение Модзалевский повторил и в своих воспоминаниях об Ушинском, как будто намереваясь оказать медвежьей услугу и «Родному слову», и народной школе. Он писал, что «непригодность «Родного слова» для народной школы явствует из самого содержания его: самый перечень дворянских игрушек на первых же страницах книжки; описание квартиры с «кабинетом» отца; детские воспоминания о рождестве и пасхе; вся обстановка описываемой жизни (платье, обувь, пища и т. п.),— все это носит

на себе характер городской и далеко не простонародный. Предназначай Ушинский свою книгу для народной школы, он не стал бы уснащать ее сказками и побасенками, по пословице — «нечего дрова в лес носить». Такой здравомыслящий педагог, как Ушинский, никогда не стал бы задаваться нелепой мыслью — развивать народные чувства в детях народа или заставлять деревенских ребят знакомиться с сохой или бороной, и не автор виноват, если книга его попала не на свое место». — Поистине можно сказать вместе с баснописцем: «Хотя услуга нам при нужде дорога...» — Можно подумать, что это пишет не бывший друг и приятель Ушинского, а скорее один из его противников, стремящийся изъять его книгу из народной школы. Но что удивительнее всего, это то, что бывший ученик Ушинского так мало знаком с его идеями, что приписывает Ушинскому как раз те мысли, с которыми он всю жизнь полемизировал. Ушинского упрекали уже при выходе «Детского мира», что он не дает детям ничего нового, и Ушинский много раз оправдывался, говоря, что «все сколько-нибудь порядочные педагоги более всего заботятся о том, чтобы дети, начиная учиться, читали преимущественно о тех предметах, которые видели или могут видеть... Вы обвиняете меня в том, что в статьях моих нет почти ничего нового для девятилетнего дитяти? Да я об этом-то и заботился, чтобы в них было как можно меньше нового!» Ушинский обстоятельно аргументирует эту свою точку зрения, а вот его ученик через 10 лет по смерти учителя разъясняет, что «такой здравомыслящий педагог, как Ушинский, никогда не стал бы заставлять деревенских ребят знакомиться с сохой» и т. п. Здесь, конечно, огромное недоразумение, которое можно объяснить только тем, что Модзалевский не усмотрел в учебной книге Ушинского «Родное слово» того общечеловеческого содержания, которое раскрыто в ней на материале дворянского быта и которое делало понятной эту книгу не только для учеников русских школ, но также и для детей так называемых «инородческих» школ.

Чтобы не возвращаться более к «Родному слову», следует здесь же заметить, что в год смерти Ушинского вышло в свет 10-е издание его книги, а в 1917 г. было в обращении 146-е ее издание. Раз вошедшее в русскую школу в качестве книги общедоступной и понятной для детей, «Родное слово», несмотря на все усилия его врагов, не могло уже быть изъято из школы. В самом начале реакционных 80-х годов, когда решено было заменить светские школы министерства церковными (что полностью не удалось), в самом министерстве поднялась энергичная кампания, направленная против употребления в школах «Родного слова». Резолюцией министра Делянова в 1885 г. первая часть «Родного слова» была запрещена для употребления в школах. Запрещение это, несмотря на ряд про-

тестов, оставалось в силе в течение 15 лет, но в течение этих 15 лет, как бы в насмешку над запрещением, потребовалось 25 новых изданий «Родного слова». К 1900 г. в духовном ведомстве и в министерстве просвещения изменилось отношение к Ушинскому и книга его была вновь допущена к употреблению в школах.

Издав первых два выпуска «Родного слова» с скромной целью оказать помощь матерям, обучающим своих детей дома, и учителям первых двух классов начальных школ, Ушинский был тронут и удивлен тем широким применением, какое неожиданно для него получило «Родное слово» в начальных школах. Земский деятель, организатор школ в Александровском уезде Екатеринославской губ., Н. А. Корф, в 89 русских школах своего уезда ввел «Родное слово» и дал самое широкое применение материалу этой книги в целях начального обучения. Ушинский прекрасно сознавал, что, как бы ни была совершенна его книга в методическом отношении, она дает материал только для самого элементарного первоначального обучения в семье и в школе, что для употребления в земских школах она должна быть переработана и насыщена новым материалом. Он набросал программу переработки первых двух лет «Родного слова» и наметил следующие выпуски, учитывая потребности трех- и даже четырехлетней школы. Третий выпуск он наметил для практического изучения грамматики, дальнейшие выпуски посвящались географии и истории, естествознанию, арифметике и т. п. Из этой большой программы, которая потребовала бы нескольких лет творческой работы, Ушинский успел выполнить только начальный ее момент, издав в 1870 г. третий выпуск «Родного слова», посвященный изучению практической грамматики. Выпуск этот еще раз показал несравненное мастерство Ушинского в разработке вопросов элементарного обучения, разработке одновременно и научной, и педагогической. К сожалению, и с той и с другой стороны выпуск этот до настоящего времени остается еще недостаточно оцененным в педагогическом мире.

Проблема педагогической науки.

Эта по существу самая серьезная задача, разработку которой преследовал Ушинский, по видимому, даже не была официально формулирована при командировке, хотя Ушинский постоянно имел в виду именно ее. На первом месте стояла официальная задача изучения и описания постановки в Европе женского начального и среднего образования. Эту задачу Ушинский выполнил в процессе объезда и изучения школ: популярное описание своей поездки он дал в письмах о педагогической поездке, официальный отчет написал и в краткой и в пространной форме. Одновременно с этим он составил два выпуска книги «Родное слово» и «Руководство» для учащихся по этой книге. Эта вторая работа была выполнена Ушинским в

дни болезни и ею он как бы возмещал то время, которое с официальной точки зрения могло быть рассматриваемо как время, не производительно потерянное. Эта работа в официальном предложении Ушинскому также не значилась прямо. Но она все время стояла у Ушинского на втором плане после первой. И, наконец, на третьем плане в сознании Ушинского все время стоял вопрос наиболее близкий ему, вопрос о разработке педагогической науки. Проблему педагогической науки как таковой Ушинский поставил еще в первые годы своей педагогической работы в Гатчинском институте. Первая же его статья, с которой он выступил по педагогическим вопросам, статья «О пользе педагогической литературы», уже намечала проблему разработки педагогики как науки. Педагогика как область практической деятельности человека должна искать для себя твердую теоретическую основу,— только в таком случае она может превратиться в науку и своим практически найденным правилам сумеет дать научное обоснование. Это научное обоснование педагогика должна в первую очередь искать в области физиологии и психологии, т. е. наук, которые имеют дело с человеком, с теми его сторонами, на которые прежде всего оказывает свое воздействие педагог. Ушинский неоднократно возвращался к этой проблеме, но загруженность служебными делами препятствовала ему сосредоточиться на ней всецело. В первых же книжках ЖМНПр. в 1860 г., как только Ушинский принялся за его редактирование, он наметил ряд психологических монографий по вопросам, наиболее близко соприкасающимся с педагогикой, и успел опубликовать одну из таких монографий — «О внимании». В Смольном институте он читал какой-то курс педагогики, следовательно, имел уже и определенную программу этого курса. Воспитанницам старшего педагогического класса он давал для переписывания свои записки по педагогике, являвшиеся кратким изложением его лекций. Воспоминания об этом сохранились у бывших учениц Ушинского, например, у Марковой. В приложении к ЖМНПр. на 1862 г. Ушинский предполагал издать книгу «О законах воспитания». Это значит, что им подготовлялась серьезная работа по вопросам научной педагогики. Но только за границей перед ним открылась действительная перспектива для углубления в такого рода работу.

В первые два года своей командировки Ушинский, как само собой понятно, мог вести только подготовительную работу к большому труду, который обдумывался им уже с первых дней его педагогической работы. Уже в первом письме к Модзалевскому 24. VIII 1862 г., сообщая о работе над детской книжкой, Ушинский пишет: «если немного станет полегче, примусь за педагогику» (т. XI, стр. 166). Спустя несколько более года, когда основные поездки по школам были сделаны, письма о педагогической поездке напечатаны, а «Родное слово» закон-

чено и переписывалось набело, Ушинский уже весь погрузился в работу над вопросами педагогики на философской основе и так пишет 11 ноября 1863 г. об этом Модзалевскому: «пишу немного... а более — читаю, погружаясь в неисчерпаемые глубины немецкой философии; а книги то и дело подваливают мне не один, а целых три гейдельбергских книгопродавца; даже я выбрал последний раз носильщика, но, конечно, по-русски, на что он мне улыбнулся любезнейшим образом» (там же, стр. 175)*. Видимо, Ушинский имел уже сложившийся план научной разработки вопросов педагогики, потому что с большим недоверием относился к традиционным попыткам разработки этой науки, которые выражались или в наборе рецептурных предписаний практикам педагогики или в бюрократических попытках административными предписаниями разрешить проблему ее построения в то время, когда самые основы ее еще не изучены. Когда Модзалевский в 1864 г. ознакомил Ушинского с своим проектом издать нечто вроде путеводителя по вопросам педагогики для русских учителей по аналогии с «путеводителем», изданным Дистервегом для немецких учителей, Ушинский 4 февраля 1864 г. писал ему: «Ваша мысль издать для русских учителей нечто вроде Wegweiser'a едва ли может осуществиться. Это уже зрелый плод, а у нас еще азбуки-то педагогической не знают...» (там же, стр. 178). Модзалевский, издавший письма Ушинского, постеснялся привести полностью его характеристику состояния русской педагогической науки и обозначил многоточиями несомненно резкую характеристику Ушинского. В другой раз, когда Модзалевский сообщил Ушинскому о том, что Учебный комитет МНПр. планирует издание курса педагогики, Ушинский, ознакомившись с планом издания, писал Модзалевскому в мае 1864 г.: «Общая часть поручается одному лицу, а специальная, дидактика — специалистам. Кто этот таинственный незнакомец, которому поручается общая часть и который, без сомнения, уже найден, иначе бы Воронов и проекта не предложил, — неизвестно; а от его личности зависит, без сомнения, и весь успех дела. Но вообще я плохо верю в возможность «артельной» педагогики, которая все же в основании наука философская, и потому требует единства идеи» (там же, стр. 182).

Поиски философской идеи, которая должна лечь в основу педагогической науки и сообщить ей единство, составляли особенность теоретического подхода Ушинского к области педагогики. Об отсутствии у нас педагогической идеи, которая

---

* За время своего пребывания за границей и работы над «Педагогической антропологией» Ушинский, конечно, значительно пополнил свою библиотеку литературой по психологии и философии, и нельзя не пожалеть, что эта библиотека, как кажется, бесследно растерялась после того как была подарена вдовой Ушинского Спб. Городской думе.

бы пронизывала собой всю педагогическую работу как теоретическую, так и практическую, Ушинский говорил давно как в своих статьях, так и в переписке. В статье о Пирогове Ушинский писал, что «мы приступили к толкам о школьных реформах, не сознав вполне той идеи, из которой должны вытекать, все эти реформы... Ясно, что основная идея народного образования есть прежде всего идея глубоко философская и идея психологическая. Чтобы высказать эту идею, нужно высказать прежде, что такое человек, по нашему мнению, что такое самый предмет, который мы хотим воспитывать, и чего мы хотим достигнуть воспитанием, каков наш идеал человека. Каковы бы ни были ваши взгляды, читатель, на философию и психологию, согласитесь, что, если мы говорим о воспитании человека, то должны предварительно составить себе понятие о человеке; согласитесь, что если мы хотим достигнуть какой-нибудь цели воспитанием, то должны прежде сознать эту цель... Недостаток философского образования, на которое до последнего времени смотрели у нас с каким-то недоверием и враждой, будет еще долго камнем преткновения в нашей воспитательной деятельности, и долго еще мы будем спорить о самых легких вопросах только потому, что не желаем или не можем вызвать наружу ту основную идею, на которую каждый из нас бессознательно опирается в своем споре» (т. III, стр. 31—32). Вот эту задачу — найти основную педагогическую идею, идею, в конечном итоге, философскую, Константин Дмитриевич Ушинский и пытался решить, поставив перед собой проблему педагогической науки.

Известно, что эта задача свелась в конечном счете к изучению природы **человека как предмета воспитания**. Такой заголовок с характерным подзаголовком «Опыт педагогической антропологии» и получил философски-психологический труд, выполненный Ушинским за границей. Но в период своей первой командировки он пытался разработать только пробный вариант этого труда в виде ряда статей, первая из которых получила несколько тяжеловесный, но тоже характерный заголовок, — «Главнейшие черты человеческого организма в применении к искусству воспитания». Первые 6 глав этого труда были закончены Ушинским в начале 1864 г. и по приезде в Петербург были отданы для печати в только что организованный военным ведомством журнал «Педагогический сборник», издававшийся затем в течение 18 лет под редакцией сейчас забытого педагога Н. Х. Веселя. В течение второй половины 1864 г. эти главы были напечатаны в означенном журнале, их продолжение было перенесено на следующие годы — 1865, 1866 и 1867. В этом большом труде Ушинский поставил себе задачу дать научный анализ человеческого организма с целью вывести из этого анализа основные правила воспитания. Вместо того чтобы загружать память воспитателя бесчисленным

количеством правил воспитания, писал Ушинский в предисловии, «не гораздо ли полезнее уяснить организм человека настолько, чтобы воспитатель сам мог видеть, какое влияние будет иметь то или другое воспитательное действие на этот организм». Постановка вопроса весьма характерная как в педагогическом, так и в научно-психологическом отношении, что несколько подробнее будет охарактеризовано ниже.

К. Д. Ушинский
в Петербурге
в течение летних
и осенних месяцев
1864 г.

Отправляясь в Петербург с официальным отчетом о своей командировке, с напечатанными статьями о педагогической поездке по Швейцарии, с составленной им книгой «Родное слово» и с начальными главами своей теоретической работы по педагогике, Ушинский учитывал возможность какой-то перемены в своей судьбе. С одной стороны, он выполнил ряд солидных работ, которые могли заинтересовать как Главноуправляющего женскими учебными заведениями ведомства имп. Марии, так и министра народного просвещения в такой степени, чтобы вновь призвать автора этих работ к выполнению какой-либо ответственной работы в области просвещения, отвечающей его специальности. С другой стороны, за два года упорной работы за границей Ушинский и теоретически, и практически настолько обогатился новыми идеями в области педагогики, что он считал своей обязанностью выступить перед педагогической общественностью с публичным разъяснением тех идей в области педагогической теории и практики, которые его особенно волновали. Вместе с тем он предполагал присмотреться непосредственно к русской жизни, к ее деятелям и настроениям и в связи с этим определить свой дальнейший образ жизни. Искреннему патриоту, горевшему с юности желанием быть полезным своему народу, человеку, верившему в блестящие перспективы русского народа, пребывание вдали от родины, конечно, было тяжело. Кроме того, и по личным соображениям длительное странствование за границей с большой семьей не могло особенно удовлетворять Ушинского. Младшие дети подрастали и должны были где-то постоянно жить, чтобы учиться. Старший сын пока что усваивал элементы общего образования в различных учебных заведениях Европы — в Гейдельбергском лицее, в Стоевском институте в Иене, частью с помощью специально приглашенных из России домашних учителей. Но завершить свое общее образование и получить специальное он должен был, по мысли Ушинского, все же в России. Переписываясь с Модзалевским по вопросу об определении сына в Стоевский институт, Ушинский в сентябре 1863 г. колебался, следует ли закрепить сына в этом заведении, и решил пока выждать «на этот год, пока моя судьба еще не решена» (т. XI, стр. 173). Очевидно, в следующем 1864 г. он надеялся, что может произойти какое-либо изменение в его судьбе, которое избавит его от необходимости скитаться с семьей за границей.

Прибыв в Петербург в начале июня и поселившись в Павловске, Ушинский считал необходимым предварительно ознакомиться с тем, что происходит в петербургских сферах, связанных с педагогикой. Свой формальный отчет перед IV отделением он испросил разрешение отложить до того времени, как будет напечатана законченная им книга по первоначальному обучению «Родное слово», т. е. до начала сентября. За летние месяцы Ушинский имел, вероятно, не одну беседу с министром просвещения А. В. Головниным (об этом говорят постоянные о нем упоминания в переписке Ушинского); побывал в редакции газеты «Голос», где нашла себе приют группа «либеральных» педагогов-демократов, энергично отстаивавших против реакционных выступлений Каткова прогрессивные педагогические идеи 60-х годов; связался с членами Педагогического собрания и, вероятно, не раз беседовал с его председателем, проф. П. Г. Редкиным, всегда принимавшим теплое участие в судьбе Ушинского. Таким образом, Ушинский имел возможность в подробностях ознакомиться с той ситуацией, которая на ближайшее время складывалась в педагогическом мире. Это ознакомление в свою очередь определило личное отношение Ушинского к возможному изменению его судьбы в том или ином направлении.

Совершенно понятно, что Ушинского прежде всего интересовало положение дел в министерстве. Из личной беседы с Головниным он вынес впечатление неутешительное. Ни для педагогики, ни для своих личных дел Ушинский не вынес из этой беседы никаких обнадеживающих перспектив, и уже 25 июня писал заканчивавшему свои занятия за границей Л. Н. Модзалевскому, ожидавшему от него новостей: «Я не писал к вам так долго; но мне хотелось узнать сначала все основательно и тогда уже познакомить вас с здешним порядком дел. Министру, кажется, мало дела до пользы дела; он занят только одной мыслью, как бы ему выкрутиться из тех тисков, в которые его поставили собственные промахи, злоба товарищей и Катков. Но едва ли это ему удастся. Он похож теперь даже и по виду на муху, теряющую последние силы, чтобы выбиться из паутины... а паук уже подходит, но кто этот паук — еще неизвестно. Говорят — Танеев... Это будет промен «шила на мыло». Дела министра крайне плохи. Он сам, видимо, потерялся; но может просидеть еще несколько времени, так как долго будет идти битва за наследство» (т. XI, стр. 183—184). Ничего особенно нового для Ушинского в этом выводе о министерстве Головнина не было за исключением разве того, что близится конец этого министерства. Еще в прошлом 1863 г. Ушинский делал аналогичный вывод и делился им с Модзалевским, делая то заключение, что «участь истинных педагогов-нечиновников вообще теперь не весела», так как министерство по преимуществу работает бюрократически и не видит настоящего дела. «Министерство своим неумением дело делать и своею хвастливостью, кроме правительства, подняло про-

тив себя целую, вонючую, но грозную тучу... и теперь ему не справиться. Что положение министерства шаткое,— это не трудно видеть. Но собственно дурного в нем то, что оно держится К[онстантинов]ской партии*. Участь этой партии, впрочем, еще не решена и, может быть, по усмирении Польши, она опять всплывет наверх. Я ее не жалею, более по какому-то инстинкту, чем вполне сознательно, и может быть, потому что все орудия ее — безыдейные чиновники, т. е. самый вредный народ» (там же, стр. 177). В таких условиях рассчитывать на возможность сколько-нибудь продуктивной работы в министерстве Головнина Ушинский, конечно, не мог; перспектива же близкой смены либерального министра новым, несомненно реакционным деятелем уже совсем не улыбалась Ушинскому.

Правда, министр относился к Ушинскому доброжелательно и возлагал на него некоторые надежды. «Он опять предлагал мне издание частного педагогического журнала с помощью министерства, я... сказал, что подумаю, но не обещал, так как здоровье мое крайне расстроено» (т. XI, стр. 184). В первый раз это же предложение сделано было Ушинскому в начале 1864 г. и последний писал тогда Модзалевскому: «Головнин предложил мне взять на себя неофициальным образом «Журнал министерства народного просвещения», переменить ему заглавие и издавать как частное издание с поддержкой от правительства. Я, конечно, отказался от этого неразумного предложения, ссылаясь на здоровье, но отказался (бы) и потому, что скорее мог принять на себя открыто издание официального журнала, чем делать это под рукой» (там же, стр. 178). Ясно, что министр не прочь был использовать Ушинского в своих личных целях, доверив ему защиту своих позиций перед обществом, но ему не было дела до тех педагогических идей, которые вдохновляли Ушинского и которым одним Ушинский только и мог посвятить свою журнальную деятельность, если бы таковая была ему поручена. Понятно, что как в первый, так и во второй раз Ушинский отнесся к предложению министра как предложению неразумному и под предлогом болезни отклонил его.

Ушинский не писал Модзалевскому «о других делах по просвещению, потому что было бы очень длинно, а мне некогда, да и вы скоро едете, все сами узнаете» (там же, стр. 184). Не мог он, однако же, не упомянуть о том, обоих их волновавшем вопросе, который как раз в этом году решался в высших инстанциях,— вопросе о школьной реформе. В Учебном комитете министерства в конце 1862 и начале 1863 г. была выработана но-

---

* К-ская партия — группа деятелей, собравшихся вокруг Константина Николаевича, второго сына Николая, и старавшаяся поддерживать либеральные меры той эпохи в противовес реакционным. По Ленину, борьба либералов и реакционеров была борьбой из-за меры и формы уступок, а не по существу. Замечательное признание Ушинского об инстинктивной антипатии к этой партии.

вая (третья по счету) редакция проекта устава школ, в которой были сделаны некоторые уступки классицизму в смысле введения латинского языка в прогимназии. После доработки в канцелярии министра проект этот был представлен 27. II 1864 г. в Государственный Совет, где и обсуждался 22. VI 1864 г., т. е. за три дня до письма Ушинского, где 23 члена Совета против пяти высказались за более последовательное проведение классической системы, вопреки проекту, в котором классическое и реальное образование распределялось поровну — между наличными гимназиями, причем Головнин, очевидно, не разобравшись в предложениях, внесенных Толстым, голосовал за исключение латинского языка из реальных гимназий и за то, чтобы не сразу, а по указанию опыта превращать классические гимназии в реальные. Этими поправками впоследствии воспользовался Толстой, чтобы лишить учащихся реальных гимназий права поступления в университет и чтобы допускать открытие реальных гимназий только там, где этого требуют на местах. Но этого скоро перестали требовать, как только стало известным, что реальные гимназии без латинского языка не дают доступа в университет. Слухи об оплошности Головнина, голосовавшего против собственного проекта и за проект своего преемника, Толстого, очень скоро распространились по Петербургу и до Ушинского они дошли в несколько искаженной форме. Он писал Модзалевскому: «Дело с классическими гимназиями вышло презабавное. Сначала, как вам известно, министр был реалист, желая подделаться к либеральному духу, он такой проект и составил; потом, под влиянием катковских пинков и строгановских назиданий, стал классиком; внес такой проект и в Государственный Совет, но, к ужасу его, Совет большинством голосов стал за реализм, — этого уж Головнин не ожидал! Таковы по крайней мере слухи» (там же, стр. 184).

Разведка, предпринятая Ушинским в министерстве, не дала ему никаких перспектив относительно возможной перемены в его судьбе. Но он все же ознакомился из первых рук в министерстве и из других источников о той угрозе реальному образованию, которая нависла над русским просвещением «под влиянием катковских пинков и строгановских назиданий». Это заставило Ушинского снова подумать о возможности вмешаться в тот спор, который затеял Катков с министерством.

Выступления Ушинского в газете «Голос». Еще в 1863 г. систематическая травля Учебного комитета при министерстве, предпринятая защитником крепостничества Катковым, чтобы сорвать предпринятую реформу школ в реальном направлении, возмутила Ушинского как своей грубостью, развязностью, так, равным образом, и полным педагогическим невежеством. Ушинский тогда же написал по этому поводу статью, которую однако же раздумал посылать в виду неясности тех причин, по которым Катков напал на министерство.

У Пирогова были какие-то основания думать, что причиной спора являются не педагогические соображения, а политические. Выступать с педагогическими аргументами там, где не они играют решающую роль, значило биться с врагом не его оружием. Будучи в Петербурге, Ушинский увидел, что и педагогические аргументы все же играют немалую роль в качестве поддержки или разоблачения тех или иных реакционных направлений и если оставлять их без возражений и соглашаться с ними, то их действие возрастет. Между тем по мере того как проект реформы близился к своему окончательному разрешению, издания монархиста Каткова с развязностью и настойчивостью день ото дня повторяли одни и те же аргументы в защиту классического и против реального образования. Что-то им необходимо было противопоставить. Внимание Ушинского, естественно, остановилось на газете «Голос», основанной в 1863 г. А. Краевским и поставившей своей задачей принимать активное участие в практической разработке реформ 60-х годов. «Мы за деятельную реформу», — гласила программная редакционная статья. Разделяя веру в русский народ и его великое будущее, редакция полагала, однако же, что руководство этим народом должно принадлежать правительству: «Мы не хотим льстить правительству, но не хотим льстить и народу». Выдвигая на одно из первых мест народное образование, его количественный рост и качественное развитие, редакция заявляла, что «в этом скромном вопросе — вся будущность нашего отечества, его величие или ничтожество, его благоденствие или бедствие». Педагогические статьи и материалы занимали в «Голосе» одно из видных мест: печатались они или за подписью авторов, или как передовые статьи от имени редакции. В период подготовки школьной реформы и после ее утверждения «Голос» энергично защищал реальные гимназии и систематически вел полемику с реакционными изданиями. В качестве сотрудников газеты выступали все педагоги, стоявшие на стороне реформы школы в реальном направлении. Естественным было желание Ушинского войти в состав сотрудников «Голоса», чтобы присоединить и свой голос к числу противников катковских изданий. Биограф Ушинского М. Л. Песковский, бывший сам сотрудником «Голоса», сообщает в своем биографическом очерке, что Ушинский «в течение многих лет» писал педагогические статьи в газете «Голос» (стр. 46), что в редакции этой газеты в конце 60-х годов он много раз встречал Ушинского (стр. 9).

Очевидно, еще в июне Ушинский посетил редактора «Голоса» Краевского и получил от него предложение принять участие в разоблачении аргументов катковских изданий в пользу классицизма. Соприкоснувшись в Петербурге с целым рядом деятелей по народному образованию различных направлений, Ушинский убедился, что каковы бы ни были цели предпринятой

Катковым борьбы против министерства, разоблачение педагогической аргументации, которая используется им в этой борьбе, лежит всецело на обязанности педагогов. Ушинский не мог не вспомнить при этом о статье по адресу Каткова, отложенной им в прошлом году, и, воспользовавшись очередным выступлением «Современной летописи», использовал материал этой статьи для того чтобы разоблачить все невежество и несостоятельность аргументации московских педагогов. 16. VII. 1864 г. Ушинский послал Краевскому свою статью под заголовком «Чего хотят московские педагоги?» В статье с фактами в руках Ушинский показал, что педагоги, сотрудничающие в изданиях Каткова, реакционны по взглядам, и что отвергаемая ими реальная общеобразовательная школа существует в Германии как самостоятельный вид общего образования, давно уже завоевавший свое право на самостоятельное существование, параллельное классическому. 2 августа статья его напечатана за подписью Н. Ушинский ожидал полемики, но катковской «Современной летописи», очевидно, отвечать было нечего.

Статья «Чего хотят московские педагоги?» была первой статьей Ушинского в «Голосе». В последующие годы Ушинский продолжал печатать и другие свои статьи в этой газете, насколько это позволяло ему время и насколько этого требовала необходимость. До сих пор были известны четыре статьи, опубликованные Ушинским в «Голосе» за своей подписью или под раскрытыми псевдонимами. Статьи, печатавшиеся от редакции в качестве передовых, было труднее разыскать. Изучение педагогических статей «Голоса» второй половины 60-х годов дает возможность с совершенной уверенностью приписать Ушинскому, на основании ли его переписки или на основании внутренней связи статей, являющихся ответом на полемические выступления против ранее им напечатанных статей, еще пять статей*. Большинство этих статей посвящено не прерывавшейся и после утверждения гимназического устава (19. XI 1864 г.) полемике по вопросу о классическом и реальном образовании, направленной теперь уже по адресу Д. Толстого, энергично стремившегося направить реформу школы в русло катковских идей. Одна из статей Ушинского, подвергавшая сравнению системы образования, принятые в министерствах — военном и народного просвещения, вызвала особое раздражение в министерстве Толстого, и, по указанию последнего, «Современная летопись» (1867 г., № 67) опубликовала явно раздраженный ответ «Из Петербурга». Возражая на этот ответ в «Голосе» (1867 г., № 81), Ушинский не без намерения упоминает о другом министре, С. С. Уварове, в свое время также насаждавшем в России

* Статьи Ушинского, напечатанные в «Голосе» как с подписью фамилии, так и без подписи, перепечатаны в собрании его сочинений, изд. АПН РСФСР, т. 2.

классическое образование, как общепризнанную в Европе систему общего образования, между тем как к 60-м годам в Европе уже созрела новая, реальная система общего образования, которую не могут осознать современные деятели министерства.

Таким образом, будучи надолго оторван от родины и практической работы в ней, всецело погруженный в теоретическую разработку вопросов педагогической науки, Ушинский все же продолжал внимательно следить за тем, как осуществляется школьная реформа в стране, и в своих полемических статьях отзывался на наиболее злободневные вопросы русской педагогической жизни. Разумеется, полемика эта не могла иметь сколько-нибудь реального значения в условиях торжества реакции, наступившего в России с второй половины 60-х годов. Ушинский это прекрасно сознавал, но он сознавал также и то, что сдавать свои позиции победившему противнику не следует и что полемика с ним все же будет способствовать формированию общественного мнения по такому животрепещущему вопросу, как общее образование. И несомненно, что теоретический и практический вклад Ушинского в разработку этой проблемы должен быть признан весьма значительным. Анализ этого вклада может быть дан, однако же, только в специальной работе.

**Отчет
Ушинского
о двухгодичной
заграничной
командировке.**

10 сентября 1864 г. Ушинский представил Главноуправляющему отчет по возложенному на него «поручению обозреть заграничные женские учебные заведения». В своем рапорте Ушинский писал, что «обозрение это не вполне удовлетворило той программе, которую, отъезжая за границу», он надеялся выполнить. «Учебных заведений Англии, Шотландии и Австрии я совершенно не видел, а в Северной Германии видел только прусские. С особенной подробностью осмотрел я швейцарские, южно- и среднегерманские заведения; во Франции осмотрел я немного; в Бельгии оставался несколько долее. Причиной такого недостаточного обзора было мое крайне расстроенное здоровье. По настояниям докторов я должен был обе зимы оставаться на месте; последняя же зима, очень суровая и продолжительная, задержала меня неожиданно долго, так что на обзор учебных заведений каждого рода мне оставалось только лето и то за вычетом вакационного времени. Впрочем, я видел по нескольку заведений каждого рода в каждой стране и замечательнейшие изучал в подробности» (т. XI, стр. 337).

В первоначально набросанном очерке отчета Ушинский предполагал дать характеристику систем женского образования за границей и на основании критического обзора этих систем установить собственную теоретическую точку зрения на вопрос о женском образовании. Однако же при окончательной обработке официального отчета он решил эти теоретические обзоры исклю-

чить и оставить одну фактическую часть, на основании знакомства с которой Главноуправляющий мог сам сделать те выводы, которые покажутся ему необходимыми. Эта предосторожность была тем более необходима, что в кратком отчете (стр. 225). Ушинский уже сделал попытку соответствующих выводов из своего годовичного обзора, причем имел, по-видимому, возможность убедиться, что эти столь восторженно доложенные им выводы оставили совершенно равнодушными его высокопоставленных читателей. Таким образом, Ушинский, ограничившись кратким введением, прямо перешел в своем официальном отчете к обзору современного состояния женского образования в Европе, сообщая подробное описание только типичнейших учреждений, которые им были осмотрены. В обзоре Ушинского охарактеризованы: дошкольные учреждения (детские приюты, детские сады), благотворительные заведения для сирот и беспризорных, а затем описаны элементарные женские школы, высшие женские школы, женские учительские семинарии и женские интернаты. В значительной своей части это материал женского воспитания, подробно описанный Ушинским в его письмах о педагогической поездке, но здесь он подан в систематически упорядоченной, стройной форме, благодаря чему весь отчет представляет в своем роде обобщенную теорию женского образования, извлеченную Ушинским из обзора ряда посещенных им школ. В особенности рельефно и поучительно показана Ушинским организация элементарной женской школы. Отчет старательно переписан чьей-то женской рукой, но, видимо, никем не прочитанный пролежал в покоях императрицы два года, после чего уже в 1867 г. поступил в канцелярию и зарегистрирован под этим годом. В изданном В. И. Чернышевым втором (дополнительном) томе сочинений Ушинского этот отчет значится под 1867 г., между тем как он представлен в 1864 г., и больше никаких отчетов Ушинский не представлял.

Вместе с отчетом Ушинский имел намерение представить и составленную им книгу «Родное слово» как бы в свидетельство того, что во время болезни он не оставался без работы. Он так и писал: «По необходимости оставаясь зимой на месте, я воспользовался тем, что видел в лучших заграничных школах и составил наставление для учащихся, как преподавать детям отечественный язык, и соответствующую наставлению книгу для учащихся, которые я буду иметь честь представить, как только они выйдут из печати» (т. XI, стр. 337).

Итак, командировка закончена, отчет представлен. Должна выясниться дальнейшая судьба Ушинского. Каких-либо надежд на министерство Ушинский питать, конечно, не мог, тем более, что явно и неудержимо наступала реакция. Оставаться в качестве члена Учебного комитета при IV отделении Ушинский мог бы при условии предоставления ему возможности свободно работать, но просить об этом Ушинский не стал. Нет сомнения,

однако же, в том, что, возвращаясь с отчетом о своей двухгодичной работе за границей, Ушинский питал втайне надежду, что ему будет предложен какой-либо отвечающий его склонностям и способностям пост. Однако же Главноуправляющий, видимо, никакой особой должности Ушинскому не предназначал, учитывая опыт со Смольным. Возможно, что Ушинский предполагал реализовать не раз и раньше мелькавшую у него мысль — попытаться жить на доход, получаемый от издаваемых им книг: «Детский мир» начал расходиться хорошо; возможен был успех от «Родного слова», которое кончалось печатанием; в перспективе Ушинский имел увлекшую его работу о «Человеке как предмете воспитания», которую он мог с наибольшим удобством окончить только за границей. Ввиду изложенного свой рапорт Ушинский закончил просьбой об отставке и назначении ему половинной пенсии ввиду выслуженных им по ведомству имп. Марии 10 лет. «Что касается состояния моего здоровья, то заграничные доктора, а равно и известный русский врач г. Пирогов положительно запретили мне проводить зиму в С.-Петербурге под опасением быстрого развития тяготящей меня болезни. Потому, несмотря на все мое желание приносить посильную пользу на службе и доказать на деле всю мою признательность за внимание ко мне я, к великому для меня огорчению, нахожу себя вынужденным просить об увольнении меня от службы с 4 ноября с. г., так как к этому сроку исполнится десятилетие моей служебной деятельности по учреждениям имп-цы Марии, и об исходатайствовании мне причитающегося пенсионера. Смею уверить, что одна только невозможность соединить требования моего здоровья со службой заставляет меня просить об отставке».

Отказываясь по состоянию своего здоровья оставаться в Петербурге и прося об отставке, Ушинский, конечно, предполагал на крайний случай, что ему могут предложить выполнение каких-либо других поручений за границей, что совпало бы с его собственными намерениями работать для пользы дела.

На рапорте Ушинского была наложена резолюция Главноуправляющего женскими учебными заведениями:

«Признавая деятельность и педагогические познания г. Ушинского весьма полезными для ведомства, я решаю сохранить его для сего последнего. А потому ходатайствую о дозволении Ушинскому пробыть два года на прежнем основании с тем, чтобы в это время он написал и представил мне полный курс педагогики для наших заведений, так как в подобном руководстве с специальными применениями оно к особенностям женского воспитания уже давно чувствуется, с одной стороны, недостаток, а с другой — необходимая потребность».

10. IX. 1864 г. состоялось решение о новом командировании Ушинского на два года за границу с сохранением полу-

чаемого содержания. Принимая во внимание, что в российских женских учебных заведениях ощущается настоятельная необходимость в курсе педагогики с специальным применением оной к условиям воспитания девиц в стране, какового сочинения не находится ни в русской, ни в иностранной литературе, — вынесено следующее решение: «составление этой книги поручить бывшему инспектору классов Воспитательного общества, коллежскому советнику, Ушинскому, как человеку вполне известному своими педагогическими познаниями и опытностью, для чего послать его на два года за границу, где он будет иметь возможность находиться в постоянных сношениях с известнейшими учеными по этой части».

Таким образом, волновавший Ушинского в 1863 г. вопрос о том, как решится его судьба, т. е. останется ли он за границей, или вернется в Россию, решился, по-видимому, наиболее удачно. Как ни хотелось Ушинскому вернуться на родину, ситуация складывалась так, что ни министерство, ни IV отделение, признавая его педагогические познания и опытность, не могли предложить ему какой-либо удовлетворяющей его работы, а то, что они могли бы предложить, он сам не принимал. Выезд за границу с новым поручением представлялся наиболее удовлетворительным выходом: за границей Ушинский мог продолжать свое лечение и спокойно осуществлять теоретическую работу по педагогике. В его положении это было лучшим выходом.

**Выступления
Ушинского
в Педагогическом
собрании.**

В Петербурге с 1859 г. функционировало Педагогическое общество, организованное передовыми педагогами, с целью привлечь массу педагогов столицы к обсуждению очередных педагогических вопросов, требовавших практического и теоретического решения. Общество это было своеобразным откликом учительских масс на то широкое социально-политическое движение, которое захватило собой всю русскую жизнь с приближением 60-х годов. Общество просуществовало в течение 20 лет, заслушало и обсудило до 300 докладов с прениями, которые большей частью стенографировались и публиковались в педагогических журналах. Несомненно, работа Общества способствовала распространению передовых педагогических идей в столице и за ее пределами и была все время бельмом на глазу у правительства, пока, наконец, в 1879 г. приказом министра, раздраженного тем, что в Обществе все еще критикуется классическая система, Общество было ликвидировано. Несменяемым председателем Общества был проф. П. Г. Редкин. Ушинский был его членом с основания, однако же в первые годы по исключительной своей занятости принять участие в работе Общества не мог. Приезд Ушинского в Петербург в 1864 г. дал ему возможность принять оживленное участие в работе Общества. Это участие выразилось: а) в разработке и обсуждении вопроса о женском образовании в России, б) в разработке и об-

суждении вопроса о педагогике как теоретической науке. По тому и другому вопросу Ушинский выступал как в прениях, так и с собственными докладами.

Возможно, что Ушинскому было предложено принять участие в обсуждении вопроса об устройстве женских семинарий в России еще в первые дни по его приезде в Россию, так как вопрос этот поставлен был в Педагогическом обществе еще весной в докладе Половцева «Об устройстве в России женских семинарий для приготовления сельских учительниц». От Ушинского, обогащенного опытом Европы, ждали консультации по этому новому для России вопросу. Поэтому Ушинский еще в письме от 25. VI просил Модзалевского, остававшегося пока в Германии, — «не можете ли через кого-нибудь достать мне программу женской семинарии, той, что возле Цейкса: она мне очень нужна. Напишите туда, сделайте одолжение. Да, проезжая через Веймар, приобретите для меня экземпляр атласа детских работ по Фребелю, изданный в Веймаре» (т. XI, стр. 184). Как только с осени начались постоянные собрания Педагогического общества, вопрос о женских семинариях был поставлен на очередь и уже 19 сентября была избрана комиссия для разработки вопроса. В состав комиссии вошли в качестве членов Косинский, Модзалевский, Семенов, Шарловский, Филиппова. Председателем комиссии был избран Ушинский. Инициатор постановки вопроса, Половцев, в том же заседании повторил свои соображения о возбужденном им «женском вопросе». В следующем заседании, 3 октября, Половцев прочел справку о педагогических учреждениях в России и ряд интересных статистических данных, которые собрание определило печатать в журнале «Учитель». В том же собрании Ушинский выступил с докладом о состоянии высшего (т. е. следующего за начальным, иначе — среднего) женского образования за границей.

В своем докладе Ушинский резюмировал те наблюдения и выводы, которые он сделал относительно женского образования за границей во время своей командировки. В целом немецкое воспитание он охарактеризовал как консервативное, вследствие отсталых взглядов на женщину, утвердившихся в немецком обществе. Подражания и заимствования заслуживают только очень немногие женские училища, например школы Фрелиха в Берне и Елизаветинское училище в Берлине, «составляющие отрядные исключения». Характеризуя направление массовых женских школ, Ушинский говорил, что он напрасно пытался уловить в них единство направления. «Вместо одного направления я повсюду находил смесь нескольких и по преимуществу **двух**, соединяемых в каждой школе и соединяемых довольно нескладно. Принимая в расчет происхождение этих направлений и их главную отличительную черту, я назову одно из них **немецко-хозяйственным**, а другое **французско-галантерейным**. Эти два направления встречаются непременно в каждой высшей женской

школе, причем, преобладает то одно, то другое, смотря по местности, где находится школа и по классу общества, к которому принадлежит большинство воспитанниц» (т. III, стр. 265—266). В первом случае преследуется задача сделать женщину доброй матерью, умной и бережливой хозяйкой, во втором — приготовить ее для парадных, а не хозяйственных комнат. Оба эти направления в женском образовании Ушинский объяснял тем пониженным социальным положением, какое занимает женщина в Европе. — Совершенно естественно, что, педагогически отражая эти основные направления, организация женского образования, если не сознательно, то бессознательно, строится таким образом, чтобы оканчивать процесс образования как раз в том возрасте, когда только еще начинается процесс настоящего созревания. «Так называемые высшие женские школы в Германии прекращают свое влияние на девушку почти в то самое время, когда это влияние действительно могло бы быть плодотворным. Из большинства высших женских школ ученицы выходят 15-ти, 16-ти, а иногда даже 14-ти лет, т. е. именно в том возрасте, когда для женщины только что начинается возможность вполне сознательного и сочувственного учения. Самое дорогое время, время для сознательного учения и правильного развития женщины, есть, бесспорно, время от 16-ти до 18-ти и 20-ти лет, когда именно разворачивается вся восприимчивость женской души, и семена просвещения падают на плодотворную почву, согретую чувством и самосознанием. И вот при самом начале этого периода девушка прекращает систематическое занятие наукой и поступает под надзор своей матери, которая, получив сама такое же детское, а часто еще и слабейшее образование, конечно, не может продолжать дела, начатого школой. Здесь начинаются для девушки хозяйственные хлопоты в отцовском доме, пока сменятся такими же хлопотами в доме мужа» (т. III, стр. 264). Доклад Ушинского был выслушан с огромным интересом и оживил педагогическое собрание нарисованными докладчиком живыми картинами европейских школ. Кто-то из немцев, подписавшийся буквой S, ознакомившись по газетному отчету с докладом Ушинского, выступил в немецкой «Петербургской газете» («St. Petersburger Zeitung», 1866 г., № 239, 250) с негодующим фельетоном, в котором вступался за немецких матерей и жен, будто бы оскорбленных в докладе Ушинского. Ушинский ознакомился с этим фельетоном, будучи уже за границей, и это заставило его воспроизвести содержание своего доклада в статье «Одна из темных сторон германского воспитания», напечатанной в «Голосе» (1865 г., № 63). А так как «Спб. немецкая газета» отказалась поместить ответ Ушинского, восстанавливающий истину, то на дальнейшие нападки газеты Ушинский больше не отвечал.

Сообщение Ушинского о высшем женском образовании в Европе имело, помимо общего, и специальное значение для ко-

миссии, работавшей под его председательством по вопросу о женских учительских семинариях. Комиссия посвятила, вероятно, не одно собрание для обсуждения этого вопроса. Отчет о заседаниях был представлен Модзалевским общему собранию. Комиссия выработала ряд тезисов, которые затем обсуждались не один раз на заседаниях Педагогического собрания. Тезисы носят на себе след участия в их составлении Ушинского. Так, тезис 5-й гласит, что «Учебные занятия в специальном училище распадаются: а) на повторительный курс общих предметов в педагогическом направлении и б) на ознакомление как с теоретической, так и с практической стороной педагогического дела». Тезис 6-й: «Инициатива в деле образования народных учительниц должна принадлежать преимущественно самому Обществу при содействии и контроле правительства». Тезис 7-й: «Для устройства таких специальных училищ необходимо учреждение в разных местностях особых комитетов». Тезис 8-й: «Эти комитеты могли бы получать средства, необходимые для достижения упомянутой цели, как из частных пожертвований своих членов-благотворителей, так и от местных правительственных учреждений, на которых в настоящее время лежит забота о народном образовании. Сюда относятся главным образом училищные советы, городские думы, земские учреждения и сельские общины» и т. д. (т. XI, стр. 253—254). Тезисы эти обсуждались и видоизменялись на нескольких собраниях в конце 1864 и в начале 1865 г. уже в отсутствие Ушинского, который в середине ноября 1864 г. выехал за границу.

Второй вопрос, в обсуждении которого Ушинский участвовал в Педагогическом собрании, это вопрос о педагогике как науке. Вопрос теоретически очень важный, поскольку педагоги начали испытывать потребность в разработке педагогической науки и в твердой опоре на ее научные основы. Методологически вопрос требовал тщательной разработки, и именно эта сторона вопроса прежде всего занимала Ушинского, заинтересованного не в формальном решении вопроса, а прежде всего в правильном подходе к его решению. Обсуждение вопроса началось 19 сентября прениями по докладу Паульсона «Наука ли педагогика и какая именно?» Доклад Паульсона был прочитан еще до приезда Ушинского, 16 мая 1864 г., причем в докладе проводилась мысль немецких теоретиков педагогики, согласно которой педагогика — прикладная наука, основывающаяся на данных физиологии и психологии. Выступая в прениях, Ушинский доказывал, что педагогика как наука не может быть основана только на физиологии и психологии, что педагогика есть искусство, в основе своей имеющее философскую идею, идею воспитания нравственного человека. Физиология и психология могут дать только некоторые опоры и средства для воспитания, но не могут служить основанием воспитанию. В заседании 3 октября пре-

К. Д. Ушинский в 1864 г.

ния продолжались, причем Ушинский продолжал выяснять необходимость философских оснований для педагогики как научной дисциплины, Паульсон в свою очередь доказывал, что педагогика — прикладная наука, опирающаяся на физиологию и опытную психологию, знание же философских систем необходимо педагогу только для того, чтобы уразуметь педагогику в ее историческом развитии, для дальнейшей же разработки ее это знание не нужно. В прениях принимали участие и другие члены собрания. Видимо, однако же, вопрос находился в такой стадии обсуждения, что заседания с его обсуждением можно было продолжать еще долго. Председатель собрания, проф. Редкин, еще в заседании 19 сентября сделал попытку подвести итог прениям, причем свел прения к двум вопросам: самостоятельная или прикладная наука педагогика (ответ — прикладная); требует или не требует изучения педагогика (ответ — требует). Он не уловил, однако же, основного разногласия между спорящими сторонами: на какие науки опирается педагогика, — только ли на физиологию и психологию, или прежде всего на философию, что настойчиво доказывал Ушинский. Возможно, что смущал употребленный Ушинским термин «искусство», которым как будто отрицалось

то, что педагогика — наука, чего, разумеется, Ушинский не имел в виду: он имел в виду оттенить, что педагогика не есть механическое применение данных тех наук, на которые она опирается, а творческое их использование. Практика применения наук к жизни издавна именовалась искусством, откуда и науки, поскольку их развитие неразрывно связано с их приложением к жизни, еще с античной эпохи именовались искусствами (artes). Желая специально обосновать свои взгляды на педагогическую науку, Ушинский объявил на 7 ноября 1864 г. свой доклад на тему «Педагогика как искусство». Сделана была первая часть доклада. По воспоминаниям слушателей доклад был сделан с большим мастерством и доставил слушателям удовлетворение. Стенограммы доклада, ни даже простой его записи не оказалось. Продолжение доклада не состоялось ввиду отъезда Ушинского.

Выступление Ушинского по вопросу о педагогической науке означало, что он по-новому стремится поставить задачу разработки педагогической науки, не сводя ее к одним только закономерностям психологии и физиологии. Сведение педагогики к простейшим законам физиологии и психологии означало упрощение функций педагогики, которая не может ограничивать себя только элементарными психологическими и физиологическими функциями. Ни психологии, ни физиологии еще не удалось полностью отразить в своих законах человеческую природу. Педагогика — философская наука, и основы ее необходимо искать глубже, чем в простейших психологических и физиологических законах. Это была новая постановка проблемы педагогической науки, хотя и не для всех понятная, но, несомненно, более глубокая, чем те вульгарные предложения, которые давал в своих тезисах Паульсон. Эту новую постановку проблемы педагогической науки и пытался осуществить Ушинский, отправляясь в свою вторую заграничную командировку.

2. ВТОРАЯ ЗАГРАНИЧНАЯ КОМАНДИРОВКА (1864—1870)

Общий очерк работы К. Д. Ушинского в течение второй его командировки. Отправляясь во вторую командировку, Ушинский взял на себя обязательство составить учебник педагогики для женских учебных заведений ведомства имп-цы Марии. Задачу эту К. Д. Ушинский понимал, однако же, так широко, что предоставленные ему два года были совершенно недостаточны для ее выполнения. Учебник педагогики, по мысли Ушинского, может быть составлен только тогда, когда разработаны науки, составляющие основу педагогики — антропологические науки в широком смысле слова. Приступив в первую очередь к разработке психологии, как наиболее близ-

кой к педагогике науки, Ушинский очень скоро увидел, что изложение основ психологии выльется у него, по крайней мере в три тома, после чего он только и может приступить к написанию краткого учебника педагогики для женских учебных заведений. В связи с ходом этой работы Ушинский должен был получать или отсрочки, или дальнейшие продолжения первоначально полученной на два года командировки. Работа над учебником педагогики превратилась, таким образом, в длительную, непрерывающуюся, перманентную командировку, продолжавшуюся до самой смерти Ушинского.

Таким образом, оканчивая по истечении двух лет первый том своего труда, Ушинский 16. XI 1866 г. послал заявление на имя Главноуправляющего с просьбой разрешить ему вернуться в Петербург с законченным трудом весной 1867 г., так как врачи запрещают ввиду болезни переезжать зимой из теплого климата в холодный. Принц разрешил ему отсрочить командировку до апреля 1867 г. К этому времени Ушинский решил вернуться в Петербург с семьей для того, чтобы начать обучение детей в русских учебных заведениях. С собой он привез готовый к печати первый том, который медленно печатался в течение всего 1867 г. На вопросы из IV отделения Ушинский отвечал, что печатание его книги «идет довольно медленно, но без остановки»*. В начале 1868 г. первый том вышел из печати в объеме 600 стр. Для окончания работы необходимо было продлить срок командировки. 16. I 1868 г. принц доносил имп-це, что «возвратившись в Россию, Ушинский окончил ныне печатание 1-го тома огромного своего труда. Между тем, страдая с давних пор грудной болезнью, Ушинский вследствие суровой зимы чувствует упадок сил. Поэтому согласно совету докторов просит о дозволении ему немедленно уехать на остаток холодного времени в чужие края, где он и займется приготовлением в печать второго тома». Ушинский стремился воспользоваться лечением своего расстроенного здоровья, чтобы скорее приблизить к желанному концу работу, уже в общих чертах намеченную. 4. IX 1868 г., т. е. через 8 месяцев, Ушинский вернулся из командировки и приступил к печатанию второго тома своей книги. В конце марта 1869 г. Ушинский представил Главноуправляющему второй том «Антропологии», «в котором изложены психические явления чувства и воли, служащие основой воспитания характера. Обширность предмета, его малая обработка другими писателями и слабость моего здоровья не позволили мне, как я предполагал прежде, уже в этом томе закончить курс антропологии. Если же я ре-

---

* ЦГИАЛ, ф. 759, опись 39, д. № 4631. Дело по III экспедиции IV отд. собствен. е. и. в канц. «О назначении Тимофеева инспектором классов и увольнении Ушинского», л. 67, письмо от 18 авг. 1867 г.

шил издать этот том, то только потому, что книга моя, как мне известно, уже нашла свое применение при чтении педагогических лекций... Если здоровье позволит мне заниматься более, чем в эту зиму, то я надеюсь закончить весь мой труд в будущем году. Но для вернейшего достижения этой цели я осмеливаюсь утруждать ваше высочество всепокорнейшей просьбой позволить мне работать не в Петербурге, а где-нибудь на юге России или за границей, чтобы я мог найти более благоприятные условия для моего расстроенного здоровья» (там же, стр. 80). В соответствии с этим заявлением Ушинский получил 4 августа 1869 г. извещение от канцелярии IV отделения, что Главноуправляющий разрешил ему продолжать возложенный на него педагогический труд на юге России или за границей в климате более благоприятном для его здоровья (там же, л. 85).

Так официально оформлялась жизнь Ушинского за время его последней командировки. На работе над третьим томом «Педагогической антропологии» застигла Ушинского 22 декабря 1870 г. (по ст. ст.) смерть. Прежде чем перейти к обозрению его работы над «Педагогической антропологией», составившей его, так сказать, «лебединую песнь», итог всей его научно-исследовательской работы в области педагогики, целесообразно присмотреться к тому, как сложились за это время другие стороны жизни Ушинского. Жизнь эта в общем была не богата событиями, так как за отсутствием практической деятельности все внимание Ушинского было приковано к проблемам разрабатываемой им науки. Оправдываясь перед Модзалевским в продолжительном молчании, Ушинский 7. V 1865 г. писал: «Вы сами знаете, какую уединенную жизнь веду я за границей, так что, кроме моих внутренних интересов, ни для кого не занимательных, других не имею, а потому часто и затрудняюсь, о чем писать» (т. XI, стр. 186).

Что касается прежде всего места жительства, то Ушинский продолжал жить с семьей на уже обжитых местах и, не связанный необходимостью посещать школы, не имел нужды часто переменять эти места. Первоначально он поселился на старом месте в Гейдельберге: «позднее время года и боязнь не найти в Веве удобной квартиры засадили нас еще на зиму в Гейдельберге, который сильно всем принадоел» (там же, стр. 185). В Гейдельберге Ушинский прожил конец 1864 и первую половину 1865 г. Глава IX его работы «Главнейшие черты человеческого организма...», печатавшейся в «Педагогическом сборнике», подписана «1 мая 1865 г. Гейдельберг». Видимо, со второй половины 1865 г. Ушинский с семьей переселился снова в Веве: глава XIV упомянутой выше работы подписана: «Веве, 1 дек. 1865 г.». Конец 1865 г., весь 1866 г. и первую половину 1867 г. Ушинский жил в Веве. К концу первой половины 1867 г. Ушинский вместе с семьей вернулся

в Петербург и поселился в Павловске, что, конечно, не исключало необходимости его единоличных выездов за границу или в другие теплые места как для работы, так и для лечения.

За время пребывания Ушинского за границей с семьей, он дважды выезжал в Италию, которая привлекала его как своим климатом, так и культурно-историческими памятниками, не говоря уже о тех народно-освободительных движениях в Италии, которые заставляли Ушинского с таким восторгом отзываться об итальянцах, особенно по сравнению их с немцами и швейцарцами. Уже 29 декабря 1864 г. Ушинский писал Модзалевскому: «Я все еще не теряю надежды уехать, уже один, в Ментону, что возле Ниццы» (Ментона — город на итальянской границе у Средиземного моря, климатическая станция для зимнего пребывания грудных больных). Нужно думать, что здесь Ушинский был в феврале 1865 г. Одна из его статей, печатавшихся в «Педагогическом сборнике», подписана: «Ницца 27 (15) марта 1865 г.». А в письме к министру просвещения Головнину от 10. VII 1865 г. он сообщает, что известие о перепечатке Бенедиктовым «Детского мира» он получил «еще в феврале, будучи в Ницце» (т. V, стр. 367). В письме к Модзалевскому от 30. III 1866 г. Ушинский пишет: «Теперь я собираюсь сделать маленькую поездку по Италии. Совесть же быть так долго вблизи Италии и не видеть ее» (там же, стр. 188). В следующем же письме от 21 мая 1865 г. он сообщает: «Я только что воротился из Италии и в восторге от этой прекрасной страны; браню себя сильно, что прожил в Германии. Вот где не любят немцев! — что, конечно, подымает в глазах моих на 20% и без того прелестную Италию» (там же, стр. 189). Следы этого путешествия по Италии остались в ряде упоминаний и ссылок Ушинского во втором томе «Антропологии», когда он говорит, например, о картинах, виденных им в Ватиканской галерее и т. п. Италия с ее климатом, столь благоприятным для здоровья Ушинского, с ее богатым культурным прошлым, Италия, переживавшая в 60-х годах период подъема национально-освободительной борьбы, вызвала восторг Ушинского. В Италии, по его словам, «люди теперь истинно счастливы, борются, надеются, любят, ненавидят». Понятно, что после каждого нового посещения Ушинский опять стремился туда. Свой последний заграничный паспорт он получил в 1870 г. для проезда в Италию, но уже в Вене так сильно захворал, что по совету врачей должен был вернуться в Крым для лечения кумысом.

В первые же годы второй командировки у Ушинского созрело окончательное решение не возвращаться более к служебным делам. Решение это вытекло частью из наблюдения личных отношений к нему в различных сферах, частью из оценки тех перемен в области руководства просвещением, которые последовательно назревали с середины 60-х годов, в частности, из оценки кандидатуры того нового министра, который, по слухам, мог в

ближайшее время сменить Головнина. 30 марта 1866 г. на вопрос Модзалевского, когда он намерен вернуться в Петербург, Ушинский отвечал, что если и вернется в начале будущей весны, то очень ненадолго, «так как,— писал Ушинский,— служить я более не намерен, да и мой характер, всегда шероховатый, так одичал здесь, что, без сомнения, не придется по петербургской жизни. Где же устроюсь, еще и сам не знаю. Может быть, в Москве, если не в Киеве» (т. XI, стр. 188). Известие о назначении министром просвещения (14 апреля 1866 г.) гр. Д. А. Толстого с оставлением его в должности обер-прокурора свят. Синода могло только усилить это его намерение не служить. После официального приказа о назначении Толстого Ушинский 21 мая 1866 г. писал Модзалевскому: «У вас теперь по случаю перемены министра, да еще **такой** перемены, без сомнения, много новостей из педагогического мира. Не соблаговолите ли передать их мне, хоть в кратких словах, да кстати приписать уж и ваш адрес, чтобы я мог отвечать вам прямо. Что Андрей Степанович Воронов? Что Рехневский? Что Педагогическое общество? Я полагаю, что гр. Толстой «сильно не любит всякой педагогики» и что придет на нее гонение, да и пора! Уж много наделали и слишком далеко ушли...» (там же, стр. 189). Не решившись служить при либеральном Головнине, безыдейность и растерянность которого его возмущали, Ушинский тем менее мог рискнуть оказаться на службе у такого реакционера и бюрократа, каким был Толстой, известный ему еще по службе в департаменте духовных дел. Опасения Ушинского оказались правильными. Уже в 1867 г. «Детский мир» был изъят из употребления в начальных классах средних учебных заведений, а книга «Родное слово» уже с 1866 г. изъята из списков рекомендованных министерством книг. При этом до сведения Ушинского дошел слух, что новый министр, просматривая списки книг, одобренных Учебным комитетом, против книги «Родное слово» написал «вредная книга». Для Ушинского, предполагавшего существовать в дальнейшем на доходы от продажи своих изданий, сообщение это было убийственным, и уже в июне 1866 г. он послал письмо тов. министра И. Д. Делянову с просьбой разубедить министра в его впечатлении о вредности книги «Родное слово», причем Ушинский выражал желание «лично оправдать себя и свои книги пред г. министром» в ближайший свой приезд в Петербург (т. XI, стр. 342). Делянов отвечал Ушинскому, что из материалов министерства не видно, чтобы против книги Ушинского министром были написаны слова «вредная книга». Понятно, однако же, что министр мог не писать, а только произнести эти слова, чтобы они оказали надлежащее действие. В то же время в списках рекомендованных министерством книг вплоть до 1871 г. «Родное слово» не значится, хотя в 1868 г. эта книга была допущена Учебным комитетом МНПр. к употреблению в учебных заведениях, подведомственных министер-

ству. Вскоре Ушинский мог убедиться в том, что министерские запрещения или рекомендации не так уж много значат, и 4. IX 1868 г., сообщая Модзалевскому о готовящихся им новых выпусках «Родного слова» в дополнение к первым двум, писал: «Несмотря на гонение министерства... учебная публика меня любила и поставила в положение совершенно независимое» (там же, стр. 193). Ушинский был прав, полагая, что единственно полезной будет не его работа в министерстве, а самостоятельная творческая работа над теоретическим и практическим разрешением очередных проблем русской педагогики.

Всецело погруженный в предпринятую им индивидуально-творческую научную и практическую работу по вопросам педагогики, от которой его периодически отрывала тяжелая болезнь, Ушинский за вторую половину 60-х годов мог только изредка откликаться на текущие события педагогической и социально-политической жизни в России. По линии педагогической такими откликами явились отмеченные выше его статьи в «Голосе», в которых он продолжал полемику с классицизмом и доказывал необходимость реальных гимназий, и в особенности его статья в «Отечественных записках» (1866 г., № 21) — «Цветы Московской педагогики на петербургской почве», в которой была подвергнута уничтожающему разбору составленная А. Филоновым и А. Радонежским «Книга для первоначального чтения» (1866), противопоставленная со стороны реакционной педагогики книгам для начальной школы, составленным Ушинским. Не терпя печатной полемики, Ушинский редко выступал с полемическими статьями против своих противников, но, раз выступив, он был уже беспощаден в отношении к ним. В конце 1867 и в начале 1868 г. Ушинский вторично выступал на собраниях Педагогического общества: участвовал в прениях и сделал два собственных доклада, знакомя слушателей с результатами своей научной работы над проблемой основ педагогической теории. Он говорил в этих докладах о психологии как науке и о практическом ее применении к воспитанию (отчет об этих докладах в журнале «Учитель» 1867—1868 гг., № 13—16 за янв. 1868 г. стр. 354 и сл., а также стр. 267). Характерным для Ушинского является его выступление в газетах «Голос» (1869 г., № 17) и «Спб. ведомости» (1869 г., № 15) с разоблачением безобразных семейственных порядков ведения диспута на защите докторской диссертации проф. Владиславлевым на тему «Философия Плотина». Ушинский отметил, с одной стороны, легкомысленное отношение к защите как со стороны докторанта, так и со стороны декана Срезневского, а с другой стороны, неуважение к публике, выразившееся в том, что, когда Ушинский в ответ на приглашение к публике выступить заявил о своем желании, Срезневский подошел к нему и, показав часы, сказал, что может дать на возражение только пять минут. В ответ на это Ушинский, выра-

зив декану свое удивление, что он такими средствами защищает своих докторантов, демонстративно ушел с собрания. «Я не принял его грубой выходки за личное оскорбление,— писал Ушинский,— а просто за одно из естественных последствий того узкого самодовольства, в котором, к сожалению, пребывают многие господа, украшающие себя взаимно названиями магистров и докторов. Им кажутся до того громадными их познания, по большей части весьма односторонние, что они считают себя вправе поглядывать свысока на все остальное человечество. Именно **этим самодовольством** дышал весь диспут, который сначала, признаюсь, рассердил меня, а потом рассмешил, когда я взглянул спокойными глазами на всю эту забавную кукольную комедию, разыгранную учеными мужами по поводу полумасшедшего мистика Плотина» (т. XI, стр. 336).

Нельзя, наконец, обойти молчанием отклик Ушинского на социально-политические явления конца 60-х годов, выразившийся в приглашении русской общественности к активной помощи голодающим в России. В статье «Голод в России» («Голос», 1868 г., № 17) Ушинский нарисовал тяжелую картину бездеятельности русской администрации и равнодушия общества к «потрясающим душу известиям о начавшемся и уже свирепствующем голоде в различных, далеко раскинувшихся местностях нашего отечества, которые от времени до времени, вот уже несколько месяцев, появляются во всех наших газетах. Известия эти действуют на сердце тем более сильно, что появляются отрывочно, излагаются как-то коротко, глухо, точно будто боятся испугать собой читателя,— появляются и замирают, не находя отзыва даже в передовых статьях тех же газет, дающих гораздо более места каким-нибудь мексиканским или испанским делам, чем страшному явлению, которое, конечно, ближе сердцу каждого русского, чем всевозможные мексиканские и испанские дела. То мы читаем (и давно читаем), что в Архангельской губернии уже не грозит, а свирепствует голод, что цена хлеба достигает там до 2-х руб. пуд, что крестьяне покидают свои села и бредут по этим снежным пустыням искать заработков и хлеба; то какой-нибудь неизвестный корреспондент из Тамбова уведомляет нас, что через Тамбовскую губернию бредут толпы туляков и орловцев, выгнанные голодом из своих сел и деревень, и бредут за хлебом, сами не зная куда, пропитываясь по дорогам подаянием в деревнях у крестьян, у которых и у самих не хватит хлеба до весны...» (т. XI, стр. 316). Приглашая петербургское общество к пожертвованиям, Ушинский сам внес пожертвование в сумме 100 руб. Пожертвования ежедневно стали притекать в газету «Голос» и к концу января уже доходили до 2¹/₂ тысяч. В то же самое время в день напечатания статьи Ушинского городская дума постановила, с своей стороны, учредить комитет для сбора пожертвований на помощь голодающим и возбудила ходатайство перед МВД об утверждении комитета.

Таковы были основные события жизни Ушинского за время второй его заграничной командировки, которая целиком была посвящена составлению главного труда его жизни — «Опыта педагогической антропологии». Обзорные главные этапы этого труда и является существенным содержанием биографии Ушинского за рассматриваемый период.

Начальный вариант «Педагогической антропологии» К. Д. Ушинского.

Обычно, когда речь идет о дате появления «Педагогической антропологии», имеют в виду год выхода из печати первого тома этого труда и в таком случае указывается начало 1868 г., когда этот том поступил в продажу. Против такого приема ничего нельзя было бы возразить, если бы при этом не упускалась из виду вся предшествующая история обработки этого труда, предполагавшая, что прежде своего появления в печати под заглавием «Человек как предмет воспитания (Опыт педагогической антропологии)» труд этот известное время существовал уже в замысле автора, а затем и в ряде его трудов, имевших другие заглавия, но являвшихся своего рода подготовительными очерками к нему. Не касаясь здесь той стадии обработки «Педагогической антропологии», когда она находилась в замысле автора, нужно упомянуть, что уже в 1860 г. Ушинский решил опубликовать в «ЖМНПр.» ряд монографий, посвященных освещению психологических вопросов, близко связанных с вопросами воспитания, и первой такой монографией была монография «О внимании» («ЖМНПр.», 1860 г., № 8, 9; собр. соч., т. II, стр. 362 и сл.). Следующие монографии не появились в связи с служебными осложнениями Ушинского в министерстве и его уходом из Смольного. С отъездом в заграничную командировку Ушинский, выполняя официальное задание и отделявая «Родное слово», одновременно разработал план четырех серий статей, которые он и начал постепенно публиковать в «Педагогическом сборнике», а частью в «Отечественных записках» на протяжении свыше 5 лет (с 1864 по 1869 г.). Эти серии статей уже очень близко подходили по плану, содержанию и стилю к «Педагогической антропологии», хотя это разные и далеко не совпадающие работы. Названные серии должны быть рассматриваемы как тот начальный вариант, в котором были оформлены первые идеи «Педагогической антропологии». Последовательно разрабатывая статьи этих серий, Ушинский постепенно начал выпускать сначала первый, а потом второй том «Антропологии» и готовился к разработке третьего, последнего. Таким образом, библиографически точная и бесспорная дата выхода первого тома «Педагогической антропологии» в 1868 г. не препятствует признанию того, что генезис этого труда Ушинского нужно отнести к гораздо более раннему времени — к 1860 г., когда появилась монография Ушинского по психологии, и к 1864 г., когда началось печатание первой серии статей по вопросам психологии как основы педагогики.

Серии статей, задуманных Ушинским в качестве первого варианта «Педагогической антропологии» и начатых публикацией с 1864 г., носили следующие наименования:

Первая серия: «Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания» («Педагогический сборник», 1862—1866 гг.).

Вторая серия: «Вопрос о «душе в его современном состоянии» «Отечественные записки», 1866 г., № 22, 23).

Третья серия: «Рассудочный процесс» («Педагогический сборник», 1867 г., № 8, 9, 10).

Четвертая серия: «О чувствованиях» («Педагогический сборник», 1868 г., № 4, 6, 11, 12; 1869 г., № 1, 2).

Разумеется, эти серии были спланированы не сразу, а появлялись одна за другой в процессе работы, отражая ее основные логические стадии. Первая серия, посвященная вопросу о человеческом организме, видимо, была оборвана на 15-й главе и, прежде чем перейти к ее продолжению, Ушинский логикой своего изложения вынужден был дать несколько статей, посвященных вопросу о душе в его современном состоянии, которые были напечатаны уже в другом органе. После этого Ушинский имел возможность перейти в виде третьей и четвертой серии к дальнейшему продолжению статей первой серии под новыми заглавиями — «Рассудочный процесс» и «Чувствования». Перерыв в последовательном изложении особенностей человеческого организма в их приложении к искусству воспитания с целью критического обзора современного состояния вопроса о душе означал, что на определенном этапе изложения своего материала, с принятой им точки зрения, он испытал потребность критического пересмотра современных учений о душе и внести известные уточнения в первоначально принятую точку зрения, чтобы своевременно отклонить возможность неправильного понимания этой точки зрения.

Естественно поставить вопрос, что это была за точка зрения и какие поправки и уточнения к ней внес Ушинский в статье — «Вопрос о душе...», неожиданно прервавшей на довольно продолжительное время последовательное изложение вопроса о приложении к искусству воспитания особенностей человеческого организма. Уже самый заголовок опубликованной Ушинским первой серии его статей — «Главнейшие черты человеческого организма...» говорит о том, что к своей работе Ушинский подходил с точки зрения единства психического и физического, того единства, при котором психическое не является особой, отличной от организма частью, но специфическим выражением того, что происходит в организме. Предполагая вывести из особенностей организма в целом законы воспитания человека, Ушинский не предполагал говорить только о физическом воспитании, но о воспитании вообще. В предисловии к этой серии своих статей он писал: «вместо того, чтобы говорить воспитателю «не нака-

зывает или не награждает детей так-то и так-то; преподавай им классические языки или естественные науки; не заставляй их учить непонятного или, напротив, упражняй тем их механическую память», — не гораздо ли полезнее уяснить организм человека настолько, чтобы воспитатель сам мог видеть, какое влияние будет иметь то или другое воспитательное действие на их организм?» Ясно, что в понятие «организм человека» включалась вся совокупность его психо-физической природы; уясняя организм человека, автор надеялся довести педагога до понимания того, чему отдать преимущество — классической или реальной системе обучения. Очевидно, это было очень широкое понимание организма, если изучением его Ушинский предполагал довести учителей до сознания того, какой системе обучения отдать преимущество. Действительно, в 15 главах первой серии своих статей Ушинский дает понятие не только об организме в общепринятом смысле слова, т. е. об его анатомии и физиологии, строении нервной системы и ее рефлекторных реакциях на внешние раздражения, но и о целом ряде явлений, которые теснейшим образом соприкасаются с организмом и обычно рассматриваются как психические (в старом смысле слова), как обособленные от организма нематериальные явления. Так, рассматривая рефлекс как элементарную форму реакции организма на внешние раздражения и различая два вида рефлексов — врожденные и унаследованные, с одной стороны, и приобретенные в течение индивидуальной жизни человека (по терминологии Ушинского — «усвоенные»), Ушинский тем самым не обособляет эту вторую группу рефлексов в особый ряд и не рассматривает их как нечто нематериальное, а включает в тот же ряд материальных реакций организма. Поэтому такие явления, как привычки, ассоциации, память и пр., Ушинский рассматривает как явления человеческого организма. Память, например, он характеризует прежде всего как «способность животного организма». В основном подход Ушинского к изучению психики был феербаховский, т. е. Ушинский исходил из признания единства физического и психического, как оно дано в непосредственном опыте каждого. Понятие о раздельном существовании физического и психического является только в результате абстракции. Точку зрения Фейербаха на фактическое единство психического и физического Ушинский выразил еще в своей статье «Внимание», опубликованной в 1860 г. в известной хронологической преемственности с статьей Н. Г. Чернышевского, в том же году опубликованной в «Современнике» под заглавием «Антропологический принцип в философии», в которой также проводилась точка зрения Фейербаха. Отличительная особенность феербаховского материализма заключалась, однако же, в том, что, признавая органическое единство и неразрывность духа и материи, Фейербах в то же время признавал их качественное различие и несводимость. Этой особенностью феербаховский ма-

териализм отличался от получившего широкую популярность другого материализма — вульгарного, сводившего психические процессы к физиологическим процессам и растворявшего психическое в физиологическом, в связи с чем многими представителями естествознания отрицалась необходимость изучения психических явлений, как, равным образом, и самой науки о них — психологии. Эта опасность в особенности волновала Ушинского, который в изучении законов психологии видел одну из главных и ближайших научных основ педагогики. Уже в упомянутой выше статье «Внимание» Ушинский спрашивал: «Если цель естественных наук состоит в изучении явлений природы, то каким же образом можно выкинуть из области природы явления души человеческой?.. По какому же праву они (естествоиспытатели) выбрасывают из области наук положительных и опытных или, лучше сказать, из области наук вообще, потому что есть только положительные, опытные науки и других быть не может, — целую массу замечательнейших явлений, которые ежеминутно попадают им на каждом шагу, которыми сами они пользуются ежеминутно, которые примешиваются к каждому их опыту, к каждому наблюдению?» (т. II, стр. 364—365). Говоря так, Ушинский имел в виду укрепившуюся в середине XIX в. вульгарно-материалистическую тенденцию сведения психических явлений к физиологическим, которая, естественно, вела к ликвидации психологии как особой науки о психическом. В противовес этой тенденции Ушинский утверждает, что психическое — это такое же природное явление, как явления света, звука, электричества, изучаемые специальными науками или отделами наук. Выделение психических явлений как предмета специальной науки не уничтожает связи их с жизнью организма в целом. И подобно тому как явлениям света, звука, электричества соответствуют определенные виды движения в природе, составляющие их основу, явлениям психическим соответствует какая-то организация нервной системы. «Есть нечто особенное в животном организме, тесно связанное с нервной системой животного, и это нечто одарено удивительной способностью превращать в разнообразные ощущения разнообразные изменения в нервной системе, происходящие под влиянием разнообразных стимулов. — Нам заметят, вероятно, что напрасно мы признаем какое-то особое существо — жизнь, что это чувствующее существо и есть сам нервный организм животного. Может быть это и правда, но в таком случае это не тот самый нервный организм, который знает современная анатомия, химия, физиология: **нервный организм, насколько он раскрыт этими науками, ничего ощущать не может;** т. е. другими словами: из анатомического устройства, из химического состава, из физиологических отправлений нервного организма, насколько они нам известны в настоящее время, не вытекает не только необходимости, но даже малейшей возможности ощущений».

Так формулировал Ушинский то основное затруднение, которое при тогдашнем состоянии науки препятствовало дать исчерпывающую физиологическую картину, отвечающую психическим явлениям. Отсюда следовало, что, хотя психика находится в неразрывной связи с организмом, анализ физиологического устройства организма при тогдашнем состоянии физиологии сам по себе еще не раскроет всего богатства психических переживаний, их содержания, их закономерных связей и изменений и что необходимо одновременно с изучением физиологических основ психики изучать и ее специфические проявления, которые должны найти себе объяснение в этих основах. Начав первую серию своих статей, заголовком которой свидетельствовал, что изучение свойств человеческого организма в целом автор считает основой как физиологии и психологии, так и педагогики, Ушинский с каждым шагом убеждался в том, что анализ физиологических основ психических явлений не может заменить собой изучения самих этих явлений, что одновременно с физиологией и на ее основе должна разрабатываться и психология как наука о специфическом объекте и что, наконец, необходимо методологически четко охарактеризовать предмет и метод исследования психологической науки. Так возникла вторая, методологическая серия его статей под заглавием «Вопрос о душе в его современном состоянии». Содержанием этой серии явилось два основных вопроса, то или иное решение которых отражалось определенным образом на методе педагогической науки. Первым вопросом была критика идеалистической системы Гегеля и разъяснение научных преимуществ сменившей ее материалистической философии, метод которой должен соответствующим образом отразиться и на психологии и на педагогике. Вторым вопросом была критика вульгарного материализма в его двух формах — немецкой, представленной Фохтом, Бюхнером и Молешоттом, и английской, представленной Спенсером. По содержанию это были две статьи — одна, посвященная критике идеализма Гегеля, другая — критике вульгарного материализма; по форме получалось три статьи, так как статья о Спенсере по своим размерам вылилась в отдельную статью, хотя и примыкала ко второй.

Трудно исчерпывающим образом решить вопрос, когда именно написана Ушинским эта вторая серия его статей. Однако по логике его работы нужно предположить, что уже при написании седьмой главы первой серии («Деятельность нервной системы») вопрос о необходимости этой второй серии должен был у него возникнуть. Глава 7-я обрабатывалась для печати в конце 1864 г. и печаталась в апреле 1865 г. Следовательно, в начале 1865 г. серия методологических глав могла быть уже готовой. Возможно, что Ушинский видел необходимость напечатания этих методологических статей непосредственно после главы о деятельности нервной системы, чтобы, таким образом, сделать переход к собственно психологической части своего изло-

жения. Нужно предположить поэтому, что уже в апреле он должен был послать свои статьи редактору «Педагогического сборника» Н. Х. Весселю. Совершенно понятно, что в начале мая 1865 г. он беспокоился о судьбе своих статей и в письме к Модзалевскому делал тревожную приписку: «Получил ли две мои статьи Вессель? Отчего он не уведомил меня?» (т. XI, стр. 187). Так как статьи не были напечатаны в «Педагогическом сборнике», то необходимо сделать дальнейшее предположение, что редактор журнала Вессель признал эти статьи весьма трудными для читателей своего журнала и нашел более целесообразным не прерывать уже раз намеченного порядка печатания статей Ушинского, стиль изложения которых в начатой печатанием первой серии отличался значительной легкостью, элементарностью и полной доступностью для любого читателя. Что касается статей о душе, то они действительно были весьма трудными для чтения и предполагали в читателе знакомство и с философией, и с психологией, не говоря уже о физиологии; без особого затруднения они могли быть приняты только в журнале, рассчитанном на читателей с широким кругозором. Летом 1865 г. Ушинский, получив из России тревожные известия о контрафакции «Детского мира», должен был спешно выехать в Петербург, чтобы обжаловать осуществленный при участии предпримчивых издателей министерства подлог, и возможно, тогда же, если не получил об этом письменного уведомления от редакции, узнал, что методологические статьи о душе не могут пойти в «Педагогическом сборнике». Это заставило его искать другой приют для своих статей. В период 1865—1866 гг. в разгаре сгущавшейся реакции сделать это было нелегко. В воспоминаниях Старчевского сохранилось не совсем точное, но все же интересное сообщение, приуроченное к середине 60-х годов, что в один из своих приездов из-за границы Ушинский, находившийся в крайне расстроенном и убитом настроении, показывал ему, Старчевскому, три тетрадки внушительного размера под общим заголовком «Педагогическая антропология», надеясь опубликовать их в издаваемом Старчевским органе «Сын отечества». Статьи о душе, действительно, имели подзаголовок «Отрывок из педагогической антропологии» и состояли из трех глав. Три тетрадки, по воспоминаниям Старчевского, были отданы им для просмотра сотруднику редакции Дурново, который, перечитав их, нашел, что для читателей «Сына отечества» статьи эти будут совершенно неподходящим чтением. Неудача попыток напечатать новую серию статей в 1865 г. не остановила Ушинского, и в марте 1866 г. через своего друга и сослуживца по Смольному, Я. П. Пугачевского, он направил свои статьи в редакцию журнала «Отечественные записки», причем зам. редактора, С. С. Дудышкин, дал свое согласие на их печатание, и Ушинский с нетерпением ожидал их появления. Будучи летом 1866 г. в Петербурге, Ушинский писал об этом взволнованное

письмо Дудышкину от 6 августа: «Вот уже август, а статьи мои не появляются в печати, тогда как по многим, **очень важным** для меня обстоятельствам, я желал бы поскорее видеть их в печати. Сделайте одолжение, уведомьте меня, какой месяц Вы для них назначили и нельзя ли под первой главой отметить, что она получена в марте. Вы легко угадаете причину такого желания... Если вам нужно переговорить со мной лично по поводу статей, то потрудитесь назначить день, когда я вас наверное застаю, так как я в скором времени опять уезжаю за границу и у меня очень много дела» (т. XI, стр. 343—344). Статьи Ушинского были напечатаны в самом конце 1866 г.: первые две появились в двух ноябрьских книжках (21 и 22); третья в первой декабрьской (23).

Естественно спросить, что хотел сказать Ушинский, готовя вторую серию своих статей в тот момент, когда печаталась первая, и почему он так спешил с ее опубликованием? Начав первую серию своих статей в совершенно популярном стиле учебного пособия, Ушинский в процессе изложения увидел, что поднятые им вопросы о человеческом организме, о психике исключительно сложны и требуют четкой методологии и отмежевания от всевозможных других точек зрения по тем же вопросам. Коротко говоря, своими статьями Ушинский хотел сказать: а) что он не разделяет идеалистических построений Гегеля и отдает предпочтение материалистическому направлению мыслей; момент этот в педагогической биографии Ушинского имеет исключительно важное значение как своего рода философская исповедь автора в период упрочивавшейся реакции во всех сторонах русской жизни; б) что он не разделяет ставших модными увлечений вульгарным материализмом, сводящим качественно особые формы движения к более элементарным простым и, таким образом, упраздняющим изучение этих качественно отличных форм, в том числе и психики. В борьбе против исключительно популярных в 60-е годы вульгарно-материалистических взглядов Ушинский обнаружил столько же, если не более гражданского мужества, как и в публичном признании заслуг материалистического мировоззрения в науке; наконец, Ушинский хотел сказать: в) что, отрицая гегелевскую идеалистическую философию, он в то же время высоко ценит в этой философии ее диалектический момент, благодаря которому она «всею своей громадной и стройной развитой системой указала нам ясно на органический характер духа» (т. III, стр. 358). Своей философией истории Гегель, правда, в идеалистической форме, открыл ту социально-историческую основу, на которой в течение сотен тысяч лет формировалась человеческая психика. Он увидел не только биологическую сторону в человеке, но и его социально-историческую сущность. Высоко оценивая эту сторону в учении Гегеля (столь же высокую оценку этой стороне гегелевской философии дал Энгельс. См. Маркс — Энгельс, Соч., т. XV, стр. 523—524,

525—526), Ушинский огромное значение в изучении психологии придавал не только тому, что могут дать физиология и естественные науки, но также тому, что можно почерпнуть для психологии из области культуры, права, искусства и пр. «История, наука и искусство,— писал он,— суть создания духовного органического существа, перерабатывавшего опыт, даваемый внешней природой в неорганическом беспорядке, в органические явления, по законам своей духовной органической природы» (т. III, стр. 362). Использовать большой культурно-исторический материал, характеризующий развитие человеческого духа в истории, Ушинский предполагал в той части своего труда, которая была отведена им для анализа особенностей специально человеческой психики, отличающих ее от психики животных.

После опубликования второй серии своих статей Ушинский мог с полным правом приступить к окончательной отделке задуманного им отдельного выпуска «Педагогической антропологии». Фактический материал для этого труда уже постепенно публиковался в «Педагогическом сборнике». Методологические основы научной разработки психологии, которая должна лечь в основу педагогической теории, также оказались предварительно разработанными. Ушинский потому так и дорожил своевременным напечатанием второй серии его статей, что оно освобождало его от необходимости осложнять первый том подготовлявшегося им труда историко-критическим анализом его методологических основ. В своем предисловии к первому тому этого труда Ушинский только сослался на эти статьи: «Сначала,— писал он,— мы полагали представить в предисловии к нашей книге разборы замечательнейших психологических теорий, но, написав некоторые из них, увидели, что нам пришлось бы вдвое увеличить книгу и без того объемистую. Несколько подобных разборов мы поместили в «Отечественных записках»*, все же надеемся издать отдельной книгой» (т. VIII, стр. 45—46). Для Ушинского важна была не только эта возможность освободить свою книгу от уклонений в сторону методологических рассуждений, но одновременно и другая возможность — отвести от себя своевременно те обвинения, которые сыпались по его адресу уже со стороны тех, кто имел возможность ознакомиться с первой серией его статей: обвинения в материализме были не менее частыми, чем обвинения в идеализме. Ушинскому хотелось показать, что он не является идеалистом, так как еще со студенческой скамьи он стал освобождаться от гегелевского идеалистического метода; равным образом ему хотелось показать, что вульгарный материализм не есть еще материализм в собственном смысле и является его поверхностным искажением. Наконец, ему хотелось показать, что вопросы психологии для своей научно-материалистической разработки требуют гораздо более глу-

---

* «Вопрос о душе в его современном положении».

бокого понимания, чем только вульгарное восприятие того, что дают великие исторические системы материализма и идеализма. Попытка избежать всевозможных обвинений доказательством, что автор «Педагогической антропологии» не является ни идеалистом, ни материалистом в вульгарном смысле этих слов, конечно, не достигала своей цели. Обвинения с той и с другой стороны сыпались в адрес Ушинского. Но сама по себе задача методологического обоснования разработки психологической науки, конечно, имела большое значение в процессе оформления Ушинским задуманного им большого труда.

**Разработка 1-го
и 2-го томов
«Педагогической
антропологии».**

Начальный вариант «Педагогической антропологии», печатавшийся на протяжении ряда лет с 1864 по 1869 г., имел значение пробной разработки стоявшей перед Ушинским большой проблемы о построении педагогики как науки. Этот вариант был предпринят Ушинским как ряд популярных очерков, давно обдуманых и, вероятно, не раз изложенных в лекциях педагогическому классу Смольного института. Именно поэтому очерки эти так охотно были приняты редакцией «Педагогического сборника» и без перерыва печатались в ряде лет: Ушинский был большим мастером педагогической популяризации. В то же время это были очерки, в основу которых положена передовая материалистическая идея единства физического и психического и новая педагогическая идея о необходимости для педагогики искать для себя опору в научной психологии. Стремясь популяризовать передовые идеи педагогической науки, автор, естественно, подходил к предмету с разных сторон — биологической, физиологической, психологической, исторической, педагогической. Пересматривая оглавление статей первой серии, состоящей из 15 глав, мы видим здесь три главы биологических, четыре физиологических, две психологических, одну историческую и пять педагогических. Как показано выше, в процессе работы над этими главами Ушинский должен был поднять целый ряд методологических вопросов большой важности — о единстве организма и психики, о специфическом отличии психики от процессов физиологических, о материалистическом и идеалистическом подходе к вопросам психологии, о вульгарном извращении материализма, о статически-физиологической и социально-исторической основе развития психики. Некоторые из этих вопросов Ушинский попытался осветить в ряде методологических рассуждений о современном состоянии вопроса о душе, и эта попытка показала ему, что для этого необходимо было бы предпринять целое исследование, между тем как уже набросанные главы неудержимо разрастаются вследствие обилия материалов и необходимости всестороннего к ним подхода. Таким образом, уже в процессе разработки и публикации начального варианта своей работы Ушинский пришел к выводу о том, что при окончательной обработке задуман-

ный им труд должен быть радикально переработан как со стороны своей структуры, так равным образом и со стороны содержания.

Структурные недочеты первой серии своих статей Ушинский увидел прежде всего в преждевременном включении в эту серию педагогических глав, которые в качестве специальных педагогических приложений помещались вслед за соответствующими физиологическими и психологическими главами. Вначале это казалось целесообразным, но затем стало ясным, что если сопровождать все физиологические и психологические главы приложениями в виде педагогических выводов, то неизбежны будут повторения, отсутствие системы в построении педагогических приложений и большая растянутость изложения. Субъективно, с точки зрения автора, делать педагогические выводы по мере написания тех или иных физиологических и психологических глав весьма полезно, но их окончательное оформление следует откладывать для последнего, педагогического тома, где они будут сведены и систематизированы в небольшом количестве положений, которые после разработки системы психологии в ее неразрывной органической связи с ее материальной, физиологической и одновременно социально-исторической базой будут естественно вытекать сами собой из этой системы. Таким образом, пространно изложенные педагогические приложения в главах 8, 10, 15 были отложены автором к заключительному тому своего исследования.

Как уже отмечено выше, предполагавшееся методологическое введение, которое грозило разрастись в большое исследование, Ушинский также решил не включать в качестве органической составной части в подготавливаемое отдельное издание своего труда, написанные же главы этого введения напечатать в виде журнальной статьи с подзаголовком «Отрывок из «Педагогической антропологии». На этом же основании небольшую методологическую главу в первой серии своих статей [«Память (Обзор мнений)»] Ушинский также решил не включать в первый том своего труда, предположив вместо этого все главы своего труда обильно насытить критически переработанными достижениями новой психологии — германской и английской, а также историко-философскими справками по основным вопросам каждой главы. Благодаря этим главам популярное изложение начального варианта превращалось в серьезное и подчас трудное изложение весьма глубоких философских и психологических проблем.

Ушинский решил дать особую группировку оставшемуся материалу, разделив свой труд на три тесно связанные, но в то же время и специфически друг от друга отличные части — физиологическую, общепсихологическую и психологическую в специально человеческом смысле этого слова. В соответствии с этим общепсихологические главы первой серии статей — о привычке, памяти (главы 13 и 14), были перенесены в психологическую

часть, в первой же серии остались только главы, освещающие физиологическую, материальную основу психики.

Таковы были структурные изменения, намеченные Ушинским для переработки начального варианта своего труда. В известной степени они являлись отражением того углубления в предмет, которое неизбежно наступает при всяком повторном просмотре первоначального изложения. Те принципиальные соображения, которые давно волновали Ушинского в общей форме, теперь, естественно, должны были получить значение руководящих начал его собственного труда.

В первую очередь Ушинский выдвинул требование не превращать педагогику в голую рецептуру, а разъяснять те основы, на которых покоятся, из которых вытекают те или иные требования от педагога. «Мы не говорим педагогам: поступайте так или иначе; но говорим им: изучайте те законы психических явлений, которыми вы хотите управлять, и поступайте, сообразаясь с этими законами и теми обстоятельствами, в которых вы хотите их приложить. Не только обстоятельства эти бесконечно разнообразны, но и самые натуры воспитанников не походят одна на другую. Можно ли при таком разнообразии обстоятельств воспитания и воспитываемых личностей предписывать какие-нибудь общие воспитательные рецепты?.. Вот почему мы советуем педагогам изучать сколь возможно тщательнее физическую и душевную природу человека вообще, изучать своих воспитанников и окружающие их обстоятельства, изучать историю различных педагогических мер, которые не всегда могут прийти на мысль, выработать себе ясную положительную цель воспитания и идти неуклонно к достижению этой цели, руководствуясь приобретенным знанием и своим собственным благоразумием... Лица, берущиеся за преподавание педагогики, должны очень хорошо понимать, что выучивание педагогических правил не приносит никому никакой пользы и что самые правила эти не имеют никаких границ: все их можно уместить на одном печатном листе и из них можно составить несколько томов. Это одно уже показывает, что главное дело вовсе не в изучении правил, а в изучении тех научных основ, из которых эти правила вытекают» (т. VIII, стр. 55—57). «Педагогическая антропология» Ушинского и посвящена в основном изучению психо-физиологических и социальных основ воспитания. Педагогические правила, которые вытекают из этих основ и которые, по выражению Ушинского, можно «уместить на одном печатном листе», были отнесены в самый конец этого труда, который в связи с преждевременной смертью Ушинского не мог получить законченной литературной обработки.

Изложенной принципиальной установкой своего труда Ушинский ставил на очередь необходимость разработки педагогической науки. Педагогика, как «самое обширное, сложное, самое высокое и самое необходимое из всех искусств», должна иметь

прочную научную основу. Представители педагогической науки должны искать эту основу, которая одна только сможет сообщить единство и устойчивость педагогическим построениям, коренной недочет которых Ушинский видел в недостатке твердых основ, в отсутствии органичности и единства. Выше уже отмечено, какой резкий отзыв Ушинского получила затея Учебного комитета создать проспект учебника по педагогике с таким разделением труда, при котором составитель общей части и авторы специальных частей работают в отрыве друг от друга, между тем как педагогика «в основании наука философская и потому требует единства идеи» (т. XI, стр. 182). Это не значит, конечно, что такая идея может быть сразу и легко найдена. Но именно ее следует искать в первую очередь, вместо того чтобы поднимать лихорадочную шумиху там, где такой идеи еще нет, для того только, чтобы создать видимость педагогического движения. Поэтому, когда в конце 1865 г. у Модзалевского зародилась идея написать учебник педагогики для учительских семинарий и он спрашивал у Ушинского совета, Ушинский, внимательно прочитав и исправив его статью «Введение в изучение педагогики» (статья была напечатана в «Пед. сб.», 1865 г., № 12), впоследствии писал ему: «Написать педагогику для учительских школ я бы не взялся, потому что не понимаю, в чем она состоять может, да и в Германии не нахожу для этого порядочных образцов, а потому и вам не могу подать корошего совета. Собрание кое-каких дидактических правил — дело еще возможное, если полезное» (т. XI, стр. 188). Мотивируя этот свой отказ, Ушинский писал: «Вы знаете (если еще не забыли) мое убеждение насчет семинарий, и хотя это убеждение не нашло себе отзыва у нас, но я тем не менее остаюсь при нем и думаю, что у нас прежде всего недостает педагогической идеи, из которой, как из здорового корня, могли бы развиваться все педагогические улучшения, а плодovitая педагогическая идея, по моему мнению, может быть развита **только в университетах** на прочном основании науки. Вековой традиции, которая главным образом ведет дело на Западе, у нас нет, да и идеи, основанной на научном сознании, тоже нет» (там же, стр. 187). Семинарии, по мысли Ушинского, можно пока организовывать только для тренировки в дидактической практике. Что же касается педагогического курса, то он может быть построен только на научной основе, которую следует предварительно разработать, так как только она может дать педагогу то «единство идеи», ту «верность взгляда и ту силу в действиях», которых при современном состоянии педагогической науки у педагогов еще нет.

Как же предполагал Ушинский разработать эту научную основу педагогики? Конечно, он не считал, что эта задача может быть достигнута чьими-либо индивидуальными усилиями. Задача уяснения научных основ педагогики может быть осуществлена только коллективными усилиями представителей тех

научных дисциплин, которые предметом своим имеют изучение телесной и душевной природы человека. Называя эти дисциплины антропологическими, Ушинский понимал антропологию не в узком биологическом смысле слова, а как совокупность наук о человеке биологических и социальных одновременно. «К обширному кругу антропологических наук,— писал он,— принадлежат: анатомия, физиология и патология человека, психология, логика, филология, география, изучающая землю как жилище человека и человека как жильца земного шара, статистика, политическая экономия и история в обширном смысле, куда мы относим историю религии, цивилизации, философских систем, литератур, искусств и собственно воспитания в тесном смысле слова. Во всех этих науках излагаются, сличаются и группируются факты и те соотношения фактов, в которых обнаруживаются свойства **предмета воспитания**, т. е. человека... Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» (т. VIII, стр. 22—23). Ушинский считал, что «можно и должно требовать, чтобы ни одна из этих наук не была совершенно чуждой педагогу, чтобы по каждой из них он мог понимать по крайней мере популярные сочинения и стремился, насколько может, приобрести всесторонние сведения о человеческой природе, за воспитание которой берется» (там же, стр. 33). Но понятно, что нельзя требовать от воспитателя, чтобы он был специалистом во всех антропологических науках. И когда речь идет о развитии педагогической науки, то ясно, что последняя только от специалистов соответствующих наук может ожидать важных услуг. Каждый из этих специалистов может раскрыть такие стороны в природе человека, которые смогут оказать действительно научную помощь в деле воспитания. Для этого необходимо, однако же, одно условие: «медик, историк, филолог могут принести непосредственную пользу делу воспитания только в том случае, если они не только специалисты, но и педагоги: если педагогические вопросы предшествуют в их уме всем их изысканиям» (там же, стр. 32). Другими словами, необходимо, чтобы специалисты разных отраслей знания сами были прежде всего заинтересованы не только в своей специальности, но и в вопросах воспитания.

Основная трудность в такой постановке вопроса о педагогической науке заключалась именно в том, что педагогические интересы как в быту, так и в среде специалистов-ученых еще очень мало развиты. «Придет время, хотя, может быть, не скоро, когда потомки наши будут с удивлением вспоминать, как мы долго пренебрегали делом воспитания и как много страдали от этой небрежности... Кажется, люди думали обо всем, кроме воспитания, искали средств величия и счастья везде, кроме той области, где скорее всего их можно найти. До сих пор люди не обратили на воспитание того внимания, какого оно заслуживает.

Много ли мы насчитываем великих мыслителей и ученых, посвятивших свой гений делу воспитания» (там же, стр. 25, 36). Этим обстоятельством нужно, по мнению Ушинского, объяснить то зародышевое состояние, в каком находится педагогическая наука. «Педагогика находится еще не только у нас, но и везде, в полном младенчестве, и такое младенчество ее очень понятно, так как многие из наук, из законов которых она должна черпать свои правила, сами еще только недавно сделались действительными науками и далеко еще не достигли своего совершенства» (там же, стр. 23). С другой стороны, внимание специалистов еще мало ориентировано в области специально педагогической. В таких условиях у Ушинского, естественно, возникла мысль о том, что содействовать развитию педагогической науки возможно было бы лучше всего организацией педагогических или антропологических факультетов. «Правда, заграничные университеты не представляют нам образцов педагогических факультетов; но ведь не все же, что за границей, то хорошо. Притом же, там есть некоторая замена этих факультетов в учительских семинариях и в сильном историческом направлении воспитания, а у нас оно также не пустило корней... Почему же и не быть педагогическому факультету? Если в университетах существуют факультеты медицинские, и даже камеральные, и нет педагогических, то это показывает только, что человек до сих пор более дорожит здоровьем своего тела и своего кармана, чем своим нравственным здоровьем, и более заботится о богатстве будущих поколений, чем о хорошем их воспитании. Общественное воспитание совсем не такое малое дело, чтобы не заслуживало особого факультета. Если же мы до сих пор, готовя технологов, агрономов, инженеров, архитекторов, медиков, камералистов, филологов, математиков, не готовили воспитателей, то не должны удивляться, что дело воспитания идет плохо и что нравственное состояние общества далеко не соответствует его великолепным биржам, дорогам, фабрикам, его науке, торговле и промышленности. Цель педагогического факультета могла бы быть даже определеннее цели других. Этой целью было бы изучение человека во всех проявлениях его природы с специальным приложением к искусству воспитания. Практическое значение такого педагогического, или вообще антропологического факультета было бы велико. Педагогов численно нужно не менее, а даже еще более, чем медиков» (там же, стр. 23—24).

Выдвигая проект организации педагогических факультетов в России в период, когда министерство просвещения возглавил Д. Толстой, который, по словам самого Ушинского, «крепко не любит всякой педагогики», Ушинский ясно сознавал, что этот проект не является реальным предложением, а только далекой мечтой, на осуществление которой при всей ее желательности невозможно надеяться в ближайшем будущем. Вот почему, изложив свою идею как возможный и желатель-

ный идеал, Ушинский перешел к тем реальным мерам, которые могли бы приблизить осуществление разработки научной педагогики. «Так как, без сомнения, педагогические или антропологические факультеты в университетах появятся не скоро, то для выработки действительной теории воспитания, основанной на началах науки, остается одна дорога — дорога литературы и, конечно, не одной педагогической литературы в узком смысле этого слова... На обязанности воспитателей лежит извлечь из массы фактов каждой науки те, которые могут иметь приложение в деле воспитания, отделив их от великого множества тех, которые такого приложения иметь не могут, свести эти избранные факты лицом к лицу и, осветив один факт другим, составить из всех удобообозреваемую систему, которую без больших трудов мог бы усвоить каждый педагог-практик, и тем избежать односторонностей, нигде столь не вредных, как в практическом деле воспитания» (т. VIII, стр. 27, 29). На возражение, что это трудная задача и что в настоящее время невозможно построить «полную и совершенную теорию воспитания», Ушинский отвечал, что и самые легкие задачи не выполняются сразу, не говоря уже о трудных: «Но неужели людям следовало отказаться от пользования железной дорогой на том основании, что они еще не выучились летать по воздуху?» (там же, стр. 29).

Для своего труда, которому он дал заголовок «Опыт педагогической антропологии», Ушинский избрал сложную и трудную, но первостепенно необходимую задачу — изучить самый объект воспитания — человека и его душевную жизнь. Непонимание законов душевной жизни человека прежде всего вредит делу воспитания, между тем как уже Бэкон заметил, что «только изучая природу, мы можем надеяться управлять ею и заставить ее действовать сообразно нашим целям» (там же, стр. 22). Логика научной работы неудержимо влекла Ушинского к тому, чтобы изучать душевную жизнь человека на ее материальной основе, в неразрывном единстве с организмом. с одной стороны, и с социально-исторической жизнью общества, с другой стороны. «Только педагог-историк может уяснить нам влияние общества в его историческом развитии на воспитание и влияние воспитания на общество не гадательно только, как это делается теперь почти во всех всеобъемлющих германских педагогиках, но основывая всякое положение на точном и подробном изучении фактов... Народное образование — это не только историческое, но и самое сложное из всех исторических явлений, так как оно есть результат всех прочих, с примесью еще племенных особенностей народа и физических влияний его страны» (там же, стр. 32, 52). И если в первых двух томах «Антропологии» внимание Ушинского преимущественно сосредоточивалось на физиологических и общепсихологических условиях душевной жизни человека в известном отвлече-

чении от конкретных социально-исторических условий, в которых формировалась психика человека, то, чем ближе к третьему тому, тем осязательнее и настойчивее поднималась перед автором задача широкого социально-исторического подхода к анализу психики человека как предмета воспитания.

В настоящем биографическом очерке нет возможности проследить за всеми деталями выполнения Ушинским его грандиозного «Опыта педагогической антропологии». Это дело специального исследования. Но проблема третьего тома этого труда, поскольку окончательная обработка его все же откладывалась Ушинским и в конечном итоге том оставался неоформленным, должна получить некоторое освещение и в плане биографического изложения.

Проблема 3-го тома «Педагогической антропологии». Несомненно, что такая проблема была и что она не сводилась только к болезни Ушинского, которая препятствовала ему придать этому тому окончательную литературную форму.

Проблема заключалась в вопросе, как этот том будет разработан. В перспективе своей работы над «Антропологией» Ушинский все время имел в виду заключительный третий том, рассматривая его как раздел, посвященный наиболее сложной и наиболее конкретной проблеме человеческой психики, сложившейся в процессе социально-исторического развития человечества. Ушинский имел в виду такие, например, явления, как формирование человеческой речи и мышления, образование права и морали, развитие религиозных верований и т. п.

Понятно, что разработка третьего тома представляла больше всего затруднений для автора и тем большими были эти затруднения, чем в большей степени у него складывался материалистический подход к трактовке явлений природы и жизни. В первых двух томах, о чем подробно может быть рассказано в процессе специального их анализа, автор дал много доказательств тому, что он действительно материалистически освещает элементарные вопросы психологии. Тем труднее было подойти к третьему тому, материал которого до тех пор трактовался преимущественно идеалистически. Вопрос заключался в том, по какому пути пойдет автор первых двух томов, продолжит ли он материалистическую трактовку, или по традиции пойдет идеалистическим путем. Именно поэтому работа Ушинского над третьим томом интересовала многих. В течение почти всей второй половины XIX в. господствовало не опровергнутое никем убеждение, что третий том в основном подготовлен Ушинским. Этому убеждению в известной степени способствовала переписка Ушинского, в которой он нередко говорил, что в материалах третий том уже готов и что нужно только на несколько месяцев освободиться от болезни, чтобы продиктовать его набело, как был продиктован второй том.

Это заставляло думать, что в черновых заметках третий том во всяком случае уже готов.

Совершенно естественно, что вскоре же после смерти Ушинского профессор богословия Одесского университета прот. М. Павловский обратился к жене Ушинского, Надежде Семеновне, с просьбой предоставить ему оставшуюся после Ушинского третью часть «Антропологии» с той целью, чтобы вместе с несколькими профессорами Одесского университета отредактировать их для печати. 27 февраля 1871 г. жена Ушинского писала общему другу семьи Ушинских Я. П. Пугачевскому: «Дайте совет, что мне делать с 3-й частью Антропологии (очевидно, и сама Н. С. Ушинская недалека была от мысли, что третья часть существует. — В. С.). В Одессе университетский законоучитель вместе с несколькими профессорами предлагают взять на себя просмотр. Отдать им или кому другому?» (т. XI, стр. 230). Нужно думать, что по совету Я. П. Пугачевского Н. С. Ушинская отказала профессорам Одесского университета в их просьбе, ссылаясь на отсутствие рукописи под руками. Желание поработать над рукописью Ушинского изъявляли и другие лица. По-видимому, через Я. П. Пугачевского жена Ушинского получила аналогичное предложение из Петербурга от педагога Классовского, известного в 70-х годах своими работами по педагогике и психологии. 10 апреля 1871 г. Н. С. Ушинская в своем ответе на письмо Пугачевского писала: «Что касается предложения Классовского, то надобно подождать с ответом. Прежде всего надобно собрать все относящиеся к 3-му тому бумаги, рукописи, часть которых была оставлена покойным в Киеве» (там же, стр. 232). В процессе дальнейшей переписки выяснилось, что первоначальную работу над материалами, собранными Ушинским к третьему тому, в силу необходимости должен был проделать личный секретарь и домашний учитель детей Ушинского, переписчик его работ последних лет, народный учитель А. Ф. Фролков. В письме без даты Н. С. Ушинская писала Я. П. Пугачевскому: «Что касается до III тома Антропологии, то так как Фролков изъявил свое желание подобрать по главам, за что я ему буду несказанно благодарна, то не может ли он заехать в январе проездом в Екатеринодар и мы тут с ним приведем в порядок и препроводим к Вам, добрейший Яков Павлович... Я готова благодарить Фролкова денежно, но только надо знать, сколько за это дать. Устройте это дело и я сердечно буду благодарна» (т. XI, стр. 235). Возможно, что письмо написано уже в конце 1871 г. Таким образом, созрел план поручить распределение по главам оставшихся после Ушинского материалов к III тому А. Ф. Фролкову и затем передать их для дальнейшего движения Я. П. Пугачевскому. Был ли осуществлен этот план, — неизвестно. Но Фролков привел материалы в порядок соответственно оставшейся у него классификации самого Ушинского,

и эти материалы, во всяком случае, оставались на сохранении у семьи Ушинского. Между тем интерес к этим материалам не ослабевал и в 90-х годах настойчиво распространялся слух, что какой-то завистливый родственник Ушинского (намек делался на старшего брата Ушинского, Александра, внебрачного сына Д. Г. Ушинского) похитил рукопись третьего тома в надежде впоследствии издать ее. В совершенно положительной форме сообщение об этом предполагаемом похитителе, хотя и без указания его имени, сделано было М. Л. Песковским как в его биографии Ушинского, так и в изданной переписке различных лиц с Н. А. Корфом. Эти слухи и сообщения только отражали тот интерес, который имелся в педагогических кругах к незаконченной части труда Ушинского. Само собой понятно, что этот интерес мог быть удовлетворен только исследованием того, что в действительности было собрано Ушинским в качестве материалов к третьему тому и как далеко продвинута им обработка этих материалов.

Из данных, опубликованных А. Н. Острогорским впервые в 1908 г. в «Материалах для Педагогической антропологии», видно, что подготовка материалов для третьего тома была начата Ушинским одновременно с собиранием и обработкой материалов для первых двух томов. Ушинский готовил не тот или другой том в отдельности, а «Педагогическую антропологию» в целом, в том виде, в каком она ему рисовалась с начала его систематической работы над этим трудом за границей. Поэтому, литературно обрабатывая первый том, он уже имел в виду и содержание третьего тома. Таким образом, все материалы, собранные Ушинским, в одинаковой степени относятся как к первым двум, так и к третьему тому. И если в соответствии с сложившимся у него планом построения всей работы он сначала излагал то, что относится к первым томам, то в то же время думал и о том, как относится излагаемое в первых томах к тому, что будет дано в третьем. Содержание третьего тома он не мыслил оторванным от содержания первых двух томов. Таким образом, подготовка всех трех томов шла одновременно. По мере использования выписанных материалов, Ушинский их зачеркивал, иногда просто делал на полях надпись «взято», незачеркнутое оставалось как материал для использования в дальнейшем. К моменту окончания первых двух томов в распоряжении Ушинского оказался ряд неиспользованных выписок, которые относились непосредственно к третьему тому. Однако он продолжал и дальше делать выписки уже специально для третьего тома, прочитывая новые материалы.

Спрашивается, пытался ли Ушинский как-либо оформить материалы третьего тома в виде законченного исследования и по определенному плану примерно так же, как он оформил первый и второй тома? Что он об этом думал, ясно уже из того, что в

1869—1870 гг. он набросал в нескольких вариантах план преподавания педагогики в женских училищах, причем наравне с материалом первого и второго томов «Педагогической антропологии» у него фигурирует и план построения материалов, оставшихся для третьего тома. Правда, это еще не реализованный план, а только проект плана, который окончательно мог сложиться только в процессе фактической работы над третьим томом. Для этого нужно было вплотную приступить к процессу работы над этим томом, что Ушинский и предполагал сделать, выжидая момент, когда произойдет улучшение в его здоровье.

Следы этой подготовительной работы над материалами для третьего тома можно до известной степени проследить по официальной и частной переписке Ушинского. В марте 1869 г. Ушинский прислал заявление на имя Главноуправляющего III отделением императорской канцелярии, в котором писал: «В третьем томе мне предстоит изложить психические основания нравственности, искусства и религии. Хотя и этот отдел моего труда был приготовлен мною; но так как я продолжал все еще изучать предмет, то вновь накопившиеся материалы и обширное изложение, данное мной первым двум томам при самом их печатании, вынуждают меня совершенно переделать и третий том» (ЦГИАЛ, ф. 759, опись 39, дело № 4631 «Дело о назначении Тимофеева инспектором классов и об увольнении Ушинского», л. 80). Из этого заявления видно, что содержанию третьего тома Ушинский предполагал дать столь же развернутое изложение, как и содержанию первых двух, и что общее очертание третьего тома было уже вкратце сделано им, но оставило его неудовлетворенным в сравнении с обширным изложением первых двух томов; а продолжающееся изучение материала привело Ушинского к убеждению в необходимости совершенной переделки третьего тома. Конечно, это сообщение официальное, в котором автор имел целью оправдать причину задержки с опубликованием третьего тома, который, согласно первоначальному плану, должен был уже быть готовым. Можно было бы предположить, что в официальном сообщении Ушинский вынужден был придумать искусственные оправдания причин задержки третьего тома. Однако же переписка Н. С. Ушинской с Я. П. Пугачевским подтверждает, что Ушинский неоднократно принимался за составление третьего тома и, оставаясь недовольным результатами, уничтожал написанное. Так, 10 апреля 1871 г., разъясняя Я. П. Пугачевскому, в каком состоянии оставлены Ушинским материалы третьего тома, Н. С. Ушинская писала, что Ушинский «последнее время был очень расстроен и многим был недоволен, что было написано им, и уничтожал, так что теперь, когда стали перебирать его бумаги, то **полного, законченного уже 3-го тома Антропологии не находится, а только отдельные главы, и тех не очень много**» (т. XI, стр. 232). Таким образом, совершенно определенно устанавливается, что перво-

начальный, краткий очерк содержания третьего тома оставил Ушинского неудовлетворенным после того, как были написаны первые два тома, и он его уничтожил так же как уничтожал все вновь написанное. Именно это недовольство заставляло Ушинского «продолжать изучение предмета» и искать такую форму изложения, которая могла бы его удовлетворить в такой же степени, в какой его удовлетворяла форма первых двух томов.

Совершенно очевидно, что в Ушинском начался тот творческий процесс, который он переживал и при написании первых двух томов, когда ему приходилось расширять первоначально набросанные планы изложения, помногу перерабатывать отдельные главы, вставлять совершенно новые, ранее неподвижные разделы и т. п. Тем не менее удовлетворяющей его формы изложения, несмотря на составленные им планы преподавания педагогики (куда вошел и материал третьего тома), Ушинский еще не нашел, с нетерпением ожидая того момента, когда он получит облегчение своего недуга и вплотную подойдет к работе над этим, уже начинавшим тяготить его томом. Переписка Ушинского с Н. А. Корфом, начавшаяся как раз в последние годы его жизни, дает возможность наблюдать некоторые моменты этого напряженного ожидания со стороны Ушинского того момента, когда он получит, наконец, возможность творческой работы над собранным им материалом. 28 мая 1869 г. он писал: «Посылаю Вам две первые части моей Антропологии. Когда выйдет третья — еще и сам не знаю. Теперь же я намерен кончить и приготовить к печати русскую грамматику или, лучше сказать, первоначальный курс, который мог бы дать ученику возможность не затрудняться в употреблении письменного языка» (т. XI, стр. 207). Неожиданный переход к работе над грамматикой находится как будто в противоречии с прямой стоявшей на очереди задачей кончать прежде всего начатый большой труд. Казалось бы, что это отвлечение от прямой задачи ничем не мотивировано, тем более, что разработка первоначальной грамматики стоила Ушинскому, по его словам, «много труда», в чем не трудно убедиться, пересмотрев как самую грамматику, так и руководство к ее преподаванию. Составляя это руководство, Ушинский должен был пересмотреть и критически проанализировать целый ряд до этого изданных курсов первоначальной грамматики. Не соглашаясь с авторами этих руководств, Ушинский должен был пуститься в сложнейшие филологические соображения о классификации частей речи и частей предложения, об их количестве и определении и т. п. На самом деле, предпринимая в состоянии болезни эту тяжелую работу, Ушинский инстинктивно стремился проникнуть в тайны давно им открытого родного слова. Осмысливая задачи первоначального преподавания родного языка и его грамматики, Ушинский в действительности открыл окно, через которое он увидел предмет своего исследования в третьем томе «Антропологии». Неда-

ром с такой нежностью сообщает Ушинский Корфу 23 февраля 1870 г. о посланных ему экземплярах только, что вышедшей грамматики: «При сем идет к вам посылочка с двумя экземплярами грамматики. Она только что вышла, дня четыре, а уже половина издания (2500 экз.) распродана. Этого я не ожидал» (т. XI, стр. 210). Тайну третьего тома «Антропологии» Ушинский открыл, разрабатывая грамматику для начального преподавания. Объясняя значение грамматики как учебного предмета, Ушинский писал в своем руководстве: «Многие науки обогащают только **сознание** дитяти, давая ему новые и новые факты; грамматика, преподаваемая логически, начинает развивать **самосознание** человека, т. е. именно ту способность, вследствие которой человек является человеком между животными. Вот почему грамматику не без основания причислили к числу наук, **очеловечивающих** человека [humaníoga]» (т. VII, стр. 243). Ясно, что в третьем томе Ушинский должен был рассмотреть те психические свойства человека, которые отличают его от животных и которые выработались в человечестве в условиях его социально-исторической жизни на протяжении многих миллионов лет, пока продолжалось становление человечества. Разрабатывая на конкретном грамматическом материале законы русской грамматики, Ушинский впервые осознал научно-психологическую роль родного слова в развитии человека, хотя в педагогическом плане эта роль была отмечена им значительно ранее в статье «Родное слово», а первые подходы к ее осознанию были им сделаны в период своего обучения в Московском университете и знакомства с педагогическими статьями московских педагогов, публиковавшимися проф. П. Г. Редкиным в «Журнале для воспитания».

Нужно признать, таким образом, бесспорным, что после разработки Ушинским грамматики вопрос о содержании третьего тома представлялся ему уже достаточно ясным, чтобы сесть за работу и без каких-либо затруднений литературно оформить его содержание. В том же письме от 23 февраля 1870 г. Ушинский пишет Корфу: «Если здоровье потянет, то, как разделаюсь с 3-м томом «Антропологии», займусь исключительно народным образованием» (т. XI, стр. 209). Очевидно, и внешние и внутренние обстоятельства складывались так, что, казалось, Ушинский уже вполне подошел к задаче творческой работы над последним томом «Антропологии». Однако прошло еще около полугода и 27 сентября 1870 г. в своем последнем письме к Н. А. Корфу, надолго выведенный из своей рабочей колеи трагической смертью своего старшего сына, Ушинский пишет: «Само собой понятно, что все работы мои остановились и если бы только мне удалось в эту зиму хоть как-нибудь надиктовать 3-й том моей Антропологии, который в материалах уже готов!.. В первых же главах этого тома Вы найдете и разрешение показавшегося вам противоречия. Человек не потому говорит, что обладает рассудком, который есть и у животных, а потому, что обладает само-

сознанием, т. е. способностью наблюдать свои собственные душевные явления, чего нет у животных. Эта-то способность дает человеку дар слова, свободу воли, нравственность и способность к самоусовершенствованию, к прогрессу» (там же, стр. 213). Выраженное в этом письме желание Ушинского «хоть как-нибудь надиктовать третий том» может обозначать только то, что автор уже четко определил содержание тома и что его неуверенность относится не к неясности этого содержания, а только к физической невозможности изложить его, связанной с болезнью и совершенно потрясшими его событиями семейной жизни.

Из изложенных признаний Ушинского последних лет его жизни нетрудно усмотреть, что секрет содержания третьего тома вскрыт им пока что в идеалистической форме. Собственно секрета в вопросе о содержании третьего тома не было с самого начала. Это содержание раскрывалось Ушинским и в первом и во втором томах «Педагогической антропологии». Указывая, что дар слова, свобода воли, нравственность и другие специфические особенности человека, исторически им выработанные, являются результатом самосознания, этой высшей формы психической жизни, свойственной человеку и отсутствующей у животных, Ушинский только определял содержание третьего тома своего труда, но еще не давал ему мировоззренческой интерпретации. Эта интерпретация могла быть и идеалистической и материалистической, и интерес к третьему тому труда Ушинского вытекал из желания узнать, какова же будет интерпретация Ушинского. Идеалистическая формулировка содержания третьего тома еще ничего не говорила об его интерпретации. Явления, обозначенные этими формулами, могут быть истолкованы и идеалистически и материалистически. Идеалистическая формулировка дана Ушинским содержанию третьего тома потому, что она является общепринятой в бытовом языке, а также и потому, что искомая интерпретация еще не была найдена. Вот почему, набросав первые очерки третьего тома, Ушинский неоднократно их уничтожал. На основании опыта с первыми двумя томами он искал такого подхода к этому, заключенному в идеалистические формулы содержанию, которое отвечало бы его методу, примененному уже в первых двух томах. Для этого метода характерна одновременно борьба с идеализмом и с вульгарным материализмом. Для 60-х годов, когда так широко было популяризировано материалистическое мировоззрение, существенным был вопрос о том, следует ли для материалистического объяснения природы совсем отвергнуть бытие сознательных форм психической жизни, в специфической форме выражающих исторические достижения человеческой культуры, или, сохраняя их специфику, искать для них материалистического объяснения. Господствующее вульгарно-материалистическое объяснение стремилось к тому, чтобы сводить высшие проявления жизни к низшим, объясняя человека животным, животное — растением, растение — химическими про-

цессами и т. п. Этого метафизического, антидиалектического приема и стремился избежать Ушинский в третьем томе, как и в первых двух томах «Педагогической антропологии». Что касается материалистического объяснения тех психических явлений, которые должны были составить содержание третьего тома, то в первых двух томах Ушинский дал достаточно доказательств тому, что он не разделяет метафизического дуализма. Несомненно, он искал бы материалистического объяснения и для явлений, которые должны были составить содержание третьего тома²³.

Изложенное заставляет думать, что Ушинский был на пути к научному разрешению проблемы третьего тома, разумеется, в условиях своего времени и его возможностей. Уже самая постановка этой проблемы и ее обоснование составляли какой-то шаг к ее решению. Однако же приступить к литературному оформлению задуманного тома Ушинский не нашел возможности в условиях своей жизни — болезненного состояния, служебных и семейных тревог. Во всяком случае, путь к этому оформлению он уже видел, он носил его в себе и так или иначе дал бы в соответствии с своим литературным талантом достойное продолжение первых двух томов. Именно поэтому очерки третьего тома, схематически набросанные Ушинским в самых общих формулировках (вероятно, на основании этих очерков составлен Ушинским последний, соответствующий третьему тому раздел программы педагогики для женских учебных заведений), по признанию самого Ушинского, были найдены им после литературной обработки первых двух томов недостаточными, а по свидетельству Н. С. Ушинской, он «многим был недоволен, что было написано им, и уничтожал» (т. XI, стр. 232).

Специально биографические задачи настоящего очерка не позволяют ближе войти в сущность проблемы третьего тома, тревожившей автора «Педагогической антропологии». Нужно думать, что причины, по которым третий том не получил литературной обработки, не исчерпывались болезнью Ушинского, а лежали глубже, в самом содержании проблемы, для решения которой Ушинский не находил еще достаточно разработанных ни методологических, ни научно-теоретических данных. Те попытки, которые он в условиях своего времени делал, чтобы преодолеть лежавшие перед ним трудности, являются все же поучительными и подойти к ним возможно будет лишь в дальнейших теоретических очерках настоящей работы.

3. ПОСЛЕДНИЕ ДВА ГОДА ЖИЗНИ К. Д. УШИНСКОГО

Хотя Ушинский числился в командировке до самой смерти и до смерти не переставал думать об окончании своих работ, последние 2—3 года он определенно сознавал, что конец его жизни приближается и что ему, независимо от его обязательств

по командировке, необходимо выполнить какие-то обязательства как в отношении своей семейной жизни, так особенно в отношении того общенародного дела, служение которому он считал главной задачей своей жизни. Эти последние 2—3 года, хотя они целиком входят в его очередную командировку, целесообразно все же выделить особо, поскольку они окрашены его сугубо личными, семейными особенностями и выходят далеко за пределы командировочных заданий, тем более, что материалы, относящиеся к выполнению этих заданий, в предшествующем разделе в основном уже рассмотрены. Поэтому, исключая то, что относится к выполнению служебных заданий Ушинского, в дальнейшем будет рассмотрено главным образом то, что фактически выходит за их пределы.

**Краткий очерк
жизни Ушинского
последних лет
с ее внешней
стороны.**

С внешней стороны жизнь Ушинского за последние два года до его смерти представляется весьма небогатой, потраченной преимущественно на переезды и лечение все возобновлявшейся болезни. Представив в марте 1869 г. второй том «Педагогической антропологии» принцу Ольденбургскому и получив разрешение на прежних основаниях продолжать начатый труд на юге России или за границей в климате, благоприятном для его здоровья, Ушинский решил прежде всего заняться лечением своей болезни, значительно усилившейся в начале 1868 г., когда приходилось следить за печатанием второго тома. 28 мая вместе с двумя своими младшими сыновьями Ушинский отправился в Крым на кумыс. Однако же, доехав до Киева, Ушинский, по его словам, «расхворался и еще пуще расхандрился и был радехонек добраться до своего хутора, где и прожил все лето» (т. XI, стр. 209). Всю зиму 1869 г. Ушинский из-за болезни не выходил из дому и решил окончательно расстаться с Петербургом и отыскать в России благоприятную местность для постоянного местожительства, потому что, объяснял Ушинский Корфу, «таскания за границу также надоели мне и слишком утомляют. Лучше прожить зиму, хоть и не в слишком теплом климате, но у себя дома. Может быть, я куплю именьице здесь, в Крыму, а может быть, где-нибудь в Новороссии, если найдется подходящее и недалеко от железной дороги и, конечно, если успею купить и устроиться, потому что болезнь сильно меня одолевает» (там же, стр. 210—211). Вот почему 1870-й год Ушинский снова начал попыткой лечения. В феврале 1870 г., окончив издание третьего года «Родного слова» (первоначальная грамматика), он получил заграничный паспорт для проезда в Италию, где одновременно с лечением предполагал как-либо продвинуть свои очередные работы и в первую очередь третий том «Антропологии». В Вене однако же Ушинский заболел, «пролежал больной, пропустил время и по докторскому совету отправился пить кумыс и пробрался в Крым — по Дунаю и чрез Одессу». Остановившись в 20 верстах от Симферополя в имении

иностранца Варле, Ушинский начал пить кумыс. Лечение пошло неудачно, он заболел лихорадкой и должен был переехать в город, где продолжал кумысное лечение. Переезд в Симферополь оказался полезным для Ушинского: «В Симферополе я попал, конечно, в педагогический мир: в школу, на экзамен и на учительский съезд. Какое бы живое участие принял я во всем этом, если бы хоть сколько-нибудь поправился; но, кажется, мне не суждено больше поправляться» (там же, стр. 212), общал Ушинский Корфу. Предполагавшаяся после лечения встреча с Корфом, который приглашал Ушинского к себе, во Времевку (Екатеринославской губ.), в 80 верстах от железной дороги, конечно, не могла состояться. Ушинский отправился из Симферополя непосредственно в свой хутор и здесь его ожидало самое тяжелое поражение. Он приехал на другой день после похорон своего старшего сына, который возвратившись домой по окончании курса в военной гимназии, смертельно ранил себя на охоте вследствие неосторожного обращения с ружьем. Когда Ушинский узнал об этом, он был так поражен страшным известием, что упал без чувств и в течение ряда дней не мог опомниться от неожиданного удара, им полученного. «Под этим ударом,— писал он близкому другу своей семьи Я. П. Пугачевскому 29. IX 1870 г.,— здоровье мое окончательно рухнуло и я не в силах уже возвратиться в Петербург. Кое-как добрался я с семьей до Киева, где теперь лежу болен, и если бы немного поправиться, то уеду в Крым, а семью думаю пристроить в Киеве окончательно, купив для этого дом» (там же, стр. 222). В приписке к тому же письму 1 октября 1870 г. Ушинский писал своему другу: «Увидимся ли?.. Едва ли! Моя многоболезненная жизнь, кажется, уже иссякнута. Спешу как-нибудь пристроить семью на постоянное место, ибо страшно и подумать, как беспомощны они остаются. Средства к жизни есть, но никакого умения распорядиться ими, а без этого умения и средств ненадолго хватит» (там же, стр. 225).

Впечатление от неожиданной смерти сына было настолько сильным, что Ушинский уже потерял всякую надежду оправиться от своей болезни. Он начал срочную ликвидацию своих дел, купил в Киеве дом, перевел дочерей из Смольного института в киевскую гимназию. В октябре 1870 г. Ушинский вместе с своими двумя младшими сыновьями отправился снова на лечение в Крым, захватив с собой тетрадки с черновыми очерками географии и записки к третьему тому «Антропологии». Путь его шел через Одессу. В Одессе Ушинский захворал, опять слег и уже подняться не смог. Срочно была вызвана вся семья. 22 декабря 1870 г. Ушинский скончался. Согласно выраженному им желанию Ушинский был похоронен недалеко от Киева, на берегу Днепра, в Выдубицком монастыре. Передовая педагогическая общественность восприняла смерть

Ушинского как большую потерю для русской педагогической науки и пресса как общелитературная, так и специально педагогическая поместила ряд сочувственных некрологов и только «Журнал министерства народного просвещения» почтил смерть Ушинского полным молчанием.

Такова была внешняя сторона жизни Ушинского за последние два года. С первого взгляда кажется, что вся она сплошь заполнена лечением и непрерывными поездками в Италию и Крым. Однако же за этими вынужденными поездками была скрыта не прекращавшаяся внутренняя творческая работа, посвященная проблемам, уже в течение многих лет волновавшим Ушинского.

Творческие педагогические идеи К. Д. Ушинского в последние два года его жизни.

Ни изнурительное действие болезни, ни тревожные размышления о семье и ее будущем, ни продолжительная невозможность практической деятельности в области педагогики — не могли оторвать Ушинского от научной разработки тех вопросов, которые с момента его перехода на педагогическую работу, т. е. уже более чем в течение полутора десятка лет, стали органической потребностью его природы. Это вопросы о народной школе и о завершении начатой им разработки научного курса педагогики.

И чем чаще и тягостнее были приступы его болезни, тем с большей страстью он стремился к тому, чтобы довести до конца задуманные им произведения — книгу для начальной школы и теоретический курс педагогики, третий том которого предстояло еще разработать.

С теоретической стороны работа над третьим томом «Антропологии» была уже охарактеризована выше. Практически перед Ушинским в эти последние годы стояла задача, оторвавшись от вседневных тревог, закончить, наконец, этот последний и давно тяготивший его третий том исследования, который должен был иметь такое важное и решающее значение для практики воспитания. Предпринятая с этой целью осенняя поездка в Севастополь, где можно было бы всецело сосредоточиться над работой и в заключение продиктовать ее своему писцу в готовом виде, оказалась роковой для автора «Антропологии»: он схватил простуду, которая окончательно свела его в могилу. Вместо третьего тома он оставил только ряд выписок и замечаний к ним, которые он исподволь накапливал в процессе собирания материалов для «Педагогической антропологии» в целом. Окончательного литературного оформления третий том при жизни Ушинского не получил. В письме к Я. П. Пугачевскому 10 апреля 1871 г. Н. С. Ушинская сообщала, что «с лета, т. е. с приезда его в Богданку из Крыма (где он был с Александром Федоровичем), он ни строчки не написал» (т. XI, стр. 232). Понятно, что какие бы то ни было поиски закончен-

ного третьего тома «Антропологии» должны быть признаны фантастической затеей.

Осознав тот путь, на котором он найдет разрешение поставленной им проблемы, и откладывая со дня на день тот момент, когда он физически и психически почувствует себя готовым к ее литературному оформлению, Ушинский с особой радостью отдавался неожиданно открывавшимся перед ним возможностям общения с русским педагогическим миром, от которого за время длительного скитания за границей он был оторван. В этом отношении особенно отрадным было для него заочное знакомство с замечательным педагогическим деятелем 60-х годов Н. А. Корфом, с которым у него в ожидании возможности личного знакомства завязалась оживленная переписка по интересовавшим обоих вопросам русской педагогики конца 60-х годов.

Н. А. Корф, член земства Александровского уезда Екатеринославской губернии, организовал в этом уезде начальную земскую школу, о работе которой в масштабе всего уезда ежегодно давал печатные отчеты, составлявшие интересное обобщение первых шагов земской школы. Опытным путем Корф установил возможность организации трехгодичной начальной школы в уезде и разработал методику начального обучения. Книга Ушинского «Родное слово» явилась для него существенным подспорьем и к 1867—68 гг. он ввел ее в употребление в 89 русских школах уезда, всесторонне используя эту маленькую книжку для развивающих занятий с детьми. В ней он нашел материал для наглядного обучения и предметных уроков, для наставительных бесед с детьми, детскую энциклопедию, сообщающую множество сведений о повседневной жизни и об окружающей природе, сборник тем для письменных упражнений, материал для логических упражнений и даже руководство для обучения русскому языку детей нерусских народностей. Книгу Ушинского, так удачно угадавшую потребности начального обучения, Корф называл «неоценимой книгой» (т. XI, стр. 202), «перлом нашей педагогической литературы» (там же, стр. 205). Естественно, что Корф пожелал обменяться с Ушинским своим опытом и письменно, и в устной беседе. Высокая оценка «Родного слова» со стороны такого практического деятеля, как Корф, доставила огромное удовлетворение Ушинскому и дала ему целый ряд новых стимулов для его творческих замыслов. Отвечая Корфу на его письма, Ушинский писал: «Вы на самом себе знаете, без сомнения, как приятно в настоящее тяжелое время, когда граф Толстой давит народное образование тяжестью двух министерств, получить выражение сочувствия к тому делу, которому человек посвятил всю свою жизнь... Я давно с истинным наслаждением слежу за вашей деятельностью и, не будучи в силах сам, по совершенному расстройству моего здоровья, принять участие в практике этого дела, находил много успокоения в том, что оно еще имеет таких деятелей, каких вы... Если бы вас можно было

помножить на число наших губерний, не говорю уже уездов, через 10 лет Россия была бы уже другая. Но вы и так делаете много одним своим примером и имя ваше будит не одно сонное земство» (там же, стр. 203, 209).

Переписка с Корфом не только подняла настроение Ушинского выражением сочувствия, им полученного, но вместе с тем дала новое направление его творческим исканиям. Широко и успешно развернутая Корфом деятельность земских школ дала Ушинскому мысль, что земская школа перестраивается в направлении не правительственном, официальном, не в направлении церковном (оба эти направления одинаково были бесплодными в русской жизни), а в направлении народном. В земской школе Ушинский увидел зародыш той новой школы, которая может быть посвящена преимущественно интересам народа. За эту школу необходимо бороться, нужно объединить силы тех, кто ей сочувствует. В этом смысле Ушинский и делал предложение Корфу в одном из своих писем. «Я полагаю, что земская школа должна, наконец, положить прочное основание народному образованию в России и что теперь именно настало время организовать разрозненные попытки в этом отношении всех честных людей. Лучшим средством для этого, как мне кажется, было бы иметь общий журнал, в котором бы сходились сведения о результатах тех или других попыток, сделанных земствами различных губерний, и в котором могли бы обсуждаться эти попытки. Сам я мог бы и желал бы от всей души принять в нем деятельное участие, чтобы посвятить свои остальные силы земским школам, так как я жду от них хотя немногого, но, по крайней мере, чего-нибудь действительного, а не только бумажного и формального, чем до сих пор угощала нас администрация». Ушинский предлагал для этой цели только что начавший выходить журнал «Народная школа», который «избрал своей специальностью народную школу, а, по моему мнению, в настоящее время земская школа и народная школа синонимы... Если бы объявить этот журнал журналом земских школ и вы приняли бы в нем деятельное участие, то, может быть, и вышло бы что-нибудь дельное. Вот о чем мне хотелось бы переговорить с вами хоть письменно, если уж нельзя лично» (там же, стр. 206—207).

Мысль о новом типе народной школы, возникающем не по типу официальных правительственных или церковных школ, преследующих или узкобюрократические, или сословные задачи, школы, возникающей в ближайшей связи с интересами и потребностями самого народа, Ушинский попытался развить в особой статье «Общий взгляд на возникновение наших народных школ». Это была последняя статья, напечатанная Ушинским. Ее опубликование встретилось с какими-то возражениями цензуры и угрозами закрыть журнал «Народная школа», в котором статья все же была напечатана (1870 г., № 5), возможно, после некоторых редакционных урезок и исправлений. По существу

статья представляет собой попытку разоблачить исторически обнаруженное бессилие церковных и административных усилий завладеть образованием народа и одновременную защиту прав народа иметь собственную школу, удовлетворяющую потребностям и интересам народных масс. В ответ на возражения, что народ груб и необразован и что, прежде чем предоставить школу в его распоряжение, его нужно долго и основательно учить, Ушинский пишет замечательную апологию тысячелетней культуры народа. «Не забудем, что если мы многому хотим учить простой народ, то есть многое, чему мы сами от него научились. Не забудем, что этот народ создал тот глубокий язык, глубины которого мы до сих пор еще не могли измерить; что этот простой народ создал ту поэзию, которая спасла нас от забавного детского лепета, на котором мы подражали иностранцам; что именно из народных источников мы обновили всю нашу литературу и сделали ее достойной этого имени; что этот простой народ, наконец, создал и эту великую державу, под сенью которой мы живем» (т. III, стр. 622). Эта защита прав народа продиктована Ушинскому его глубокими демократическими убеждениями, вынесенными им еще из ранней юности. «Наше убеждение в отношении зарождающейся у нас народной школы,— резюмирует Ушинский свою статью,— состоит в том, чтобы прежде всего предоставить это дело самому народу и чтобы как администрация, так и высшие слои общества сохранили за собой право содействовать этому делу только убеждением, разъяснением, примером и, наконец, материальной или интеллектуальной помощью, но никак не принуждением, запрещением, регламентацией и тому подобными мерами, которые были у нас прежде в таком ходу и которые здесь, в этом, чисто семейном деле народа не должны иметь никакого места» (там же, стр. 423). Формулировка, что школа — семейное дело народа,— давнишняя формулировка Ушинского, но сейчас он сопровождал ее большой исторической справкой о бессилии администрации и правительства создать школу для народа и разъяснением о том, что исторически обделенный образованием народ сейчас уже должен получить то, что ему принадлежит по праву, и что земская школа является зародышем этой народной школы. Статья Ушинского явилась своего рода программой той деятельности, которой он предполагал посвятить себя в дальнейшем и к которой звал своих читателей.

Огромное количество применений, которые Корф дал «Родному слову» в начальной школе, дали стимул Ушинскому к переработке «Родного слова» наново. «Применений сделано гораздо больше, чем я сам мог рассчитывать. Лучшим ответом с моей стороны на все эти применения будет то, что я, имея их ввиду, переделаю несколько и увеличу обе первые части «Родного слова», назначив это издание уже чисто для сельских школ. В то время, когда я составлял «Родное слово» (от 1862 до 1865 г.),

земские школы еще не существовали, и потому назначил мою книгу для школ городских, для детей мещанства, чиновничества и мелкого дворянства, что и отразилось сильно на моей книге, особенно на 2-й части. Теперь же я прямо буду иметь в виду земскую, т. е. сельскую школу и притом с 3-летним окончательным курсом» (т. XI, стр. 208). Однако, прежде чем заняться переработкой «Родного слова», Ушинский имел намерение закончить его как книгу, дающую элементы общеобразовательных знаний городским детям в период их первоначального обучения. В состав «Родного слова» в плане Ушинского входили не только книга для чтения, не только грамматика, но еще и первоначальная география, элементарное естествознание и начальный курс истории. Очерки начальной географии давно были подготовлены Ушинским и, переписываясь с Корфом о переработке «Родного слова» для земской школы, Ушинский в одном из писем 1870 г. (28 мая) в периоде подавленного состояния писал ему: «Написать книгу для народной школы составляет уже давно мою любимую мечту, но, кажется, ей и суждено остаться мечтою. Прежде мне необходимо кончить Антропологию и потом я хоть сколько-нибудь применю «Родное слово» к потребностям сельской школы. Кроме того, у меня на душе еще первоначальная география как окончание «Родного слова». Вот сколько дела!» (т. XI, стр. 211). Отправляясь в свою последнюю поездку в Крым, Ушинский захватил с собой только очерки по географии и материалы для «Педагогической антропологии» (третьего тома).

Нет сомнения в том, что заочное знакомство с Н. А. Корфом дало Ушинскому много отрадных минут, подняло его творческие силы, сообщило ряд дополнительных стимулов его ослабевшей работоспособности и заставило увидеть впереди некоторые новые перспективы для своей деятельности, как равно и для судеб народной школы в России. Однако личная встреча с Н. А. Корфом, которой так жаждал Ушинский, не могла состояться вследствие все ухудшавшегося состояния его здоровья. Отвечая на первое же письмо Корфа, востороженно называвшего «Родное слово» «перлом нашей педагогической литературы» и в 89 училищах своего уезда с большим эффектом обучавшего детей по этой книге, Ушинский писал ему, что он уже готовится сойти с педагогического поприща «измятый и искомканный» (т. XI, стр. 204). Собираясь встретиться с Корфом, чтобы лично обсудить с ним интересовавшие его педагогические вопросы, и, пожалуй, побывать в его школах, Ушинский ни в 1869, ни в 1870 г. не смог осуществить этого своего искреннего намерения. В феврале 1870 г. Ушинский сообщал Корфу: «В прошлом году я ехал к вам, да не доехал: добрался с моими двумя мальчуганами до Киева, но там расхворался и еще пуще расхандрился и был радехонек добраться до своего хутора в Глуховском уезде Черниговской губернии, где и прожил все лето» (т. XI, стр. 208—209). Отправляясь в феврале 1870 г. на лечение в Симферополь,

Ушинский писал Корфу: «В мае буду разыскивать вас, чтобы и с вами познакомиться и хоть раз в жизни порадоваться на русскую школу» (там же, стр. 209). Однако и это намерение Ушинскому осуществить не удалось: ослабление его организма шло все увеличивающимися темпами. Уже 28 мая, а затем 16 июня 1870 г. Ушинский писал Корфу: «Соображая различные маршруты, написанные вами, как добраться до вас с моими истощенными силами, я вижу, что это для меня невозможно: и железная дорога меня утомляет, а пуститься на проселок я решительно не смею... Чрезвычайно мне грустно, что я дошел до такого состояния, что не могу преодолеть и 70 верст, чтобы повидаться с вами, для чего в другое время проехал бы гораздо более» (там же, стр. 210, 212).

Судьба дала, однако же, возможность Ушинскому и практически окунуться в жизнь начальной школы, и вступить в общение с коллективом учителей Таврической губернии. Его приезд в начале лета 1870 г. в Крым совпал со съездом учителей Таврической губернии и с выпускными экзаменами в начальных школах. 16 июня этого года Ушинский сообщал Корфу: «В Симферополе я попал, конечно, в педагогический мир: в школу, на экзамен и на учительский съезд. Какое бы живое участие принял я во всем этом, если бы хоть сколько-нибудь поправился, но, кажется, мне не суждено больше поправляться» (т. XI, стр. 212). По сообщению И. П. Деркачева, бывшего учителя начальной школы в Симферополе, Ушинский внимательно прислушивался к сообщениям учителей об опыте их работы, тем более интересным, что они были знакомы как с книгами Ушинского, так и с другими работами по вопросам начальной школы, в том числе и с только что вышедшей книгой Н. А. Корфа «Русская начальная школа», и принимал живое участие в обсуждении поднятых ими вопросов. Равным образом Ушинский с огромным интересом просидел на выпускном экзамене в начальной школе и принимал живое участие в спрашивании учащихся. Большой интерес вызвал среди учителей вопрос о книге для чтения. Ушинский принял участие в его обсуждении. Содержание его беседы с учителями И. П. Деркачев передал в таком виде: «Нужно,— говорил Ушинский,— желать, чтобы как можно больше лиц приложили свои силы к составлению книг для классного чтения в народных школах. В настоящее время мое «Родное слово» принято в начальных училищах потому, что выбирать еще не из чего; но когда расширится школьное дело, когда учительские семинарии станут выпускать вполне подготовленных педагогов, тогда вырастут и новые требования. Должна будет явиться и новая книга... И в этом случае съезды учителей могут принести громадную пользу. Вот вы теперь,— говорил далее Ушинский,— обсуждая разные буквари, находите их мало пригодными для крымских школ, посещаемых детьми татар... Пользуясь съездом, сложитесь вашими умственно-нравственными силами и составьте свою

азбуку по звуковому способу, а земство, вероятно, не откажется издать ее на свой счет. Это будет и выгоднее для самого земства, чем выписывать книги из столиц через книгопродавцев. Земство, надеюсь, не отказалось бы от издания и первой после азбуки книги для чтения, если бы наши съезды усердно занялись этим делом». Деркачев сообщает, что предложение Ушинского было принято съездом, и азбука, выработанная на съезде, была издана в 1870 г. за счет губернского земства в количестве 10 тыс. экземпляров в Симферополе. Ушинский посетил в Симферополе и одну татарскую школу и был глубоко тронут, когда увидел, как взрослые татары по его «Родному слову» учатся русскому языку. При этом ему было сообщено, что татарские учащиеся очень полюбили его книгу и по ней они легче выучиваются русскому языку, чем арабскому по своим национальным учебникам.

* *
*

Всю свою жизнь твердо веривший в просвещение и в прогресс, Ушинский в 1870 г. под впечатлением разгоревшейся франко-прусской войны, когда, по его словам, «образованнейшие нации мира грызутся как дикие волки», тревожно задумался над основаниями этой своей веры. «Неужели школы нужны были только для того, чтобы раздуть коллективное самолюбие племени и дать фразы для прикрытия самых черных дел? Все это способно подорвать веру в образование и школу» (т. XI, стр. 214). Вера Ушинского подорвана, однако, не была, но он углубился в социально-политический анализ вспыхнувшей войны, ее причин и последствий и сделал отсюда вывод, что прогресс требует не только образования и школы, но и энергичного сопротивления враждебным силам, мешающим этому прогрессу. В данном случае этой враждебной силой являются шовинистические устремления пруссачества, выразителем которых явились Бисмарк, а равным образом «Наполеоны, Фрицы и Вильгельмы, да поразит их кара небесная!» Но это временное явление: «придет время, когда сами немцы сочтут Бисмарка злейшим врагом Германии, Пруссии и человечества. Но пока придет такое время, страданий придется выжить человечеству целый океан» (т. XI, стр. 216). Вдумываясь в те последствия, которые неизбежно повлечет за собой победа Пруссии над Францией, Ушинский с изумительной ясностью предвидел, что ближайшим последствием этой победы будет дальнейшее движение прусского шовинизма в направлении на Россию. «И разве не видать, что Пруссия, эта многоученая и нравственная Пруссия, только еще раскрывает ворота в ужасное будущее для всей Европы, никак не исключая и нас? Если можно что предвидеть в человеческой истории, то я считаю войну России с Германией совершенно неизбежной, и если война французов с немцами показала так много зверства, то какова же будет война немцев со славянами? Я считаю эту

войну неизбежной по многим причинам. Во-первых, после того, как Пруссия сломит Францию и сделает ее в отношении себя тем же, чем была Польша при Понятовском в отношении России, на горизонте этой честолюбивой державы останется только одно туманное облачко — Россия, и весьма естественно, что Пруссия пожелает рассеять это облачко. Во-вторых, война с Россией будет необходима для Пруссии как отлив для тех демократических страстей, которые, без сомнения забурлят в Германии, когда час побед пройдет и придется немцам рассчитываться с прусским солдатским правительством за патриотические восторги, которыми оно их подарило. Чтобы покрепче затянуть воинственный узел и окончательно приучить Германию к военной диктатуре, всего естественнее указать ей нового врага и опять поднять противодействие и на этот раз врага еще более основательного, чем французы, — враг этот — славяне и в особенности Россия. Можно сказать, что французов в Германии еще любили, если сравнить это чувство с тем, которое немцы питают к нам. Я долго жил в Германии и убежден, что война с Россией будет завоевательной войной для немцев. В третьих, война с Россией обещает немцам очень богатую и очень легкую добычу. Поход через Польшу и Прибалтийские губернии, поддержанный флотом и при содействии Австрии на юге, будет прогулкой сравнительно с французским походом, мы сами укатали эту дорогу для Пруссии. Боже, какая страшная перспектива! Война без конца, разорение, оскотение, солдатство... — вот тебе и мирный прогресс. Конечно, обнажающий меч мечом и погибнет» (т. XI, стр. 215—216). Конечно, это было не научное предвидение, это была интуитивная догадка большого человека. Но ее поразительное соответствие с тем, что случилось 70 лет спустя, в период второй мировой войны, можно было оценить только в 1946 г., когда в связи с юбилейной датой 75-летия со дня смерти Ушинского был открыт пожертвованный дочерью Ушинского «Пушкинскому дому» архив семьи Ушинского (ф. 583), в котором в числе других материалов сохранилось и только что цитированное письмо Ушинского к Корфу от 27. IX. 1870 г. Письмо это публиковалось и ранее (М. Л. Песковский, Корф Н. А. в письмах к нему разных лиц. Спб., 1895), но по цензурным условиям весь раздел о возможной войне с Германией и ее последствиях был опущен.

Восприняв под влиянием военных событий и газетных известий как неустранимую реальность ближайшего будущего свою догадку о возможном агрессивном наступлении воинственной Германии против России вслед за победой над Францией, Ушинский естественно должен был задуматься о том, как предотвратить это печальное будущее. Перспектива грядущего порабощения народа воинственными соседями воспринималась им болезненно. Народ может развиваться только в условиях независимости и он должен создавать эти условия и быть

готовым к их защите. Таким образом, силой обстоятельств европейской жизни того времени Ушинский под конец своей жизни опять наталкивался на обсуждение больших политических вопросов. После «толчка судьбы», полученного им в Ярославском лицее, толчка, от которого он еле оправился, он вообще избегал высказываться по этим вопросам, переключаясь на другие научно-теоретические темы — географические, этнографические, исторические, психологические, педагогические. Только что приведенное высказывание о возможной судьбе народов в ближайшем будущем, предназначенное не для печати, показывает однако же, что Ушинскому ясен был не только процесс угнетения народных масс внутри наций, о чем в разных местах настоящей работы отмечалось не раз, но также и угнетение одних наций другими.

То и другое Ушинский считал социальным бедствием, которое организуется агрессорами — наполеонами, бисмарками, вильгельмами и от которого страдают народные массы, поработаемые господствующими классами внутри наций, и слабые нации, поработаемые нациями сильными и воинственными. С тем и с другим злом необходимо бороться, просвещая подрастающие поколения и мобилизуя их на борьбу как с внутринациональным, так и с международным злом. Так демократ-просветитель, сторонник мирного прогресса превращался в организатора борьбы против порабощения народов, против угнетения народных масс. Просветитель-демократ превращался в политика, требовавшего не просто просвещения, но и организованной борьбы с социальным злом.

Личные (семейные) дела Ушинского в последние годы его жизни.

Последние годы жизни Ушинского были омрачены тяжелым предчувствием приближающейся смерти. В соответствии с этим его внимание все настойчивее и тревожнее сосредоточивается на необходимости на случай осложнений в болезни и возможной смерти упорядочения своих личных дел. Еще в сентябре 1868 г. он чувствовал себя достаточно уверенно и, решившись не искать более служебной деятельности, писал Модзалевскому: «Официальной деятельности я никакой не принимаю, убедившись, что покуда это только толчение воды. Думаю ограничиться одной писательской деятельностью... учебная публика меня полюбила и поставила в положение совершенно независимое» (т. XI, стр. 192). Этот бодрый и уверенный тон с начала 1869 г. сменяется придавленным сознанием своей физической и духовной изношенности и одряхления. Особенно беспокоила Ушинского судьба малолетних детей. «Мать их любит, конечно, но где же женщине направить мальчиков, как следует, и продолжать книжные дела, которые, как вы знаете, не очень хитры, но все же превышают женские способности. Хочу, по крайней мере, упростить их по возможности» (там же, стр. 228). Таков комплекс личных дел, которые

тревожили Ушинского в предчувствии близкой смерти. Поскольку в предшествующем изложении эти вопросы освещались только мимоходом, сейчас есть основания свести данные по этим вопросам в их совокупности.

Семья Ушинского.

Женившись в 1852 г. на Надежде Семеновне Дорошенко, Ушинский к концу 60-х годов имел уже многочисленную семью, будущее которой не могло не беспокоить его в предчувствии близкой смерти. Кроме жены, в составе семьи Ушинского было 6 детей: Павел (род. 12. X. 1852 г.); Вера (род. 9. VII. 1855 г.); Надежда (род. 9. IX. 1856 г.); Константин (род. 17. II. 1859 г.); Владимир (род. 6. II. 1861 г.); Ольга (1. XI. 1867 г.). Кроме того, Ушинский близкое участие принимал в судьбе своих братьев и сестер.

Едва ли нужно говорить о том, что воспитание детей было предметом первой семейной заботы Ушинского. Первоначальное обучение детей он предпочитал организовать в семье, обучая детей или сам, или с помощью приглашаемых для этой цели учителей, которые работали под его присмотром и по его указаниям. Известно, что, классически четко и ясно представляя себе сущность начального обучения, Ушинский при своей нервности и болезненности не мог вести занятий с своими детьми, но выполняемая по его указаниям работа всегда была удачной и давала положительные результаты. Обдуманное обучение в семье Ушинский считал лучшей предпосылкой для правильного хода обучения в школе. К выбору школы для детей Ушинский также относился осторожно, предварительно ознакомляясь с тем, как и какие учителя ведут занятия по тем или иным предметам.

Выезд Ушинского за границу совпал с наступлением времени учения в школе для его первого сына Павла. Естественно, что уже с первых дней своего пребывания за границей Ушинский начал думать о том, где будет учиться Павел. Свое первоначальное образование он получил дома, под руководством отца. Письменные и грамматические упражнения, а также статьи «Родного слова» были проверены Ушинским как лично, так и при помощи домашних учителей прежде всего на его старшем сыне. В архиве семьи Ушинских долго хранились письменные упражнения, которые писались старшим сыном Ушинского почти безошибочно; к сожалению, сейчас они где-то затеряны, уже в наше время. В 1862 г. Павлу исполнялось 10 лет. Это значило, что наступил срок его систематического школьного учения. Высоко ценя русскую народность и русский язык, Ушинский, конечно, не мог бы помириться с тем, чтобы его сын получил свое школьное образование в заграничной школе. Но вопрос о том, как долго Ушинскому придется прожить за границей, оставался пока неясным. С 1863 г., когда Павлу исполнилось 11 лет, вопрос об определении его в школу и об организации систематических школьных занятий по курсу общеобразовательной школы должен был быть решенным безотлагательно. В 1864 г., когда стало ясным, что

К. Д. Ушинский с семьей в 1864 г.

Ушинский в России никакого особого назначения не получит и по-прежнему останется на положении командированного за границу, он решил отдать Павла в институт Стоя в Иене, где последний учился до марта 1866 г. В 1867 г. Ушинский с семьей вернулся в Петербург. Здесь он отдал своего сына во 2-ю военную гимназию, где Павел проучился три года и весной 1870 г. окончил курс.

Что касается девочек, которым также пришла пора школьного обучения, после того как они прошли предварительно с отцом и домашними учителями основательный курс домашнего учения, то Ушинский решил отдать их в 1867 г. в Александровское училище, составлявшее вторую, не аристократическую половину Смольного института. Педагогический персонал Александровского училища очень удовлетворял Ушинского, а его инспектриса А. К. Сент-Илер одна из немногих представительниц женского педагогического персонала Смольного института весьма сочувственно относилась к Ушинскому. Осенью 1870 г., решив со всей семьей обосноваться в Киеве, Ушинский вынужден был и дочерей своих взять из Александровского училища. Обращаясь к Пугачевскому с просьбой исхлопотать документы дочерей, Ушинский писал ему: «Семью думаю пристроить в Киеве окончательно, купив для этого дом. Сообразив все это, вы легко поймете побудительные причины, заставившие нас определить Веру и Надю в здешнюю гимназию: и для матери и для меня слишком тяжело было расставаться с ними. Гимназия здесь порядочная и пусть себе оканчивают курс в том же городе, и в том же доме, где им и после придется жить... Вы не поверите, добрейший и многоуважаемый Яков Павлович, как мне обидно, что обстоятельства вынуждают меня взять моих девочек из Александровского училища, которое и для меня-то самого как что-то близкое и родное. Где же в другом месте будут так внимательны к моим детям? Сделайте одолжение, передайте г-же начальнице (А. К. Сент-Илер) всю мою искреннюю благодарность за то сердечное участие, которое она выказала мне и детям моим. Поблагодарите от моего имени и классных дам Нади и Веры: дети вспоминают о них с самым теплым чувством» (т. XI, стр. 222—223). Разницу обхождения девочки почувствовали сразу же, вероятно, потому, что привыкли к условиям жизни в закрытом заведении. Весной 1871 г. Ушинская писала тревожное письмо Пугачевскому, в котором спрашивала о возможности снова перевести девочек в Смольный и самой ей переехать в Петербург, чтобы не разлучаться с детьми. Причина — «ненависть Нади к Киеву и настойчивое желание ее приехать в Петербург во что бы то ни стало, хотя бы даже и одной». Видимо, Пугачевский дал матери разумный совет перевести девочек в Одесский институт, где они найдут примерно ту же обстановку, что и в Смольном институте. Действительно, советы Пугачевского помогли: учение их пошло нормально.

Что касается мальчиков, то, как и предполагал Ушинский, матери было трудно следить за их образованием и продолжать ту систему планомерного чередования частных учителей и школьных курсов, которой придерживался Ушинский. Ей трудно было разобраться в том, что именно в данный момент нужно делать с подрастающими Константином и Владимиром. В письме к Пугачевскому она писала: «Не знаю, добрейший Яков Павлович, как мне устроиться с мальчиками, дайте Ваш добрый совет, которого я послушаюсь. Косте уже исполнилось 12 лет, пошел 13-й год: держать ли мне его еще год дома и готовить в гимназию, или же определить теперь, т. е. после каникул, для чего, разумеется, нужно будет по программе его подготовить. У нас живет в доме еще выбранный покойником один молодой студент Киевского университета 2-го курса и занимается с детьми. Воле же исполнилось 10 лет и пошел 11-й и в первый класс может поступить. Как вы думаете, отдавать ли их, или лучше сказать, готовить ли их к определению в гимназию, или еще продержать их один год дома, так как здоровья они не очень крепкого. Мальчики охотятся поступить в гимназию и с удовольствием говорят о гимназии, даже Воля охотно говорит о своем поступлении в гимназию. Беда, что молодой человек, который теперь у нас, не успевает заниматься с обоими, приглашать еще других учителей дорого обходится, так как ему уже платим 800 рублей сер. в год. Хотя теперь, в Одессе, я пригласила для Кости математика, так как наш студент — филологического факультета и этот предмет у него хромает. Еще ходит священник, законоучитель для Кости и Воли, что мне обходится около 40 руб. сер. в месяц. В Одессе у меня положительно нет ни одной души знакомой, с кем бы могла поговорить, посоветоваться; живем одни-одинешеньки, в чужом месте, городе и среди совершенно для нас незнакомых людей» (т. XI, стр. 233—234). К. Д. Ушинский был совершенно прав, когда писал Пугачевскому о полной беспомощности своей жены в деле воспитания мальчиков и недаром в своем последнем письме к нему предположительно говорил о такой возможности, как принятие на себя Пугачевским работы по воспитанию детей Ушинского. «Согласись Вы заняться воспитанием моих детей и моими книжными делами после моей смерти, и я бы ни на одну минуту не задумался назначить Вам вознаграждение, равное тому, какое Вы получаете в Смольном, и обеспечил бы Вам пенсию, которой Вы не дослужили бы... Но зачем говорить пустяки и говорить о невозможном? Вы и сами знаете, что я не пожалел бы ничего, только бы вверить Вам моих бедных деток» (т. XI, стр. 227—228). Возможно, что Ушинский говорил об этом и со своей женой, так как последняя, растерявшись перед непосильной для нее задачей твердой рукой направить воспитание мальчиков, не раз обращалась к Пугачевскому, прося как его письменных указаний, так и непосредственного руководства, приглашая его на лето в Богданку: «Пока все

дети были дети, то вести их было под силу, теперь же все это выросло и потому править и руководить ими всеми одной мне очень, очень трудно без всякой помощи со стороны, поддержки моральной. Друг мой, Яков Павлович, помогите мне в этом деле. Вы один у меня, на которого я надеюсь: не оставьте меня без Вашей помощи, без поддержки» (т. XI, стр. 236). Свой долг помощи семье умершего друга Пугачевский выполнял по мере возможности: письменно он давал постоянные советы Н. С. Ушинской как по вопросам воспитания, так и по делам книжным, и нередко приезжал в Богданку, пользуясь каникулярным временем, чтобы лично вникнуть в те сложные воспитательные, хозяйственные и издательские дела, в которые пришлось окунуться Н. С. Ушинской после смерти своего мужа.

Так в неустанной творческой работе над преодолением все возраставших трудностей научной и практической разработки проблем воспитания, в непрекращавшейся борьбе с все осложнявшимися условиями общественной, служебной, домашней жизни Ушинский с каждым днем все яснее сознавал, как неудержимо падают его силы, жизнь «иссыкает» и он приближается к неизбежному концу. Он делал судорожные усилия, чтобы как-нибудь, одним ударом в ту или другую сторону (поездкой в Крым или Италию, окончанием третьего тома «Антропологии», написанием географической части «Родного слова», организацией учительской семинарии, созданием прогрессивного педагогического журнала для учителей начальных школ, покупкой дома для семьи и т. п.) разрешить надвигавшиеся на него трудности, но все это разбивалось о его подорванное неизлечимой болезнью и от природы слабое здоровье. Предпринятая в последние месяцы 1870 г. поездка в Крым оказалась роковой, и простуда, к которой он всю жизнь был так чувствителен, нанесла его здоровью последний удар, от которого он уже не смог оправиться.

Болезнь и смерть
К. Д. Ушинского.

Всю вторую половину своей недолгой жизни Ушинский страдал хроническим воспалением легких. Эта болезнь прогрессировала в связи с постоянным пребыванием в сыром петербургском климате и долговременным скитанием между Европой и Россией. Медицинское свидетельство, полученное семьей Ушинского от лечившего его профессора Киевского университета Шкляревского, гласило: «Страдая хроническим воспалением легких (*pneumonia chronica catarrhalis*), свойство его долголетнего хронического страдания требовало вместе с хорошими климатическими условиями почти абсолютного воздержания от всякой напряженной деятельности, и я не могу поэтому сомневаться, что именно ученые литературные работы Ушинского, которыми ознаменовались последние годы его жизни, с медицинской точки зрения были для него пагубны, потому что они истощали его слабые физические силы и были существенной причиной его преждевременной кончины. Доктор

медицины, экстраординарный профессор университета св. Владимира Шкляревский» (ЦГАДА, ф. В. И. Чернышева, 1203, № 10). Свидетельство было дано, несомненно, по просьбе семьи Ушинского и ею, можно думать, навеяно то подчеркнутое ударение на ученые литературные труды Ушинского, как основную причину истощения его физических сил. Обремененная семьей и неуверенная в своем будущем, Н. С. Ушинская надеялась, что

Надпись на могиле К. Д. Ушинского

написанное в таком духе медицинское свидетельство облегчит как-либо ее дальнейшее существование. Прибегать к помощи этого свидетельства ей, конечно, не пришлось. Но сама аргументация, употребленная в свидетельстве, звучит как известная натяжка. Едва ли можно признать правильной ту точку зрения, что «усиленные ученые литературные работы Ушинского были для него пагубны», что «они истощали его слабые физические силы». Физические силы Ушинского истощались его болезнью, которая все вновь возрождалась вследствие частых переходов из одного климата в другой; окончательно же они были подорваны полученной им простудой в последнюю поездку, а также теми тяжелыми переживаниями, которые были вызваны в последние годы смертью сына, а ранее неудачами по службе. Что касается его ученых занятий, то есть основания думать, что именно они стимулировали на всем протяжении его жизни его творческую работу и поддерживали его жизненные силы на достаточно высоком уровне.

Скончался Ушинский в 1870 г. в декабре. День смерти Ушинского, который ранее обозначался 21 числом, согласно уточнению, произведенному исследованием Чернышева, должен быть перенесен на 22 декабря (В. И. Чернышев, Разыскания об Ушинском, «Русская школа», 1912, № 2). Тело Ушинского, по словам его биографа А. Фролкова, перевезено в Киев и по-

хоронено в Выдубицком монастыре под огромным каштановым деревом на берегу Днепра. На хартии, украшающей прекрасный надгробный памятник, в последнее время, к сожалению, запущенной, написано: «Константин Дмитриевич Ушинский — автор «Детского мира», «Родного слова» и «Педагогической антропологии». Педагогическая общественность как Одессы, где скончался Ушинский, так и всей России откликнулась на смерть великого русского педагога высокой оценкой его педагогических заслуг, как основоположника нового направления русской педагогики.

После смерти Ушинского осталось несколько фотографических его снимков из разных периодов его жизни, которые, однако же, далеко не являются типичными для него. Лично знавший Ушинского и часто встречавшийся с ним, бывший редактор журнала «Библиотека для чтения», А. В. Старчевский, написавший об Ушинском свои воспоминания, так характеризует его внешний облик: «Он по происхождению был малоросс, но в нем ничего не было такого, что бы напоминало вам, что он — малоросс: ни лицо, ни выражение, ни манеры, ни интонация. Это был чистый западный европеец, с какой стороны вы ни взглянули бы на него. Но никогда бы вы не решились, к какой нации принадлежит этот человек. Он был деликатнее и эстетичнее даже француза, но степеннее, живее англичанина-аристократа; лицом он несколько напоминал Рафаэля, но был красивее его. Манеры его были безусловно аристократические, держался он спокойно и несколько сдержанно, но с первого же раза внушал вам симпатию». Что касается портрета Ушинского, то, по словам Старчевского, «портрет этот (Старчевский имеет в виду портрет, приложенный Фролковым к составленной им биографии Ушинского, уменьшенные копии которого потом печатались на обертках «Родного слова») чрезвычайно удачен, только выражение Ушинского очень серьезно, чего у Константина Дмитриевича не было. Потом я его знал à l'anglaise, без бороды, которой он прежде не носил. А между тем эта борода придает ему вид англичанина или ученого немца, чего у Константина Дмитриевича никогда не было. Лицо его скорее было идеальное и по нем нельзя было определить, какой он нации; выражение его было благородно-аристократическое и в pendant к нему шел бы только портрет графа А. С. Уварова» (известного археолога). С фотографии, приложенной Фролковым к своей книге, писал портрет Ушинского художник И. Н. Крамской и возможно, что ему удалось в значительной степени смягчить и одухотворить то суровое выражение лица на фотографии, которое не отвечало облику действительного Ушинского.

Стремясь на предшествующих страницах проследить основные этапы жизни и педагогической деятельности великого русского педагога К. Д. Ушинского, автор исходил из того положения, что личная педагогическая биография того или иного лица является известной частью общественной педагогической жизни того или иного периода и что основательно разработанные биографии ряда выдающихся педагогов составили бы наряду с другими материалами весьма полезные документы для разработки истории педагогики. Выполненная в узкобиографическом плане монография об Ушинском, в частности, рассматривалась автором как естественная предпосылка для других работ о великом русском педагоге, требующих выхода за узкобиографические рамки и углубленного анализа биографических данных с других точек зрения — социально-политической, философской, психологической, педагогической. Именно поэтому многие вопросы, к которым подходило предшествующее изложение и которые освещались в плане биографическом, нельзя еще считать окончательно решенными с других точек зрения. Биография — только предпосылка для постановки и решения этих вопросов в дальнейшем, хотя именно она и намечает уже некоторые тенденции их пересмотра и нового решения.

Поскольку однако же обзор основных этапов биографии Ушинского в качестве предпосылки для дальнейших исследований уже закончен, совершенно естественно спросить, что именно в настоящей работе представляется выясненным в чисто биографическом плане и насколько в ней продвинуто биографическое изучение жизни и деятельности Ушинского по сравнению с теми опытами в этом направлении, которые были сделаны до настоящего времени. Хотя более или менее подробно говорят об этом предшествующие страницы, но в нескольких словах подвести итоги этой работы все же было естественным и полезным завершением и своего рода оправданием означенного труда.

Автор полагает, что им впервые сделан опыт систематического собирания и использования документальных данных о жизни и деятельности К. Д. Ушинского, которые в предшествующих биографических опытах привлекались только частично и далеко не в достаточной степени, причем наряду с фактическими материалами в них широко использовались некритически привлекаемые к делу и не заслуживавшие доверия случайные сообщения, догадки, предположения, выдававшиеся за факты, благодаря чему биографические повествования о жизни Ушинского заполнялись подчас совершенно недостоверными сообщениями, в свою очередь дававшими основу для дальнейших маловероятных построений. Конечно, и автор настоящей работы, как об этом было сказано в его предисловии, не мог

избежать некоторых допущений, гипотез, предположений, но они делались на предварительно изложенных и твердо обоснованных фактических данных, в согласии с общей логикой всего исследования, не противореча фактам. Поэтому, несмотря на известное количество вошедших в изложение догадок, предположений, гипотез, автор все же считает, что его изложение биографии может быть и должно быть с неизбежными оговорками рассматриваемо как фактически документальное. Это первый и основной итог, итог, так сказать, методологического порядка.

Другим важным, фактически доказанным итогом всего исследования автор считает то, что в нем впервые раскрыты и заполнены те белые пятна, которые до сих пор фигурировали на хронологической канве жизни Ушинского, не вызывая ничьего тревожного внимания. Таких крупных белых пятен в биографии Ушинского оказалось три:

а) Первым белым пятном оказался так называемый допедагогический период жизни Ушинского: это период его обучения в университете, период ярославской профессуры и следовавший за ним период сотрудничества в петербургской журналистике. В общей сложности этот период обнимает около полутора десятилетия. До сих пор этот период оставался не изученным, так как изучали Ушинского педагоги, а учителем начальной и средней школы Ушинский за это время не был. Что изучение этого периода обогащает биографию Ушинского фактически и идейно,— это показано на предшествующих страницах. Не может быть сомнений в том, что для анализа педагогической деятельности и педагогических идей Ушинского этот период также даст немало данных.

б) Вторым белым пятном в биографии Ушинского, как это ни странно для истории педагогики, явилась его редакторская деятельность в «Журнале министерства народного просвещения» в 1860—1861 гг. В истории русской педагогики, как равным образом и в биографии Ушинского, этот непродолжительный, занявший всего 1½ года период оказался весьма значительным. С одной стороны, министерство впервые поручало выдающемуся в то время русскому педагогу ввиду широкой потребности в реформе образования реорганизовать свой ведомственный орган, преследовавший широкие научные задачи, в журнал специально-педагогический. С другой стороны, новый редактор приступал к своей задаче с уверенностью, что наступила пора положить начало развитию педагогической науки на широкой основе вспомогательных наук — психологии, физиологии, философии и истории, так, чтобы новая наука педагогика, разработанная на основе изучения европейского опыта и широкого использования вспомогательных наук, могла быть всецело посвящена делу просвещения широких масс народа. Вступив на путь разоблачения антинародной политики

министерства и бюрократически-чиновничьей практики подготовки им реформы народного образования, Ушинский, естественно, оказался в трагическом конфликте с опекавшим народное просвещение министерством и вынужден был оставить редакцию. Но за 1½ года редактирования журнала он проделал в нем большую работу, обзорение которой дано в подготовленных для издательства АПН двух томах «Архива К. Д. Ушинского», начатых изданием.

в) Третье белое пятно в биографии Ушинского — его конкретная работа над заключительным трудом своей жизни — «Педагогической антропологией». Читателю-педагогу стал известен этот труд в двух томах, вышедших из печати в 1868—1869 гг. Но конкретная работа Ушинского над этим трудом, продолжавшаяся много лет, до сих пор остается неизвестной, так как никто не занимался изучением этой в значительной степени опороченной работы. В биографии Ушинского показано несколько вариантов этой его работы, раскрывающих ее методологию и оформление того материала, который Ушинский постепенно собирал путем перевода и публикации наиболее обративших на себя его внимание произведений иностранной педагогической литературы. Таким образом, оказывается возможным восстановить генезис и замысел большого труда Ушинского, в котором он подводил теоретические итоги своей педагогической работы, по ряду условий оставшейся неизученной и малопонятной для масс учителей.

Освобожденная от крупных и мелких белых пятен, одинаково характерных для нее на всем ее протяжении, биография Ушинского оказалась значительно богаче конкретным материалом, чем те опыты его жизнеописания, которые составлялись прежними авторами по вдохновению, примерно так же, как составлялись старинные жития, по стандарту, причем одни стремились априори его расхваливать, изображая в его лице идеально добродетельного либерала, другие, напротив, осуждать как законченного реакционера, эклектика, дуалиста и пр. Прежде всего библиография работ Ушинского пополнилась целым рядом остававшихся неизвестными или забытыми сочинений начала, середины и конца его научной деятельности. Личная биография Ушинского пополнена рядом новых событий и новых лиц, не фигурировавших в прежних опытах его биографий: В. А. Милютин, В. Г. Белинский, Р. Моль, Фейербах, К. Ф. Рулье (последний гипотетически, но все же обоснованно) — впервые входят в биографию Ушинского. Внесены поправки в традиционные суждения о П. Г. Редкине как научном руководителе Ушинского. Критически пересмотрен широко распространенный ошибочный взгляд на причины ухода Ушинского из «Современника», равным образом сделана переоценка развязной критики философских и педагогических взглядов Ушинского 60-х годов и т. д.

Если все изложенное чисто внешним образом обогащает настоящий биографический опыт, то качественным его достижением автор считает то, что в результате внесенных в биографическое повествование материалов делается совершенно необходимым признание того, что уже в своих юношеских работах 40-х годов Ушинский отражал, пользуясь выражением В. И. Ленина, «интересы прогрессивных общественных классов, насущные интересы всего общественного развития по данному, т. е. капиталистическому пути» (В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 474). Признание капиталистического развития России прогрессом было основным убеждением Ушинского с 40-х годов. Из этого признания вытекала его уверенность, что сословно-феодалная эпоха разлагается и из нее вырастает новое, гражданское общество, которое строится на особых законах, законах свободного, непринудительного труда. Группу прогрессивных общественных деятелей 40-х—60-х годов, выражавших в этом признании капитализма прогрессом действительные интересы общественного развития, В. И. Ленин называл «просветителями-демократами» и неоднократно в полемике с народниками отмечали, что «ученики» (Маркса), т. е. социал-демократы и большевики, целиком поддерживают их наследие. Эта высокая оценка говорит о том, какой большой значимости шаг сделал Ушинский в первых же своих научных трудах. Из этого первого шага вытекали его социально-политические, философские и педагогические взгляды, за которые он боролся до конца жизни. «Несмотря ни на какие препятствия и гонения этот смелый, энергичный человек шел своей дорогой с гордо поднятой головой»,— вспоминает о нем его бывшая ученица, восторженная его поклонница. Прямые пути Ушинского стяжали ему много врагов при жизни и, пожалуй, еще больше после смерти.

Противники Ушинского достигали своих целей не только запрещением его книг, но также искажением и вульгаризацией его идей, которые в силу этого дошли к нашему времени в виде фальсифицированных измышлений, в поддержке и развитии которых приняли немалое участие искавшие легковесной популярности педагоги первых лет Советской России. И хотя на протяжении всей истории советской школы К. Д. Ушинский имел своих авторитетных защитников, высоко ценивших и по-марксистски комментировавших его педагогическое наследие, как например Н. К. Крупская или М. И. Калинин (последнему принадлежит крылатое изречение о том, что в сочинениях Ушинского заключены «настоящие педагогические идеи, которые только в нашем социалистическом обществе и могут быть полностью осуществлены»), однако же, почти столетие повторявшиеся порицания по адресу педагогического наследия Ушинского, как якобы покоящегося на реакционных практических и теоретических основах, все же остались не снятыми,

и до настоящего времени можно слышать и читать все те же столетней давности упреки в эклектизме, идеализме, реакционности и т. п. пороках. Смыть это темное пятно, лежащее на педагогическом наследстве Ушинского, возможно только путем научного его анализа и пересмотра. Предпринимая настоящие биографические очерки, освобожденные от тенденциозного хлама прошлых десятилетий, автор стремился подвести советского педагога к ценному содержанию идей Ушинского прежде всего с этой стороны, чтобы в дальнейшем специальном исследовании на основе этих предварительных очерков дать более подробное и обоснованное его раскрытие на анализе специально философских, психологических и педагогических идей великого русского педагога.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ (К стр. 27.) Мотивы и намерения отца Ушинского, стремившегося отдать своего сына в школу раньше достижения им девятилетнего возраста, станут понятнее, если принять во внимание упрочившееся в России в течение XVIII—XX столетий обыкновение смотреть на школу как на реальное движение по службе, так что уже окончание школы давало права на известные чины и преимущества. Чем раньше кончалось учение, тем раньше начиналась служба, вступление в которую считалось уже известным жизненным успехом, своего рода завоеванием. Вот почему стремились поступать в школу пораньше, чтобы раньше кончить, стремились пройти курс школы в ускоренном порядке. Известную роль играли и соображения такого порядка, что учение в школе чрезмерно задерживается из-за отсталых детей, между тем как способные дети могут пройти курс в ускоренном порядке. К. Д. Ушинский с ранних лет проявлял большие способности и это могло также служить поводом для отца, чтобы возможно раньше отправить его в школу. Кроме того, имело значение и то обстоятельство, что отец Ушинского был ревностный службист, прошел большую служебную работу по двум ведомствам — военному и гражданскому, что также не могло не оказать влияния на его намерение поскорее пристроить сына к службе. Случай с К. Д. Ушинским не единственный. П. Г. Редкин прошел девятилетний курс гимназии высших наук кн. Безбородко в течение 6 лет, сдавая курсы в ускоренном порядке, что разрешалось уставом этой гимназии. Из каких-то соображений Н. И. Пирогов поступил в университет, будучи 14 лет от роду, имея на руках свидетельство, дававшее ему возраст более зрелый.

² (К стр. 32.) В родословных книгах дворянских фамилий фамилия Ушинских упоминается, но не как старинная дворянская, а как получившая право дворянства за выслугу лет определенного лица, в данном случае Д. Г. Ушинского. В книге гр. А. Милорадовича «Родословные книги Черниговского дворянства» (Спб., 1909, т. I, ч. 1—2) упомянуты под литерой У: Ушинские — Константин, брат его Сергей и две сестры — Екатерина (рожд. 1831 г.) и София (рожд. 1843 г.), последняя, очевидно, от второй жены Д. Г. Ушинского, об отце Ушинского, которому присуждено дворянское звание, не сказано ничего, очевидно, ввиду его смерти (вероятно, около 1862 г.), о перечисленных же детях сказано (без ссылки на документ), что род признан правительствующим Сенатом в дворянстве с внесением во вторую часть родословной книги. При этом о младшем брате К. Д. Ушинского, Сергее, очевидно, еще жившем в 1909 г., сказано, что он издал в 1878 г. книгу о штундистах и заведовал колонией малолетних преступников, расположенной вблизи Киева. Поколением Д. Г. Ушинского фамилия Ушинских не исчерпывалась: были и другие ветви этой фамилии. В конце XIX в. в Варшавском университете по кафедре общей патологии работал Николай Григорьевич Ушинский, родившийся в 1863 г., к поколению Д. Г. Ушинского, очевидно, не имевший ближайшего отношения. В Киеве в настоящее время проживают лица, считающие себя потомками К. Д. Ушинского, но, как видно из их фамильных справок, к поколению последнего они не принадлежат. Что касается матери К. Д. Ушинского, то, судя по показаниям

биографов, она находилась в каком-то родстве с дворянским родом Капнистов, которые узами родства были связаны с декабристами, братьями М. И. и С. И. Муравьевыми-Апостолами (Д. И о ф а н о в, Н. В. Гоголь, Киев, 1951, стр. 38—44). Разумеется, это очень неопределенные данные, которые могут дать основу только для очень неопределенных предположений, сделанных в тексте.

³ (К стр. 32.) Александр Дмитриевич Ушинский — внебрачный старший сын Д. Г. Ушинского, старший брат К. Д. Ушинского. При крещении последнего он был его приемником. Почти ничего неизвестно о том, где он учился, очень мало о том, где он работал. Как внебрачный сын он не получил прав дворянства. Возможно, этим объясняется его особая придирчивость и требовательность в отношении к семье К. Д. Ушинского, что особенно сказалось к моменту смерти последнего, когда он явился с претензиями на его литературное наследство и на упорядочение его издательских дел. В семье К. Д. Ушинского он проявлял себя в отсуствии отца на правах старшего и выступал в роли какого-то *enfant terrible*. По имеющимся данным нельзя составить себе определенного представления о роде его деятельности. Но судя по тому, что он очень рано проявил себя в области журналистики статьями, а также книгами по экономическим вопросам — о свободе торговли, о русской мануфактурной промышленности, вызывавшими в 1856—1858 гг. большой интерес и ответные полемические статьи в газетах, нужно думать, что он окончил какой-то из факультетов Спб. университета. Вместе с тем он на всем протяжении своей деятельности обнаруживал большой интерес к вопросам духовного ведомства, нередко писал статьи по церковным вопросам и даже служил в 50-х годах каким-то чиновником на Афонском подворье при Синоде. В 1857 г., в связи с изданной в Москве по поводу коронации Александра II картиной, он написал брошюру «Современные идеи и православие», которая вызвала большое оживление в цензурных и синодальных кругах. В 1864 г. им же издана брошюра «Об улучшении прав духовенства собственными средствами духовного ведомства», которая также долго обсуждалась в духовных журналах. К. Д. Ушинский, видимо, все время был в курсе поведения своего старшего брата и, поддерживая отношения с ним, в то же время тревожился за его судьбу, принимая во внимание непостоянство его характера, вкусов, быструю смену намерений. В письмах к знакомым Ушинский неоднократно осведомлялся о своем старшем брате всякий раз, как терял его из виду. Так, в частности, будучи за границей в 1862—1863 гг., Ушинский с тревогой спрашивал у Белюстина, что он знает о его старшем брате. Возможно, что он нередко оказывался в тяжелых жизненных положениях, о которых не решался писать своему младшему брату. Но с его смертью он вскоре же явился к вдове Ушинского и под предлогом устройства издательских дел брата в Петербурге потребовал денег на покупку приличного костюма и на поездку в Петербург со всеми побочными расходами, в результате чего, вернувшись из поездки, он потребовал новых денег на расходы.

⁴ (К стр. 34.) Многим педагогам, особенно в дореволюционное время, эта тирада К. Д. Ушинского казалась особенно значительной в педагогическом отношении как свидетельство высокой оценки Ушинским приучения ребенка с раннего возраста к эстетическому любованию природой. Это едва ли правильно. Вся тирада представляет собой скорее выражение эстетических впечатлений взрослого человека, воспитанных в нем всей его предшествующей жизнью, чем описание действительных чувств ребенка, поставленного перед описанными явлениями природы. Конечно, ребенок, поставленный среди природы, получит от нее другие впечатления, чем ребенок, воспитывающийся вне природы, в четырех стенах интерната. Но нельзя думать, что ребенку, поставленному среди природы, возможно как-либо внушить те эстетические впечатления, какие так красочно описаны Ушинским. Да этого и не думал сам Ушинский. До известного возраста ребенок не испытывает тех эстетических впечатлений от природы, какие переживает взрослый человек в итоге большого опыта всей

своей жизни. Природа дает ребенку какие-то другие, бесспорно полезные стимулы, но далеко еще не эстетические впечатления взрослого человека. Когда Ушинский рисовал приведенную в тексте эстетическую картину пробуждающейся весной природы, впечатления от которой им были испытаны в раннем детстве, то он хотел противопоставить свою свободную жизнь на лоне природы тем детским впечатлениям, какие получали учащиеся закрытых дворянских пансионов и институтов в середине XIX в. Неподвижное сиденье в закрытых учебных заведениях, вдали от жизни общества и природы не могло, конечно, воспитывать в учащихся ничего, кроме отвращения, скуки и потребности выразить свой протест в шалостях всякого рода. Этим противопоставлением Ушинский хотел указать на ненормальность того воспитания, какое получали дворянские дети середины XIX в.: полную картину жизни природы, в которой он развивался сам, Ушинский противопоставлял бедной впечатлениями картине закрытых учебных заведений. Художественное описание природы своего детства было у Ушинского только выражением впечатлений взрослого человека, а не попыткой приписать эти впечатления детскому возрасту. Эта страница его воспоминаний была в своем роде эстетической исповедью самого Ушинского. Но когда Ушинский говорил о реальных детях на лоне природы, он представлял их себе не в образе созерцающих природу сентиментально настроенных зрителей, а в образе возбужденных, опьяненных жизнью природы молодых существ, которые с своей стороны что-то вносят в эту жизнь, но пока еще очень далеки от эстетических переживаний взрослых. Он показал эту несколько беспорядочную и лишенную правильного руководства жизнь на примере того времяпрепровождения, какому предавались учащиеся Новгород-Северской гимназии. Как ни были велики недочеты в учебной и воспитательной работе этой провинциальной гимназии, результаты этой работы он ценил много выше работы столичных пансионов именно потому, что эта гимназия не изолировала учащихся от жизни природы. Впоследствии, наблюдая жизнь швейцарских учительских семинарий, он выражал искреннее восхищение деятельным трудом молодых людей на лоне природы. Воспитание на лоне природы означало для него не воспитание сентиментальных переживаний ее красот, что почти всегда является деланным и искусственным, а именно умственную и физическую деятельность в природе. Только деятельное участие в жизни природы, в чем бы оно ни выражалось соответственно возрасту — в играх, экскурсиях, в учебе, в труде, — вот что является основой правильного воспитания, в противовес жизни в закрытых учебных заведениях, отгораживающих детей от природы и общественной жизни. Среди русских педагогов прошлого времени очень долго царило отношение к природе как объекту абстрактного, пассивного эстетического любования. До известной степени в пережиточной форме оно имеет место и сейчас, когда эстетическое воспитание искусственно отделяется от всей суммы воспитывающих влияний в какой-то самостоятельный вид воспитания. Именно такой непедagogический подход к эстетическому воспитанию ребенка Ушинский отрицал. Эстетическое воспитание может явиться только в итоге упорядоченного развития всей природы человека в целом, а не шарочитого культивирования в нем каких-то специфически эстетических восприятий и эмоций.

⁵ (К стр. 53.) Вопрос о влиянии, которое мог оказать В. Г. Белинский на мировоззрение и педагогические идеи Ушинского, впервые был поставлен автором этой работы в статье «Новые материалы об Ушинском» («Советская педагогика», 1941, № 3, стр. 71—73). Статья была написана по ознакомлению с материалами исследовательской работы В. И. Чернышева о К. Д. Ушинском, оставленными им по обстоятельствам его работы в Литературном архиве в Москве. Приглашение ознакомиться с этими его материалами было передано автору настоящих строк через редакцию журнала «Русский язык в школе» самим В. И. Чернышевым. По служебным обстоятельствам автору не удалось до второй половины 1940 г. воспользоваться этим приглашением. В статье, написанной после ознакомления с материалами В. И. Чернышева, был поставлен целый ряд

вопросов и в том числе нигде почти не освещенный вопрос о том, какое влияние мог оказать Белинский на формирование мировоззрения Ушинского. Вопрос этот, естественно, вытекал из того, что на 40-е годы падал расцвет творчества В. Г. Белинского и в те же годы началось учение Ушинского в Московском университете. В то время каждая новая статья Белинского с нетерпением ожидалась студентами, жадно поглощалась ими и «зачитывалась до дыр», как об этом образно рассказал А. И. Герцен в своей автобиографической хронике «Былое и думы». В подтверждение давно сложившегося у Ушинского убеждения в высоком развивающем и воспитывающем влиянии сочинений Белинского можно указать хотя бы на тот факт, что, поступив в Смольный институт, Ушинский после ближайшего ознакомления с воспитанницами передал в ученическую библиотеку VIII класса из собственной библиотеки сочинения Белинского и собрание сочинений Пушкина, рекомендуя воспитанницам в первую очередь перечитать комментарии Белинского к сочинениям Пушкина. Более или менее близкое ознакомление с сочинениями Ушинского в поисках генезиса его идей само собой приводит к мысли о том, что по целому ряду взглядов: философских, психологических, социально-политических и педагогических, взгляды Ушинского и Белинского совпадают по существу. Разумеется, из этого не следует, что взгляды их тождественны, но впечатления, воспринятые Ушинским в юности, естественно, должны были оказать решающее влияние на дальнейшее развитие его идей. Для того чтобы проследить это единство идей, конечно, необходимо было бы специальное исследование. Но для примера можно было бы указать на следующие совпадения: соотношение между физическим и психическим и фундаментальное значение первого в существе человека; различие рассудка и разума в человеческой психике; высокое познавательное значение идей как высшей формы обобщения конкретных чувственных впечатлений; основополагающее значение наглядности в начальном обучении; решающее значение начального обучения в воспитании; взгляд на убежденность как высшую форму интеллектуальной и моральной честности человека. Белинский писал: «убеждение — часть меня самого... Убеждение — моя святыня... Убеждение есть дело истины, мое кровное дело, принимаемое мною прямо к сердцу... Всякое искреннее, добросовестное убеждение в наших глазах почтенно» и т. д. (Соч., т. XII, стр. 248—249). Ушинский полностью разделял эти взгляды и от всякого требовал в первую очередь убеждений; самым порочным качеством человека Ушинский считал отсутствие убеждений, а в педагогике одной из главных задач считал развитие убеждений в учащихся и одним из существенных педагогических средств считал убеждение; собираясь издавать собственный журнал, Ушинский предполагал дать ему наименование «Убеждение», чтобы показать, что своим журналом он будет служить делу формирования убеждений в читателях. Не приводя других примеров, необходимо отметить, что самые беспощадные и жесткие социально-политические обвинения выдвигались нередко против Ушинского именно тогда, когда он развивал те или иные из взглядов Белинского, против которого однако же никогда и никем эти обвинения не высказывались. В последующем изложении автор по мере надобности будет отмечать некоторые конкретные случаи этого рода, чтобы вскрывать всю предвзятость тех обвинений, которые традиционно выдвигались, а в отдельных случаях и до настоящего времени продолжают выдвигаться против Ушинского, чтобы дискредитировать его педагогические и другие идеи.

⁶ (К стр. 57.) По отчетам о состоянии Московского университета за годы обучения в нем Ушинского (1840—1844/45) можно судить о составе студентов, обучавшихся одновременно с будущим великим русским педагогом. В составе студентов разных курсов и факультетов университета за указанные годы были: будущий историк России С. М. Соловьев, будущий известный педагог — П. Басистов, поэты — А. Фет, В. Полонский, драматург А. Н. Островский (ушел со 2-го курса юридического факультета), известный математик П. Л. Чебышев, анархист-революционер

М. Бакунин (на один курс старше Ушинского), собиратель и исследователь русского устного народного творчества А. Н. Афанасьев (на два три курса моложе Ушинского), Лакиер и Перегудов — студенты-юристы (на один курс моложе Ушинского), студент-юрист А. Печкин (на год старше), И. Павлов в 1844/45 уч. г. поступил на 1-й курс медицинского факультета. На юридическом факультете вместе с Ушинским учились Ю. Рехневский и В. Черкасский; годом позже Ушинского окончили курс юридического факультета В. Татаринов и Львовский. В год окончания Ушинским университета держали испытания на степень магистра — К. Кавелин, Ю. Самарин, Т. Грановский; в ученой степени доктора утверждён П. Г. Редкин.

⁷ (К стр. 71.) Первые попытки сохранить и оживить научное наследство К. Ф. Рулье в памяти второй половины XIX в. принадлежали его ближайшим ученикам и последователям, ставшим одними из первых русских дарвинистов, — Н. А. Северцеву, С. А. Усову, А. А. Борзенкову и др. Еще в 1849 г. В. С. Петров издал монографию «К. Ф. Рулье»; А. Н. Богданов, спустя некоторое время, напечатал книгу «К. Ф. Рулье. Биографический очерк» (М., 1885). В советское время возник ряд новых попыток к переизданию и изучению его произведений. Под редакцией и с комментариями С. Р. Микулинского и Л. Ш. Давиташвили изданы «Избранные биологические произведения К. Ф. Рулье» (АН СССР, М., 1954). С. Р. Микулинский издал монографию «К. Ф. Рулье» (1957); акад. Б. Е. Райков принял многопотомное издание «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина»; 3-й том этого издания всецело посвящен К. Ф. Рулье (АН СССР, 1955). Таким образом, научное наследство К. Ф. Рулье как напечатанное при жизни, так и в значительной степени рукописное оказалось собранным и комментированным. Разумеется во всей этой литературе было бы напрасным трудом искать хотя бы упоминания имени К. Д. Ушинского. Ушинский не принадлежал к числу специалистов естествознания, но данные естествознания и эволюционную идею освоил настолько, чтобы первым приветствовать авторитетным словом ученого педагога появление труда Дарвина «О происхождении видов» как великое учение, которое «придает живой смысл всему естествознанию и может сделать его могучим образовательным предметом для детства и юности» (т. IX, стр. 378). Но еще задолго до этого он сделал опыт составления детской книги, в которой данные естествознания представлены в свете эволюционной теории в доступном для детского возраста виде. Те соображения, по которым автор настоящей работы пришел к выводу, что Ушинский уже во время пребывания в университете имел возможность как-то освоиться с научными идеями родоначальника русской школы биологов-эволюционистов и попытался провести их в своей практической работе, подробно аргументированы в тексте (стр. 64—72, ср. также прим. 18).

⁸ (К стр. 90.) С представлением о Кавказе в николаевское время связывалась идея о свободной, не стесняемой режимом самодержавия, деятельности. На Кавказе, по словам Огарева, «со времен Ермолова не исчезал приют русского свободомыслия, где по воле правительства собирались изгнанники, а генералы, по преданию, оставались их друзьями» («Полярная звезда», Лондон, 1861, № 6, стр. 345; цит. у И. Андронникова «Лермонтов», 1952, стр. 194). «Идея Кавказа», которую Ушинский называл «моей» и которую он противопоставлял «профессорским мечтам», одушевлявшим его в его переписке с В. Черкасским, могла означать одновременно и стремление оказаться в более свободной и нестесненной политическим режимом атмосфере, и в то же время намерение на случай каких-либо неудач по линии «профессорских мечтаний» устроиться на Кавказе на практическую работу, которая также представляла известные удобства, меньше стесненности извне. Известно, что сотрудники Ушинского по Смольному институту (Д. Д. Семенов, Л. Н. Модзалевский) также обнаруживал тенденцию работать на Кавказе и достаточно продолжительное время оставались там.

⁹ (К стр. 93.) Роберт Моль (1799—1875) — германский философ, принадлежавший к школе Гегеля и выступивший с критикой гегелевского учения

о праве и государстве. Согласно философской системе Гегеля государство, как известно, представлялось господствующим общественным понятием, все себе подчиняющим и регулирующим всю общественную жизнь. Так, сформулированное понятие о государстве отражало абсолютистские тенденции феодальной эпохи и отвергало в принципе возможность свободы и самостоятельности отдельных обществ и людей. Между тем развитие капитализма, тесно связанное с одновременным разложением феодального строя и его общественных форм, естественно, влекло за собой формирование на место разлагавшихся феодальных сословий нового, гражданского, иначе — буржуазного общества. Улавливая эти новые явления в социальной жизни Европы, Р. Моля, Штейн и другие мыслители притивопоставили гегелевскому государству, как всеобъемлющей категории, понятие общества как социальной организации новой структуры, постепенно сформировавшейся в процессе развития феодального государства. С точки зрения Гегеля, такого рода организации являлись выражением анархии, и государство должно подчинять их себе. Но жизнь была гораздо более убедительной и требовательной: факт возникновения нового, гражданского общества являлся чем-то более реальным, чем логика гегелевской системы. Ввиду этого у Моля возникла идея о необходимости полного пересоздания гегелевской системы общественных наук и о дополнении наук о государстве науками о естественной истории народа, общественной антропологии, или, что то же, науки об обществе. Гражданское общество не является простым только ответвлением или сколком феодального государства, — его структура иная, оно имеет самостоятельную жизнь и управляется собственными законами. Политическая экономия явилась той наукой, которая впервые поставила себе задачей изучение законов, управляющих гражданским обществом. Чтение сочинений Р. Моля в период окончания университета говорит о том, что уже в это время Ушинский стоял на пути критики гегелевского учения о государстве, признания необходимости разработки истории народного права и изучения гражданского общества и его основополагающей науки — политической экономии.

¹⁰ (К стр. 97.) «Профессорские мечты» обоих отличнейших кандидатов юридического факультета выпуска 1844 г., о которых писал Ушинский В. Черкасскому как о ближайшей их перспективе, были могущественной жизнью направлены в другое русло, вне зависимости от того, куда устремлялись мечтатели. Ушинский уже со второй половины 1845 г. на горизонте Московского университета в качестве готовящегося к магистерскому экзамену не появляется. Со второй половины 1846 г. он уже состоит и. о. профессора Ярославского лицея и всецело погружается в исполнение возложенных на него обязанностей. Что касается В. А. Черкасского, то, видимо, требования «света» и сословные обязанности отвлекли его от подготовки к получению ученой степени, хотя факультет помнил о его обязательстве и декан факультета посылал ему лестные приглашения на экзамен. В архиве Черкасского сохранилась официальная записка от декана юридического факультета Н. И. Крылова от 19. II. 1847 г., в которой сообщается, что декан «имеет честь известить г. кандидата прав, кн. В. Черкасского, что сего февраля 22 дня, в субботу, ровно в 7 часов вечера в зале университетского правления назначается словесное испытание в российских законах, к каковому сроку он, декан, просит кн. Черкасского явиться в университетское собрание для испытания в вышеозначенном предмете». В частной записке, сопровождавшей официальное уведомление, Крылов сообщил Черкасскому, что его экзамен будет произведен вместе с экзаменом Лакиера и что со стороны декана «все будет сделано к Вашему удобству». Есть основания думать, что, хотя Черкасский и числился в разряде лиц, готовящихся к экзамену, почему-либо он не смог явиться в указанный срок и вообще экзамена не держал ввиду других своих занятий. В отчете Московского университета за 1847/48 уч. г. упомянуто только имя Лакиера, державшего экзамен на степень магистра. В последующих отчетах также нет упоминаний о Черкасском и неизвестно, чтобы он защищал диссертацию, хотя Лакиер держал экзамен, а вскоре защитил и

диссертацию. Что касается Ушинского, то экзамена он не держал и диссертации не защищал, хотя напечатанная им в 1848 г. в университетской типографии «Речь о камеральном образовании» могла бы быть защищаема, но по обстоятельствам, связанным с его уходом из Ярославского лицея, когда ему была запрещена дальнейшая работа по его специальности и предоставлялась возможность избрать любой другой род деятельности, вопрос об этом уже не мог быть поставлен, но и самого Ушинского он в его обычной форме «соискания степени» никогда не интересовал.

¹¹ (К стр. 100.) На протяжении столетия со дня основания Демидовского училища литература о нем разрослась до значительных размеров, что объясняется, с одной стороны, местным интересом к высшему учебному заведению в провинциальном городе, с другой стороны, тем, что, постепенно сосредоточиваясь на изучении юридических дисциплин, лицей к второй половине XIX в. значительно вырос и сыграл определенную положительную роль как в подготовке юридических кадров, так и в разработке различных разделов юридической науки в России. Преобладающая литература о Ярославском лицее — местного происхождения: Гладков — «Обозрение 50-летнего существования Демидовского Ярославского лицея», Ярославль, 1903; В. Головшиков — «Демидов и история основания им в Ярославле училища (1803—1886)», Ярославль, 1887; В. Г. Щеглов — «Высшее учебное заведение в Ярославле им. Демидова», Ярославль, 1903; В. Ширяев — «Демидовский лицей» (Энци. словарь Гранат, т. 17); Шпилевский — «Столетие училища им. Демидова», Ярославль, 1903 и др.

¹² (К стр. 109.) О том, что К. Д. Ушинский деятельно вел в Ярославле работу по организации неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей» в 40-х годах XIX в. в качестве ее анонимного редактора, впервые сообщил один из братьев Достоевских, составивший и издавший коллективную биографию семьи Достоевских. Подходя к концу своей книги, он по ходу повествования рассказал о своей беседе с кем-то из литераторов, работавших в Ярославле, который вспоминал об оживленной деятельности Ушинского в 40-х годах в должности анонимного редактора неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей». Очевидно, фактически деятельность эта была хорошо известна многим современникам, но так как редактор своей подписи не ставил, то фактическое его участие в этой работе возможно установить только дополнительными поисками, исходя из этого первоначального сообщения. В дополнение к аргументам, изложенным в тексте, необходимо иметь в виду следующее. Издание «Губернских ведомостей» в Ярославле, как и в других губернских городах, следует отнести к известному распоряжению министра внутренних дел Д. Н. Блудова, которым на местную администрацию губернских городов с 1837 г. возлагалась задача регулярного издания местных «Губернских ведомостей», причем, кроме официальной части, в которой публиковались распоряжения начальства, сведения о наградах и наказаниях по службе и пр., должна была издаваться и неофициальная часть, в которой печатались бы различные частные информации о торгах, о пароходстве, сведения по истории, географии, этнографии края и т. п. А. И. Герцен во время своей ссылки во Владимирскую губ. (1838—1839) должен был принять участие в редакции неофициальной части «Владимирских губернских ведомостей». Он приступил к этой работе с некоторым размахом, предполагая сделать неофициальную часть ведомостей собранием статистических, исторических и географических материалов, которые должны были лечь в основу научного изучения всеобщей истории края. Отчитываясь перед читателями в своей работе за 1838 г., Герцен пояснял, что задача прибавлений не литературная, а статистическая, и что за несколько лет в этих прибавлениях могла бы получиться полная статистика Владимирской губ. В 1838 г. он помещал в прибавлениях отрывки из отчетов городничих, благодаря чему получились описания всех городов, даже заштатных. В следующем году он предполагал перейти к статистическому описанию уездов, а затем к описанию коммерческой и индустриальной жизни губернии. Видимо, во время этой работы он наталкивался на ряд непреодолимых трудностей, почему в «Былом

и думах» о своем подневольном опыте он рассказывает со значительной долей сарказма и горечи. «Оригинальная мысль приучить к гласности в стране молчания и немоты пришла в голову министру внутренних дел Блудову... В то время как в Англии, напр., совсем нет казенных журналов, у нас каждое министерство издает свой. У нас есть журналы горные и соляные, французские и немецкие, морские и сухопутные. Все это издается на казенный счет; подряды статей делаются в министерствах так, как подряды на дрова и свечи, только без переторжки; недостатка в общих отчетах, выдуманных цифрах и фантастических выводах не бывает. Взявши все монополии, правительство взяло и монополию болтовни: оно велело всем молчать и стало говорить без умолку. Продолжая эту систему, Блудов велел, чтобы каждое губернское правление издавало свои «Ведомости» и чтобы каждая ведомость имела свою неофициальную часть для статей исторических и литературных. И вот 50 губернских правлений рвут на себе волосы над неофициальной частью» (А. И. Герцен, Соч., ред. М. Лемке, т. XII, стр. 319—320). Сарказм Герцена в его заграничных воспоминаниях, написанных спустя много лет, понятен, но во время работы он немало внес своего энтузиазма в издание неофициальной части. С таким же энтузиазмом приступил, спустя 10 лет, к аналогичной работе в Ярославле и Ушинский, тем более, что он имел уже возможность положить в основу своей работы не просто накопление голых статистических материалов, но и волновавшую его идею о том новом этапе, на который вступает Россия, этапе смены феодально-сословного общества новым, гражданским обществом, о развитии и росте которого свидетельствуют нарождающаяся промышленность, предпринимательство, торговля и другие явления. Поставив себе задачей следить за ростом в Ярославской губернии торговых пунктов, Ушинский с первого же номера газеты за 1846 г. приступил к осуществлению этой задачи. На первых порах за отсутствием сотрудников неофициальная часть заполнялась биографическими обзорами статей столичных журналов и только года через 1½ коллектив сотрудников оказался организованным. Стремление к изучению процесса роста и обмена в сельских местностях, этих первичных ячейках хозяйственной жизни, волновало Ушинского и впоследствии. В 1861 г., перейдя уже на работу педагогическую, он, как видно из его переписки, собрался в путешествие по Владимирской губернии с целью «обзора торговых мест». К сожалению, этот первый шаг в научно-литературной деятельности Ушинского крайне трудно поддается изучению за отсутствием достаточно сохранившихся материалов. Уже в конце XIX в. М. И. Семевский, совершавший свою «Поездку по России», во время своего посещения Ярославля в 1888 г. («Русская старина», 1889, № 10, стр. 294) констатировал крайнюю редкость многих номеров «Ярославских губ. ведомостей» за 30—40-е годы. Сейчас, по истечении почти ¾ столетия после путешествия Семевского, когда пронеслось столько революций и войн, произведено столько разрушений, найти номера «Ярославских ведомостей» за годы 1846—1848, когда там работал Ушинский, очень трудно. В Москве все сколько-нибудь крупные библиотеки, на вопрос о наличии у них этой газеты за 40-е годы отвечали отрицательно. Только один экземпляр, исправный, оказалось возможным найти в Ярославском музее. Когда настоящая работа была набрана, автору пришлось узнать, что одному из сотрудников Ярославского пед. института удалось отыскать Ярославские губ. ведомости, содержание которых подтверждает факт сотрудничества Ушинского в должности редактора неофиц. части этой газеты. Его работа будет опубликована в «Ученых записках Ярославского пед. института им. К. Д. Ушинского».

¹³ (К стр. 126.) Вопрос об отношениях К. Д. Ушинского к В. А. Милютину, как, равным образом, и об отношениях Ушинского к Рулье, поднимается в педагогической литературе впервые. И в том и в другом случае интересующийся располагает большой литературой как о Рулье, так и о Милютине, и крайней скудностью, точнее — отсутствием материалов об отношении Ушинского к этим деятелям. Попытка разгадать отношения между ними основана только на установлении известного идеологического

единства их взглядов и всецело находится на ответственности автора настоящей работы. Правда, об отношениях Ушинского к Милютину мы имеем единственное упоминание в дневнике Ушинского о том, что он отправляется к Милютину за книгами, и ряд данных о том, что Милютин печатал статьи Ушинского в «Вестнике русского географического общества». Краткая биография В. А. Милютина и характеристика его экономических воззрений даны в статье д-ра экономических наук, И. Г. Блюмина, составляющей вступление к «Избранным произведениям В. А. Милютина» (Огиз, 1946), в статье В. С. Мартыновской «Экономические взгляды В. А. Милютина» («История русской экономической мысли», т. 1, ч. 2, М., 1958, стр. 325—345). Изложению взглядов Милютина в тесной связи с живыми вопросами русской жизни 40—50-х годов много страниц посвящает П. Н. Сакулин в своей работе «Русская литература и социализм» (стр. 165—179 и ряд других). Много данных о Милютине и его деятельности в Русском географическом обществе см. у П. П. Семенова «История полувековой деятельности императорского Русского географического общества 1845—1895 гг.» (1896). Основанием к тому, чтобы рассматривать жизнь и деятельность Ушинского в ближайшей связи с деятельностью Милютина, помимо их личного знакомства и того, что Милютин оказывал известное содействие и помощь Ушинскому, дав приют его работам в «Вестнике Географического общества», служит прежде всего то, что, несмотря на различие темпераментов и стиля, несмотря на целый ряд индивидуальных различий, оба выполнили в 1847 г. работы, в которых исходят из одного и то же факта капиталистического развития Европы и России, факта возникновения на место отмирающих и разлагающихся феодальных сословий — нового, гражданского общества и целого ряда экономических, социальных и культурных задач, возникающих в связи с этим новым фактом. При этом Милютин преимущественно анализирует данные европейского капиталистического развития, Ушинский же, исходя из экономических работ А. Смита, имеет в виду распространение капитализма в России и, характеризуя его как прогрессивное явление, пытается в связи с этим осмыслить задачи дальнейшего его развития в различных областях жизни. Оба ставят в разных формах одни и те же вопросы и по существу приходят к одним и тем же выводам. Оба поднимают вопрос об утопических проектах преобразования общества и оба сходятся в том, что утопии представляют собой одну из самых естественных форм человеческой мысли, стремящейся предвидеть и конструировать формы будущей действительности. В то же время они соглашались, что «утопия может быть совершенно непогрешима относительно своего содержания, а между тем несвоевременна относительно эпохи своего появления. Только науки точные, основанные на наблюдениях и опыте, а не на произвольных и субъективных абстракциях, могут привести нас к открытию тех законов, по которым совершается или должно совершаться со временем развитие человека и общества». В соответствии с этим оба ставят вопрос о преобразовании современных им общественных наук, которые еще не вышли из мифологически-метафизической стадии. Ушинский ставит вопрос о коренной реформе камеральной системы наук, отвечавшей средневековому общественному строю, аналогичным образом говорит о коренной реформе социальных наук и Милютин. Причем следственная комиссия по делу петрашевцев, обратившая внимание на работы Милютина в связи с его посещением собраний этого общества, пришла к выводу о крайней революционности и разрушительности мыслей автора о реформе общественных наук. Что Ушинский читал статьи Милютина, в этом трудно сомневаться, но вопроса о заимствовании им идей Милютина ставить нельзя, так как их работы писались почти одновременно, и когда работы Милютина печатались, работа Ушинского уже должна была быть в типографии, а идеи каждого из них органически были связаны с общей структурой их мировоззрения. Вопрос можно ставить только о единстве их научного и социально-политического направления, продиктованного, очевидно, единством эпохи, что, конечно, очень существенно.

¹⁴ (К стр. 132.) Для наблюдения за обработкой земли и за получением с нее дохода, очевидно, необходимо было содержать управляющего, так как владельцы хутора большую часть года отсутствовали. Известный народный учитель Петербурга Я. В. Абрамов посетил в 1901 г. хутор Богданку и расспрашивал старых крестьян, еще помнивших Ушинского, об их впечатлениях от бывшего владельца. В своей статье «На родине К. Д. Ушинского» («Неделя», 1901 г., № 8) Абрамов рассказывал: «Седой казак Корней вспомнил, как приходили крестьяне просить уменьшить арендную плату, и Ушинский охотно это сделал; как однажды жаловались они на управляющего, который крепко донимал крестьян. Ушинский приехал из Гатчины, разобрал дело и управляющего уволил. Особенно памятно было для крестьян, что Ушинский при наделении их землей добровольно уменьшил выкупную плату на одну пятую часть». Это было как раз в 1863 г., когда Ушинский приезжал из-за границы с отчетом о своей первой командировке и, возвращаясь обратно, заехал в Черниговскую губ. для устройства своих дел с крестьянами и присутствия при размеживании земли. В. И. Чернышев, собиравший материалы по этому вопросу в беседе с родными Ушинского, сообщает «из вполне достоверных источников, что Ушинский хотел сделать условия выкупа настолько выгодными, что они могли бы сделаться разорительными для его семьи, ничем тогда не обеспеченной, которой по существу дела принадлежала Богданка» («Разыскания об Ушинском», «Русская школа», 1912 г., № 12, стр. 19).

¹⁵ (К стр. 135.) Так, в трехтомном сборнике «Н. А. Некрасов», посвященном различным изысканиям по вопросам жизни и деятельности великого русского поэта-демократа шестидесятых годов и, в частности, анализу содержания редактировавшегося им журнала «Современник», в разделе «Иностранные известия» ни разу не названы авторы, оформлявшие этот раздел, не раскрыты анонимные его участники. Между тем из переписки Ушинского известно, что с 1852 г. он имел определенное отношение к этому разделу и постепенно придавал ему известную литературную форму. В 1854 г., после того как Ушинский ушел из «Современника», раздел «Иностранные известия» временно перешел к Н. Г. Чернышевскому, который разработал эти разделы для № 7 и 8 «Современника». Сообщая об этом А. Н. Пыпину, Чернышевский предлагал ему взяться за составление этого раздела в дальнейшем, так как, очевидно, ему самому открывались более широкие возможности литературной и политической работы в «Современнике». Эти, ставшие уже совершенно известными факты не следовало бы оставлять в тени в специальных исследованиях, так как они открывали бы перспективы для дальнейших уточнений и изысканий.

Нельзя также не отметить, что такие долголетние исследователи, как В. Евгеньев-Максимов, в течение целого ряда лет изучавший работу переводного русского журнала 40—60-х годов и посвятивший ряд книг как обзору этого журнала за ряд лет, так и работе Н. А. Некрасова, так тесно связанной с журналом,— все же уклоняется от раскрытия авторов, скрывавших свои имена под псевдонимами, или писавших анонимно. В специальных исследованиях по вопросам журналистики было бы желательно слышать хотя бы некоторые соображения по этим вопросам. Педагоги, изучающие литературную деятельность К. Д. Ушинского, естественно, не могут чувствовать себя удовлетворенными, не получая какой бы то ни было руководящей нити от исследователей журнала, в котором он работал, по вопросу о том, что именно он дал для этого журнала. Совершенно определенно известно, например, что ряд работ, переводов, рецензий, разделов был выполнен для «Современника» Ушинским согласно условиям его работы без подписи его фамилии. О своих работах и об условиях их выполнения Ушинский в общих чертах говорил в переписке с А. В. Старчевским. Но это в общих чертах. В традиции, созданной ранними работами об Ушинском, принято, что ряд работ, напечатанных в «Современнике», принадлежит ему. Более конкретно об этом могли бы сказать специалисты-исследователи. Однако же в такой работе В. Евгеньева-Максимова, как «Современник в 40—50-х годах» (ЛПГР, 1934), перечисляются только работы, подписанные

Ушинским, да и то не все («Поездка за Волхов» совсем не названа в числе работ Ушинского). Из его работ перечислены только статьи о «Магазине земледения и путешествий», три статьи об изданиях Географического общества. Имя Ушинского не названо при упоминании статей «История одной французской эскадры», «Сведения о современном состоянии европейской Турции», перевод сочинения Д'Израэли «Литературный характер или история гения»; ничего не сказано о составлении Ушинским «Иностранных известий», о ряде рецензий, им написанных для журнала и напечатанных анонимно. Понятно, что отсутствие этих данных в специальных исследованиях крайне осложняет работу педагога, который вынужден прибегать к самостоятельным попыткам решения вопросов, составляющих компетенцию специалистов-литераторов.

¹⁶ (К стр. 140.) Общественно-литературная деморализация, отразившаяся в значительной степени и на кружке «Современника» в период так называемого «мрачного семилетия», тянувшегося с 1848 по 1855 г., объясняется не только общеполитическими условиями того времени, но и тем, что кружок этот в значительной степени составил из лиц, принадлежавших к коренному барскому сословию. Это были Дружинин, Фет, Тургенев, Боткин, Гончаров, Григорович и др. Идею брожение и подъем начала 40-х годов были почти парализованы к концу десятилетия. Тяжелая реакция привела творческие литературные силы к идейному оскудению. Идеи вещи не могли печататься вследствие цензурных препятствий. Авторам приходилось изощряться, пуская в печать то, против чего не могла возражать цензура. Несмотря на присутствие в кружке В. А. Милютина, о котором с таким теплым чувством отзывалась редакция «Современника» по случаю его смерти в 1855 г., общие условия для литературных работников складывались так, что из-под пера членов кружка выходила, по словам Венгерова, «целая литература грубого цинизма» (Соч., т. V, стр. 8—10). Дружинин печатал в «Современнике» (1850) «Сентиментальное путешествие Черно книжника по петербургским дачам». В этом бессодержательном произведении проповедовался единственно культ еды, культ вина и другие виды времяпрепровождения. К чему конкретно сводилось это времяпрепровождение, если не считать неизбежных карт, можно судить по письму И. И. Панаева, секретаря журнала, к И. С. Тургеневу от 2 сентября 1855 г. Содержание этого письма передает В. Евгеньев-Максимов в статье «Некрасов и люди 40-х годов» («Голос минувшего» 1916 г., апрель, стр. 132). Панаев описывает в своем письме какой-то обед с икрой. После обеда он испытал жажду и съел 10 квашеных яблок, выпил графин воды, потом съел арбуз, почувствовал боль в животе и стал играть на бильярде; через некоторое время испытал потребность пойти в уборную («пронесло как из ведра»), после чего выпил две рюмки мадеры, почувствовал голод и съел 4 куса ветчины. Ночью ему снились райские сны. Таково было основное жизнеощущение одного из практических заправил журнала, которым он в поэтическом восторге делится с одним из наиболее выдающихся его сотрудников. Панаев был секретарем редакции и ведал материальной частью журнала. Несомненно, ему нередко приходилось встречаться с Ушинским, который не мог не знать о его кутежах. На этой почве у них могли зародиться неприязненные отношения. Ушинский презирал поведение кутил и требовал серьезной (идейной) работы, но его нагружали заданиями, выполнение которых могло удовлетворить требованиям цензуры, и отказывались печатать серьезные вещи. Не удивительно, что в своих воспоминаниях о 60-х годах ни И. И. Панаев, ни А. Панаева ни словом не упоминают об Ушинском: его словно и не было в «Современнике». Но его хорошо заметил А. Н. Пыпин, и в своих воспоминаниях о Некрасове он отзывается об Ушинском и его работе в журнале с полным уважением.

¹⁷ (К стр. 190.) Попытка, предпринятая Ушинским в «Детском мире», с целью подвести учащихся средней школы первых двух классов, т. е. примерно на пятом или шестом году обучения, в занятиях по изучению живой природы к элементарным научным обобщениям, показывала, что здесь, как и в других своих работах, он придерживался той методики в организации учебной работы с детьми, которой он следовал везде. Методика эта своди-

лась к тому, чтобы проведя с детьми элементарные наблюдения над анатомическим строением живых существ (скелет и его строение, части тела и т. п.), произвести затем простейшие обобщения, дать классификацию явлений животного мира по их строению и, таким образом, подвести их к идее эволюционного развития животного мира, подготовив, по крайней мере, материалы для этой идеи. В школьном преподавании времени Ушинского еще не выработалась такой методики изучения фактов естествознания, и в этом заключалась причина, почему учебники зоологии и ботаники характеризовались обилием фактов, трудных для запоминания именно потому, что все они, вместе взятые, были лишены той идеи, которая бы сообщала им известное единство. Ушинский несколько раз в своих сочинениях писал, что естествознание приближается к тому времени, когда оно будет располагать несколькими простыми идеями, которые сделают доступными идеи естествознания даже для начального обучения. Одной из таких идей явилась идея эволюционного развития, к которой ученые биологи пришли, между прочим, через уяснение единства строения органического мира, благодаря которому все исключительно многообразные явления этого мира располагаются в стройном порядке от простых к более сложным, воспроизводящем историю их постепенного развития. Именно этой идеей и должно быть с самого начала оплодотворено изучение естествознания, но эта задача в школе должна была быть выполнена педагогически. Между тем, именно этот педагогический подход не сразу был найден в методической работе по естествознанию. Как только идея эволюционного развития животного мира стала общепризнанной в науке и возникла задача отразить ее как-то в школьных курсах, то на место прежних эмпирических курсов зоологии, наполненных номенклатурой родов и видов животного мира и описанием его неисчерпаемого многообразия, появились упрощенные, проникнутые идеей эволюционизма курсы, построенные догматически по принципу от простейших видов к более сложным. Эти курсы оказались более стройными, но, несомненно, трудными и мало понятными для учащихся. Педагогического разрешения проблема преподавания естествознания в школе не получила: эмпирическая догматика сменилась догматикой научной. В таком виде преподавание естествознания оставалось до самого последнего времени даже в советской школе, чем объяснялась трудность усвоения учащимися семилетки в VI и VII классах основных понятий зоологии. В 1948 г. в результате исследовательской работы, проведенной при участии учителей ряда школ Москвы, появилась в издании АПН книга Е. А. Флеровой «Основные филогенетические понятия в курсе зоологии». Книга эта в основном констатировала «слабое усвоение учащимися вопросов филогении, слишком сложно изложенных в учебнике и догматически сообщаемых преподавателями», причем «некоторые учителя и методисты высказывают сомнение в доступности для учащихся семилетней школы филогенетических понятий, а отсюда в целесообразности их включения в курс зоологии» (стр. 5—6). Нужно сказать, что в своих наблюдениях автор исходил из фактического содержания учебников, по которым велось преподавание зоологии. Автор констатировал «отсутствие у учащихся VI класса, едва приступивших к изучению зоологии, знаний фактического материала, необходимых для более глубоких обобщений, связанных с филогенетическими понятиями» (стр. 149). В то же время автор установил, что по мере накопления все большего количества фактических знаний, при тщательном отборе филогенетических данных в курсе зоологии в отношении их доступности и большей конкретизации материала, известное усвоение материала все же делается доступным, хотя далеко не столь полным, как это предполагается учебным материалом. Короче говоря, автор делал вывод, что учебники излагали зоологию с точки зрения дарвинизма, между тем как учащиеся совсем еще не располагали ни элементарными зоологическими сведениями, ни теми первоначальными обобщениями, которые помогли бы им понять более сложные вопросы научной зоологии. Автор не предлагал радикального улучшения преподавания зоологии, ограничившись только некоторыми паллиативными мерами частного порядка, между тем как сущность проблемы заключалась

в том, что подготовку к изучению естествознания нужно фактически начинать еще с первых классов школы. С этой точки зрения делается понятной огромная педагогическая важность предприятия Ушинского, которое заключалось именно в том, что с детьми первых классов школы нужно заниматься вопросами естествознания, заставляя их делать элементарные, доступные их возрасту наблюдения и обобщения, которые подведут к усвоению более сложных научных положений в дальнейшем. Из справки, приводимой в книге Е. А. Флеровой, видно, что «первая попытка построить школьный курс зоологии в эволюционном освещении была осуществлена в России проф. Московского университета А. П. Богдановым: написанное им учебное пособие под названием «Зоология и зоологическая хрестоматия» было издано в 1862—1865 гг.» (стр. 7), т. е. через год после выхода в свет книги Ушинского «Детский мир». Характерно, что автор книги, русский зоолог и антрополог, был одним из первых учеников и последователей К. Ф. Рулье. Его книга была рассчитана на учеников средней школы, как начальный учебник систематического курса зоологии, построенный в соответствии с идеей эволюции в порядке восхождения от простейших животных к высшим. Так строились и последующие учебники, начиная с учебника А. Я. Герда, являвшегося классическим образцом систематического построения учебника по зоологии в соответствии с основными данными научной зоологии. Существенный недочет этого рода учебников заключался в том, что они строились догматически, не опираясь на запас конкретных знаний учащихся, полученных и обработанных еще до поступления в среднюю школу, т. е. на стадиях начального обучения. Книга Ушинского, составленная для первых классов средней школы, имела то преимущество, что она стремилась пройти с учащимися первых классов средней школы естественнонаучный материал, чтобы на основе доступных для детского возраста элементарных наблюдений и обобщений в области зоологии подойти вполне подготовленными к усвоению систематических курсов естествознания, которые без такой предварительной подготовки воспринимались как догматические и непонятные. Отвечавшая на злободневный вопрос методики преподавания естествознания в школе, книга Ушинского не была воспринята в ее прогрессивном методическом значении и оказалась оттесненной на задний план догматическими учебниками естествознания, сохранив за собой однако же значение книги для детского чтения, своего рода детской энциклопедии начального возраста, серьезно разрешающей проблему обучения в возрасте старших классов высшей начальной и первых классов средней школы.

¹⁸ (К стр. 191.) «Детский мир» Ушинского был первой книгой, за которую его начали систематически упрекать, с одной стороны, в том, что он проводит в ней материалистическое мировоззрение, ведущее детей к атеизму, а с другой стороны, в том, что в этой книге проводятся идеалистические и религиозные идеи, препятствующие воспитанию в детях цельного и законченного миросозерцания. Сам Ушинский подметил наличие этих до противоположности различных упреков по его адресу. Примерно в середине 1867 г. он писал в своей неопубликованной заметке: «лет 5 тому назад «Детский мир» сильно бранили в «Современнике» именно за то, что там проводятся нравственные и христианские начала. Теперь его бранят в «Страннике» Гречулевича за то, что он будто бы распространяет неверие» (т. V, стр. 419). В этого рода упреках впервые констатировалось явление, которое впоследствии отмечалось как характерная черта в мировоззрении Ушинского — одновременное смешение элементов научного, материалистического и религиозного, идеалистического мировоззрения. В условиях советской культуры, строящейся на цельном материалистическом мировоззрении, вторая черта — элементы религиозности и идеализма в учебных книгах Ушинского и фактическое признание им религии как особой, исторически сложившейся области духовной жизни человечества — немало способствовала опорочению его педагогического наследия. В чем и как проявились элементы материализма в книге Ушинского — показано в тексте. Эти элементы производят впечатление, что именно в них выражено существо содержания его книги. По существу, это энциклопедический учебник естествознания, имеющий целью подвести детей

к науке и на этом материале научить детей правильно мыслить и говорить. Едва ли кому из педагогов удавалось создать более удачную книгу для первоначального детского чтения. Элементы идеализма и религии в виде упоминаний о мудрости создателя, о бессмертном человеческом духе и т. п. незаметно, органически вплетаются в изложение и производят впечатление случайных пережитков мысли и навыков речи, которые могут находить себе объяснение прежде всего психологическое, историческое. В первую очередь сам Ушинский отмечал в своих психологических работах такое явление, что подлежащие отмиранию элементы мировоззрения не сразу исчезают. В XIV главе серии своих статей середины 60-х годов под заглавием «Главнейшие черты организма в приложении к искусству воспитания», главе «О забвении» («Педагогический сборник», 1866 г., февраль), Ушинский писал: «В самой философской голове очень часто встречаем мы не только оторванные группы представлений, но даже иногда грубейшие предрассудки, не находящиеся ни в какой связи с общей сетью... и воспитание над тем именно и хлопочет, чтобы выплелась в душе по возможности обширная, стройная и цельная сеть из тех материалов, которые усваиваются памятью». Таким образом, наличие противоречий между элементами человеческих знаний разного возраста и достоинства констатировано Ушинским как естественный психологический факт индивидуальной психологии, с которым необходимо и возможно бороться путем воспитания. Аналогичные пережиточные явления отмечаются не только как факт индивидуально-психологический, но и как факт социально-психологический. Основоположники марксизма неоднократно отмечали факт, что прогрессивные деятели прошлого выступали в защиту социально-революционных преобразований, мотивируя их религиозными лозунгами, которые, очевидно, разделялись как ими самими, так и массами, которые нужно было агитировать. Наконец, должно быть принято во внимание то содержание, которое вкладывал Ушинский в понимание религии. Несомненно, что в его понятие религии не входили многочисленные порочные явления, которые исторически оказались связанными с ней. Но это вопрос сложный.

¹⁹ (К стр. 198.) Нередко высказывалась догадка, что Ушинский наивно поверил либеральным заявлениям правительства и согласился взять на себя редакцию министерского журнала, превратив его в журнал педагогический. Сделав это, Ушинский совершил типичную либеральную ошибку, за что и понес справедливое наказание. Однако же такая догадка не имеет никакого вероятия: это простая выдумка. Ушинский органически не верил в возможность сколько-нибудь продуктивного бюрократического творчества и всегда высказывал скептическое отношение к чиновничьей бюрократической возне. К предпринятой Учебным комитетом министерства переработке устава школ, начатой еще в 1856 г., он высказывал скептическое отношение и иронически высмеивал чиновничьи потуги что-то создать здесь дельное. Говорить о каком-то доверии Ушинского к либеральным обещаниям, когда в каждом письме высмеивалось бессилие министерства и непонимание им своих действительных задач, значит превращать Ушинского, человека убеждения, во что-то мягкотелое, детски простодушное. На издание педагогического журнала он вызвался сам, а не потому, что его кто-то соблазнил. Он шел в журнал как боец, с целью раскрыть в нем свои педагогические убеждения и повлечь за собой педагогов и деятелей просвещения. Ни подделываться к правительству, ни служить его органом он не предполагал. Он выступал со своей программой развития педагогической науки на основах психологии, физиологии и истории. Правда, его надежды на сотрудников, которые бы могли, разделяя его взгляды, плодотворно развивать их, были преждевременными; но то, что он успел сделать, вызвало к нему ненависть всех реакционных сил министерства. Обзору редакторской деятельности Ушинского в журнале министерства посвящены первый и второй тома издания «Архив К. Д. Ушинского».

²⁰ (К стр. 204.) В настоящей работе не может быть, конечно, места для подробного разбора столкновения М. А. Антоновича с Ушинским. Это столкновение самым фактом своим говорило педагогам о том, что философские взгляды Ушинского подвергаются критике, между тем как педагоги не разобрали тот спор, который возник у Антоновича с Ушинским. В печат-

тающемся 2-м томе «Архива К. Д. Ушинского» впервые подвергнуты специальному разбору те порицания, которые с такой горячностью адресовал Ушинскому молодой Антонович, только что сошедший со скамьи студента Спб духовной академии и предложивший свои услуги Чернышевскому в момент, когда над последним уже сгущались мрачные тучи политического преследования. Одной из основных причин неудачного выступления Антоновича против Ушинского является то, что философские взгляды его значительно отставали от воззрений его учителя Чернышевского, его материализм остался созерцательным, метафизическим, несмотря на отдельные элементы диалектики. Во 2-м томе «Очерков по истории философской и общественно политической мысли народов СССР» (1956 г.) ему отведено определенное место, в котором наряду с признанием в Антоновиче представителя передовой общественной мысли в 60 гг. XIX в. и разносторонне образованного ученого, отмечается, что он не достиг высоты философских взглядов своих учителей.

²² (К стр. 248.) По вопросам, затронутым в споре Воронова и Каткова, была опубликована статья в «Современнике» (1863 г., № 9) — «Классические и реальные гимназии». Статья — без подписи, значит, носила характер редакционной статьи. По-видимому, она была написана А. Н. Пыпиным, которому редакция поручила вмешаться в упомянутый выше спор, затруднявший Ушинского и Пирогова. Автор статьи использовал, однако же, аргументы, давно уже, еще в 1862 г., исчерпывающе приведенные Ушинским в доказательство устарелости классицизма и неизбежности реального образования в известной его статье «Педагогические сочинения Н. И. Пирогова». Очевидно, аргументы эти вошли уже во всеобщее употребление среди прогрессивных педагогов. Ушинский не мог, конечно, не прочитать этой статьи в «Современнике», за которым следил внимательно. Но совершенно очевидно, что она не отвечала на спорную тему, разделявшую Воронова и Каткова. Решающее значение в этом споре, как это подозревали Пирогов и Ушинский, имели не педагогические аргументы, а какие-то скрываемые политические соображения, которые заставили их воздержаться от вмешательства в непонятный спор. Однако же Ушинский продолжал следить за разработкой школьной реформы и за судьбой вопроса о реализме. Будучи в Петербурге летом 1864 г. с отчетом о своей первой командировке и ознакомившись ближе с положением вопроса о классическом и реальном образовании, который близился к своему разрешению в официальных инстанциях, Ушинский, воспользовавшись последним номером «Современной летописи», в котором еще продолжалась полемика по этому вопросу, решил, что педагогические аргументы практического характера играют далеко не последнюю роль в теоретических спорах и кого-то в чем-то могут убеждать. Поэтому он решил извлечь свою прошлогоднюю статью под заглавием «Чего хотят московские педагоги?» и напечатал ее в газете «Голос» (2 августа 1864 г.). Ему казалось, что «московские педагоги» (имелась в виду реакционная группа педагогов, возглавляемая Катковым) настойчиво обходят реальные факты педагогической жизни Европы, которые убедительнее всяких рассуждений говорят о том, что Европа уже вступила на путь организации реального образования, отведя ему место наравне с классическим, и что вопрос о господстве классического образования в современных условиях является надуманным и диктуется не педагогическими соображениями.

²¹ (К стр. 235.) В педагогической литературе прошлых лет утвердилось мнение, что Ушинский не был сторонником революционного переворота, проповедовал мирное развитие в недрах царского самодержавия как элементарную предпосылку установления нормальной жизни в России. Это абстрактное и упрощенное противопоставление реформы и революции в применении к Ушинскому, хотя и достигало своей цели политического его опорочения, по существу дела неубедительно. Ушинский вовсе не обожал самодержавия и связанных с ним порядков русской жизни, но считался с ними как с исторически упрочившимся фактом. С другой стороны, только вульгаризаторы революции, анархически-мыслящие представители демократии могли проповедовать немедленное восстание во имя самого восстания, без заранее разработан-

ного плана и продуманной организации его осуществления. Несколько таких анархических выступлений начала 60-х годов были решительно осуждены Н. Г. Чернышевским, хотя он был убежденным противником самодержавного строя и разрабатывал план организации восстания. В своем обращении к крестьянам Чернышевский не призывал к немедленным, разрозненным восстаниям и рекомендовал тактику подготовки в выжидании, пока будут выяснены и подытожены конкретные условия революционной ситуации! Что условия, по наблюдениям Чернышевского, не были вполне благоприятны для того, чтобы начинать массовое восстание, видно из того, что в своем романе «Пролог» он сам сформулировал в лице Волгина свою тактику времени 60-х годов в форме лозунга — «ждать, ждать и ждать», т. е. ждать до тех пор, пока ситуация не окажется вполне благоприятной для того риска, каким даже при максимально благоприятных условиях оказывается всякая революция. И если Ушинский находил, что самая увлекательная утопия является рискованной, поскольку для нее еще нет в наличности объективных условий, анархические же выступления считал опасной детской игрой с огнем, то разница между конкретными представителями «эволюции» и «революции» окажется уже не такой великой. — Но ошибочность абстрактного, формально-логического противопоставления понятий революции и эволюции, вся сложность диалектического взаимоотношения которых была в свое время вскрыта И. В. Сталиным, заключается не только в этом вульгаризаторском упрощении, — ошибочность в антиисторическом применении к середине XIX в. понятий, которые полностью вошли в употребление только с началом XX века, в период подготовки пролетарской революции. Непримируемая противоположность понятий революции и мирного реформаторского развития в России была осознана в период, когда борьба с самодержавием вступила в последний фазис и когда оформившаяся либеральная партия буржуазии своим соглашательством на каждом шагу изменяла делу революции. Скончавшийся в 1870 г. Ушинский не мог еще иметь понятия о пролетарской революции. До своей смерти он жил в пределах идей 40-х годов о наступлении индустриального века в России, о промышленном перевороте, о становящемся капитализме и рождающемся гражданском обществе и о необходимости на разных поприщах жизни идеологически проводить в жизнь эту стихийно осуществлявшуюся экономическую революцию в борьбе с силами старого, феодального мира, с его учреждениями. Революционной ситуации 60-х годов Ушинский не воспринял как возможности переворота, и он был прав: революционная ситуация не осуществилась и жизнь вошла в ту колею, начало которой Ушинский воспринял в 40-х годах, и по этой колее, т. е. по колее капиталистического общества и борьбы его внутренних сил, пошло действительное развитие русской жизни. Это не значит, что Ушинский был сторонником буржуазного развития России. Он самым решительным образом осуждал те признаки эксплуатации, которые он с удивлением наблюдал как в демократических странах Европы, так и у себя в России. Он считал, что с этими явлениями нужно бороться, но пока что главной своей задачей считал борьбу с темными силами феодализма за освобождение закрепощенного народа и просвещение его подрастающих поколений. В сущности вся жизнь его была подготовкой к той решительной перестройке жизни народа, которая в более или менее близком будущем должна наступить, к чему необходимо неустанно готовиться. Вот некоторые факты его жизни: 1. Уже в юности Ушинский намечает программу своей жизни как подготовку грядущей революции в народе через посредство его духовного воспитания; преждевременность революции декабристов, поднятой без подготовки народа, не подавила в нем уважения к этой героической попытке и в 1861 г. он собственноручно переписывает в свой альбом изданные в Лондоне стихи Рылеева. 2. В 1848 г. в своей первой научной работе он признал факт начинающейся экономической революции в России в виде промышленного переворота и необходимость ее продолжения в идеологической области прежде всего путем реформы системы наук на новой, реалистической базе. 3. В начале 60-х годов в переписке с Модзалевским он признался, что не симпатизирует константиновской партии, которая создавала себе популярность, выступая против реакционеров и защищая либеральные

реформы, что, по Ленину, как известно, было только выражением борьбы внутри классов-эксплуататоров. 4. В «Педагогическом путешествии по Швейцарии», предназначенном для русских учителей, Ушинский вдохновенно описал борьбу швейцарского народа с феодалами и участие в этой борьбе швейцарских педагогов, которые благодаря этому закрепили свои революционные позиции и в педагогике. 5. Одновременно Ушинский отметил для себя, что швейцарский народ, совершив революцию, как-то по-дозрительно успокоился и переключился на внимание к звону кошелька, что говорит о том неправильном направлении, какое получила революция, в противоположность Италии, где люди все еще борются, чего-то добиваются, и все симпатии Ушинского на стороне этой революционной страны, в противоположность уже успокоившейся и подсчитывающей свои капиталы, нажитые эксплуатацией чужого труда, Швейцарии. 6. В письме о воспитании наследника Ушинский саркастически упомянул о русских чиновниках, которые во время разбора дела декабристов «ссылали полудетей в Сибирь за то, что они были недостаточно воспитаны» (хотя хорошо известно, что главным виновником этих ссылок был царь), а царскому наследнику продиктовал внушительную программу служения народу. 7. Во втором томе «Антропологии» он еще раз высказался об огромном воспитательном влиянии утопий и их значении в юношеском возрасте, что по существу означало необходимость подготовки юношества к делу революции, но в то же время подчеркнул необходимость всесторонней научной разработки проектов будущего устройства общества, которые без такой разработки останутся пустыми утопиями. 8. В предсмертном письме к Н. А. Корфу, написанном в период развертывавшейся франко-германской войны, Ушинский нарисовал изумительно яркую и живую картину той угрозы, какую несет с собой германская агрессия, словно он предвидел то страшное бедствие, какое она принесет русскому народу в 1941 г. (Соч. Ушинского, т. XI, стр., 214—216), и высказал ряд мыслей о том, что необходимо готовиться к защите от этой агрессии так же, как внутри страны необходимо быть готовыми, чтобы защищаться от насилия.

²³ (К стр. 304.) В приложениях к третьему тому своего исследования «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина», а также в тексте самого тома акад. Б. Е. Райков при изложении и перепечатке антропологических взглядов Рулье проводит последовательно ту мысль, что эти идеи представляют определенный маскировочный прием, при помощи которого Рулье прикрывал от цензуры свои материалистические взгляды. Другими словами, это значит, что антропологические идеи в формулировке Рулье не представляют собой его подлинных взглядов, а только приспособление их под дуалистические и идеалистические теории, с которыми духовная цензура более или менее охотно мирилась. На этом основании изложение антропологических взглядов Рулье Б. Е. Райков опускает под предлогом, что это вставки, сделанные под нажимом цензуры, требовавшей переработки тех или иных мест в его работах. Бесспорно, что под жестким нажимом цензуры Рулье должен был вставлять в разных местах своих сочинений даже библейские тексты для доказательства своего православия и для продвижения своих работ в печать. Такие места совершенно отчетливо выделяются при чтении как совершенно искусственная вставка, находящаяся в противоречии со всем текстом. Но что касается до высказываний К. Ф. Рулье об антропологии в целом как о широкой науке, обнимающей не только организм человека в его анатомическом строении и физиологических отправлениях, но и длинный путь его исторического развития в человеческом обществе, в течение которого человек развил свою речь и тесно связанное с ней мышление, создал многообразную технику и культуру, высоко поднявшую его над животным миром, то как бы ни приближались этого рода построения к дуалистическим и идеалистическим концепциям, как нечто более высокое и несравнимое с элементарными психическими процессами, свойственными и животным, они по существу дела очень далеки от религиозно-дуалистических построений и направлены на научное уяснение и изучение специфики душевной жизни человека

в его историческом развитии. Хорошо известно, что любое открытие в науке церковники пытались истолковать с точки зрения своих религиозных верований. Не удивительно поэтому, что и антропологические попытки изучить человека не только с узкобиологической точки зрения, но также и с точки зрения его социально-исторического развития, они поспешили истолковать в том смысле, что душа человека есть существо особой природы, имеющей божественное происхождение. Такое использование данных антропологической науки ничего еще не говорит о том, что сама по себе антропологическая наука стоит на точке зрения дуалистической. Поэтому приведенный в тексте настоящей работы, неоднократно развивавшийся Рулье, взгляд (см. в тексте стр. 70) о качественном различии между психикой животных и человека, о различии между рассудком и разумом и о психике как совокупности исторически выработанного содержания, качественно поднимающего человека над животным миром и составляющего его духовную жизнь в отличие от психической жизни животного,— не должен быть понимаем, как стремление провести пропасть между животной и человеческой психикой, а как желание уточнить специфику психики человека, чтобы проследить ее историческое развитие на основе психики животного мира и в единстве с нею. Именно поэтому примечания к текстам Рулье, сделанные психологами и зоологами в третьем томе исследования Б. Е. Райкова «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина», отмечают, что замечания Рулье об антропологии как науке, которая изучает человека со стороны «вещественной» и со стороны «духовной», было «безусловно прогрессивным в свое время» (стр. 611). Если бы это была только маскировка, только подделка под религиозный дуализм, ее нельзя было бы назвать безусловно прогрессивным явлением своего времени.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
Критико-библиографическое введение	5
1. Документальная биография как исторический материал	—
2. Краткий обзор основных источников биографии К. Д. Ушинского	6
3. Периодизация жизни К. Д. Ушинского	22

Глава первая

Детство, отрочество и юность К. Д. Ушинского

1. Детские годы К. Д. Ушинского в семье	25
Год рождения К. Д. Ушинского	—
Родители К. Д. Ушинского	27
Состав и быт семьи Ушинских	32
2. Обучение в Новгород-Северской гимназии (1830—1840)	35
Краткая история гимназии	36
Директор гимназии И. Ф. Тимковский	—
Учебно-воспитательная работа в гимназии	38
Воспитание и обучение К. Д. Ушинского в гимназии	40
3. Годы обучения в Московском университете (1840—1844)	43
Поездка в Москву и поступление в университет	44
Московский университет после реформы 1835 г.	46
Студенческая среда, окружавшая Ушинского	54
Идейно-философские направления в Московском университете начала 40-х годов	57
Формирование социально-политических идей Ушинского в университете	74
Выпускные испытания и аттестат	86

Глава вторая

На государственной службе в России (1844—1862)

1. Подготовка к магистерскому экзамену в ожидании служебного назначения	89
2. К. Д. Ушинский в Ярославском Демидовском лицее	97
Краткая история лицея	—
Лекции Ушинского по вопросам камерального образования .	100
Речь «О камеральном образовании» как итог методологической работы Ушинского в области камерального образования	104
К. Д. Ушинский как редактор неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей»	109
Социально-политические события 1848 г. в Европе и в России и их отражение на составе профессоров Ярославского лицея	111
3. В поисках отвечающей призванию работы	121
К. Д. Ушинский в должности помощника столоначальника . .	127
Журнальная работа К. Д. Ушинского в первой половине 50-х годов	133
4. К. Д. Ушинский на педагогической работе (1854—1862)	145
К. Д. Ушинский в Гатчинском институте (1854—1858)	146
Как оформилось педагогическое призвание Ушинского	148
О некоторых чертах практической деятельности К. Д. Ушинского в Гатчинском институте	157
Первые теоретические статьи К. Д. Ушинского по специально-педагогическим вопросам	162
Трудности и опасности в работе Ушинского	166
К. Д. Ушинский в Смольном институте (1859—1862)	169
Краткая история Смольного института и назревшие задачи, которые в отношении к нему должен был выполнить К. Д. Ушинский	172
Книга «Детский мир» и ее последующие обработки	182
К. Д. Ушинский — редактор и сотрудник «Журнала министерства народного просвещения» (июль 1860 — ноябрь 1861)	194
«Смольнинская история» (март 1862 г.)	209

Глава третья

К. Д. Ушинский в заграничной командировке (1862—1870)

Общий очерк всего периода жизни К. Д. Ушинского в заграничной командировке	217
1. Первая заграничная командировка К. Д. Ушинского (1862—1864)	
Педагогическое путешествие 1862—1863 гг.	222
Письма о «Педагогической поездке по Швейцарии»	229
Личные переживания Ушинского в период первой командировки	238
Отклики Ушинского на события педагогической и политической жизни в России 1862—1863 гг.	242

«Родное слово» (Книга для чтения, год 1-й и 2-й)	249
Проблема педагогической науки	257
К. Д. Ушинский в Петербурге в течение летних и осенних месяцев 1864 г.	261
Выступления Ушинского в газете «Голос»	264
Отчет Ушинского о двухгодичной заграничной командировке	267
Выступления Ушинского в Педагогическом собрании	270
2. Вторая заграничная командировка (1864—1870)	275
Общий очерк работы К. Д. Ушинского в течение второй его командировки	—
Начальный вариант «Педагогической антропологии» К. Д. Ушинского	282
Разработка 1-го и 2-го томов «Педагогической антропологии»	290
Проблема 3-го тома «Педагогической антропологии»	297
3. Последние два года жизни К. Д. Ушинского	304
Краткий очерк жизни Ушинского последних лет с ее внешней стороны	305
Творческие педагогические идеи К. Д. Ушинского в последние два года его жизни	307
Личные (семейные, издательские) дела Ушинского в последние годы его жизни	315
Семья Ушинского	316
Болезнь и смерть К. Д. Ушинского	320
<i>Заключение</i>	323
<i>Примечания</i>	328
